

Ольга Васильевна Орлик
ПЕРЕДОВАЯ РОССИЯ и РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФРАНЦИЯ
(первая половина XIX века)

М.: Наука. 1973. 292 с.

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (отсутствует)

Глава первая. Зарождение освободительного движения в России и передовая Франция

Глава вторая. Пробуждение интереса к жизни России в кругах французской интеллигенции. Отклики на восстание декабристов

Глава третья. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

Глава четвертая. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

Глава пятая. Французская революция 18 и года и освободительное движение в России

Глава шестая. Новые тенденции в отношении к России французской общественности

Заключение

Указатель имен

Тематически связанные материалы

(можно читать в нашей библиотеке)

Молок А. Политическая обстановка во Франции накануне Июльской революции 1830 г.

Потемкин Ф. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

Штранге М. Русское общество и Великая французская революция

Штранге М. Французская революция 1789-1794 годов и различные слои русского общества

Революционеры и либералы России. Сб. науч.статей к 100-летию Б.П.Козьмина

Пантин И., Плимак Е., Хорос В. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг.

Покровский М. Очерки русского революционного движения XIX - нач. XX вв.

Володин А. О начале социалистической мысли в России

Мироненко С. "Московский заговор" 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии

Фадеев А. Декабристы в отдельном кавказском корпусе

Федоров В. Солдатское движение накануне восстания декабристов

Звавич И. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение

Кричевский Г. Шатобриан и 14 декабря

Нечкина М. Декабристская "утопия"

Ангран П. Отголоски восстания декабристов во Франции

В монографии О.В.Орлик исследуется процесс становления общественно-революционных связей между передовыми представителями русского и французского народов в период зарождения и начала формирования освободительного движения в России и развития общественно-политической борьбы во Франции в годы реставрации Бурбонов и июльской буржуазной монархии, особенно во время революций 1830 и 1848 гг.

В книге, написанной на основе богатого архивного материала, прессы, многочисленной литературы, освещается участие русских в общественной и революционной борьбе во Франции, а также деятельность представителей французской интеллигенции в России.

Ответственный редактор академик А.Л.НАРОЧНИЦКИЙ

Зарождение освободительного движения в России и передовая Франция

Первая четверть XIX в. стала знаменательным временем в истории общественно-политической жизни России, так как именно тогда зародилось и начало формироваться освободительное движение. Революционное движение декабристов явилось главным, ведущим, хотя и не единственным, направлением освободительной борьбы. К движению декабристов примыкал растущий протест тех русских людей, которые во многом разделяли их антифеодальные идеи, но сами не были непосредственными участниками декабристских тайных обществ. Имена А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземского, С. Д. Полторацкого, С. И. Тургенева, Н. А. Старынкевича и многих других представителей передовой России, в том числе и выходцев из демократической среды, тесно связаны с декабристами. Именно представители освободительного движения России во главе с декабристами стали в первой четверти XIX в. продолжателями традиций общественных связей с передовой Францией, проявившихся еще в XVIII в.

Уже в то время одной из главных тем, стоявших в центре политических дискуссий русской общественности, стала французская буржуазная революция.

К восприятию революционных событий во Франции прогрессивно настроенная интеллигенция была подготовлена прежде всего теми экономическими и социальными изменениями в своей стране, которые способствовали существенным изменениям и в общественном сознании, создавая тем самым условия для сочувственного восприятия задач и целей французской революции. Немалое значение имело и распространение в России учений французских просветителей, идеологически обосновывавших необходимость установления нового, буржуазного строя.

Большой известностью в среде русской просвещенной дворянской и демократической интеллигенции в XVIII в. пользовались сочинения Вольтера и Руссо¹. Вольтер способствовал приобщению

¹ См. М. М. Штрэнге. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965; *он же*. Русское общество и французская револю-

многих русских людей к антифеодальному мировоззрению французских просветителей. Поэтому широко распространенное в последней трети XVIII в. понятие «вольтерьянец» имело более широкий смысл, нежели только сторонник взглядов Вольтера, — оно означало политическое и религиозное вольнодумство. Наряду с этим привлекали внимание сочинения Дидро, Монтескье, Мабли, Гельвеция, т. е. идеи широкого круга французских просветителей. Знание их теорий помогло прогрессивно настроенным современникам увидеть в революции конца XVIII в. главное: начало нового исторического периода — периода ликвидации феодального строя, а также поставить на обсуждение перед русской общественной мыслью вопрос о значении революции в ходе исторического развития вообще. Французская революция уже как бы подтверждала на практике революционные идеи А. Н. Радищева, которые он изложил в «Путешествии из Петербурга в Москву», вышедшем в 1790 г.

Воздействие французской революции на русскую общественную мысль было сложным. Это стало ощущаться уже в процессе ее развития, особенно с установлением якобинской диктатуры²; еще явственнее — после революции. Исход революции, не принесший утверждения «царства разума и справедливости», которое проповедовали французские просветители, привел к известному разочарованию. «Разумный» строй в действительности явился буржуазным, эксплуататорским строем, а установленные новые общественные и политические учреждения стали, по словам Ф. Энгельса, «злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»³. Теории, которые идеологически обосновывали французскую революцию, в ходе ее развития показали свою слабость и ограниченность. Включившиеся в борьбу новые классовые слои привели к углублению социальных противоречий. Движение широких слоев народных масс — санкюлотов — способствовало распространению утопических социалистических и коммунистических воззрений⁴. Якобинская диктатура оказала непосредственное влияние на их развитие⁵. Если со стороны идеологов народных масс после исхода революции усиливалась критика ее итогов слева (в конце XVIII в. идеи революционно-коммунистического течения нашли яркое выражение в «заговоре равных»

ция 1789—1794 гг. М., 1956; М. П. Алексеева. К истории русского вольтерянства в XIX в.— «Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры». М.—Л., 1966; F. de Labriolle. Le «Prosvěšćenie» russe et les «Lumières» en France (1760—1798).— «Revue des études slaves», 1966, t. 45.

² М. М. Штрэнге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 268.

⁴ А. Соболев. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966; *он же*. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960.

⁵ А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; «Век Просвещения». Москва — Париж, 1970, стр. 289—304.

Бабёфа), то со стороны идеологов буржуазии росла ее критика справа. Во Франции, а затем и в других европейских странах складывался либерализм как самостоятельное политическое течение. Наследуя прогрессивные традиции Просвещения, он в то же время был реакцией на те радикальные выводы, которые были сделаны из этих традиций в годы Великой французской революции.

Первая половина XIX в.— время, рассматриваемое в нашей работе, и была в сущности эпохой изучения, критического осмысления задач, поставленных Великой французской революцией, анализа ее исторического опыта, опыта якобинской диктатуры, а также тех общественных идей, которые получили развитие под влиянием исхода этой революции. Это была эпоха начавшихся поисков передовой Россией своих ответов на поставленные французской буржуазной революцией вопросы.

В начале XIX в., когда русская, как и вся европейская, общественная мысль еще только приступала к осмыслению опыта буржуазной французской революции, многие события из ее истории воспринимались и оценивались несколько односторонне. Это объяснялось рядом причин и обстоятельств. И в том числе тем, что сложившаяся конкретно-историческая обстановка в Европе вызывала у передовых людей чувство ненависти к наполеоновской империи, к ее захватнической политике. А установление диктатуры Наполеона, по распространенному в то время мнению, многими рассматривалось именно как следствие революционных событий во Франции. Тогда даже в прогрессивных кругах интеллигенции усилились критические нападки на революцию, на революционные методы борьбы вообще; стали подвергаться сомнению также отдельные положения французских мыслителей, идеологически обосновывавших революцию, и особенно их идеи народоправства. Не сумев переварить опыт и уроки якобинской диктатуры, русская дворянская интеллигенция видела в ней в основном террор и считала ее одной из причин, приведших затем к узурпации власти Наполеоном, думала, что Наполеон — логическое следствие Робеспьера, «оцарствование революционного начала»⁶.

Разочарование в революции, страх перед событиями 1793 г., сочетавшиеся с ненавистью к Наполеону, враждой к феодальному строю и стремлением к свободе, способствовали распространению и в России либеральных идей. Либеральные настроения нового царя Александра I в известной мере вначале тоже подогревали надежды подданных на мирное, постепенное обновление старого строя в России. Если в силу ряда причин передовая русская общественная мысль тогда не поднялась до выражения революционных идей, то со временем критическое осмысление опыта и уроков Великой французской революции, идей передовых мыслителей XVIII и начала XIX в. помогло формированию уже в революци-

онном духе новых поколений интеллигенции России, и прежде всего представителей движения декабристов.

Процесс формирования идейных воззрений будущих декабристов, усилившийся под воздействием исхода Отечественной войны 1812 г., для части из них начался в предвоенные годы. Уже тогда в их молодых сердцах возникало стремление к справедливости, к свободе личности, росла ненависть к феодальным порядкам. Эти настроения поддерживались и восприятием западноевропейских событий. На это неоднократно указывали впоследствии как сами декабристы, так и их сторонники. Они отмечали, что их внимание привлекали не только проблемы национального развития, но и ход всемирной истории, судьбы всего человечества, значение связей народов, их общие и специфические черты развития. История грандиозных событий французской революции, а также подъем национально-освободительной борьбы в покоренных Наполеоном странах содействовали росту у будущих декабристов интереса к этим вопросам.

Воздействие на формирование их свободолюбия оказали работы зарубежных, прежде всего французских, авторов: труды просветителей, сочинения о буржуазной революции. По отзывам декабристов, эти книги стали одним из источников их вольнодумства. Надо сказать, что в начале XIX в. сочинения ведущих западноевропейских мыслителей изучались в учебных заведениях России. Читавший в Петербургском педагогическом институте курс лекций К. Ф. Герман, например, открыто рекомендовал своим слушателям труды Монтескье, Филанджиери, Адама Смита. Эти же лекции Германа в Пажеском корпусе слушал будущий декабрист П. И. Пестель⁷. Профессор российской словесности А. Ф. Мерзляков на своих лекциях в Московском университете цитировал Вольтера и Руссо, разбирал их воззрения. Идеи атмосфера университетской жизни студенчества того времени, из состава которого вышло много будущих декабристов и их единомышленников, содействовала страстному обличению самодержавно-крепостнических порядков, усвоению идей русских и французских просветителей о естественном праве и равенстве всех людей. Юные И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев и другие их сверстники, еще будучи студентами Московского университета, читали А. Н. Радищева и Я. Б. Княжнина, Вольтера, Монтескье и Руссо⁸.

О своем большом интересе к Франции в предвоенные годы вспоминал А. С. Пушкин. Он отмечал, что еще в ранней юности, в годы учения в Царскосельском лицее, куда он поступил в 1811 г., он и его друзья-лицейсты читали многие работы французских просветителей, книги о французской революции, спрашивали о ней очевидца — историка Н. М. Карамзина, лицейского преподавателя

⁶ Н. И. Казаков. Наполеон глазами его русских современников.— «Новая и новейшая история», 1970, № 3, стр. 31—47; № 4, стр. 42—55.

⁷ «Восстание декабристов», т. IV. М.—Л., 1927, стр. 89; Б. Е. Сыроечковский. Из истории движения декабристов. М., 1969, стр. 14—57.

⁸ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 98.

Будри (брата Марата) и других современников этого величайшего исторического события.

Просветительские идеи были положены в основу созданного в 1811 г. в Петербурге по инициативе Н. Н. Муравьева юношеского тайного республиканского общества, в которое входили будущие декабристы Матвей Муравьев-Апостол, Артамон Муравьев, братья Василий и Лев Перовские. Это «Юношеское братство» еще не ставило себе целью общественное или государственное переустройство России, мечтая только о создании «новой республики» из «диких» на острове «Чюка» (Сахалин) на основе заранее разработанных законов. Члены этого «братства» увлекались идеями всеобщего равенства Руссо⁹: в обществе «обещал каждый изучать свое ремесло», воспитание участников общества проводилось в духе «Эмиля» и «Элоизы». Позднее, с позиций задач, поставленных декабристами, Муравьев-Апостол, тогда член «Союза благоденствия», уже иронизировал над планами их юношеского общества: «Мы имели большой, огромный недостаток, воспитывая их (членов общества.— *О. Ор.*) в европейской манере, набивая головы поэзией больше, чем разумными мыслями. Еще сколько толчков придется получать, чтобы суметь занять свое место»¹⁰.

Прогрессивная интеллигенция России не только проявляла глубокий интерес к Франции, но и пыталась вскрыть причины этого явления. Как объяснял кн. П. А. Вяземский, один из образованнейших людей своего времени, внимание к Франции определялось не одною случайностью воспитания или житейской обстановки — оно определялось причинами более глубокими, более существенными, сближающими русских людей с французами. Естественно, что в числе этих причин одно из важнейших мест занимала французская буржуазная революция. Необходимость ликвидации самодержавно-крепостнического строя в России, т. е. осуществления тех задач, которые стояли перед Францией накануне буржуазной революции конца XVIII в. и которые имели для нее важное значение и в XIX столетии, стимулировала в кругах передовой России развитие внимания к Франции.

Отечественная война 1812 г. не прекратила биения пульса прогрессивной общественной мысли. Напротив, острота ситуации усиливала рост национального самосознания, в связи с чем крепились раздумья по поводу судеб русского и всех других европейских народов. Сохранилось много писем, дневников, записок участников Отечественной войны, которые характеризуют настроения той поры. Среди них значительный интерес представляет еще малоизвестный дневник 1812—1813 гг. девятнадцатилетнего офицера А. В. Чичерина. В нем, помимо весьма ценного материала о быте русского офицерства, его патриотических чувствах, нашли широкое отражение идейные настроения и поиски той части молодой

военной интеллигенции, из рядов которой впоследствии вышло много декабристов. В этом дневнике нашло также отражение их отношение к идейному наследию передовой Франции.

Будущие декабристы М. Ф. Орлов, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин и Н. П. Анненков — друзья Чичерина при случае собирались в его походной палатке и поверяли друг другу свои сомнения, надежды, мысли. Тогда же много спорили; об одном из таких «великих споров» Чичерин писал 10 октября 1812 г. под Нарой. Он был вызван размышлениями о французских просветителях, думами о неравенстве людей в современном обществе. «Если же вы говорите... о человеческом обществе, об Общественном договоре, то уже тем самым вы признаете, что человек рожден, дабы жить среди себе подобных», — так комментировал А. В. Чичерин рассуждения своих друзей по поводу «естественного права» просветителей¹¹. Он добавлял даже, что «естественное право» не позволяет одному человеку, будь то монарх или тысячи других «разных начальников», господствовать над народом. В заключение Чичерин высказал мысль, видимо общую для всех участников спора, о необходимости более активного участия в наступлении на общественное зло, под которым для России несомненно подразумевалось зло самодержавно-крепостнических порядков. «Не лучше ли с риском для себя пройти через бездны, чтобы творить добро, чем, испугавшись опасности, остановиться в пути, перестать приносить пользу?..»¹² — так писал он о своих помыслах и помыслах друзей в тяжелые для страны дни.

Размышляя со своими друзьями об обстановке в России (патриотическом подъеме народа, разорении крестьянских хозяйств) и о будущем страны, 2 ноября 1812 г. Чичерин заметил: «Идеи свободы, распространившиеся по всей стране, всеобщая нищета, полное разорение одних, честолюбие других... — разве не может все это привести к тревогам и беспорядкам...? Мои размышления, пожалуй, завели меня слишком далеко. Однако небо справедливо: оно ниспосылает заслуженные кары, и, может быть, революции столь же необходимы в жизни империй, как нравственные потрясения в жизни человека...»¹³. Но в целом для самого Чичерина, как и для его прогрессивно настроенных сверстников, еще характерна стойкость просветительских иллюзий, о чем свидетельствуют надежды Чичерина на разрешение растущих классовых противоречий в России мирным путем, «разумными деяниями» Александра I. Не случайно, продолжая свою мысль в записи от 2 ноября, он полагает, что Россия может миновать революционный путь, так как царь якобы «неустанно стремится к благу, все понимает и предвидит и до сих пор не отделял своего счастья от счастья своих народов»¹⁴.

¹¹ «Дневник Александра Чичерина. 1812—1813». М., 1966, стр. 36.

¹² Там же, стр. 37.

¹³ Там же, стр. 47 (разрядка наша.— *О. Ор.*)

¹⁴ Там же.

⁹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 103—107.
¹⁰ Н. Задонский. Новое в истории декабризма.— «Октябрь», 1963, № 7, стр. 181.

В этих размышлениях, занесенных им в личный дневник, нашел отражение процесс формирования идей, предшествовавших декабристским. Ранняя смерть А. В. Чичерина вырвала его, возможно, из рядов будущих декабристов, которыми стали его близкие друзья. Из дневника также видно, что даже в такую трудную и сложную пору, как 1812 год, представители передовой части русской интеллигенции продолжали относиться с уважением и неподдельным интересом к идейному наследию передовой Франции, черпать в нем подтверждение своим прогрессивным взглядам.

Отечественная война 1812 г. и особенно ее последствия, еще туже завязав узел всех противоречий феодально-крепостнического строя в России¹⁵, способствовали углублению идейного размежевания в русском обществе, подъему общественной борьбы. От осуждения самодержавия и крепостничества передовая дворянская интеллигенция переходила к борьбе за ликвидацию старого строя. Эту борьбу возглавили первые русские революционеры — декабристы.

Как известно, после войны 1812 г. шло активное развитие предпосылок для возникновения декабристского движения. Это было время огромной внутренней идейной работы, собранности, время накопления и подготовки сил для создания тайных декабристских обществ. Все эти вопросы получили глубокое освещение в исторической литературе, что дает возможность прямо обратиться к рассмотрению некоторых аспектов интересующей нас проблемы.

В этот период Франция с ее богатыми идейными и революционными традициями, опытом современной политической борьбы продолжала привлекать (и даже больше, чем в предшествующие десятилетия) умы передовых людей России. В уроках прошлого, в опыте настоящего времени они искали подтверждение или поддержку своим теоретическим поискам, своим планам практической антиправительственной борьбы.

Внутриполитическая обстановка во Франции в период Реставрации была чрезвычайно напряженной. Вынужденный провозгласить конституционную монархию, Людовик XVIII не терял надежды восстановить неограниченную монархию, прежние феодальные порядки, о чем также мечтало его реакционное придворное окружение, состоявшее в основном из вернувшихся во Францию дворян-эмигрантов. Однако уроки «Ста дней» Наполеона, а также оппозиционное движение в стране сначала несколько сдерживали пыл короля. Не случайно он был вынужден распустить в 1816 г. ультрароялистскую палату депутатов 1815 г., выражавшую интересы наиболее реакционных слоев дворянства, и с этого времени, вплоть до нового прихода к власти ультрароялистов, в 1821 г., проводить относительно умеренную политику. После этого прежние либеральные обещания были им решительно забыты: избиратель-

¹⁵ См. «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.». Сб. док. М., 1961; «Рабочее движение в России в XIX в.». Сб. док. и материалов, т. I, ч. первая (1800—1825). М., 1955.

ная система снова изменена в реакционном духе, введена предварительная цензура, школы отданы под надзор духовенства и т. д.

Развернувшееся наступление феодально-клерикальных сил вызвало противодействие прогрессивной французской общественности. В стране начался период расцвета буржуазного либерализма, который, выступая, с одной стороны, против идеологического обоснования реставрации феодально-клерикальных порядков в Европе, с другой — выражал нежелание буржуазии встать на путь последовательного решения ряда острых социально-политических проблем, отражавших интересы прежде всего широких демократических слоев населения страны¹⁶.

Одним из видных идеологов буржуазного либерализма был известный литератор и публицист Бенжамен Констан. Он тоже принадлежал к поколению «разочарованных» революцией. Выражая интересы значительной части буржуазии и буржуазной интеллигенции, Констан в своих идейных воззрениях показывал стремление притупить острые углы, добиться компромиссов с правящими силами, чтобы не допустить повторения «нового 1793 г.». Тогда как передовые умы Просвещения проповедовали преимущественно общественные свободы, а наиболее радикально настроенные представители дополняли это требование идеями «равенства и братства», идеями народопрямства, Констан и его идейные сторонники значительно сужали понятие свободы, сводя его главным образом к провозглашению свободы индивидуальной, опирающейся на собственность.

Либеральные идеи получали идеологическое обоснование в трудах французских мыслителей новой исторической школы, сформировавшейся в период Реставрации. Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье, А. Тьер и другие, известные как создатели буржуазной теории классовой борьбы¹⁷, должны были признать закономерность буржуазной революции в истории общественного развития. Несмотря на наличие оттенков в политических воззрениях известных идеологов французского либерализма, все они в целом выступали за союз буржуазии с дворянством, за постепенные, ограниченные политические преобразования строя Франции, в основном за упрочение конституционной монархии. Они осуждали действия карбонариев, не поддерживали идею создания тайных антиправительственных организаций. Либеральные идеи широко пропагандировались тогда французской политической и художественной литературой, периодической печатью; они звучали в речах многочисленных ораторов в палате депутатов, в политических клубах и салонах.

Революционное направление в период Реставрации не было представлено широко известными именами или крупными выступ-

¹⁶ Подробнее см. А. З. Манфред. Общественно-политические идеи в 1815 г.— «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 54—64.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 424—427; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 59.

лениями. Но тем не менее революционное движение оказывало свое значительное воздействие на борьбу с реакционными силами. Во Франции часто проходили политические антиправительственные манифестации, под руководством карбонариев готовились вооруженные выступления, ставившие целью не только свержение Бурбонов, но и восстановление республики. Внимание европейской общественности привлекли «гренобльский заговор», народные выступления 1816—1817 гг., подготовка вооруженных выступлений карбонариями в начале 20-х годов XIX в.

Ненависть демократических слоев населения Франции к Бурбонам и их клеветам отражалась во многих художественных произведениях, и особенно в политически острой сатире известного поэта-демократа Пьера Жана Беранже¹⁸. Н. А. Добролюбов писал: «Он всею силою своей направлялся в одну сторону — к достижению блага народного... Гуманное чувство самой чистой и справедливой любви к народу и к его благу действительно, а не нарицательному только, выражается во всех почти песнях Беранже»¹⁹. Его гражданская лирика, широко известная и за рубежами Франции, во многом способствовала также формированию в прогрессивных европейских кругах критического отношения к Реставрации, усиливала сочувствие борьбе против нее.

Прогрессивная общественность России по различным как официальным, так и неофициальным каналам получала информацию о событиях идейной и общественно-политической жизни во Франции и живо на них реагировала. Одним из основных источников информации была русская периодическая печать. Запросы читателей, которые весьма изменились со времени Отечественной войны 1812 г., способствовали расширению круга проблем, определявших содержание русской прессы. Печать стала уделять больше внимания современной общественно-политической тематике. Значительное место отводилось зарубежной политике. Как отмечал Н. И. Тургенев, теперь «пресса больше прежнего занималась тем, что происходило в других странах, и особенно во Франции...»²⁰ Прогрессивное направление русской журналистики в первые годы после войны тогда еще не нашло яркого воплощения в том или ином периодическом издании, какими стали в начале 20-х годов XIX в. «Полярная звезда» и «Мнемозина» — фактически легальные печатные органы декабристов. Но некоторые журналы, довольно систематически освещая важные внутренние и внешнеполитические события, подходили подчас к их оценкам с весьма прогрессивных позиций.

Тогда среди журналов продолжал пользоваться известностью «Вестник Европы», основанный Н. М. Карамзиным в 1802 г. Он привлекал внимание читателей как раз тем, что широко освещал

актуальные вопросы политической и культурной жизни не только России, но и зарубежных европейских стран. Сквозь завесу консервативно-охранительной идеологии в этот журнал под влиянием общественных настроений прорывались прогрессивные мысли. Основанный в 1812 г. Н. И. Гречем «Сын Отечества» вначале привлек внимание многих прогрессивно настроенных публицистов и писателей. В первые годы издания журнала они оказывали влияние на его тематику и идейные позиции. Одно время в «Сыне Отечества» печатали свои произведения А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев. Однако после восстания декабристов Греч резко изменил курс, перестал кокетничать с либерализмом, стал защитником реакции. Значительное распространение получили «Дух журналов», «Северная почта», «Московский вестник», а также официальная правительственная газета «Санкт-Петербургские ведомости», сохранившая в основном характер информационного бюллетеня.

Освещая зарубежные политические новости, эти издания довольно полно информировали читателей и о политических событиях во Франции. Так, они сразу же опубликовали сообщение о провозглашении во Франции конституционной монархии с королем Людовиком XVIII во главе, а «Сын Отечества» вскоре дал в русском переводе текст первоначальной, так называемой сенаторской конституции 1814 г., а затем после некоторых ограничений, внесенных Людовиком XVIII, и текст хартии 1814 г.²¹

Провозглашение конституционной монархии во Франции, а также некоторых, хотя и весьма ограниченных, буржуазных свобод свидетельствовало о жизнеспособности основных завоеваний французской буржуазной революции. Эта конституция явилась также известным щитом, сдерживавшим Людовика XVIII и его клеветов. Отнюдь не случайно Людовик XVIII, а вслед за ним и Карл X вели многолетнее, все усиливавшееся наступление на эту конституцию; это и послужило поводом для революционного взрыва во Франции в июле 1830 г.

В разработке текста конституции 1814 г., наряду с государственными деятелями, приняли участие писатели и публицисты Франции, имена которых были известны и в России, в том числе публицист и философ Детю де Траси, убежденный сторонник принципов конституционного правления, страстно доказывавший, что единоличное, особенно наследственное, правление неминуемо приводит к деспотизму. Выступая против наполеоновской тирании, Детю де Траси стал активным защитником конституционного строя и при вновь воцарившихся Бурбонах отстаивал даже идею республики.

¹⁸ См. Ю. Данилин. Беранже и его песни. М., 1958; С. Великовский. Поэты французских революций 1789—1848. М., 1963.

¹⁹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. I. М., 1950, стр. 656—658.

²⁰ Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I. М., 1915, стр. 60.

²¹ «Конституция французского королевства. Выписка из журнала заседания Благотворительного совета 6 апреля/25 марта 1814 года». — «Сын Отечества», 1814, ч. XIII, стр. 193—197; «Манифест Людовика XVIII». — «Прибавление к „Сыну Отечества“», № XXXIX, стр. 3—4; «Текст хартии 1814 г.». — «Сын Отечества», ч. XIV, стр. 259—270.

Как свидетельствовал текст конституции, приведенный в «Сыне Отечества», власть короля во Франции ограничивалась, помимо наследственного сената, выборной палатой депутатов — «Законодательным сословием», депутаты в которую избирались от каждого департамента на 5 лет. По данному ей праву она должна была ежегодно собираться 1 октября. Заседания ее могли происходить всенародно²². Последующие статьи конституции раскрывали другие стороны социально-политического строя Франции, декларировали якобы равное право «всех французов» «на все гражданские и военные должности»²³.

Отдавая дань общественному настроению, даже «Вестник Европы» опубликовал ряд статей, в которых выражалась поддержка конституционного правления. Так, в статье «Об истинных причинах уничтожения французской республики», переведенной из прогрессивного журнала «La Minerve», издаваемого Ж.-А. Манюэлем и Б. Констаном, проводились даже идеи, обосновывавшие возможность утверждения республики в современном мире²⁴. Автор статьи доказывал, что основой для создания новой республики должна явиться решительная борьба за демократические принципы, за расширение социально-экономических преобразований. Он считал, что это поможет разбить «предрассудки», «родившиеся по поводу несчастной революции и непродолжительного бытия республиканского образа правления во Франции... будто республика, и особенно основанная на одних демократических правилах, нигде на земле не может иметь продолжительного существования»²⁵. По мнению автора, победа революции во Франции явится также важной гарантией упорочения республиканского строя в Европе²⁶.

Анализу преимуществ конституционного строя вообще, а также перспектив политического развития Европы была посвящена и другая статья журнала — «Об исполнительной власти в Англии» (перевод с польского)²⁷.

Эти же сюжеты нашли отражение в «Духе журналов», который опубликовал в 1818 г. статью о турецкой конституции, в 1819 г. — статью «Дух времени», а в 1820 г. — «Конституцию Северо-Американских Штатов» и «О системе представительного правления», написанную в форме писем из современной Франции. Особенно большой резонанс среди русской прогрессивной интеллигенции получила статья «Дух времени», в которой исторически обосновывалась закономерность развития гражданских свобод в европейских странах, перехода к строю ограниченной монархии, а затем и к республике.

²² «Сын Отечества», 1814, ч. XIII, стр. 194—195.

²³ Там же, стр. 197; ч. XIV, стр. 259—270.

²⁴ «Вестник Европы», 1816, ч. 88, № 15, стр. 204—218.

²⁵ Там же, стр. 204—205.

²⁶ Там же, стр. 214.

²⁷ «Вестник Европы», 1818, ч. 99, № 9—10, стр. 210.

Анализируя политические вопросы современности, авторы этих статей подкрепляли свои выводы уроками исторического прошлого, прежде всего уроками французской буржуазной революции. Их политические и исторические концепции строились в тесной связи с теориями философов-просветителей XVIII в., буржуазных политэкономов и политических публицистов XIX в.

Французская пресса, поступавшая в Россию, была также одним из важных источников информации о послевоенной внутриполитической обстановке в стране. Это относится главным образом к таким газетам и журналам, как «L'Indépendant» (в 1817 г. переименованный в «Le Constitutionnel»), «Le Courrier français», «Le Globe», «La Minerve», а также «National» и «Le Temps».

Прогрессивную позицию занимал и научно-общественный журнал «Revue Encyclopédique», издаваемый с 1819 г. известным французским деятелем М.-А. Жюльеном. Этот журнал был в то время, пожалуй, единственным французским изданием, которое уделяло значительное внимание внутриполитической и культурной жизни России. Редакция журнала привлекла к сотрудничеству некоторых прогрессивно настроенных русских, которые довольно обстоятельно разбирались в политической ориентации французской печати. «Читаешь ли „Минерву“, катехизис друзей положительной свободы? — спрашивал, например, кн. П. А. Вяземский А. И. Тургенева 3 декабря 1818 г. и с восхищением продолжал: — Какой твердый и ясный ум у этого Benjamin»²⁸. Вяземскому, как и некоторым другим представителям передовой русской общественности, импонировали тогда политическая программа Б. Констана, его активное участие в политической борьбе. На иностранную прессу как на источник своего вольнодумства и прогрессивных взглядов ссылались также многие декабристы. Так, М. А. Фонвизин писал, что чтение иностранной прессы способствовало «утверждению моих политических мнений...»²⁹.

Выражая свои симпатии оппозиционной печати Франции, передовые люди России в то же время скептически относились к писаниям ультрароялистских газет и журналов. Тот же П. А. Вяземский часто возмущался реакционной направленностью «Dgareau Blanc», «Quotidienne», «Conservateur». Последнему из них он дал однажды уничтожающую характеристику, определив его как журнал, враждебный всем «полезнейшим и священнейшим завоеваниям нашего века»³⁰.

Из прогрессивной французской печати русская общественность получала информацию о ходе развития общественно-политической борьбы в стране. Так, из нее она узнала об убийстве рабочим Пье-

²⁸ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. I. СПб., 1899, стр. 161.

²⁹ «Общественные движения в России в первую половину XIX в.» СПб., 1905, стр. 6.

³⁰ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. I, стр. 273—274 (письмо от 24 июля 1819 г.).

ром Лувелем ненавистного народу герцога Беррийского, которое произошло 13 февраля н. ст. 1820 г. Эту новость вскоре опубликовал «Сын Отечества». В приложении к журналу были даже изложены политические мотивы убийства. В июне пришли сообщения о политических манифестациях в Париже, в которых наряду с буржуазной интеллигенцией принимали активное участие студенты и рабочие. Особой активностью отличались выступления студентов, с трудом подавленные правительственными вооруженными силами.

Французская пресса много писала о подготовке революционных выступлений, которые поддерживались карбонариями. Левые силы общества карбонариев, созданного при участии С. А. Базара и Ф. Бюше (впоследствии известных сенсимонистов), поставили своей целью низвергнуть Бурбонов, восстановить республиканский строй и «многие свободы, провозглашенные революцией». Видимо, при участии членов Центральной ветви карбонариев был наметен план вооруженного выступления в ряде городов и военных крепостей Франции в конце 1821 — начале 1822 г. В случае удачного начала восстания предполагалось объединенные революционные силы двинуть на Париж. Однако восстание не было начато. Правительство узнало о планах карбонариев. Его руководители были арестованы в Сомюре, Бельфоре, Ла Рошели; солдаты революционно настроенных частей были окружены, а затем тоже арестованы. В Париже начался судебный процесс. Газеты подробно, день за днем, писали о ходе судебного следствия. В сентябре 1822 г. в Россию пришли сообщения о казни руководителей готовившегося восстания.

Помимо зарубежной прессы, просвещенная часть русского общества следила за новейшими работами на исторические и политические темы, хорошо знала современную художественную литературу. По словам Н. И. Тургенева, знаменитые французские мыслители XVIII в., политические писатели и историки XIX в. «были в России так же популярны, как и у себя на родине...»³¹. Передовая русская интеллигенция понимала и высоко ценила прогрессивные идеи, которые рождались как в России, так и за ее пределами, видела во французской общественной мысли важное средство политического воспитания «европейского континента»³². Труды Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Гольбаха, а также сочинения Константа, Гизо и, несколько позднее, Минье, Тьерри можно было приобрести в книжных лавках России, причем некоторые даже в русском переводе. Большой известностью пользовались переводы Вольтера, сделанные Ф. И. Карцевым. В 1814 г. В. С. Сопиковым было закончено издание перевода «О существе законов» Монтескье. В 1815 г. в «Опыте российской библиографии» (ч. 3), высоко ценимом декабристами, был опубликован фактически новый ва-

риант его работы «Пифагоровы законы и нравственные правила»³³, в которой был сделан специальный подбор лозунгов, законов, сентенций из «Путешествия Пифагора», принадлежавшего перу известного поэта и публициста периода якобинской диктатуры Сильвена Марешаля³⁴. Сторонник эбертистов, а затем бабувистов, Марешаль в этой работе под оболочкой изложения взглядов величайшего ученого и мыслителя древности в действительности проводил запретные идеи Бабефа. Понятно, что книга Сопикова была написана эзоповым языком. Резкая критика социального и политического неравенства, а также критика самодержавно-крепостнического государства тоже была облечена в форму высказываний древних авторов.

Царская цензура пыталась ограничить проникновение в Россию французской «кромольной» политической литературы, требуя от издателей и переводчиков личной ответственности прежде всего за те статьи, из которых можно было почерпнуть антисамодержавные или антикрепостнические идеи. Так, уже в 1814 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа гр. С. С. Уваров (впоследствии ультрареакционер, один из идеологов теории «официальной пародности») уведомлял цензурный комитет о необходимости усиления строгости в отношении французских работ на политические темы. При этом он особенно ополчился на сочинения, «касающиеся до внутреннего положения Франции, до будущей ее судьбы, расположения умов, догадок и суждений о доме Бурбонов»³⁵. Однако тогда цензура еще не была столь придирчивой, как после 1825 г., и политическая французская литература еще сравнительно легко проникала в Россию.

Помимо печати, научной и художественной литературы, большое значение имели неофициальные источники информации, и прежде всего впечатления и рассказы многих тысяч очевидцев — солдат и офицеров, побывавших во Франции во время освободительных заграничных походов. Эти рассказы были наиболее доступным для широких слоев населения страны источником информации о жизни народов в странах Западной Европы, в том числе во Франции, в которой крепостничество было ликвидировано, но все еще шла упорная борьба против феодальных посягательств вновь воцарившихся Бурбонов и их реакционного окружения. Как отмечал Н. И. Тургенев, «ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда»³⁶.

³³ Ю. Г. Оксман. Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов XIX века. — «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 499—500.

³⁴ M. Dommanget. Sylvain Maréchal. L'égalitaire «L'Homme sans dieu». Sa vie, son oeuvre. Paris, 1950; С. Марешаль. Избранные атеистические произведения. М., 1958.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 157, л. 2.

³⁶ Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 59.

³¹ Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 60.

³² Там же.

Пребывание во Франции стало значительным событием в идейной жизни будущих декабристов и их сторонников, временем интенсивного изучения передовых общественных идей, знакомства с опытом современной политической борьбы, а также налаживания прямых контактов с французскими деятелями. Важность этого события в истории формирования русско-французских общественных связей дает основание осветить его более подробно. Из офицерского состава находившихся во Франции войск вышло около трети всех декабристов. Среди них К. Ф. Рылеев, С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, М. Ф. Орлов, Никита Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, М. А. Фонвизин, В. К. Тизенгаузен, А. З. Муравьев, С. Г. Волконский, И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев и многие другие. По своим идейным воззрениям к ним были близки Н. А. Старынкевич, С. И. Тургенев, а также Л. А. Вельяминов, Л. А. Нарышкин, А. А. Перовский и др. Несколько позднее в Париже побывал В. К. Кюхельбекер. Некоторые полки прибыли во Франции сравнительно недолго: они покинули страну сразу же после подписания в Париже 30 мая 1814 г. мирного договора между Россией и Францией. Так, наряду с другими полками летом 1814 г. из Франции ушли семеновцы и преображенцы, торжественно вступив уже 30 июля в русскую столицу. Но по 1818 г.— до урегулирования международных европейских проблем — во Франции оставался 30-тысячный корпус, которым командовал гр. М. С. Воронцов.

Несмотря на то что вступление союзных войск в Париж наполнило русских чувством гордости за свою родину, положившую конец наполеоновскому господству в Европе, русские солдаты и офицеры не были настроены враждебно по отношению к народу Франции. Многие будущие декабристы, в том числе С. Г. Волконский, К. Ф. Рылеев, М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев и другие их единомышленники, решительно заявляли о расположении к французам русской армии, говорили о своей симпатии к французскому народу³⁷. Это подчеркивали и французские современники, мнения которых об отношении русских к французам нашли отражение в ряде исследовательских работ. Французские историки отмечают, что «с первых же дней вступления союзных войск во Францию между парижанами и русскими установились отношения полного взаимопонимания»³⁸.

Сначала некоторым русским — очевидцам первых политических преобразований во Франции после падения власти Наполеона — казалось, что установление конституционно-монархическо-

го строя во главе с Людовиком XVIII станет залогом благополучия и процветания страны. Однако дальнейшее пребывание во Франции довольно скоро показало, что и при новых порядках положение народа оставалось тяжелым. Вскоре русские стали уже замечать «неудовольствие, которое жители показывают против теперешнего своего правительства», рост политической оппозиции в кругах либерально настроенной интеллигенции, обострение идейной и классовой борьбы.

К восприятию Франции многие русские были подготовлены еще до прибытия в Париж. Как писал в своем «Парижском дневнике» молодой С. И. Тургенев (служивший в 1815—1818 гг. по дипломатической части при гр. М. С. Воронцове): «Париж не делает на меня того большого впечатления, которого надо было ожидать от такого города, и это, конечно, оттого, что я об нем много слышал и читал, и едва ли не более, чем он заслуживает... Один Palais royal превзошел мое ожидание, все прочее не достигло оно... Но в Париже все одушевлено... и это придает красоту, интерес»³⁹.

Известно, что тот же Тургенев, как и многие другие представители дворянской интеллигенции, уже ранее был знаком с учениями французских просветителей, с французской историей и, конечно, с литературой этой страны. Но во время пребывания во Франции они значительно расширили свои знания о стране, ознакомились с книгами, которых не доставало им в России, а также больше узнали о тех теоретических проблемах, которые были связаны в основном с буржуазной революцией и которые с новой силой после реставрации Бурбонов стали привлекать внимание прогрессивной французской общественности. По рассказам современников, некоторые офицеры, впоследствии ставшие декабристами (среди них С. П. Трубецкой и А. З. Муравьев), прослушали в Париже курс различных наук, причем политические науки занимали в их занятиях едва ли не главное место. Трубецкой отмечал, что тогда он «слушал почти всех известных профессоров по нескольку раз», в занятиях руководствовался «признанными за лучшие по оным частям сочинениями»⁴⁰.

Социально-политические и исторические теории, распространенные или еще только начинавшие распространяться во Франции, не случайно привлекали передовые умы России. Изучение их не только помогало осмысливанию процесса исторического развития Франции, анализу ее современного состояния, но и способствовало росту интереса к историческим проблемам вообще. В познании этих вопросов, как и в историческом опыте Франции, в характере современных политических событий русские люди пытались также найти ответ на те волновавшие их вопросы, которые остро

³⁷ Ярким подтверждением таких настроений служат работа М. Ф. Орлова о Франции, написанная в середине 40-х годов XIX в., парижские письма К. Ф. Рылева и др. (см. М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963; К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934).

³⁸ К. Грюнвальд. Франко-русские союзы. М., 1968, стр. 94; L. Pingaud. Les français en Russie et les russes en France: l'ancien régime, l'émigration, les invasions. Paris, 1886, p. 427—436.

³⁹ ИРЛИ, ф. 309, д. 2578, лл. 2—3 (Париж, 4/16 июля 1815 г.).

⁴⁰ «Восстание декабристов», т. I. М.—Л., 1925, стр. 8; В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 199—209.

вставали в связи с раздумьями о судьбах родины. Напряженная внутренняя обстановка во Франции, атмосфера политического возбуждения — все это в свою очередь тоже в значительной мере определяло повышенный интерес дворянской интеллигенции к этим вопросам.

Об интенсивных размышлениях над политическими проблемами в период пребывания во Франции писали многие современники. «Мне восхотелось узнать Европу — не с обзора казачьего седла или с этапного маршрута, — писал генерал кн. С. Г. Волконский, — а... с подробным изучением ее быта»⁴¹. Это желание, особенно распространившееся среди «всей молодежи», как подчеркивал автор, было связано прежде всего с мыслями о положении России, с пониманием того факта, что «Россия в общественном, внутреннем и политическом быте весьма отстала»⁴².

Большая целенаправленность интереса к Франции стала характерной чертой и ряда других русских очевидцев. Как отмечал в 1815 г. С. И. Тургенев (младший брат декабриста Н. И. Тургенева), время их занятий в Париже было расписано строго по часам. Сохранившийся неопубликованный «Парижский дневник» Сергея Тургенева и составленный им «План парижских занятий на каждый день» помогают полнее раскрыть активную деятельность передовых представителей русской интеллигенции во Франции. Намечая для себя и для Н. И. Тургенева план и программу занятий на каждый день, С. И. Тургенев писал: «Занятия распределить так, чтобы они следовали одно за другим... Ходить вместе, брату писать журнал. Мне читать статьи о вновь выходящих книгах... Наблюдать пристально, записывать и сообщать записываемое брату, который будет вести журнал... Нельзя ничего оставлять на следующий день»⁴³.

Стремление к активному познанию современной жизни Франции способствовало также установлению личных контактов с «якобинцами или конституционными»⁴⁴, определяло большой интерес к политическим обществам и политическим салонам, а также к масонским ложам, которые тогда получили большое распространение во Франции. Посещение политических салонов и масонских лож давало возможность русским людям не только получать пространную информацию о новых событиях во Франции, но и высказывать публично свою точку зрения по многим актуальным вопросам. «Русские офицеры (все они говорили по-французски) стремились к установлению контактов с политиче-

скими и литературными кругами и особенно с масонскими ложами»⁴⁵.

Большинство прогрессивно настроенных русских — очевидцев событий в послевоенной Франции — отнесли к проблеме политического устройства страны как к одной из важнейших для того времени. С решением этой проблемы они связывали упрочение новых социальных отношений, в которых видели основу благоденствия отечества. На этой проблеме они и сосредоточили тогда свое основное внимание.

Находясь во Франции, они стали очевидцами изгнания Наполеона на остров Эльбу, видели, как в Париж въехал Людовик XVIII со свитой эмигрантов, как сенат в 1814 г. принимал конституцию Франции — компромисс между новым господствующим классом Франции и старым дворянством. Тогда и особенно впоследствии эта конституция стала предметом пристального изучения в прогрессивных кругах России. И прежде всего потому, что она провозглашала ограниченность монархической власти и некоторые политические свободы. В процессе выработки программ политического переустройства России декабристы также не раз обращались к изучению и критическому анализу французской конституции.

Дальнейшее развитие событий в стране — «Сто дней» господства Наполеона в 1815 г., новая реставрация Бурбонов, вмешательство иностранной дипломатии — еще больше обострило политическую проблему. Несмотря на введенную конституцию, угроза восстановления абсолютистско-феодальных порядков продолжала быть серьезной. Наблюдая политическую борьбу тех лет, будущие декабристы отчетливее представляли необходимость более решительного наступления на реакционные силы как во Франции, так и у себя на родине.

Среди русских, находившихся во Франции, весьма активно интересовался ее современными политическими проблемами Никита Муравьев, в будущем один из руководителей Северного общества декабристов. Он пробыл в Париже сравнительно недолго — с июля до середины сентября 1815 г. Но это было время оживленной политической борьбы. Вникнуть в политические требования различных оппозиционных течений, глубже разобраться в характере и сущности происходившей борьбы Н. Муравьеву во многом помогло общение с рядом политических деятелей. В доме бывшего посланника в России А. де Коленкура, у которого жил тогда Н. Муравьев, нередко собиралось интересное общество и велись дискуссии на острые политические темы. Вероятно, у того же Коленкура Н. Муравьев познакомился с Б. Констаном, с членами Конвента — умеренным Сийесом (одним из составителей конституции 1795 г.) и республиканцем Грегуаром. Во время революции Грегуар выступил одним из первых за предание суду Людовика XVI, но был

⁴¹ «Записки С. Г. Волконского». СПб., 1901, стр. 327.

⁴² Там же.

⁴³ ИРЛИ, ф. 309, д. 1923, л. 1 («План парижских занятий на каждый день»). Н. И. Тургенев с 1815 г. управлял канцелярией генерала Алопеуса, в ведении которого находились временно занятые русскими войсками департаменты; участвовал также в работе Ликвидационной комиссии. Н. И. Тургенев в основном находился в Нанси, но по делам службы часто бывал в Париже и Франкфурте. С. И. Тургенев в 1815—1818 гг. главным образом жил в Париже и Мобеже.

⁴⁴ «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, т. II. СПб., 1913, стр. 300.

⁴⁵ К. Грювальд. Франко-русские союзы, стр. 94.

против его казни. Перед Н. Муравьевым предстали деятели различных политических направлений, с различными идеями и программами, с разными мнениями о методах борьбы за их осуществление. Знакомство Н. Муравьева с новейшей французской политической литературой оттачивало мысль, усиливало оппозиционные настроения. Как подчеркивал Муравьев, на него тогда большое влияние оказали работы Грегуара «О французской конституции 1814 года» и Константа «О сущности захвата и узурпации власти»⁴⁶.

По свидетельству французского исследователя Е. Омана, многие русские вообще тогда «читали все памфлеты и все газеты. Они запросто обращались с именами Бенжамена Константа и некоторых других ораторов и писателей, которые участвовали в современной политической жизни Европы»⁴⁷. Большим вниманием у русских пользовались «L'Indépendant», начавший выходить в Париже с мая 1815 г.

Рассматривая политические зопросы, некоторые русские офицеры сумели отметить известное влияние народа на ход развития политической борьбы. Так, М. Ф. Орлов видел одну из причин поражения Наполеона во Франции в отрицательном отношении к нему народных масс. Как отмечал Орлов в «Капитуляции Парижа», такое отношение народа определилось антинародной политикой диктатора, которая проявилась и в лишении народа политических прав. По мнению Орлова, Наполеон во Франции «уничтожил жизнь и движение в массах — и массы остались недвижимы»⁴⁸.

Эту же мысль развивал и С. Г. Волконский. Он считал, что игнорирование Наполеоном таких политических факторов, как провозглашение созыва Учредительного собрания, которое могло бы поднять инициативу народа, тоже способствовало потере его авторитета в стране, привело к падению власти. «Доктрина, которую проповедовал Бонапарт, это — доктрина Учредительного собрания, — подчеркивал Волконский в письме 31 марта 1815 г. из Лондона П. Д. Киселеву, рассуждая о причинах и возможном исходе нового захвата власти Наполеоном. — Пусть только он сдержит то, что он обещает, и он утверждён навеки на своем троне»⁴⁹. Наполеон же во время «Ста дней» не решился на проведение каких-либо демократических преобразований. Обострение классово-борьбы в период Реставрации сузило, по мнению Волконского, недолговечность и правлению Бурбонов. «Дух народный совсем не так спокоен, как предполагают», — подчеркивал Волконский в одном из писем Киселеву. В другом письме он

отмечал, что народы, покончив с тиранией Наполеона, «думали, что они сражаются за свои интересы, но увы!..»⁵⁰. Впервые враждебное отношение народа к новому правлению Волконский ясно почувствовал во время присяги конституции в палате депутатов в 1815 г. По его словам, «глубокое молчание некоторых членов народной партии и, можно сказать, еще вящее молчание скопища народа, собравшегося вне здания, давало всей этой проделке не торжественный, а скорее погребальный вид»⁵¹.

В тот период Волконский, как и многие другие представители прогрессивно настроенной интеллигенции, во многом разделял либеральные политические идеи Б. Константа и Гизо, симпатии к которым особенно возросли после политических событий 1815 г. Либералы во главе с Константином тогда усиленно проповедовали конституционную монархию, но в то же время требовали гарантий и от возможного повторения якобинской диктатуры. Не только политическая программа французских либералов, но и выдвигаемые ими методы переустройства старого строя во многом импортировали тогда Волконскому и его русским единомышленникам.

Широкая осведомленность Волконского о политических настроениях различных кругов Франции проистекала и из его личного общения с различными французскими политическими деятелями. В 1814—1815 гг., часто наезжая в Париж с официальными поручениями, Волконский был принят во многих столичных политических салонах. Он бывал в кругу роялистов — у графини Лаваль, в кругу наполеонистов — у бывшей королевы Голландии Гортензии, у Демидова встречался с представителями французской буржуазии, в салоне мадам де Сталь — с виднейшими деятелями либерального движения.

Пребывание во Франции также оставило значительный след в идейной жизни братьев Николая и Сергея Тургеневых. За это время ими были сделаны глубокие наблюдения по поводу событий политической и идейной борьбы во Франции. Н. И. Тургенев неоднократно подчеркивал актуальность политических вопросов для Франции, высказывал свои соображения по поводу их влияния на дальнейший ход развития страны. Наблюдая отношение народа к режиму Реставрации в первые послевоенные годы, Н. И. Тургенев подчеркивал, что в стране «много беспокойных умов, мало приверженцев к Бурбонам»⁵², что это обстоятельство может вызвать в стране при новом наступлении реакции взрыв антиправительственных сил. Дальнейшее пребывание во Франции усиливало такие впечатления, а также способствовало росту его личной оппозиционности к правлению Людовика XVIII, на которого вначале Тургенев возлагал большие надежды. Эти мысли нашли отражение как в «Дневнике» Н. И. Тургенева, так и

⁴⁶ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. V. М., 1892, стр. 50, 406; Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 74.

⁴⁷ E. Haumont. La culture française en Russie (1700—1900). Paris, 1910, p. 322.

⁴⁸ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа..., стр. 22.

⁴⁹ «Каторга и ссылка», 1933, № 2, стр. 108.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ «Записки С. Г. Волконского», стр. 357.

⁵² Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л., 1936, стр. 380.

во многих личных письмах к братьям С. И. и А. И. Тургеневым, к П. А. Вяземскому, Булгаковым и другим друзьям⁵³. Для него, как и для ряда других русских современников, становилось все более очевидным и сложное переплетение политических вопросов с социально-экономическими проблемами. Вскоре Н. И. Тургенев посвятил им специальное исследование «Опыт теории налогов» (1818 г.), предварительная работа по которому велась в течение многих лет. Не прерывалась она и во время пребывания Тургенева во Франции.

С. И. Тургенев, по его словам, тщательно изучив «множество интересных брошюр, из коих большая часть против теперешнего французского правительства», проверял сделанные в них выводы на ходе развития политических событий в стране. Как и некоторые другие русские, он стал активно посещать заседания палаты депутатов, тщательно следя за характером развертывавшихся там политических дискуссий. Иллюзорность политических прав палаты депутатов, постепенно становившаяся все более ясной для С. Тургенева, приводила его к выводу о необходимости более активной борьбы за дальнейшее преобразование политического строя. В «Парижском дневнике» 1815 г. сохранились интересные суждения С. Тургенева как по поводу современного строя Франции, так и по поводу возможных перспектив его развития⁵⁴. В дневнике приведено также описание одного из заседаний палаты депутатов, на котором 6 октября 1815 г. присутствовал Тургенев вместе со своим другом А. А. Перовским. Как отмечал Тургенев, почти никому из депутатов не удалось высказать свои соображения прежде принятия присяги: «...Один из депутатов хотел было что-то сказать, прежде чем произнести слова: «Je le jure...» [клянусь], другой, казалось, что-то хотел сказать о конституции...», но они были остановлены и тотчас же приведены к присяге. Иронически отзываясь о политических свободах во Франции при Людовике XVIII, С. Тургенев писал: «Я бы не хотел быть депутатом, если б мне в самую важнейшую минуту... во время присяги, запретили говорить и принудили некоторым образом присягать»⁵⁵.

Сергей Тургенев разделял мнение брата относительно возможных перспектив развития классовой борьбы во Франции, считая даже, что в стране скоро возможен новый революционный взрыв, так как «никакой народ не надо доводить до крайности»⁵⁶. По поводу «современного состояния общественного настроения во Франции» он часто рассуждал в Париже с востоковедом Л.-М. Ланглемом. С. И. Тургенев и Ланглес намечали даже время — примерно

«через шесть месяцев», когда во Франции можно было «ожидать революции всеобщей»⁵⁷.

В политике феодальной французской аристократии было много общего с реакционной политикой правящих кругов России. Поэтому прогрессивно настроенные русские современники, раздумывая о судьбе Франции, отчетливее понимали необходимость ведения решительной борьбы и против самодержавно-крепостнического строя России. Не случайно именно тогда М. Ф. Орлов, встречавшийся вместе со своими друзьями-офицерами с оппозиционно настроенными французскими политическими деятелями, так часто вел разговоры о политической и социальной жизни Европы вообще, о судьбах Франции и России в особенности. С. Г. Волконский называл французскую аристократию «выродившейся династией», а П. И. Пестель говорил, что «возвращение Бурбонского дома на французский престол» было целую «эпоху» в его «политических мнениях, понятиях и образе мыслей»⁵⁸.

Их раздумья о судьбах народа Франции перекликались с мнениями о положении народа России и вели к росту свободолюбивых настроений. С. Г. Волконский так заключал в своих «Записках»: «Зародыш сознания обязанностей гражданина сильно уже начал высказываться в моих мыслях и чувствах, причиною чего были народные события 1814 и 1815 гг., которых я был свидетелем, вселившие в меня, вместо слепого повиновения и отсутствия всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественные, идущие, по крайней мере, наряду с верноподданническими»⁵⁹.

Формирование отношения представителей передовой русской интеллигенции к проблемам общественно-политического развития Франции, к судьбам России было связано и с их отношением к одной из важнейших проблем века — к проблеме революции и ее значения в истории развития человеческого общества вообще. Известно, что эта проблема, тесно связанная с восприятием французской революции конца XVIII в., нашла отражение в общественных науках и политических движениях эпохи. Выступления во французской палате депутатов, статьи в прессе, специальные научные исследования пытались разрешить эту проблему, отвергая революцию или принимая отдельные этапы ее развития. Знакомство с идейно-политической борьбой, разгоревшейся во Франции вокруг этих проблем, сыграло большую роль при формировании позиций части русских современников, которые не только размышляли над необходимостью ликвидации самодержавно-крепостнических порядков в России, но уже задумывались и над возможными путями осуществления этой задачи.

Далеко не просто и не сразу они признали положительное значение как французской буржуазной революции XVIII в., так

⁵³ См. «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, т. II; вып. 6. Пг., 1921; Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу.

⁵⁴ ИРЛИ, ф. 309, д. 2578, лл. 15, 21 и др.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 6.

⁵⁷ Там же, д. 20, л. 50 (Журнал 17/29 декабря 1816 г. Париж).

⁵⁸ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 90.

⁵⁹ «Записки С. Г. Волконского», стр. 387.

и революционных методов борьбы вообще. Как уже отмечалось, установление наполеоновской диктатуры вызвало в кругах русской общественности нападки на революцию. Крушение империи Наполеона во многом способствовало изменению отношения к революции. Наблюдения многих русских над судьбой революционных завоеваний в послевоенной Франции, по их свидетельствам, послужили новым толчком для изменения их мыслей и оценок. Они приходили постепенно к выводу, что завоевания революции обладают достаточной прочностью и силой. Не только развернувшаяся классовая борьба во Франции приводила их к таким выводам. В этом убеждало также начавшееся национально-освободительное и антифеодальное движение в других европейских странах, которое показывало стремление народов освободиться от феодально-абсолютистского гнета. Резко возросшие противоречия интересов народов и монархов, проявившиеся на Венском конгрессе и в Священном союзе, активизировали народные силы, привели к подъему революционного движения. Реакционные монархи пытались если не восстановить полностью дореволюционные порядки в Европе, то уж во всяком случае не дать дальше развиваться антифеодальным революционным требованиям и движениям как во Франции, так и в других европейских странах. Цели и стремления европейских народов, поднявшихся на борьбу против гнета феодально-абсолютистского строя, противоречили задачам, поставленным европейскими монархами, и в то же время разрушали иллюзии части русской интеллигенции относительно возможности раскрепощения народов силами правительств.

Свидетельства декабристов раскрывают процесс формирования отношения к французской революции в ходе складывания их революционных воззрений⁶⁰. П. И. Пестель, размышляя впоследствии над причинами возникновения своих революционных настроений, отмечал, что наряду с главной причиной — гнусной крепостнической российской действительностью определенное значение имел и анализ событий в Западной Европе, особенно французской буржуазной революции и ее последствий. Пестель подчеркивал, что завоевания французской революции, показавшие свою определенную устойчивость, явились важным фактором для признания им положительного значения революции вообще. «От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, — отвечал Пестель уже в процессе следствия над декабристами в 1826 г., — и что может даже быть весьма полезна», «что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»⁶¹.

С. И. Тургенев, тоже достаточно основательно проанализировав современные ему политические события, прочитав много книг, отмечал во Франции в сентябре 1816 г., что, видимо, правитель-

ства не станут содействовать освобождению народов от феодального угнетения. В связи с этим он даже критиковал утопичность некоторых идей Руссо в его «Contrat social», говорил о слабости социальных воззрений современного историка Девеза. В одной из записей в своем дневнике С. И. Тургенев проводил такую мысль: «Время свободы настало; народ ищет ее как по инстинкту»⁶². Однако нельзя считать, что сам С. И. Тургенев принимал революционные методы борьбы, преодолел просветительские иллюзии. Не случайно в ноябре 1816 г. он писал в своем дневнике: «Можно ли почитать южных американцев, прогнавших правительство? И неужели подданным нет способа законного, нет права избавиться от правительства, отвергаемого всею нацией?»⁶³ И все же, как мы можем судить на основании дошедшего до нас его эпистолярного наследия тех лет, направление развития политических взглядов и позиций С. И. Тургенева вело к постепенному признанию закономерности переустройства старого строя на Западе революционным путем. Об этом свидетельствуют также личные контакты, установленные Сергеем Тургеньевым с французскими революционными деятелями, в том числе с участниками гренобльского восстания.

Позиции Тургенева проявились более определенно в 1818 г. Тогда он, по его собственным словам, «отчаянно» спорил с приехавшим в Париж Д. Н. Блудовым, отстаивая взгляды свои и своих единомышленников в России. Будучи ранее членом прогрессивного литературного общества «Арзамас», Блудов одно время любил блеснуть либеральной фразой. Но в дальнейшем, по мере проникновения в «Арзамас» революционных настроений, вносимых М. Ф. Орловым и Никитой Муравьевым, Блудов стал все определеннее занимать консервативные позиции. В Париже в разговорах с Сергеем Тургеньевым реакционность его взглядов проявилась достаточно четко. Блудов не разделял вольномыслия своих соотечественников, осуждал политические взгляды С. И. Тургенева, с негодованием отзывался о современных политических событиях во Франции, критиковал французскую литературу, проводившую передовые идеи. Как писал в своем дневнике Тургенев, Блудов находил «всех здешних писателей дурными, не исключая и Константа»⁶⁴. Споры с Блудовым еще больше раскрывали перед Сергеем Тургеньевым сложную политическую атмосферу на его родине, убеждали в необходимости дальнейшей организации и сплочения прогрессивных сил. Эти настроения поддерживали и некоторые его соотечественники (тогда уже члены декабристских тайных обществ), которые приезжали во Францию.

Свое отношение к революционной борьбе, развернувшейся в Европе, к причинам ее подъема С. И. Тургенев выразил в ряде записок, составленных в 1819—1821 гг. Среди них большой инте-

⁶⁰ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа..., стр. 55.

⁶¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 90.

⁶² ИРЛИ, ф. 309, д. 20, л. 3 (Журнал, 1/13 сентября 1816 г.).

⁶³ Там же, л. 44 (разрядка наша. — О. Ор.).

⁶⁴ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 57.

рес представляют не опубликованные до сих пор «Sur l'état actuel de la France», «Explication sommaire du système judiciaire en France» и «Notice sur l'insurrection des Grecs contre l'Empire Ottoman en 1821»⁶⁵. В последней из названных записок, обобщая свои наблюдения по поводу происходивших в Европе событий, он отмечает, что «зародыш революции существует повсюду, где существует недовольство властью, в степени, пропорциональной степени недовольства», и что недалеко то время, когда иссякнет терпение народа, на которое так уповали правящие круги, и начнется всеевропейская революция.

Перед теми представителями интеллигенции, которые выступали за активизацию политической борьбы против самодержавно-крепостнического режима, остро вставал вопрос не только о методах борьбы, но и о формах организации сил. Опыт политического движения в Европе, знакомство с легальными организациями и тайными антиправительственными обществами во многом помогли передовым русским людям в организации антиправительственных сил, в выработке тактики революционной борьбы. Размышляя о причинах возникновения тайных обществ как в России, так и в других европейских странах, декабристы справедливо называли главной причиной наступления европейской реакции, в обстановке которой передовая общественность не могла больше надеяться на милости своих правительств и дело борьбы за освобождение народов должна была все решительнее брать в свои руки. «Народы, обманутые в своих ожиданиях правительствами,— подчеркивал декабрист М. А. Фонвизин, выражая мнение и других своих единомышленников,— прибегают против их явных угнетений к средствам сокровенным. По всей Европе учредились тайные политические союзы...»⁶⁶ Несмотря на значительные различия организационных форм, европейские тайные общества объединяла общность задач и целей — «противодействовать монархической реакции правительств и освободить народы от их самовласти»⁶⁷.

Русские революционеры знали о создании тайных обществ в Италии, Греции, Испании, Франции. Известны их контакты с греческими представителями освободительного движения. Во Франции передовые представители русского дворянства стремились узнать об идейных и тактических основах этих обществ, установить контакты с французскими карбонариями и с участниками других «тайных политических обществ», «известных под разными названиями». Для России первые послевоенные годы были временем начала активного сплочения прогрессивных сил, которое проявилось в разных формах, и в том числе в форме организации ряда преддекабристских объединений. Преддекабристские организации в основном носили характер идейных товарищеских

объединений. К ним относятся артель офицеров Семеновского полка и артель Главного штаба («Священная артель»), Каменец-Подольский кружок Вл. Раевского и «Орден русских рыцарей».

Многие будущие декабристы, в том числе И. Д. Якушкин, не раз отмечали новый, неизвестный до того времени характер этих офицерских объединений: вместо карт — политика, чтение и обсуждение иностранных газет, последних европейских политических событий, положения в своей стране. Не случайно И. И. Пущин называл «Священную артель» — «мыслящим кружком» и считал ее непосредственной предшественницей первой декабристской организации. С перерывами артель просуществовала с 1814 по 1817 г.⁶⁸ Однако надо отметить, почти все преддекабристские объединения имели не только нечеткое организационное оформление, но и довольно расплывчатые политические программы. Пожалуй, более детально они были разработаны лишь в «Ордене русских рыцарей», который, как можно предполагать на основании сохранившихся косвенных сведений, был основан на рубеже 1814 и 1815 гг. в Москве М. Ф. Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым. Но, видимо, идея его создания зародилась у М. Ф. Орлова еще раньше, во время его первого пребывания во Франции⁶⁹. Дальнейшая судьба «Ордена» была также связана с Францией, куда Орлов вновь попал в 1815 г. как участник нового похода против Наполеона.

В 1815 г. в Нанси Орлов познакомился с Н. И. Тургеневым, которому «он сразу очень понравился», и впоследствии привлек его к участию в обществе. Знал о существовании «Ордена» и Н. А. Старынкевич⁷⁰, один из друзей Тургенева и Орлова. Старынкевич следил за разработкой М. Ф. Орловым программы и устава «Ордена». По его словам, тогда эта работа у Орлова «подвигалась очень медленно»⁷¹.

⁶⁸ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 124—128.

⁶⁹ Подробнее см. В. М. Тарасова. К вопросу о ранних преддекабристских организациях.— «Ученые записки Марийского пед. института им. Н. К. Крупской», т. XV. Йошкар-Ола, 1957, стр. 59.

⁷⁰ Имя Старынкевича, одного из образованнейших людей своего времени и к тому же весьма прогрессивно настроенного, к сожалению, еще мало известно. Н. А. Старынкевич (1784—1857) получил с помощью отца Тургеневых университетское образование. Вскоре он был приближен к М. М. Сперанскому, в 1815 г. отправлен во Францию в распоряжение М. С. Воронцова. После поражения декабристов Старынкевич настойчиво пытался доказать в официальной записке, которую его заставили составить в связи с подозрением в причастности к декабристским обществам, якобы полную политическую инертность своих друзей во Франции. Старынкевич усиленно подчеркивал, что находившийся в Париже с лета 1815 по сентябрь 1816 г. М. Ф. Орлов не читал якобы никакой политической литературы, совсем не интересовался политикой и не имел никакого общения с оппозиционно настроенными французами и русскими («Русская старина», 1904, № 3, стр. 492).

⁷¹ С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг.— «Пушкин и его время». Л., 1962, стр. 84.

⁶⁵ См. ИРЛИ, ф. 309.

⁶⁶ Сб. «Декабристы» (отрывки из источников). М.—Л., 1926, стр. 12.

⁶⁷ Там же.

Находясь во Франции, Орлов был тесно связан с братьями Тургеневыми, Старынкевичем, а также с французскими историками Моренасом и Сербидом, с которыми часто спорил о положении народа во Франции и в России⁷². Именно тогда появляются тревожные раздумья и в дневнике Н. И. Тургенева, который, все более отчетливо понимая возможность осуждения его деятельности царским правительством, записывает в дневнике, что ему, видимо, придется «сидеть в тюрьме»⁷³.

В 1815—1816 гг. организаторы «Ордена», разрабатывая программу, имевшую, по определению академика Н. М. Дружинина, «ясно очерченную буржуазную направленность, несмотря на феодально-крепостническое обрамление»⁷⁴, изучают современные западноевропейские законодательства, обращаются к трудам французских мыслителей XVIII в. Их привлекают идеи Лалли-Толендала, который в своих работах проводил мысль об ограничении королевской власти. Определенный след в программе «Ордена» оставили социальные воззрения Бонневилля и Фоме, проповедовавших во время французской революции идею «христианского социализма» с наделением крестьян землей и ограничением крупных состояний. Можно предположить на основании сохранившихся сведений об «Ордене», что проект политической программы, разрабатываемый при активном участии М. Ф. Орлова, оказался радикальнее политических идей Толендала. Орлов намечал в проекте насильственное ниспровержение самодержавно-крепостнических порядков, возможно путем царубийства, и высказывался даже за установление республиканского строя.

Отъезд осенью 1816 г. из Франции в Россию Орлова, а затем и Н. Тургенева способствовал упадку «Ордена», деятельность которого почти полностью прекратилась в конце 1817 г.⁷⁵ Но, пожалуй, основной причиной упадка этого общества было разочарование

его организаторов в узкозаговорщической форме «Ордена», его аристократизме. Принципы и формы деятельности «Ордена» носили следы влияния масонских лож, и в том числе французских лож, с деятельностью которых организаторы «Ордена» были знакомы⁷⁶. Страстный масон Дмитриев-Мамонов разрабатывал даже сложные ритуалы заседаний общества, что встречало противодействие со стороны тоже причастных к масонству, но более трезво настроенных Орлова и Н. Тургенева. Они-то и стали стремиться сблизиться с возникшими в то время более демократическими «Союзом спасения», а затем — «Союзом благоденствия».

В период интенсивных поисков возможных форм организации оппозиционных сил часть передового дворянства не только в России, но и находясь во Франции, одно время была увлечена масонством. Некоторые масонские ложи во Франции, Италии, Испании были даже связаны с тайными обществами карбонариев, оказывавшими на них определенное идейное влияние. Проповедуя «естественное» равенство всех людей и осуждая деспотизм самодержцев, некоторые французские масонские ложи признавали необходимость «восстать против недостойных узурпаторов, а если понадобится, то и умертвить их»⁷⁷. Подготовка этой акции, по правилам масонства, могла быть доверена только очень узкой группе лиц из членов ложи; всё хранилось в глубокой тайне. Но для большинства масонских лож, существовавших тогда во Франции и в России, все же характерным становилось упорство политического консерватизма, неприемлемость решительной борьбы с верховной властью, ограниченность просветительской программы.

По сведениям царского осведомителя Грибовского, многие офицеры после вступления в Париж «приняты были в масоны и свели связи с приверженцами тайных обществ»⁷⁸. В Мобеже, например, в 1817 г. при корпусе М. С. Воронцова была основана масонская ложа Георгия Победоносца, в которую входили русские офицеры⁷⁹. Как уже было отмечено, внешне сложные масонские формы принял и «Орден русских рыцарей», ставивший целью государственный переворот. А один из его организаторов — Н. И. Тургенев был некоторое время членом французской ложи, которую он использовал для пропаганды своих антикрепостнических воззрений. Известно, что на одном из заседаний он

⁷² В. М. Тарасова. К вопросу о ранних преддекабристских организациях, стр. 60.

⁷³ «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, т. II, стр. 258.

⁷⁴ Н. М. Дружинин. Программа северных декабристов.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии». М., 1951, т. VIII, № 1, стр. 38; Ю. М. Логман. Краткие наставления русским рыцарям М. А. Дмитриева Мамонова.— «Вестник ЛГУ», 1949, № 7, стр. 137—147; В. Орлов. Радищев и русская литература. Л., 1952, стр. 134—136.

⁷⁵ По предположению одних исследователей, в 1815—1816 гг. Н. Тургенев и М. Ф. Орлов пытались якобы создать еще одно тайное общество. По мнению других, их нелегальная деятельность была связана только с «Орденом русских рыцарей». Первую точку зрения разделяет В. В. Пугачев, другую — В. М. Тарасова и А. Н. Шебушин (В. В. Пугачев. Из истории преддекабристской общественно-политической мысли (рукопись докторской дисс.). Л., 1963; В. М. Тарасова. Указ. статья. См. С. Я. Боровой. М. Ф. Орлов и его литературное наследие.— В кн.: М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа..., стр. 278). Вопрос этот, видимо, может быть разрешен только в случае привлечения дополнительных материалов, так как все приводимые аргументы в обоснование предположения о создании какого-то нового общества не кажутся нам достаточно убедительными.

⁷⁶ В. И. Семевский. Декабристы-масоны.— «Минувшие годы», 1908, май—июнь, стр. 379—433. Подробный перечень работ о масонстве в России см.: Р. Вайсхукне. Bibliographie sur la franc-maçonnerie en Russie (Complétée et mise au point par Tatiana Bakounine). Paris, 1967; Т. Вайсхукне. Répertoire biographique des francs-maçons russes. XVIIIe et XIXe siècles. Paris, 1967.

⁷⁷ В. И. Семевский. Декабристы-масоны.— «Минувшие годы», 1908, май—июнь, стр. 388.

⁷⁸ Сб. «Декабристы (отрывки из источников)», стр. 109; Е. Haumont. La culture française en Russie (1700—1900), p. 322.

⁷⁹ А. Н. Пыпин. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916, стр. 528.

выступил за освобождение крестьян в России, за что им был поднят даже гост. Его поддержали Брозин и Михайловский-Данилевский. Видимо, это была французская масонская ложа шотландского образца, в которую Михайловский-Данилевский был принят в Париже в 1814 г.⁸⁰ Но Н. И. Тургенев и другие его единомышленники проявляли скептицизм относительно целесообразности дальнейшего использования масонских лож в политических целях и «мечтали о других формах». Во Франции они познакомились с разными обществами. Прежде всего это были тайные революционные организации карбонариев, с которыми некоторые будущие декабристы пытались установить отношения как во время пребывания во Франции, так и в более поздний период, связанный с активизацией декабристского движения в России.

Сведений о контактах и связях русских офицеров с обществами карбонариев во Франции сохранилось немного⁸¹. Это вполне понятно, так как в обстановке самодержавных порядков России, и особенно в связи с усиливавшейся реакцией в стране, русские офицеры свои отношения с революционерами Франции должны были держать в тайне. Но вместе с тем некоторые сведения об этом дошли до Петербурга как по частным, так и по официальным каналам. Поэтому по имеющимся материалам все-таки можно составить представление о связях русских во время их пребывания во Франции с французскими революционерами.

В посольских и агентурных донесениях из Парижа в Петербург неоднократно сообщалось не только о росте вольнолюбивых настроений в русской заграничной армии, но и о вовлечении «значительного числа русских офицеров и чиновников» в разные тайные французские общества⁸². Один из осведомителей — офицер для особых поручений, полковник В. Дибич — знал некоторых офицеров, состоявших при штабе генерала И. И. Дибича, которые вступили в тайные общества. Из материалов, приведенных В. Дибичем, видно, что в донесении речь шла не только об участии офицеров в масонских ложах (как полагал В. И. Семевский)⁸³, но и о связях их с немецким Тугендбундом, а также с некоторыми тайными французскими организациями, члены которых посвящали себя исключительно политике⁸⁴. О контактах с этими обществами В. Дибич специально доносил в Петербург 8 (20) февраля 1816 г., сообщая в депеше, что офицеры (зашифрованные под № 2, 3, 4), по его наблюдениям, не только

вошли в тайные общества, но и стали в них известны своими радикальными взглядами. Один из названных офицеров, по доносу этого осведомителя, будто бы утверждал даже, что «не нужно больше ни императоров, ни королей, ни князей»⁸⁵. Имена этих офицеров пока неизвестны. Но известно, что другие их единомышленники, в том числе Н. А. Старынкевич, С. И. Тургенев, М. Д. Лаппа, Д. А. Искрицкий, а, возможно, также М. С. Лунин и некоторые другие, были связаны с французскими революционерами.

В связи с происшедшим в 1816 г. во Франции гренобльским восстанием под особый тайный надзор был взят ряд офицеров, подозреваемых в связях с революционерами, в их числе Н. А. Старынкевич, С. И. Тургенев, а также М. Д. Лаппа, Д. А. Искрицкий и другие русские.

Гренобльское восстание было подготовлено карбонариями, среди которых находились и прежние деятели Великой французской революции, продолжавшие энергично отстаивать революционные традиции. По сравнению с получившей широкое распространение либеральной оппозицией, возглавляемой Б. Констаном и другими лидерами либерализма, революционеры-карбонарии выступали за более радикальное преобразование современной Франции. Гренобльское восстание было тому живым подтверждением. В его подготовке активное участие принимал известный революционер Ф. Буонарроти, один из руководителей движения 1795 г. «во имя равенства», возглавленного Гракхом Бабёфом. После Реставрации Буонарроти был поселен в Гренобле и находился там под надзором полиции. В начале мая в окрестностях Гренобля собралось свыше 400 человек, в основном крестьян, которые под руководством республиканца Ж.-П. Дидье пытались поднять восстание и соединиться с горожанами. Но крестьянам не удалось объединиться с силами гренобльцев. Восстание было подавлено, над его участниками произведена жестокая расправа: из 200 арестованных 2 были гильотинированы и 25 расстреляны.

Примерно в то же время была раскрыта в Париже тайная организация, называемая «Филантропическим обществом». «*Moniteur universel*» сообщал 14 мая 1816 г., что в это общество входили «в большинстве люди из низшего класса народа, старые мастера революции...»

Революционные события сразу же привлекли значительное внимание русской общественности. Для нее важен был как сам факт попытки нового революционного выступления во Франции, так и программа, которую выдвигали руководители гренобльского восстания. По свидетельству полковника Бервица из г. Нанси, большого приятеля Н. И. Тургенева, многие современники расценивали это восстание как проявление решительной

⁸⁰ «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, т. II, стр. 452; В. И. Семевский. Декабристы-масоны. — «Минувшие годы», 1908, май — июнь, стр. 413.

⁸¹ Возможно, что привлечение архивных материалов Национального архива Франции, особенно фонда Департамента полиции Франции, поможет пролить свет на историю этого вопроса.

⁸² «Русская старина», 1907, № 4, стр. 219.

⁸³ В. И. Семевский. Декабристы-масоны. — «Минувшие годы», 1908, февраль, стр. 23—24.

⁸⁴ См. С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960, стр. 27—28.

⁸⁵ «Русская старина», 1907, № 4, стр. 219.

борьбы против гнета феодальной реакции Людовика XVIII. Восставшие хотели доказать, подчеркивал Бервиц, что Людовик XVIII «не выбором французского народа здесь царствует, а единственно силою и оружием иностранцев»⁸⁶.

Некоторые консервативные газеты России, в том числе и «Северная почта», с тревогой отмечали даже, что последние события являются попыткой «ввести опять во Франции» порядка 1793 г., т. е. установить режим, «подобный якобинской диктатуре»⁸⁷.

Русские современники, находившиеся во время гренобльских событий во Франции, подчеркивали их большое значение и даже связь с готовившимися выступлениями в других городах страны. «Гренобльское дело раздалось и в Париже, и в Нанси», — писал в мае С. И. Тургенев, добавляя, что и на юге тоже «весьма беспокойно»⁸⁸. В гренобльском восстании они видели лишь одно из проявлений все более обострявшейся классовой борьбы в стране. Тот же Тургенев отмечал, что во Франции «бунты суть следствия всеобщего негодования». И далее глубоко-мысленно добавлял, что «не одна Франция в этом положении»⁸⁹. Н. И. Тургенев, также отмечая большое значение гренобльских событий для жизни революционной Франции, настойчиво просил брата присылать ему во Франкфурт, куда сведения о восстании доходили с опозданием, все новейшие известия «о бунтах, кои были в Гренобле, о заговорах в Париже...»⁹⁰

С повстанцами был связан Н. А. Старынкевич, их организаторов также знал Сергей Тургенев, который пытался оказать им помощь после поражения восстания и эмиграции ряда руководителей в Бельгию. Как видно из писем и дневников С. Тургенева и Старынкевича, они высоко оценили это смелое антиправительственное революционное выступление, восхищаясь мужеством руководителей восстания, называя их «настоящими патриотами», борцами за осуществление «общей решительной революции»⁹¹. В Мобеже Старынкевич пытался выручить схваченного французской полицией повстанца. Тогда же М. Ф. Орлов и С. И. Тургенев, связавшись в Бельгии с одним из революционных эмигрантов, участником восстания — А. В. Арно, организовали материальную помощь ему и другим повстанцам.

Вскоре, видимо, какие-то сведения об их связях с революционерами — участниками гренобльского восстания — стали известны

⁸⁶ В. М. Тарасова. К вопросу о ранних преддекабристских организациях, стр. 68.

⁸⁷ «Северная почта», 1816, 27 мая (письмо из Франции). Ср. «Moniteur universel», 14 мая 1816 г.

⁸⁸ В. М. Тарасова. К вопросу о ранних преддекабристских организациях, стр. 68.

⁸⁹ ИРЛИ, ф. 309, д. 20, л. 12 (Журнал за 5/17 октября 1816 г.)

⁹⁰ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 178.

⁹¹ ИРЛИ, ф. 309, д. 19, л. 24.

в русском посольстве в Париже. Поэтому посол гр. К. О. Поццо ди Борго отдал распоряжение собрать о Старынкевиче, С. Тургеневе, М. Ф. Орлове самые подробные сведения в связи с обвинением их «в чрезмерном либерализме» и «в следовании демократическим идеям». Советник российского посольства Шредер, который знал о связях этих русских с французскими революционерами, в свою очередь потребовал от них «как можно меньше вступать в дела такого рода». За Тургеневым, Орловым, Старынкевичем был установлен негласный надзор агентов царского посольства во Франции. По мнению Н. И. Тургенева, обыск, учиненный у Орлова полицейским чиновником сразу по прибытии его в Россию, был также не случайным. Он был, по всей вероятности, связан и с подозрениями царского правительства в симпатиях Орлова к революционному движению во Франции. Тогда же у Орлова был отобран ряд книг политического содержания⁹².

Не случайно позже Следственный комитет по делу декабристов усиленно собирал различные сведения о Н. А. Старынкевиче, которого он подозревал в симпатиях к революционерам, в том числе в связях с участниками гренобльского восстания. Подозрения в политической неблагонадежности, которые после Гренобля все больше ощущал Старынкевич, были, видимо, одной из причин, заставивших его выйти в отставку и уехать в Германию. Но Старынкевич продолжал и там разделять взгляды своих передовых соотечественников. По всей вероятности, как об этом свидетельствуют некоторые официальные документы русского посольства в Париже, он поддерживал контакты с декабристами. Так, в официальной депеше Поццо ди Борго министру иностранных дел К. В. Нессельроде от 21 января (2 февраля) 1826 г. о Старынкевиче сообщалось следующее: «Этот человек находился в Париже в течение нескольких лет, откуда он отправился в Германию. Во время его пребывания в столице (Франции.— О. Ор.) о нем сложилось весьма плохое мнение в связи с его поведением и взглядами, которые разделялись также людьми, самими подозрительными и самыми оппозиционно настроенными по отношению к правительству...»⁹³ Однако даже при резко отрицательном отношении к Старынкевичу посол не мог не отметить, что «это человек блестящего ума и очень большой активности»⁹⁴. Это в свою очередь еще больше настораживало русское посольство, которое считало, что от Старынкевича декабристы из-за границы могли получать «одобрение при подготовке выступления», так как он как во Франции, так и в Германии продолжал распространять свои революционные взгляды. «Повсюду,— отмечал Поццо ди Борго,— его деятельность, его интересы вызывали подозрения у правительств»⁹⁵. Французская полиция, собирая све-

⁹² Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 213.

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 9147, л. 66.

⁹⁴ Там же, л. 66 об.

⁹⁵ Там же, л. 65.

дения о Старынкевиче, также характеризовала его человеком «крайних революционных убеждений и большой революционной активности»⁹⁶. Ряд причин, среди которых, видимо, немаловажное место занимало стремление Старынкевича быть ближе к декабристам, привел его в октябре 1825 г. в Варшаву, где он вскоре после восстания 14 декабря 1825 г. по приказу вел. кн. Константина Павловича был арестован⁹⁷.

Передовые представители дворянской интеллигенции, наряду с признанием важной роли нелегальной борьбы в России, уделяли большое внимание легальной просветительной деятельности. Они указывали на необходимость использования всех возможностей для распространения передовых общественных идей. «Общество взаимного ланкастерского обучения», «Вольное общество любителей российской словесности» и другие легальные общества, связанные с освободительным движением, помогали выполнению этой задачи.

Некоторые из таких обществ, возникших по инициативе русских офицеров во Франции, были связаны с французскими просветительскими клубами и другими объединениями такого же плана. Передовые офицеры, ставя задачу пробуждения политической активности в армии, создали во время пребывания во Франции офицерский клуб и ланкастерские школы взаимного обучения для солдат. В 1816 г. по инициативе нескольких офицеров русского корпуса в Мобеже был образован офицерский клуб, названный «Русским клубом». Возникший как легальный, этот клуб явился вместе с тем политическим центром оппозиционно настроенного офицерства. С. И. Тургенев, принимавший активное участие в организации и деятельности клуба, понимал его политическое значение, о чем писал брату: «Здесь учрежден русский клуб... Мы надеемся, что все офицеры ходить будут. Мне поручено составить для клуба конституцию... Это первый клуб в русской армии и может иметь довольно важные последствия»⁹⁸.

При создании мобежского русского клуба был использован опыт военного французского клуба, который, как стало известно русским офицерам, принял решение «идти против правительства». В русском клубе, как и во французском, господствовали свобода мнений, гласность заседаний, демократические формы голосования и решения важных проблем. Трудно сказать точно, кто входил

в состав клуба, но можно предположить, что это были С. И. Тургенев, А. З. Муравьев, М. А. Фонвизин, В. К. Тизенгаузен, Л. А. Нарышкин, И. С. Повало-Швейковский, француз Ираклий Полиньяк и др. М. Ф. Орлов находился в курсе работы «Русского клуба», получая письменную информацию от С. И. Тургенева. Не исключено, что он и Н. И. Тургенев оказывали значительное идейное влияние на деятельность этой легальной организации в русской армии.

По инициативе М. Ф. Орлова и С. И. Тургенева в 1816 г. были созданы первые школы для солдат, задачей которых было не только распространение грамотности, но и пробуждение политического сознания в солдатских массах. В архиве С. Тургенева сохранилась написанная им «Записка о ланкастерском методе обучения». Она свидетельствует о том, что, наряду с обучением солдат грамоте, одной из основных задач школ было развитие у солдат чувства человеческого достоинства, коллективизма и взаимной поддержки. Зарождение и начальный период деятельности этих школ связаны со временем пребывания русских войск во Франции. Заинтересовавшись методом ланкастерского — взаимного — обучения, который пропагандировался Парижским обществом начального обучения, М. Ф. Орлов и С. Тургенев поставили своей целью распространить этот метод среди солдат русских войск. Так, С. И. Тургенев в 1816 г. участвовал в организации таких школ при корпусе гр. М. С. Воронцова в Мобеже, М. Ф. Орлов — в Нанси.

По инициативе Тургенева Парижское общество направило в Мобеж известного популяризатора ланкастерского метода обучения француза Анри, который и руководил вначале первой русской школой, насчитывавшей 260 солдат⁹⁹. Сначала занятия проходили только с некоторыми «выбранными из нижних чинов, уже знающими читать, писать и считать». Затем недавние ученики становились учителями, обучая своих товарищей. «Впрочем, ученики учились сами, — пояснял С. И. Тургенев, — т. е. взаимно один другого, и сами же смотрели за поведением друг друга в школе»¹⁰⁰.

С помощью Н. и С. Тургеневых, М. Орлова для ланкастерских школ были получены различные таблицы и книги, специально заказанные во Франции и в Англии. Ряд книг был приобретен в России. Причем в таблицы, по которым шло обучение грамоте, были включены такие политические термины, как «республика», «конституция», политическое содержание которых разъяснялось в процессе обучения. Уже первые результаты работы ланкастерских школ свидетельствовали о важности и плодотворности проведения такой работы среди солдат. Не прошло и трех месяцев с начала работы школы в Мобеже, как С. И. Тургенев уже смог отметить, что большинство обучавшихся там солдат начали читать и что «охота, показываемая учениками, и добрый порядок, с коим

⁹⁶ П. Анграм. Отголоски восстания декабристов во Франции. — «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 112. Автор приводит сведения из Национального архива Франции, из фонда Департамента полиции (F 7—6689), в которых искажена фамилия (вместо Старынкевича назван Ставенкевич). Исследование документов АВПР свидетельствует о том, что речь идет об одном лице — Старынкевиче.

⁹⁷ О его дальнейшей судьбе см. «Русский биографический словарь», т. 19. СПб., 1909, стр. 358.

⁹⁸ В. В. Пугачев. Общественно-политические взгляды С. И. Тургенева. — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». М., 1960, № 4, стр. 95 (письмо Н. И. Тургеневу 21 марта 1816 г.).

⁹⁹ ИРЛИ, ф. 309, д. 1173бз, стр. 1—2.

¹⁰⁰ Там же, стр. 2, 4.

производится учение, могут, кажется, поручиться за будущий успех в оном»¹⁰¹.

В дальнейшем, после возвращения русского корпуса из Франции, положительный опыт организации первых ланкастерских школ был использован при создании в 1818—1820 гг. новых школ в Москве, Киеве и Кишиневе. Причем М. Ф. Орлов не порывал своих связей с Парижским обществом начального обучения. Он обменивался с ним мнениями по поводу работы Киевской ланкастерской школы, в которой вместе с подростками-кантонистами обучалось уже свыше 1800 человек¹⁰². Из Парижа Орлов получал также все новейшие труды о методе взаимного обучения, «как элементарные, так и более обширные», а также инструкции и таблицы для обучавшихся солдат. Общение с Парижским обществом принесло большую пользу как для развития самого метода взаимного обучения, так и для усиления политической направленности работы школ. В печатных таблицах, получаемых из Франции, переведенных на русский язык и распространяемых среди солдат в России, рассказывалось о «свободе, равенстве, Квилоге, Вашингтоне, Мирабо».

Если отзыв на работу школ взаимного обучения в прогрессивных кругах русской общественности был положительным, то иным оказалось отношение официальных кругов России. Сам замысел просвещения солдатских масс, и особенно идейная направленность школ взаимного обучения, был ими встречен сначала сдержанно, а затем и враждебно. Распространению таких школ в России чинились всяческие препятствия. Инициаторы их создания вызывали недовольство царских властей еще во Франции¹⁰³. Участие в организации солдатских школ было оценено позже Следственным комитетом по делу декабристов как одно из проявлений антиправительственной деятельности.

* * *

В 1816 г. в России было основано первое тайное общество декабристов — «Союз спасения». Началось формирование движения декабристов. В. И. Ленин называл период всемирной истории между Великой французской революцией и Парижской коммуной эпохой «буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности», временем «быстрой ломки пе-

¹⁰¹ ИРЛИ, ф. 309, д. 1173 бз, стр. 5. Обстоятельства сложились для С. И. Тургенева так, что немногие оставшиеся годы жизни (он умер 35 лет в Париже, в 1827 г.) он провел в основном за границей, числясь при русской миссии в Париже. Оторванность от родины, от революционного движения декабристов тяжело сказалась на его судьбе.

¹⁰² См. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г.». СПб., 1890, стр. 194; «Русский инвалид», 23 апреля 1819; «Киевская старина», 1897, № 7—8, стр. 65.

¹⁰³ Декабрист *Н. И. Тургенев*. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 250—251, 416—417.

реживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹⁰⁴. Декабристы, начавшие революционное движение в России против феодально-крепостнического строя, стали носителями идей буржуазной революционности, выразителями насущных жизненных задач и потребностей своей страны. Главной задачей их борьбы стала ликвидация самодержавия и крепостничества. Их исторической заслугой было то, что, заботясь о благосостоянии всей страны, всей нации, они поставили вопрос, решение которого прежде всего было связано с интересами крепостного крестьянства России.

Специфические условия российской действительности наложили свою печать не только на классовый состав участников декабристского движения, но и на их идеологию. Декабристы — дворянские революционеры, борясь за радикальную ломку феодализма, в которой прежде всего были заинтересованы угнетенные массы крепостного крестьянства, в то же время еще не выступали от его имени, боялись движения народных масс, были «страшно далеки» от народа. Эта боязнь привела их к выработке тактики военной революции, при которой решающая роль в политической борьбе отводилась «почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам»¹⁰⁵. Обобщая все эти особенности декабризма, В. И. Ленин характеризовал его как «дворянскую революционность»¹⁰⁶.

Сами декабристы дело борьбы с царизмом расценивали не только как внутреннюю задачу страны, но и как важный фактор в общей цепи борьбы европейских народов против абсолютистско-феодальных порядков старого мира. А при анализе источников формирования своей революционной идеологии указывали также и на роль внешних факторов — связи с передовой мыслью Запада, с опытом революционной европейской борьбы.

Пожалуй, наиболее всесторонний анализ этих вопросов был сделан П. И. Пестелем. 13 января 1826 г. Пестель, отвечая на вопрос Следственного комитета: «Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись в умах? И кто, где начал и продолжал внушать и распространять оные в государстве?», подчеркнул в первую очередь внутренние причины, а затем указал на значение общеевропейского освободительного движения, западноевропейской антифеодальной идеологии. «Политические книги у всех на руках; политические науки повсюду преподаются, политические известия повсюду распространяются, — писал Пестель. — Сие научает всех судить о действиях и поступках правительства: хвалить одно, хулить другое. Произшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных... столько революций совершенных... что

¹⁰⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 143.

¹⁰⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.

¹⁰⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 356.

все сии произшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменывается революционными мыслями... Дух переобразования заставляет, так сказать, везде умы вклокотать»¹⁰⁷. С. И. Муравьев-Апостол, М. Ф. Орлов, С. П. Трубецкой и многие другие декабристы подчеркивали, что в историческом развитии России отражается процесс европейского исторического развития и что «состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот со временем»¹⁰⁸. Таким образом, по оценке самих декабристов, внешние связи обогащали их опыт для поисков собственных решений политических проблем, которые были вызваны к жизни внутренними условиями российской действительности.

Во введении нами уже было отмечено, что советскими исследователями изучены и изучаются разные аспекты связей декабристского движения с западноевропейским освободительным движением. Вполне естественно, что среди широкого круга вопросов важное значение имеет освещение идейных связей декабристов с передовой Францией, прямых контактов с ее общественными деятелями.

Декабристы с неослабевающим вниманием следили за всеми современными им революционными и национально-освободительными движениями, которые тогда из года в год сотрясали старый мир. В 1815—1819 гг. шла борьба за конституцию в Вюртемберге, в 1817 г. вспыхнуло республиканское восстание сначала в Бразилии, а затем в Португалии; весной 1820 г. — революция в Испании, позднее — в Неаполе, Португалии, Бразилии, Сан-Доминго; в 1821 г. против австрийского владычества поднялся Пьемонт, против турецкого ига восстала Греция. В поисках революционной теории декабристы обращались не только к идейному наследию русских просветителей, революционного мыслителя А. Н. Радищева и его последователей, но и к учениям передовых мыслителей Западной Европы XVIII в., прогрессивных буржуазных политических писателей первой четверти XIX в.

Об углубленном изучении французских политических мыслителей XVIII — начала XIX в. в период развития декабристского движения писали многие его участники. Они отмечали, что среди ряда хорошо известных в России работ французских писателей декабристами в тот период продолжали изучаться и были особенно высоко оценены труды французских просветителей, а также произведения Константа, Гизо, мадам де Сталь, Делолла, Детю де Траси, Симонди (Ж.-Ш.-Л. Симонд — швейцарец; получив французское образование, считал себя французом по национальности), Сея, Биньона и других авторов. Большой перечень прочитанных и законспектированных французских работ сохранился в

записях П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, Н. И. Тургенева, А. В. Поджио, С. Г. Волконского и др. В годы формирования декабристского движения Пестель особенно много читал Вольтера, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Руссо, Лакретеля, Гизо, Лабрюйера. У Рыльева было также много работ французских мыслителей, в том числе русские переводы Вольтера XVIII — начала XIX в., сочинения Биньона, Гизо, Константа¹⁰⁹. В годы декабристского движения он особенно занимался изучением истории права разных народов.

На значение систематического изучения трудов по философии, истории Франции обращал внимание и Н. И. Тургенев, один из лучших знатоков французской политической литературы. Он поставил своей задачей распространять вообще все учения прогрессивных зарубежных мыслителей среди членов декабристских обществ. Блестящая эрудиция Тургенева, его большой публицистический талант помогали многим декабристам разобраться в сложных философских и политических концепциях буржуазных идеологов.

О том, насколько высоко ценилось значение прогрессивной зарубежной литературы декабристами, свидетельствует хотя бы одно из условий приема в члены «Общества соединенных славян», по которому от вступающих требовалось знание текстов французских просветителей, особенно Гельвеция, Вольтера, Рейналя, Мареяля¹¹⁰.

Передовые французские теории находили отражение в жизни тайных декабристских обществ. Они критически осваивались при выработке организационно-тактических принципов обществ, а также при разработке проектов социально-политических программ. Изучение концепций декабристских организаций раскрывает сложную картину идейной борьбы, трудный путь поисков средств ликвидации самодержавно-крепостнического строя в России. Представляется, что здесь весьма существенным является вопрос о роли преодоления либеральных иллюзий в процессе формирования революционной идеологии декабристов. Немалую роль в этом сыграли критическая переоценка идейного наследия просветителей, постепенное изменение отношения к Великой французской революции.

Как известно, либеральные иллюзии установления политической и социальной справедливости нашли отражение в деятельности «Союза благоденствия», который уделял вначале внимание установке на постепенное преобразование страны, на длительное формирование общественного мнения¹¹¹. Сначала этот союз предполагал, что после создания «общественного мнения» против самодержавия и крепостничества в стране будет возможен государственный переворот без «ужасов» французской революции, поскольку основная часть населения России будет заранее и «не-

¹⁰⁹ «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 315, 320.

¹¹⁰ М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М.—Л., 1927, стр. 33.

¹¹¹ С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг.— «Пушкин и его время».

¹⁰⁷ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 105.

¹⁰⁸ «Восстание декабристов», т. I. М.—Л., 1925, стр. 9.

чувствительно» подготовлена к нему. При этом не исключалась и поддержка со стороны «просвещенного монарха».

Эти иллюзии в то время получили известное распространение в прогрессивных кругах русского общества, в которых после конституционных обещаний Александра I в 1818 г. на открытии сейма в Варшаве ожили надежды на возможность страны в своем политическом развитии избежать революционных потрясений. Часть прогрессивной настроенной русской интеллигенции, чувствительно воспринимавшая усиление реакционного натиска со стороны правительственных сил, ненавидевшая «аракчеевщину», откликнулась на варшавскую речь царя потоком записок, работ, проектов. В них теоретически обосновывалась необходимость социально-политических преобразований в России, а также намечались некоторые конкретные меры по улучшению современного строя. Большинство авторов записок разделяли воззрения русских и французских просветителей, веривших в благодеяния «просвещенного монарха», который, по их представлению, мог воплотить в жизнь идеи «Общественного договора» и «естественного права». Так, разоблачением крепостного права и деспотизма явились книги К. И. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства» (ч. 1—2. СПб., 1818—1819) и «Путешествие критики» учителя гимназии Савелия Ферельтца, которая была издана в 1818 г. В этом же году в «Сын Отечества» были напечатаны две статьи профессора А. П. Куницына «О конституции» и «О состоянии иностранных крестьян». Однако книга Куницына «Право естественное» (ч. I. СПб., 1818), проводившая весьма смелые антикрепостнические идеи, подверглась запрету цензуры, а сам автор вместе с Арсеньевым и другими прогрессивно настроенными учеными за свое вольнодумство по доносу Д. П. Рунича вскоре был уволен со службы¹¹².

Дальнейшее развитие событий все более явственно раскрывало растущее противоречие между либеральными обещаниями Александра I и его реальной политикой, и прежде всего в отношении крепостных крестьян. Становилось также очевидным, что его внутриполитическая программа тесно связана с внешнеполитическим курсом, направленным на подавление любых проявлений «революционного духа» в Европе. В такой обстановке у декабристов оставалось все меньше надежд на преобразование строя без столкновения с самодержавием. По мере радикализации проектов социального и политического переустройства России, признания необходимости решительной ломки крепостничества, утверждения на позициях республиканского правления в «Союзе благоденствия» все отчетливее стали проступать расхождения и по вопросам тактики, «способов действия». Внутриполитическая обстановка в России, а также рост революционного движения в

странах Западной Европы стимулировали признание декабристами революционных методов борьбы. Так, в итоге сложного идейного развития «Союз благоденствия» пришел к преодолению либеральных иллюзий, к утверждению на революционных позициях. По тактическим соображениям «Союз благоденствия» в 1821 г. был распущен.

В Южном и Северном обществах, а также в Обществе соединенных славян развивались дальнейшие напряженные идейные искания, углублялась программа политических и социально-экономических преобразований. В то же время шло формирование нового отношения к Франции. Изучение и критическое осмысление наследия передовой Франции было неотъемлемой стороной деятельности Общества соединенных славян. В идейной жизни этого общества, как и в жизни организаций, ему предшествовавших, более определенное значение имели демократические взгляды С. Марешаля. Так, известно, что основные положения труда Марешаля «Пифагоровы законы и нравственные правила» были использованы при выработке уставов «Общества первого согласия» (1818 г.), «Друзей природы», преобразованного в 1823 г. в Общество соединенных славян. Проанализировав «Правила Соединенных славян», Ю. Г. Оксман заключил, что они были связаны с положениями «Пифагоровых законов...» Марешаля и что «именно этот кодекс революционной морали имел в виду П. И. Борисов, говоря о «Правилах пифагоровой секты» как прообразе устава «Общества первого согласия»¹¹³.

Рассмотрим более конкретно, как же в идейной жизни декабристских обществ 20-х годов XIX в. отражались передовые идеи Франции, проявлялось отношение к опыту ее революционной борьбы.

После французской буржуазной революции, в обстановке острых политических событий начала XIX в. проблема обоснования необходимости утверждения буржуазного строя требовала нового взгляда на историю и ее движущие силы, нежели это было выражено просветителями. Вопросы исторического познания и философии истории вновь, как и перед революцией конца XVIII в., оказались едва ли не в центре внимания идейной жизни Франции, они вновь стали получать значительный резонанс и среди интеллигенции других стран. В острой идеологической борьбе того времени история заняла такое значительное место, какое она не занимала никогда ранее. Это отчетливо понимали и декабристы. Не случайно, отмечая разногласия, наблюдавшиеся среди них по ряду политических вопросов, они связывали их с разным подходом к теоретическим проблемам¹¹⁴. Сложной проблеме формирования исторических воззрений декабристов посвящено специаль-

¹¹² См. А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, стр. 337—339.

¹¹³ Ю. Г. Оксман. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века.— Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 503.

¹¹⁴ См. А. П. Беляев. Воспоминания декабристов, ч. I. СПб., 1882, стр. 227.

ное исследование¹¹⁵. Поэтому мы обратимся к рассмотрению только тех вопросов, которые отражают черты нового в теоретической мысли декабристов, а также раскрывают идейные источники формирования их взглядов.

Поиски скрытых пружин общественного развития, о которых начинали подозревать еще некоторые просветители (а в России сначала велись Радищевым и радищевцами), в первой четверти XIX в. были продолжены декабристами. В теоретических воззрениях декабристов отразился ряд новых тенденций, говоривших о дальнейших поисках передовой общественной мыслью революционной теории. Эти тенденции свидетельствовали о всей сложности этого процесса, показывали, что он происходил далеко не просто и не прямолинейно. Практика дворянских революционеров отражала всю трудность их идейного поиска. В своем понимании причин и движущих сил исторического процесса декабристы сделали попытки выйти за рамки чисто «философского» направления общественной мысли, распространенного в XVIII в. Ими было воспринято понятие «дух времени», означавшее уже не некий абстрактный, абсолютный и неизменный «здравый смысл» «естественного человека», не индивидуальный «просвещенный разум» XVIII в., а общественное мнение народов. Это новое понятие было рождено революционной борьбой народов за освобождение от феодально-абсолютистского строя, развитие его содержания тесно связывалось с историческим развитием народов. Так, абстрактно-метафизический критерий общественных явлений заменялся в XIX в. конкретно-историческим. Это было новым и значительным завоеванием европейской исторической мысли, хотя и не преодолевшей своей идеалистической сущности.

Некоторые материалистические тенденции, проявившиеся более очевидно у французских историков периода Реставрации в значительном их интересе к гражданскому быту, к состоянию собственности и особенно к классовой борьбе, роли народных масс в истории, в известной степени становились свойственны и декабристам. Так, часть декабристов, размышляя над движущими силами истории, уже пыталась трактовать «силу общественного мнения» как силу антифеодально настроенных классов и сословий. Исторический опыт европейских стран свидетельствовал о значении народа как в отдельных исторических событиях, так и в процессе исторического развития вообще. Декабристы не могли в своих теоретических исканиях обойти этот вопрос, не отметить значение народа в истории и революции.

Однако, не выступая от имени народа, они допускали возможность ограниченного участия народа в западноевропейских революциях. Что же касается крепостной России, где народные массы вследствие тяжелого гнета самодержавно-крепостнических порядков были особенно задавлены и не подготовлены для участия в

активной политической борьбе, то здесь декабристы отстаивали тактику проведения военной революции. Одним из факторов, также повлиявшим на выработку такого решения, явилась якобинская диктатура, социальный и политический смысл которой не был понят большинством декабристов и которая получила в их среде в основном отрицательную оценку. По словам М. Ф. Орлова, он, как и многие декабристы, «ненавидел преступления и любил правила французской революции»¹¹⁶. К первым они относили якобинскую диктатуру, а ко вторым — «Декларацию прав» 1789 г., которую почти все единодушно принимали. Только некоторые из дворянских революционеров, и в их числе Пестель, сумевшие более глубоко вникнуть в социальную природу различных этапов Великой французской революции, высказались за необходимость введения Комитета общественного спасения во Франции и вообще одобрили его деятельность¹¹⁷. А некоторые члены «Общества соединенных славян», по своему социальному составу приближавшиеся к разночинцам, уже пытались аргументировать необходимость привлечения народных масс к революции. Так, по свидетельству П. И. Борисова, члена этого Общества, они «в народе... искали помощи, без которой всякое изменение» считали «непрочным», «собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание ничтожны без сего всемогущего двигателя в политическом мире». В споре с М. П. Бестужевым-Рюминым тот же Борисов заявлял, что ежели «народ будет вовсе устранен от участия в перевороте», если будет совершена военная революция, то «по какому праву, с чьего согласия и одобрения» будет назначено временное правление, «что составит его силу и какие ограждения представите в том, что один из членов нашего правления, избранный воинством... не похитит самовластия?»¹¹⁸ Такие рассуждения отличали членов «Общества соединенных славян» от других декабристов, хотя и у рылеевского направления северян, и у ведущего ядра южан тоже намечалась известная эволюция их теоретических воззрений в таком же направлении.

В тесной связи с изучением теоретического наследия и политического опыта Франции шло формирование политических проектов декабристов. Многим декабристам, особенно на ранних этапах движения, импонировала идея конституционно-монархического устройства России. Эта идея получила вообще в первой четверти XIX в. широкое распространение и поддержку в прогрессивных европейских кругах. Истоки концепций конституционно-

¹¹⁶ См. М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 5.

¹¹⁷ «Записки С. П. Трубецкого». М., 1905, стр. 12—13.

¹¹⁸ И. И. Горбачевский. Из «Записок». — «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III. М., 1951, стр. 36. (По мнению М. В. Нечкиной, эти «Записки» принадлежат не Горбачевскому, а П. И. Борисову. См. М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 134—143.)

¹¹⁵ См. С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958.

монархического строя, как якобы наиболее прогрессивного строя в современном обществе, уходили в XVIII в. к взглядам французских энциклопедистов. Идеализируя правление «просвещенного» монарха, энциклопедисты уделяли вместе с тем большое внимание регламентации прав и обязанностей монарха и народа, т. е. по сути дела наметили теоретические основы строя конституционной монархии. Так, Монтескье писал: «Не должно, чтобы правительство, для удовлетворения мнимых своих нужд, отнимало у народа потребное для удовлетворения нужд действительных... Ничто с такою мудростью и благоразумием не должно управляться, как та часть, которую берут у подданных, и та, которую им оставляют»¹¹⁹.

Идея конституционной монархии получила большое распространение в трудах либеральных французских политических писателей и политических деятелей. Но, наряду с такими концепциями, получили значительное развитие и республиканские идеи, которые в основном проповедовало левое крыло карбонариев и радикально настроенные их единомышленники, выражавшие интересы демократических слоев Франции. Отстаивая республиканские идеи, карбонарии подвергли критике конституционно-монархическую строй, который, как показывал опыт современной им Франции, создавал лишь иллюзию участия народа в политической жизни страны.

В поисках наиболее приемлемой для условий России формы государственного строя, которая могла быть установлена после низвержения самодержавного режима, декабристы не только изучили, но и критически проанализировали различные системы правления в ряде стран Западной Европы и США. Причем Франция с ее богатой политической историей, с ее выросшими после реставрации Бурбонов социально-политическими противоречиями занимала важное место в их раздумьях и размышлениях. Так, декабрист Южного общества А. В. Поджио в период формирования его политического вольнодумства, как и другие декабристы, жадно изучал «политическую экономию, право, одним словом, все, что касается до составления и управления общества вообще...» Затем его особо увлекли различные системы государственного строя, для чего он «прибегнул к Делолму, Констану», а также к анализу «прений палаты депутатов во Франции и всех суждений издателей „Constitutionnel“»¹²⁰.

Изучение декабристами политических теорий и политическое строение современного им Запада также способствовало эволюции их взглядов от конституционно-монархических в сторону республиканских. Идеи республиканства в годы зрелого декабристского движения получают все большее признание. От критики монархического строя, который активно отстаивали такие консерватив-

но настроенные идеологи, как Н. М. Карамзин и Жозеф де Местр, большинство декабристов переходили через признание прогрессивности конституционной монархии к утверждению на позициях республиканизма.

При обсуждении политических проблем часть декабристов уже характеризовала конституционно-монархический строй Англии и Франции как «устаревший», не соответствовавший «теперешнему просвещению народов», которое требует «большей свободы и совершенства в управлении...»¹²¹ Конституцию английскую они определяли как «чрезвычайно тяжкую для народа» и «согласную с пользою одной аристократии». Наряду с признанием положительного значения введения во Франции конституции 1814 г., декабристы и ее подвергли серьезной критике, показав, что на деле она «не что иное, как лоскуток бумаги, бесполезной для граждан». Поэтому политические взгляды некоторых французских историков XIX в. представлялись им тоже несовершенными, не отвечающими потребностям эпохи.

Многие декабристы разделяли политические взгляды Детю де Траси, поддерживавшего идею республики, «основанной на народном представительстве»¹²². Книга Детю де Траси «Комментарий к „Духу законов“ Монтескье» стала для декабристов, по определению М. Ф. Орлова, «высшей степенью премудрости»¹²³. Декабристы поддерживали эту критику политических идей Монтескье, согласно которым разделение видов правлений зависело от географических условий страны: в маленьком государстве могла быть республика, в большом — монархия и деспотия. Они не соглашались с такими выводами Монтескье, которые могли служить оправданию самодержавия в России, и решительно высказывались в поддержку республиканских идеалов Детю де Траси.

Республиканские идеи декабристов нашли наиболее полное отражение в «Русской правде», составленной П. И. Пестелем. И хотя часть декабристов Северного общества придерживалась принципов конституционного монархизма (как об этом свидетельствует «Конституция» Никиты Муравьева), но и в нем было немало сторонников республиканской формы правления. Республиканские идеи страстно отстаивал К. Ф. Рылев, их разделяли также А. А. Бестужев, В. И. Штейнгель, Е. П. Оболенский, А. П. Беляев и другие члены общества. После петербургского совещания 1824 г., целью которого было объединение всех сил декабристов для готовившегося открытого выступления против царизма, в Северном обществе рылевское республиканское направление значительно упрочило свои позиции. Рылев и рылевы сыграли большую роль в том, что при выработке совместного плана практических действий обоих обществ была принята идея

¹²¹ Там же, т. I. М.—Л., 1925, стр. 178, 183.

¹²² Там же, т. XI, стр. 75.

¹²³ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа..., стр. 85.

¹¹⁹ Монтескье. О существе законов, ч. II. М., 1810, стр. 176—177.

¹²⁰ «Восстание декабристов», т. XI. М., 1954, стр. 37.

республиканской конституции. Согласно «Русской правде», политические права принадлежали всем гражданам, избравшим коллективные органы верховной власти. Такое решение политических вопросов перекликалось с передовыми традициями политической мысли Франции, которые в XVIII в. отразились во взглядах Руссо, проявились в политических документах буржуазной революции. Оно свидетельствовало также о том, что политические идеи декабристов отличались большей последовательностью и демократичностью, чем идеи ряда современных им французских политических мыслителей, отстаивавших идею ограниченной, конституционной монархии.

Республиканские взгляды декабристов были высоко оценены В. И. Лениным. Отмечая важную роль республиканских традиций вообще для современного европейского революционного движения, В. И. Ленин указывал на декабристов как на продолжателей традиций французской буржуазной революции в европейском масштабе и как на первых носителей республиканских идей в России. «На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов,— писал Ленин в 1902 г.,— выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров»¹²⁴. Это положение Ленина подчеркивает значение отношения первых русских революционеров к политическим вопросам, их весьма радикальных политических выводов.

В проекте социально-экономических преобразований, разработанном декабристами к моменту вооруженного выступления, также нашло отражение не только блестящее знание французских социальных трактатов и даже социалистических утопий XVIII в., но с наибольшей полнотой проявились самобытность и оригинальность их воззрений¹²⁵. Некоторые черты отличия социально-экономических воззрений декабристов от воззрений современных им буржуазных мыслителей Франции были отмечены уже А. И. Герценом. Анализируя историю развития революционных идей в России, обращаясь ко времени декабристского движения, он подчеркивал, что в тот период, после французской буржуазной революции, социальные вопросы еще мало кого занимали в Европе. Идеи Гракха Бабёфа были во многом забыты, идеи социалистов-утопистов еще не получили значительного распространения, французские либералы старались обойти острые социальные проблемы, а карбонарии, ставившие перед собой прежде всего политические задачи, социальным вопросам уделяли немного внимания. В России, где проблема ликвидации крепостничества была средоточием всей идеологической и политической борьбы как XVIII, так и

XIX в., социальные проблемы постоянно стояли в центре внимания, и в том числе в центре внимания первых русских революционеров.

Герцен, характеризуя прогрессивность и смелость социальных планов декабристов, справедливо замечал, что «самые видные либералы того времени — Бенжамены Констаны, П. Ж. Курье — встретили бы негодующими криками предложения Пестеля, — предложения, сделанные не в клубе, членами которого были пролетарии, но перед большим обществом, целиком состоявшим из самых богатых дворян. Пестель предлагал этим дворянам добиваться, пусть даже ценою жизни, экспроприации их собственных имений»¹²⁶.

Уничтожение крепостного права, значительные ограничения помещичьей собственности, провозглашенные в «Русской правде», открывали широкие возможности для развития новых отношений, с которыми декабристы связывали установление благоденствия для народа. Но декабристы, осмысливая путь, по которому пошло развитие как Франции, так и других стран после буржуазной революции, подходили уже к пониманию нерешенности задач революции прежде всего в социальном плане, выступали с некоторыми критическими замечаниями по поводу несправедливостей и несовершенства нового, буржуазного строя. Это отчетливо проявилось в 1822 г. в споре, разгоревшемся среди декабристов в связи с обсуждением начального варианта «Конституции» Никиты Муравьева. Предложенный им высокий избирательный имущественный ценз вызвал осуждение со стороны Пестеля и его сторонников, поскольку этот ценз мог способствовать развитию «ужасной аристократии богатств»¹²⁷, ведшей к новым формам угнетения народа. Как подчеркивал Пестель, там, где «аристократия богатств» заменяет «аристократию феодализма», «народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых»¹²⁸.

Поэтому Пестель и его единомышленники, разрабатывая программу социально-экономического переустройства России, уже пытались искать, согласно «Русской правде», такую форму будущего строя, которая бы включала рациональные достижения западной цивилизации, но помогла бы избежать господства «аристократии богатств».

Предложения Пестеля по решению аграрного вопроса в крепостнической России свидетельствовали о его попытках более последовательно и глубоко разрешить крестьянский вопрос, нежели это было сделано «Декларацией прав человека и гражданина», став-

¹²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.

¹²⁵ С. М. Файерштейн. Два варианта решения аграрного вопроса в «Русской правде» Пестеля.— «Очерки из истории движения декабристов», стр. 32.

¹²⁶ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. М., 1956, стр. 199.

¹²⁷ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 86.

¹²⁸ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, стр. 145.

шей программным документом начала буржуазной революции во Франции.

Ход размышлений Пестеля — ведущего теоретика декабристского движения — по поводу ограниченности политической революции на Западе, его поиски путей дальнейшего развития России направляли его мысль в сторону идей утопического социализма¹²⁹. Так, впервые в России были разработаны революционная программа, оригинальные конституционные проекты, исходившие из необходимости ликвидации самодержавно-крепостнического строя.

Относясь с вниманием к развитию международных революционных связей, необходимых для закрепления побед революционного движения, декабристы выступали и за упрочение прямых контактов с передовыми общественными деятелями Франции. Чаще всего установленные еще раньше, эти контакты продолжались и во время движения декабристов. М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, С. П. Трубецкой, В. К. Кюхельбекер и другие декабристы были связаны тесными дружескими и идейными узами с рядом французских передовых деятелей, в том числе с М.-А. Жюльеном, социалистом-утопистом А. Сен-Симоном, а также с такими лидерами европейского либерализма, как Б. Констан и В. Жюи.

В ряду русских современников, активно вникавших в европейское революционное движение, М. С. Лунину принадлежит особое место. С думами о России, со стремлением расширить теоретические знания и практический опыт политической борьбы Лунин вновь приехал во Францию в 1816 г. В 1814 г. он вступил в Париж в составе прославленного в боях Кавалергардского полка. Тогда он воспользовался непродолжительным пребыванием в столице для знакомства с социально-политическим положением Франции. Более глубокое изучение этих вопросов связано со вторичным пребыванием Лунина во Франции. По воспоминаниям его французского друга Ипполита Оже¹³⁰, Лунин приехал в Париж с определенной целью — приобрести опыт практической революционной борьбы.

Тогда уже член «Союза спасения», Лунин так сформулировал свое политическое кредо: «Борьба — священнейшая обязанность каждого». Он — борец за «свободу мысли, свободу воли, свободу действий». Как видно, политическая программа Лунина, отражавшая политические идеи самого союза, была еще весьма рас-

пльвчатой, но решение бороться за ее осуществление, за уничтожение самодержавно-крепостнических порядков было твердым и непоколебимым. Поэтому, стремясь установить связи с французскими революционерами, использовать их революционный опыт, Лунин думал прежде всего о возможности применения этого опыта на своей родине, против царизма. Но он не отрывал деятельности русских революционеров и от общеевропейского революционного движения. «Не думайте, что мое пребывание во Франции останется без пользы для России», — так комментировал Оже высказывания Лунина, отмечая при этом большую уверенность Лунина в необходимости расширения революционных европейских контактов вообще, большего сплочения всех европейских революционных сил¹³¹. Во Франции Лунин пытался также конкретнее познакомиться с уставами, программами тайных обществ, чтобы наиболее рациональную, по его мнению, часть, более применимую к российским условиям, использовать в «Союзе спасения».

Лунин приехал в Париж достаточно подготовленный как к восприятию современных политических событий, так и к их анализу. Его двоюродный брат Н. Муравьев, возвратившийся из Франции в 1815 г. и ставший также одним из деятельных членов «Союза спасения», вполне мог информировать Лунина о всех последних событиях во Франции, помочь установить связи и контакты с прогрессивными деятелями страны. По приезде в Париж Лунин с определенным умыслом не посетил российского посла Поццо ди Борго, о чем настоятельно просила его сестра Е. С. Уварова, не побывал также у некоторых соотечественников, знакомства с которыми, по его мнению, могли только стеснить его свободу¹³².

В ту пору в Париже Лунин находился в крайне стесненном материальном положении, что заставляло его стать частным преподавателем и даже писать письма для «всякого безграмотного люда»¹³³. На такие занятия у него уходило довольно много времени и сил. Но это тем не менее не мешало, а, пожалуй, наоборот, только способствовало установлению более тесного общения с французами, помогало познанию их жизни, что в свою очередь еще более утверждало Лунина в правильности избранного им решения — в необходимости развертывания борьбы за освобождение как русского, французского, так и других европейских народов.

Как отмечал И. Оже, Лунин вскоре после вторичного приезда в Париж очень изменился. Его перестали почти интересовать даже литературные занятия, которым он придавал совсем недавно столь большое значение. «...В последнее время, — заключал Оже, — пове-

¹²⁹ См. П. Ф. Никандров. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л., 1955, стр. 89—98.

¹³⁰ Молодой, способный, но «неумущий литератор» И. Оже был замечен капитаном Корсаковым еще в 1814 г. в Париже; был им приглашен в Россию и определен юнкером в Измайловский полк. Здесь Оже познакомился со многими будущими декабристами, и в том числе с Луниным, с которым в 1816 г. возвратился во Францию. Оже был в России еще 2 раза: в 1844—1847 и в 1856—1859 гг. Свои впечатления он изложил в мемуарах, частично опубликованных в «Русском архиве» (1877, кн. II), а также в «La Revue rétrospective». Paris, 1890, t. XIII; 1891, t. XIV.

¹³¹ «Из воспоминаний И. Оже». — «Русский архив», 1877, кн. II, стр. 64.

¹³² См. «Из воспоминаний И. Оже», стр. 64—65; С. Б. Окунь. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962, стр. 28—29.

¹³³ «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ» 1820-х гг. М., 1933, стр. 290.

дение его было загадочно для меня. Я подозревал, что он вошел в сношения с вождями какой-нибудь партии, оценившими его способности, и сделался одним из деятельных членов, что было совершенно согласно с его характером»¹³⁴. К сожалению, неизвестны другие свидетельства участия Лунина в тайных обществах Франции. Существует лишь косвенное подтверждение этого, сделанное почти десять лет спустя французом Ф. Бюше, одним из лидеров тайного общества карбонариев, а впоследствии известным сенсационистом. Бюше отмечал, «что в их совещаниях участвовал какой-то русский»¹³⁵. Оже считал, что это был не кто иной, как Лунин. Это предположение Оже довольно убедительно, так как вступление Лунина в общество карбонариев могло быть вполне логичным развитием его революционных убеждений, его стремлений участвовать непосредственно в революционной борьбе. Именно тогда у Лунина возникла даже идея уехать в Южную Америку, чтобы выступить на стороне революционной армии Симона Боливара против испанских колонизаторов.

Смелые заявления Лунина привлекли к нему внимание крупнейшего французского социалиста-уториста А. Сен-Симона, выступившего с критикой буржуазного строя и проповедовавшего необходимость создания новых общественных отношений. Мечтая о широком распространении своих идей и о претворении их в жизнь во всей Европе, Сен-Симон весьма заинтересовался тогда Россией. Он считал, что в России имеется «хорошая почва для принятия нового учения», поскольку ее молодой народ, поднимавшийся на борьбу с феодальным строем и не разращенный еще различными буржуазными учениями, мог бы легче воспринять социалистические идеи и осуществить переход к новому общественному устройству.

В связи со своими планами Сен-Симон возлагал на Лунина большие надежды, «думая употребить его в дело для распространения своих идей в России», для установления связей «с молодым народом, еще не иссушенным скептицизмом»¹³⁶. Однако Лунин был увлечен тогда прежде всего идеей тираноборчества, которое входило в планы и задачи «Союза спасения». Видимо, поэтому Лунин не поддерживал и ряд исходных положений сенсационизма, проповедовавшего мирный, постепенный переход к новому строю, чем вызвал даже упреки Сен-Симона в чрезмерном увлечении политической деятельностью¹³⁷.

В тесном контакте с русскими — единомышленниками декабристов, проживавшими в России и за границей, а также с участием французских передовых деятелей предполагалось начать с 1819 г. издание легального литературно-общественного журнала

«Россиянин XIX века». Раздел о текущей политике Франции думали поручить С. И. Тургеневу и Н. А. Старынкевичу. По мысли Н. И. Тургенева, они должны были писать о Франции, особенно о ее государственном строе и правлении. Из-за запрета царской цензуры издание этого журнала не было осуществлено.

Известный вклад в укрепление русско-французских общественных связей внес В. К. Кюхельбекер, который во время своего пребывания в Париже весной 1821 г. установил дружеские контакты с некоторыми революционными деятелями, а также с представителями либеральной оппозиции Франции. Тогда же в Париже с помощью французских друзей Кюхельбекером была прочитана публичная лекция о России. В этой лекции нашли яркое отражение революционные настроения передовой дворянской интеллигенции России. Кюхельбекер стал одним из первых русских, решившихся широко ознакомить французскую общественность с историческим прошлым и настоящим России.

Попав в Париж 27 марта н. ст. 1821 г. (после довольно длительной поездки по Германии, Италии, Франции), Кюхельбекер сразу же окунулся в атмосферу интенсивной политической борьбы, которая охватила тогда всю страну, но наиболее активно проявлялась в столице. Весна 1821 г. после бурных политических манифестаций, активных студенческих выступлений 1820 г., а также после убийства Пьером Лузелем герцога Беррийского была напряженным временем для Парижа и всей Франции. Противоречия между монархией Бурбонов и общественным мнением проступали все резче. Политическая реакция, возглавляемая графом д'Артуа (будущим королем Карлом X), вновь начала наступление. Либералы использовали рост политического недоверия к правительству Людовика XVIII для укрепления своих позиций. Они активизировали антиправительственные выступления прессы, пытались проводить свои политические требования в палате депутатов, выступали с политическими заявлениями в публичных лекциях и научных диспутах.

В Париже Кюхельбекер активно вникал в политическую жизнь страны: посещал собрания, организованные прогрессивными политическими деятелями, где выступали передовые французские публицисты и писатели, бывал на заседаниях палаты депутатов. Вскоре ему удалось познакомиться с некоторыми видными политическими и общественными деятелями Франции, в том числе с деятелем французской революции М.-А. Жюльеном, а также с Б. Констаном и В. Жюи. Странник Робеспьера, а затем участник движения во имя равенства Гракха Бабёфа — Жюльен, как при Наполеоне, так и при восстановленных Бурбонах (по отношению к которым он тоже находился в оппозиции), подвергался опале и гонениям. Образованнейший человек своего времени, талантливый ученый, публицист и педагог, Жюльен с большим вниманием относился к России, к ее историческому прошлому и малоизвестному настоящему.

¹³⁴ «Из воспоминаний И. Оже», стр. 64.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, стр. 65.

¹³⁷ С. В. Окунь. Декабрист М. С. Лунин, стр. 34; Н. Я. Эйдельман. Лунин М., 1970, стр. 52—53.

Вполне очевидно, что желание Кюхельбекера познакомить французскую интеллигенцию с историей и культурой русского народа могло вызвать только одобрение и поддержку со стороны Жюльена. Весьма вероятно также, что живой обмен мнениями между Жюльеном и Кюхельбекером по поводу характера лекций, готовившихся русским оратором, мог отразиться на их содержании. Так, наряду с вопросами истории и культуры, в лекциях Кюхельбекера приобретали большое значение вопросы «политического состояния» страны, проблема международных связей.

Следует отметить и большую поддержку, оказанную Кюхельбекеру Констаном и Жуи, с помощью которых он смог выступить с публичной лекцией в «Атенее» — одном из интереснейших и наиболее прогрессивных научных обществ Франции. Тогда «Атенеи» находился на подозрении у парижской полиции, которая не раз доносила правительству об «антирелигиозных и антимонархических доктринах, которые в нем проповеваются»; общество не раз находилось под угрозой закрытия, которая весьма реальной стала в 1821 г., после прочтения в нем лекций В. Жуи и В. Кюхельбекером.

О том, насколько насыщенной была жизнь Кюхельбекера в Париже и в то же время какое большое место отводил он своим встречам с передовыми французскими деятелями, в том числе с Жюльеном, Констаном, Жуи, свидетельствует сохранившийся лаконичный план заметок о Париже, набросанный Кюхельбекером вскоре после приезда и оставшийся неосуществленным. Так, перечисляя события только одного дня (19/7 апреля), он отмечал: «Жюльен, Жуи, Бенжамен, Камера депутатов..., вечера у Лангле и Жюльена... Туманский. — Гейберг. — Франкони, ... Лекции...»¹³⁸

Виктор Жуи, о котором писал Кюхельбекер, был известен во Франции не только как талантливый писатель и публицист, но и как прогрессивный политический деятель. Его трагедии «Велизарий» (1820) и «Сулла» (1821) носили остронаправленный политический смысл. Его выступления в печати и в «Атенее» были направлены также против Бурбонов. В 1821 г. Жуи начал читать в «Атенее» курс — «Политическая мораль», который, однако, вскоре был прекращен по требованию министра внутренних дел. Лекции Жуи пользовались огромной популярностью у парижан: они «толпами и с таким рвением стремились» в «Атенеи», как будто это было «заседание Палаты депутатов или представление Итальянской оперы»¹³⁹.

После издания лекции Жуи стали известны некоторым декабристам. Лекции Жуи, например, были найдены при аресте у члена «Общества соединенных славян» М. М. Спиридова и фигурировали в деле декабристов¹⁴⁰.

Кюхельбекера привлекала перспектива чтения лекций в «Ате-

нее», где выступали Констан, Жуи, Лакретель, хотя это и было для него большим и ответственным испытанием. Об этом он думал с первых дней пребывания в Париже. Свои лекции он начал в конце апреля — начале мая, но еще 4 апреля писал что в своем воображении представляет «кафедру в Афинее», «с которой он... знакомит француз» с русской литературой¹⁴¹. Конечно, он думал рассказать в своих лекциях о Г. Р. Державине, об И. И. Дмитриеве, о К. Н. Батюшкове и больше всего об А. С. Пушкине. Но замысел лекций Кюхельбекера отражал не только его стремление познакомить французскую общественность с историей и культурой русского народа — он отражал также идеи автора о необходимости расширения контактов между русским и французским народами. «Для нас наступило время, когда для всех народов существенно взаимное знакомство, — так начал свою лекцию Кюхельбекер, — знание того, до какой степени развились среди них идеи, порожденные веком..., которые совершают в настоящую минуту великий переворот в духовной и гражданской жизни человеческого рода и пророчат еще более значительную и всеобщую перемену»¹⁴². По мнению Кюхельбекера, общность ряда социально-политических задач, стоявших как перед Францией, так и перед Россией, должна была способствовать сближению этого великого народа с русским народом, «молодость которого, мощь и великая восприимчивость к правде должны в любой стране внушать большие надежды другу человечества»¹⁴³.

Связывая дальнейшее развитие России со всем ходом исторического развития Европы, Кюхельбекер подчеркивал, что «дух времени» не могут задушить ни насилие, ни принуждение и что «опыт и история подтверждают эту великую истину»¹⁴⁴. На примерах героической борьбы русского народа против татаро-монгольского ига Кюхельбекер убеждал слушателей-французов в том, что недалек тот день, когда народ России сбросит гнет самодержавия, как некогда он сбросил иноземное иго, и что вообще угнетенные «рано или поздно... победят деспотизм и варварство»¹⁴⁵. Смелая речь молодого оратора свидетельствовала об антисамодержавных настроениях в России, о стремлениях ее передовых представителей к активной борьбе против феодального режима, а также и об их желании развивать революционные контакты с другими европейскими народами. Она свидетельствовала об идейной близости передовых русских и западноевропейских общественных деятелей.

Кюхельбекеру было запрещено дальнейшее чтение лекций в «Атенее», а он сам по требованию российского посольства был немедленно выслан из Франции в Россию. На родине судьба Кю-

¹³⁸ Ю. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969, стр. 308.

¹³⁹ «Le Gourrier français», 10 février 1821.

¹⁴⁰ «Восстание декабристов», т. V. М.—Л., 1926, стр. 151.

¹⁴¹ Ю. Тынянов. Пушкин и его современники, стр. 308.

¹⁴² «Литературное наследство», т. 59, стр. 374.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

хельбекера могла оказаться очень тяжелой: после восстания Семеновского полка осенью 1820 г. в стране укрепилась политическая реакция. Обе столицы были взяты под особый надзор, к Аракчееву стекались сведения о всех политически неблагонадежных. В армии была усилена слежка за прогрессивно настроенными офицерами. Собиралась гроза и над Кюхельбекером. Только живое участие А. И. Тургенева, упросившего генерала А. П. Ермолова взять Кюхельбекера на службу на Кавказ, спасло его тогда от возможных репрессий.

В годы подъема декабристского движения также продолжались попытки налаживания связей с тайными антиправительственными обществами Франции. Об этом сохранилось мало материалов. По всей вероятности, новый свет на данный вопрос прольют французские архивные материалы, которые все еще весьма мало изучены. Из следственных же дел и из других документов декабристов известно только, что они, отмечая важное значение развития революции в других странах после совершения ее в России, уделяли большое внимание развитию освободительного движения во Франции, упрочению контактов с его деятелями. И хотя Пестель, как и другие декабристы, в ответах Следственному комитету отвергал все подозрения относительно связей декабристских тайных обществ с французскими, все же известно, что определенная работа в этом направлении велась. Существует предположение, что С. П. Трубецкой, связанный с французскими карбонариями, возил к ним в начале 20-х годов XIX в. текст «Конституции» Никиты Муравьева. Южное общество поручило И. Полиньяку, собиравшемуся ехать во Францию в 1823 г., наладить контакты «с французским тайным обществом» и после этого ознакомить его с «Кратким начертанием „Русской правды“», написанным по-французски С. Муравьевым-Апостолом¹⁴⁶.

* * *

Зревший в передовых кругах русской общественности протест против феодально-крепостнических порядков не ограничивался движением декабристов. Он проявлялся также в попытках организации тайных антиправительственных кружков и групп среди дворянской и демократической интеллигенции в Одессе, на Урале, среди учащейся молодежи в Литве, в польских землях¹⁴⁷; в выступлениях одиночек, доказывавших необходимость ликвидации самодержавно-крепостнического строя и утверждения на земле

«естественного права» и «всеобщего равенства». Некоторые просветительные и литературные легальные по форме общества, среди которых особое место занимало «Вольное общество любителей российской словесности», также активно пропагандировали антикрепостнические идеи и даже находились в тесной связи с декабристами.

Воздействие передовых французских идей и современных политических событий отразилось и на формировании взглядов тех представителей интеллигенции, которые жили в тесном общении с декабристами и находились под влиянием декабристской идеологии. Прежде всего это относится к П. Я. Чаадаеву, А. С. Грибоедову, С. Д. Полторацкому, кн. П. А. Вяземскому, А. С. Пушкину и другим их единомышленникам. Дневники, письма тех лет, а также литературные и публицистические произведения свидетельствуют о большом и вдумчивом изучении ими французских мыслителей XVIII в., особенно Вольтера, Дидро, Монтескье, а также политических писателей XIX в., в том числе Б. Константа, Гизо, Минье, Тьерри.

Кн. П. А. Вяземский, как, впрочем, и некоторые другие представители русской интеллигенции, отдавал в те годы особое предпочтение Вольтеру, справедливо видя в нем одного из идейных вдохновителей французской революции.

Вождь века своего, умов завоеватель,
В руке твоей перо — сраженья острый меч,—

так характеризовал Вяземский Вольтера в стихотворении «Библиотека» (1817)¹⁴⁸. Еще откровеннее значение Вольтера для революции Вяземский раскрывал в своих «Записных книжках», не предназначенных для печати: «Запоздалые в ругательствах, копии обременяют они Вольтера, называют его зачинщиком французской революции. Когда и так было бы, что худо в этой революции?.. Писатель не есть правитель. Он наводит на прямую дорогу, а не предводительствует»¹⁴⁹. Здесь же Вяземский, пожалуй, впервые высоко оценивает не только значение самой французской революции, но и идею революции вообще: «...Осмелитесь сказать, что революция не принесла никакой пользы... Цель всякой революции есть на деле или в словах уравнение состояний, обезоружение сильных притеснителей, ограждение безопасности притесненных: предприятие в начале своем всегда священное, в исполнении трудное, но не невозможное до некоторой степени»¹⁵⁰.

В эти годы Вяземский, разделявший во многом антисамодержавные воззрения своих друзей-декабристов, подвергался опале

¹⁴⁶ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 163; М. В. Печкина. Движение декабристов, т. I, стр. 402.

¹⁴⁷ См. Ю. Г. Оксман. Одесские вольнодумцы пушкинской поры.— «Былое», 1923, № 21; М. А. Горловский. Горный город Екатеринбург. Свердловск, 1948; «К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг.». Варшава, 1898.

¹⁴⁸ П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 146.

¹⁴⁹ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, стр. 53.

¹⁵⁰ Там же.

со стороны Александра I за либеральные проекты переустройства Царства Польского и особенно за свой проект освобождения крестьян. В 1821 г. ему была запрещена служба в Варшаве. Он уехал в свое подмосковное имение Остафьево, где на положении опального изгнанника продолжал интенсивно изучать западноевропейские политические события, доверяя размышления о них своим записным книжкам. Через русских и польских друзей Вяземский регулярно получал многие новинки парижской литературы. Увлечению Вяземского либеральным направлением французской оппозиции соответствовали и его симпатии к оппозиционным изданиям французской прессы. В 20-х годах Вяземскому казалось, что при новом социальном строе «во Франции, в Англии» каждый человек может пользоваться «полнотою бытия своего нравственного и умственного», что там «каждая мысль, каждое чувство... применяется к общей пользе...»¹⁵¹. Поэтому он так энергично высказывался в защиту политических идей Б. Константа, Гизо, видя в конституционно-монархическом буржуазном строе наиболее пригодную форму государственного устройства и для России¹⁵². Впоследствии его взгляды потеряли остроту оппозиционности и прогрессивности, но в первой четверти XIX в. они были даже близки взглядам части наиболее умеренно настроенных декабристов.

Шестнадцатилетний Пушкин в дружеском послании «Городок» тоже высоко оценил французских мыслителей XVIII в., выделив Вольтера среди всех известных ему писателей, поэтов и ученых:

Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук,—
Скажу ль?.. отец Кандида —
Он все; везде велик
Единственный старик!

Пушкин подчеркивал, что именно Вольтер — «фернейский злой крикун» — им был уже тогда «всех больше перечитан»¹⁵³.

Не без идейного общения с теориями французских мыслителей, революционных поэтов прошлого века, а также политических писателей XIX столетия пришел тогда Пушкин к одобрению начального этапа буржуазной революции XVIII в. Если на его отношении к этой революции в начале творчества еще чувствуется весьма существенное воздействие умеренных просветительских теорий, проповедовавших веру в мирный прогресс, то затем его позиции испытывают изменение, становятся более радикальными

¹⁵¹ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1884, стр. 45.

¹⁵² См. М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, стр. 41—42 и др.

¹⁵³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. I. М., 1956, стр. 102.

В оде «Вольность» (1817 г.) он называет нарушением законности, «вольности святой», самодержавное правление монархов:

Владыки! Вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

Отдавая дань идеям просветителей XVIII в., он еще призывает монархов склониться «под сень надежную закона».

Но в то же время взгляды юного поэта свидетельствовали уже и о его стремлении глубже проанализировать причины революции, ее сущность, а также понять ее значение для судеб всего человечества. Об этом убедительно говорят другие строки из той же оды:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!..
И днесь учитесь. о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды¹⁵⁴.

В оценках отдельных этапов буржуазной революции XVIII в. Пушкин был близок к поэту французской революции Экушару Лебрену. Революционная поэзия Лебрена была известна в России уже в конце XVIII в. Его читали Радищев и радищевцы, а затем многие представители последующего поколения передовой русской интеллигенции, в том числе декабристы и близкая к ним образованная молодежь. По всей вероятности, юный Пушкин, воспевая свободу в оде «Вольность», писал о Лебрене, когда звал гордую музу свободы вести его по пути, проложенному «возвышенным галлом»¹⁵⁵. Увлеченный идеями Монтескье, особенно его трактатом «Дух законов», Лебрен в начале революции питал надежды на «мудрость монарха», верил в возможность осуществления им интересов нации. Однако политика Людовика XVI во время революции способствовала изменению отношения поэта как к символу королевской власти вообще, так и лично к Людовику XVI. Тогда же Лебрен понял, что любой «монарх, пользуясь безнаказанностью, неизбежно превращается в тирана» и тогда «нация всегда вправе его осудить на смерть». Поэтому он в «Патриотической оде на события 1792 г.» приветствовал провозглашение республики, а затем принял и необходимость казни короля¹⁵⁶. Но пис-

¹⁵⁴ Там же, стр. 321, 324.

¹⁵⁵ Впервые доказательно расшифровал этот пушкинский образ как намек на Лебрена известный советский пушкиновед Б. В. Томашевский (см. Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960).

¹⁵⁶ «Oeuvres choisies de Le Brun». Paris, 1821, t. I, livre III, ode 11; livre V, ode 11.

провержение монархии Лебрен расценивал как последний, вынужденный акт насилия, полагая, что уже сама идея республики должна стать залогом расцвета страны. Поэтому он не смог понять причин возникновения якобинской диктатуры, ее политики и с осуждением писал об ужасах «кровожадных якобинцев»¹⁵⁷. Пушкин разделял такое отношение к якобинцам, широко распространенное в общественном европейском мнении того времени.

Дальнейший рост русской освободительной мысли сказался на творческом подъеме молодого поэта. Именно в это время Пушкиным были созданы такие выдающиеся вольнолюбивые творения, как «Послание к Чаадаеву» (1818 г.), «Noël» (1818 г.), «Деревья» (1819 г.), «Кинжал» (1820 г.). Становятся более определенными и его оценки французской буржуазной революции. Так, в стихотворении «Наполеон» (1821 г.), он хотя и проводит прежнюю идею о связи диктатуры Наполеона будто бы с якобинской диктатурой, но в то же время признает со значительно большей уверенностью необходимость революции и даже отмечает как благо для народа казнь Людовика XVI:

Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал...¹⁵⁸

Такое восприятие французской революции Пушкиным было тесно связано с изменением отношения к ней среди декабристов, взгляды которых воздействовали на настроения поэта. Однако, как и большинство декабристов, Пушкин не признавал выдающейся роли якобинского этапа в этой революции. Его элегия «Андрей Шенье» (1825 г.) по сути дела была тоже апологией первой стадии революции. На политических настроениях элегии сказались весьма существенно также впечатления от современных революционных движений в Испании и Италии. Как справедливо подчеркивал Б. В. Томашевский, «хотя они и были подавлены, но все еще рассматривались как прообраз подобных же освободительных движений в других странах, и в частности в России»¹⁵⁹.

Тогда же Пушкин был увлечен идеями Руссо, сыгравшим огромную роль в идеологической подготовке французской революции. Сложная фигура Руссо, полного большой любви к людям, выступившего с идеями «Равенства и Братства» и в то же время замыкавшегося в себе, бежавшего от людей, скрытного, гордого, привлекала внимание молодого поэта. Видимо, систематически изучать Руссо Пушкин начал в 1820 г., к его произведениям он обратился и впоследствии, в зрелые годы жизни. Известно, что о

Руссо Пушкин рассуждал со своими друзьями в 1824 г. в Кишиневе, во время южной ссылки. Тогда же он принял участие в одном споре по поводу скептического отношения Руссо к идее «вечного мира», высказанной еще в начале XVIII в. французским аббатом Сен-Пьером. Пушкин выступил в поддержку идеи создания «вечного» нового мира (что-то вроде союза свободных наций), что, по его мнению, связано с революционным переустройством старого общества¹⁶⁰. Руссоизм отразился в «Кавказском пленнике» и особенно в «Цыганах». Но в целом Руссо в творчестве Пушкина занял меньше места, нежели Вольтер и другие просветители XVIII в.

Не только участие в теоретических спорах, но и стремление к активной борьбе против деспотизма монархов, за раскрепощение народов было характерным для передовой части русской интеллигенции. Вести о новых революциях в Европе всколыхнули у Пушкина, как и у других его единомышленников, мечты о совершении личного подвига, усилили идеи тираноборчества. Пушкин с большой страстью рассказывал своим друзьям о героизме греков и испанцев, мечтал попасть в ряды повстанческой армии Ипсиланти. Узнав о подвиге французца П. Лувеля, поэт не раз приводил слова этого простого рабочего, который считал, что ценой своей жизни он мог бы спасти свой народ: «Я хотел освободить Францию от злейших врагов ее!» Однажды Пушкин даже появился в театре с портретом Лувеля, на котором была надпись: «Урок царям»¹⁶¹.

Революционные события на Западе активизировали и революционные порывы А. С. Грибоедова, сказались на дальнейшей радикализации его идейных воззрений.

Отношение к внутриполитической обстановке в России, в которой все более возрастал конфликт между миром крепостников и прогрессивным лагерем, а также к брожению умов на Западе, к революционным выступлениям многих народов против деспотизма монархов — все это нашло свое самое яркое выражение в бессмертной комедии Грибоедова «Горе от ума», оживленная работа над которой падает на начало 20-х годов XIX в. Это были годы, проведенные Грибоедовым на Кавказе и в Персии. Прогрессивно настроенные офицеры Кавказского корпуса генерала А. П. Ермолова проявляли большую осведомленность в политических вопросах, вели жаркие споры по поводу зарубежных событий. «Здесь у нас европейские вести имеют цену, в других местах вовсе неизвестную... — так писал один офицер с Кавказа испанскому революционеру Хуану Ван Галену, проведенному несколько лет в России. — Когда европейские газеты появляются еженедельно и извещают о каком-либо политическом кризисе, каждый делает свои предположения; вслед за сим приходит развязка, и, если она совпадает с предсказаниями, ничего удивительного в том нет, ибо

¹⁵⁷ «Oeuvres choisies de Le Brun», t. I, livre VI, ode 3.

¹⁵⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. II, М., 1956, стр. 63.

¹⁵⁹ Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция, стр. 188.

¹⁶⁰ Б. В. Томашевский. Пушкин и французская литература. — «Литературное наследство», т. 31-32, М., 1937, стр. 43.

¹⁶¹ «Пушкинский Петербург». Л., 1949, стр. 221.

она уже обозначалась со всеми своими возможностями в многочисленных дебатах, где выставлялись все „за“ и „против“»¹⁶².

Радикализм политических настроений Грибоедова подчеркивал и В. К. Кюхельбекер, который вновь с ним встретился на Кавказе в конце 1821 г. Он вскоре посвятил, видимо именно Грибоедову, стихотворение «К Ахатесу»¹⁶³. Это стихотворение вошло в цикл вольнолюбивых стихов, созданных Кюхельбекером под впечатлением национально-освободительной и революционной борьбы в Европе. Оно явилось поэтическим откликом Кюхельбекера на греческое восстание. Кюхельбекер, только что вернувшийся из Франции и спасшийся на Кавказе у генерала А. П. Ермолова от возможных репрессий в связи с обвинением его в вольнодумстве, много рассказывал Грибоедову о революционных событиях в Европе. Несомненно, он знал и об отношении к ним Грибоедова, а также о его стремлении принять участие в активной революционной борьбе.

В стихотворении «К Ахатесу» В. К. Кюхельбекер писал:

И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда¹⁶⁴.

В среде оппозиционно настроенной интеллигенции, собиравшейся вокруг Грибоедова, Кюхельбекера, не только обсуждались текущие политические события в России и за рубежом, но и велись разговоры на философские и исторические темы. Настроения передовых людей своего времени у Грибоедова нашли воплощение в образе Чацкого, выступившего против мира крепостников и мракобесов. Не случайно комедия «Горе от ума», отражающая целую эпоху в истории России — растущий активный протест в кругах русской общественности против самодержавно-крепостнической действительности, — показавшая глубокую пропасть между миром старого и нового, стала одним из самых серьезных политических сочинений русской литературы XIX в. Глубоко национальная по идейному замыслу, пьеса «Горе от ума» явилась в то же время порождением и отражением передовых идей века.

Одним из ярких примеров проявления свободомыслия в среде передовой демократической интеллигенции, воспринимавшей теорию французских просветителей, идеи французской революции конца XVIII в. с позиций насущных задач российской действительности, являются взгляды и настроения крепостного вольнодумца А. В. Лоцманова¹⁶⁵. Сын крепостного интеллигента — служащего

Верх-Исетского завода, Лоцманов, скрыв свое происхождение, поступил в 1821 г. в Московский частный пансион штабс-капитана И. И. Галушки. Некоторые преподаватели французы этого пансиона, очевидцы революции, уделяли большое внимание анализу революционных событий во Франции и прежде всего буржуазной революции конца XVIII в. Возможно, что среди учителей французов были и сторонники якобинцев, которые уехали из Франции после прихода к власти реакционной буржуазии, по словам Лоцманова, «из одного опасения подвергнуться строгости законов». Видимо, опасаясь навлечь репрессии именно на них, Лоцманов, позднее привлеченный к следствию по обвинению в вольнодумстве и попытке создания антиправительственного общества на Урале, скрыл от III Отделения их имена.

На формирование мировоззрения молодого вольнодумца, интенсивный период развития которого связан со временем его обучения в Москве, большое влияние оказало и самостоятельное знакомство с передовыми идеями русских, а также французских мыслителей: Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Руссо, Монтескье, Д'Аламбера. По собственному свидетельству Лоцманова, тогда его воображение насыщалось этими идеями «и постепенно приготавливалось и образовывалось к странным и гибельным замыслам»¹⁶⁶. Значительное влияние оказала на Лоцманова также работа А. Баррюэля «Записки о якобинцах», появившаяся в начале XIX в. В ней автор проповедовал уничтожение социального неравенства и установление подлинного равноправия на земле («...Мы требуем общего наслаждения дарами земными... Исчезните, наконец, несносные отличия богатых от бедных, великих от малых, господ от слуг, государей от подданных! Да будет одно токмо различие между людьми — в возрасте и поле») ¹⁶⁷.

Все более ощущаемая потребность ликвидации крепостного строя в России, которая находила подкрепление в идеях русских и французских передовых мыслителей, привела Лоцманова в итоге к выводу о необходимости создания тайного антиправительственного общества. Свои взгляды на цели и задачи общества, свое отношение к самодержавию и крепостничеству Лоцманов изложил в работе «Отношение» (посвящена в 1823 г. Н. С. Мордвинову, которого он, как, кстати, и многие декабристы, считал одним из последовательных оппозиционеров по отношению к самодержавно-крепостническому строю), а также в «Подробном жизнеописании» и повести «Негр, или Возвращенная свобода». Лоцманов выступил от имени народа со словами приговора угнетателям: «Миллионы жертв, принесенных на алтарь корысти европейцев, миллионы сих несчастных людей, погибших от угнетения и скупости европейцев, вопиют о мщении...»¹⁶⁸.

¹⁶² М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 208—209.

¹⁶³ Там же, стр. 217; В. К. Кюхельбекер. Сочинения, т. I, Л., 1939, стр. 57.

¹⁶⁴ В. К. Кюхельбекер. Сочинения, т. I, стр. 57 (Ахатес — верный друг легендарного Энея. — *Примеч. авт.*).

¹⁶⁵ См. Л. А. Коган. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966.

¹⁶⁶ Там же, стр. 89.

¹⁶⁷ «Записки о якобинцах аббата А. Баррюэля», ч. 6. М., 1808, стр. 55.

¹⁶⁸ Л. А. Коган. Крепостные вольнодумцы (XIX век), стр. 108 (из работы Лоцманова «Негр, или Возвращенная свобода»).

Итак, уже на заре развития освободительного движения в России декабристы и их идейные сторонники рассматривали задачу революционной борьбы с самодержавно-крепостническим режимом не только как свое внутреннее дело, но и как часть общего дела мирового революционного движения, направленного на борьбу со старым строем.

В процессе формирования революционной идеологии они опирались на исторический опыт и теоретическое наследие передовых мыслителей своей страны. Важную роль играли также европейские идейные и личные контакты, революционные связи, расширявшие и углублявшие их познание процесса исторического развития и способствовавшие становлению их революционности. В. И. Ленин писал, что еще в период наполеоновских войн многие будущие декабристы «были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы...»¹⁶⁹. Передовые идеи Франции, привлекавшие в тот период особое внимание русской общественности, нашли отражение в идеологии декабристов и их единомышленников. Критически проанализированные и осмысленные, они способствовали формированию оригинальной, возвращенной на русской почве декабристской идеологии.

Пробуждение интереса к жизни России в кругах французской интеллигенции. Отклики на восстание декабристов

Проявление внимания к жизни России со стороны мыслящей французской интеллигенции в XVIII в. подготовило постепенный, хотя и далеко не последовательный, рост объективных знаний о ней во Франции в новом, XIX, столетии. И хотя процесс этот долгое время не отличался большой интенсивностью, развитие его было очевидным. Оно ощущалось по-разному в разные исторические периоды, было связано с конкретными историческими условиями и событиями. Правда, в степени познания друг друга между этими странами долгое время наблюдалось неравенство, во многом определявшееся разным уровнем их социально-экономического и политического развития. В известной мере это тормозило и расширение интереса к России во Франции. В результате далекая Россия для французской интеллигенции долгое время продолжала во многом еще оставаться страной-загадкой.

Трудность изучения России определялась также тем, что в условиях самодержавно-крепостнического режима внешние проявления общественно-политической жизни страны были подавлены, глубоко скрыты. Иностранцам трудно было понять общественно-политическую жизнь России, увидеть освободительное движение, которое исподволь, изнутри подтачивало самодержавно-крепостнический строй, лишь иногда бурно прорываясь наружу, как это произошло 14 декабря 1825 г. во время восстания декабристов.

Но тем не менее некоторые стороны российской действительности, скрытые за помпезным фасадом самодержавия, стали предметом изучения и обсуждения многих выдающихся французских мыслителей XVIII в. Просветители, идеологически обосновывавшие необходимость замены феодальных отношений новыми, подвергли критике и самодержавно-крепостнические порядки в России. Показывая, что тогда перед Францией и Россией, хотя и разной степени остроты, стояли задачи борьбы за утверждение новых общественных отношений, французские просветители не только обратились к рассмотрению жизни русского крестьянства, но и попытались даже наметить пути и средства для изменения его

¹⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.

положения. Вольтер, Дидро, Рейналь, Мерсье де ла Ривьер, Бернарден де Сен-Пьер и другие энциклопедисты не только теоретически обосновывали свои антикрепостнические идеи, но и пытались убедить Екатерину II в необходимости проведения ряда конкретных преобразований¹.

Некоторые французские ученые во главе с Вольтером прислали в 1765 г. в Санкт-Петербург на конкурс «Вольего экономического общества» свои работы о России, в которых обосновывали необходимость ограничения крепостничества в стране. О тяжелом положении крестьянства России писали также Дидро и Рейналь, приехавшие в страну по приглашению Екатерины II и ставшие впоследствии обличителями ее демагогической, реакционной политики. С проектом создания республики свободных крестьянских общин выступил физиократ Бернарден де Сен-Пьер, за что и был спешно выслан Екатериной II из России².

Однако наметившийся интерес прогрессивно настроенной французской интеллигенции XVIII в. к жизни России под влиянием ряда внутренних, а также и внешнеполитических событий был ослаблен затем на многие годы. Напуганные французской революцией, особенно якобинской диктатурой, Екатерина II, а затем Павел I усиленно пытались любыми средствами истребить в России «мятежный» дух Франции, не допустить проникновения в страну прогрессивно настроенных французов. В то же время страна наполнилась беглыми французскими эмигрантами-роялистами, которые охотно прославляли самодержавный режим в России. Началось наступление реакции на учения французских просветителей. В России появились официозные «разоблачительные» памфлеты на Вольтера, Дидро и других мыслителей. Царизм пытался искусственно приостановить рост дружеского расположения передовых деятелей Франции к России. Диктатура Наполеона во Франции, сложные внешнеполитические отношения между странами в начале XIX в. также явились значительным препятствием для продолжения развития положительных знаний о России во Франции.

После внимания, проявленного к России французскими просветителями, новый заметный интерес к ней пробудился после Отечественной войны 1812 г. в связи с падением наполеоновского владычества как в ряде стран Европы, так и прежде всего в самой Франции. Как отмечает французский исследователь Шарль Корбе, «в связи с победами 1813—1814 гг. Россия все больше притягивала внимание Европы. Нельзя считать, чтобы она породила всеобщую симпатию... но интерес к ней повсюду возрастал. Было закономерно, что завершение неслыханных успехов русской державы отразилось на интересе, который вызвала ее цивилизация, и не

только в нашей стране»³. Но образ России, который складывался в представлении французской интеллигенции в первой половине XIX в., зависел и от сложной, к тому же довольно быстро изменявшейся обстановки в Европе. Международная политика царизма, который после освободительных походов 1813—1814 гг. выступил во главе контрреволюционных сил, создавала известные затруднения в формировании объективного отношения французской интеллигенции к внутренней жизни России. Но постепенно благодаря совместным усилиям прогрессивно настроенных общественных деятелей России и Франции и контактам революционеров обеих стран стали преодолеваются многие поверхностные, предвзятые представления о жизни русского народа. Внимание к жизни России находило выражение в разных формах. В рассматриваемый в данной главе период стало заметнее ощущаться стремление французской интеллигенции к установлению и расширению личных контактов с русскими людьми, желание побывать в России с познавательными целями. Публикация в 10—20-х годах XIX в. ряда новых работ о России явилась также важным свидетельством роста интереса к этой стране.

Пребывание во Франции в первые послевоенные годы многих высокообразованных и прогрессивно настроенных русских людей, установление личных дружественных отношений с передовыми политическими, культурными и революционными деятелями Франции, в том числе с Сен-Симоном, М.-А. Жюльеном, Грегуаром, Сийесом, деятелями гренобльского восстания, с Констаном, Жюи и другими,— все это, несомненно, оставило свой след в сознании французской интеллигенции, способствовало росту ее внимания к России. Как уже было отмечено выше, значительным был резонанс в прогрессивных кругах французской интеллигенции от выступления в Париже В. К. Кюхельбекера. Смелые речи оратора из далекой и так мало известной страны встретили поддержку в среде прогрессивно настроенных представителей французской интеллигенции, особенно у М.-А. Жюльена, Б. Констана, В. Жюи. По воспоминаниям современников, часть слушателей даже бурно аплодировала речам Кюхельбекера, а «одни седой якобинец... поддержал его пророческими словами: „Берегите себя, юноша! Вы нужны своей родине!“»⁴.

Наряду с работами, носившими скорее развлекательный, чем познавательный, характер, стало появляться больше и весьма содержательных книг. Среди них привлекали внимание прежде всего труды мадам де Сталь, Паспана и Ж.-М. Шопена, в которых в какой-то степени нашли отражение вопросы положения крестьянства в России, а также были сделаны попытки освещения некоторых сторон русского общественного движения. Вопреки стараниям цар-

¹ *Charles de La Rivière. La France et la Russie au XVIIIe. Etudes d'histoire et de littérature franco-russe, t. I. Genève, 1970.*

² *И. Берков. Изучение русской литературы во Франции.— «Литературное наследство», т. 33-34. М., 1939, стр. 721—768.*

³ *Ch. Corbet. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. 1799—1894. Paris, 1967, p. 120.*

⁴ *Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 462—463.*

ского правительства, во Францию проникали вести об обострении классовой борьбы в России, росте крестьянских и солдатских волнений. Все это находило отражение как в монографических работах, так и в прогрессивной публицистике.

Мадам де Сталь, сторонница идей Просвещения, представительница французского романтизма, всегда интересовалась Россией и стремилась дать Европе о ней более объективное представление. Пытаясь разобраться во многих непонятных для нее сторонах русской жизни, де Сталь очень хотела побывать в России, что ей и удалось осуществить летом 1812 г.⁵ Свои русские впечатления и наблюдения она изложила в работе «Десятилетнее изгнание», изданной посмертно в 1821 г.

Де Сталь первая из французских писателей XIX в. отошла от мнения, получившего распространение во Франции, будто бы Россия — это страна только ужасных морозов, грозных царей да страшных казаков. Де Сталь сумела заметить скрытые, потенциальные силы русского крестьянина, отметить душевную тонкость простого человека и предсказать народу России большое будущее. По мнению де Сталь, русский «народ характеризуется чем-то гигантским во всех отношениях», и поэтому «после длительного наблюдения нельзя не прийти к выводу, что это народ незаурядный», что «все зависит от этого народа, и в будущем можно будет увидеть эту страну счастливой...»⁶. Книга де Сталь была замечена и высоко оценена в передовых кругах французской и русской обществ. О ней с похвалой отзывались декабристы, с положительной рецензией в «Московском телеграфе» выступил А. С. Пушкин: «Из всех сочинений г-жи Сталь книга „Десятилетнее изгнание“ должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и проникательный, замечания разительные по своей новизне и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины»⁷.

В работах П. Дюкре де Паснана «Россия и рабство» (1822 г.) и Ж.-М. Шопена «О современном состоянии России» (1822 г.) получили некоторое освещение вопросы преддекабристского общественного движения, которые как бы подводили базу и для более

объективного восприятия движения самих декабристов. Прожив несколько лет в России, Паснан, видимо, знал о возникновении в России первых тайных антиправительственных обществ, с которыми он справедливо связывал начало нового этапа в общественном движении России. Так, Паснан подчеркивал, что тайные общества в России могут сыграть большую роль «в важном деле борьбы за освобождение рабов»⁸.

Шопен, так же как и Паснан, освещал внутриполитическую обстановку в России, отмечая некоторые основные причины возникновения декабристских антиправительственных организаций. Он писал об «изысканных правах» дворян и о тяжелейшем положении народа, о его большой бедности и темноте⁹. Но вместе с тем Шопен указывал и на те существенные сдвиги в умах простых людей, которые стали наблюдаться в России после Отечественной войны 1812 г.

Наряду с общественно-политическими вопросами Шопена весьма привлекали вопросы русской культуры. Шопен тоже прожил несколько лет в России, сначала служа библиотекарем и секретарем у кн. А. Б. Куракина, а затем преподавателем в семье будущего декабриста А. И. Одоевского. Он имел возможность познакомиться с настроениями прогрессивной русской интеллигенции, которые прорывались и на страницы художественных произведений, и в периодическую печать и которые оказали определенное влияние на рост его интереса к культуре России. Познакомившись еще в России с ранними стихотворениями А. С. Пушкина, Шопен сумел почувствовать в молодом поэте большую творческую силу. Интерес к Пушкину он сохранил и впоследствии, по возвращении на родину. Более того, Шопен стремился познакомиться с творчеством Пушкина французских читателей. Так, им были впервые переведены на французский язык и изданы во Франции «Кавказский пленник», «Цыганы» и другие произведения поэта.

В начале 20-х годов XIX в. во Франции были изданы мемуары прогрессивно настроенного врача, в прошлом участника наполеоновского похода в Россию М. Р. Фора «Воспоминания о Севере...»¹⁰, в которых автор осуждал крепостничество в России, называл его «источником всех бед и нищеты русского народа». Работа Фора была сразу же расценена царской цензурой как опасная, и ее распространение в России было немедленно запрещено. Но тем не менее эта книга стала известна передовой интеллигенции России. Так, кн. П. А. Вяземский обратил внимание на ее обличительную сторону, отметил резкую критику Фором крепостнических отношений, хотя и высказал по всей работе ряд существенных замечаний. В третьей записной книжке, которую Вяземский

⁵ Изгнанная в 1802 г. из Франции Наполеоном за оппозиционность к его диктаторскому режиму, мадам де Сталь ряд лет провела в Германии, Италии, Швейцарии. Усилившиеся преследования швейцарских властей после запрета во Франции ее книги «О Германии» (1810 г.), отставшей право национального единства и независимости, побудили ее уехать в Россию, откуда она направилась в Швецию, а затем в Англию. Только после падения власти Наполеона во Франции мадам де Сталь смогла вернуться на родину.

⁶ А. Л. Ж. Стаël. Oeuvres complètes, t. XV (Dix années d'exil). Paris, 1824, p. 271, 273, 277.

⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, М., 1958, стр. 22. Впервые напечатано: «Московский телеграф», 1825, № 12, стр. 355 — 356.

⁸ Л. В. Крестова. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. — «Исторические записки», т. 13, М., 1942, стр. 223.

⁹ Там же.

¹⁰ «Souvenirs du Nord, ou la guerre, la Russie et les Russes, ou l'esclavage» par M. R. Faure. Paris, 1821.

вел во время опальной жизни в Остафьево, он заполнил многие страницы выписками из работы Фора¹¹. Есть сведения и о том, что в 1824 г. Вяземским была написана для «Revue Encyclopédique» статья о книге «Воспоминания о Севере...», которая, к сожалению, не сохранилась. М.-А. Жюльен, как свидетельствуют отрывки из чернового письма Г. А. Римского-Корсакова к Вяземскому, не решился опубликовать эту статью, опасаясь запрета его журнала в России¹².

В других письмах к Жюльену Вяземский подчеркивал, что он не может в своих статьях о России для «Revue Encyclopédique» ограничиваться только изложением фактического материала, без анализа его, без критического разбора освещаемых сторон российской действительности. В связи с этим он писал Жюльену 21 мая 1824 г.: «...Россия находится в еще совсем младенческом возрасте, и что говорить вам о ней — значит делать крайне жестокую критику той опеки, которая держит ее в состоянии запоздалого детства... Я вижу свою национальную гордость не в том, чтобы торжествовать по поводу того, что у нас есть, а в том, чтобы сожалеть о недостающем... И все мои благомыслящие соотечественники, конечно, разделяют мое мнение»¹³.

Но некоторые проблемы внутренней жизни России нашли отражение на страницах прогрессивной французской переподпиской печати. «Constitutionnel», «Le Globe», «Revue Encyclopédique», выступавшие против реакционного правления Людовика XVIII, а затем и Карла X, проявили известный интерес к развитию антикрепостнического движения в России, порицали бесчеловечную жестокость помещиков, гнетущий режим в армии. Так, «Constitutionnel» откликнулся с сочувствием на событие, которое не получило значительной огласки даже в самой России. Речь идет о солдатском волнении, происшедшем в 1822 г. в Камчатском полку 16-й пехотной дивизии, которой командовал известный в прогрессивных кругах французской интеллигенции М. Ф. Орлов. Солдаты этого полка, не выдержав надругательства ненавистного им ротного капитана Брюхатова, выступили против него. М. Ф. Орлов встал на сторону солдат, за что был фактически отстранен от службы (в 1823 г. он лишь числился «состоящим по армии»). Французский журнал высказался в поддержку этого солдатского выступления в статье «О возмущении солдат 16-й пехотной дивизии и мятежном духе во всех полках генерала Сабанеева»¹⁴.

Более систематические сведения о России давал научно-общественный журнал «Revue Encyclopédique», издававшийся М.-А. Жюльеном. Это было серьезно поставленное, глубоко про-

думанное обозрение европейской общественной и культурной жизни, в котором уделялось много внимания русской жизни и литературе. О них журнал был осведомлен лучше любого другого французского периодического издания. Уже знакомства Жюльена с передовыми представителями интеллигенции России, которые произошли в основном в первые послевоенные годы, укрепили его в симпатиях к народу этой страны, к ее истории и культуре. Дружеские чувства к России испытывал также Эдм-Иоахим Геро, один из деятельнейших сотрудников журнала и секретарь редакции. В 1809—1819 гг. Геро жил в России, где хорошо овладел русским языком. В 20-х годах XIX в. он считался во Франции едва ли не лучшим знатоком России. Геро выступал со статьями о современной России, с обозрениями о русской литературе и переводами произведений русских авторов. Каждый том журнала давал подробную информацию о всех новейших событиях в общественно-политической жизни России, в области русской литературы и искусства. Специальный раздел был посвящен различным отраслям науки и техники¹⁵.

Жюльен и Геро, уделяя в своем журнале большое внимание русской тематике, помогали французскому читателю преодолевать поверхностные, а подчас и просто фантастические представления о России, способствовали укреплению контактов между французскими и русскими передовыми деятелями. По инициативе редакции журнала его русскими корреспондентами стали П. А. Вяземский, С. Д. Полторацкий, Я. Н. Толстой и другие представители просвещенной русской интеллигенции. Молодой публицист Полторацкий много писал о современной русской литературе, все определеннее становившейся выразительницей передовых идей¹⁶. Он же дал высокую оценку свободолюбивых, антикрепостнических настроений поэзии Пушкина, с восхищением писал в журнале о стихотворениях «Деревня» и «Вольность», раскрывающих надежды поэта на восхождение над его родиной «прекрасной зари свободы»¹⁷.

В 1824 г. в «Revue Encyclopédique» появилась информация Полторацкого о «Полярной звезде», издаваемой декабристами А. А. Бесгузовым и К. Ф. Рылевым. Автор с восхищением писал об этом издании «молодых талантливых литераторов», которые были уже известны читателям по альманаху 1823 г. и по ряду других их произведений. Отмечая высокую идейность и богатство содержания первого выпуска «Полярной звезды», Полторацкий

¹⁵ См., например: «Revue Encyclopédique», t. 21, 1824, p. 218—220 — о драматургии; p. 368—370 — о литературе и периодической печати; p. 462—464 — о русских научных обществах; p. 604—607 — о театрах и т. д.

¹⁶ Статьи Полторацкого в большинстве не подписаны. Они частично учтены в «Table décennale de la Revue Encyclopédique 1819—1829» par P. A. M. Miger. Paris, 1831, t. 2, p. 371—374.

¹⁷ «Revue Encyclopédique», 1824, t. 22, p. 385; t. 23, p. 644; см. также: «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, стр. 299—300.

¹¹ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, стр. 404.

¹² М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, стр. 95.

¹³ «Литературное наследство», т. 31-32. М., 1937, стр. 94—95.

¹⁴ «Constitutionnel», 14 août 1822.

подчеркивал, что именно эта сторона вызвала «благожелательный прием... у публики», который «окрылил их продолжать это издание»¹⁸. Содержание «Полярной звезды» на 1824 г., раскрытое Полторацким, свидетельствовало о передовых взглядах его издателей, отражало их революционные настроения. В альманах, по словам Полторацкого, были включены «лучшие поэты и прозаики»; им были отмечены приведенные в «Полярной звезде» отрывки из трагедии Шиллера «Орлеанская дева», некоторые сцены из Аристофана. Рядом с творениями таких величайших гениев были названы произведения Крылова и Пушкина, творчество которых было очень высоко оценено Полторацким¹⁹.

В том же 1824 г. журнал напечатал обзор С. Д. Полторацкого о работе школ взаимного обучения в России. Как известно, эти школы, основанные при содействии М. Ф. Орлова, С. И. Тургенева и других русских еще в Париже в 1816 г., в дальнейшем получили свое распространение и в России. С удовлетворением отмечал Полторацкий увеличение числа русских учащихся в таких школах. «Прекрасный метод взаимного обучения не представляется сегодня спорным для передовых умов,— подчеркивал автор.— Достижением для России, а для всего человечества утешением является то, что увеличивается год от года в этой стране число полезных начинаний и растет число людей, способных служить делу прогресса и цивилизации»²⁰. Такие заявления Полторацкого не могли остаться незамеченными царской цензурой. Участие Полторацкого в «Revue Encyclopédique», его связи с Жюльеном вызвали подозрения со стороны III Отделения, установившего за русским корреспондентом тайный надзор.

Известное участие в жизни этого журнала, а также в издании «Bulletin universel des sciences et de l'Industrie» принимал А. Н. Оленин — археолог и историк, с 1811 г. директор Публичной библиотеки в Петербурге, а с 1817 г. — президент Академии художеств. Редактор «Bulletin universel...», профессор Феррюса неоднократно обращался к Оленину с просьбой принять участие в работе этого журнала, в обсуждении его годовых проспектов. При этом Феррюса подчеркивал большое внимание издателей к замечаниям, присылаемым Олениным, которые, как он, например, отмечал в официальном письме 1 января 1824 г., помогают полнее «учесть все новейшие достижения науки и придать самое современное направление журналу»²¹.

В 1818—1819 гг. Оленину, как большому знатоку и ценителю исторических материалов, французский археолог и лингвист Ш. Пужан предлагал приобрести для Публичной библиотеки огромную коллекцию документов французской буржуазной революции²². Но,

видимо, из-за недостатка средств эта коллекция приобретена не была.

В начале 20-х годов XIX в. во Франции появилось несколько работ, специально посвященных вопросам русской культуры, в которых, наряду с именами В. А. Озерова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, уже было отмечено имя молодого Пушкина. По мнению Ш. Корбе, именно с этого времени французская литература стала выделять творчество Пушкина и проявлять к нему интерес²³. «Русская антология» Дюпре де Сен-Мора и «Драматические шедевры иностранных театров» А. де Сен-При, изданные в Париже в 1823 г., несмотря на подчас довольно поверхностные оценки русской культуры (за это они были подвергнуты критике в русской прогрессивной печати), тем не менее тоже внесли определенный вклад в развитие русско-французских идейных и культурных связей. Такие произведения быстро распространялись во Франции среди тех, кто интересовался Россией, и тем способствовали пробуждению общего внимания к жизни этой страны. Так, Сен-Мор, помимо характеристики работ отдельных авторов, попытался дать и общую оценку культурной и общественной жизни современной России. Несмотря на ряд неглубоких, а то и просто ошибочных суждений, он сумел тем не менее понять и показать весьма важный аспект развития русской культуры — отметить, что Россия выходит мало-помалу из своей интеллектуальной обособленности в Европе и расширяет связи с Францией. «Антология» Сен-Мора если и завоевала еще очень немного поклонников в связи с довольно слабым анализом русской литературы, то все-таки стала этапом на пути признания русской литературы во Франции.

Наряду с интересом к современной общественно-политической и культурной жизни России, в кругах мыслящей французской интеллигенции наметилось стремление познать историческое прошлое страны. Об этом свидетельствуют новые оригинальные и передовые исторические работы, появившиеся во Франции уже в первые годы Реставрации. Так, в 1816 г. была издана книга А. Дюрдена «Важнейшие события истории России от Рюрика до Александра», а с 1819 г. в Париже стали выходить первые тома перевода «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Этот перевод был начат в 1817 г. в России двумя французами — профессором Жоффре и Сен-Тома (позже преподавателем Санкт-Петербургского университета). Он осуществлялся с ведома и даже при известном участии самого автора «Истории».

М.-А. Жюльен, знакомый с исторической концепцией Карамзина, но далеко не разделявший его исторических взглядов, объявил в 1818 г. в Париже подписку на свой перевод этого труда, который он задумал издать с комментариями. Из-за выхода в свет перевода Жоффре и Сен-Тома Жюльену не удалось осуществить свой замысел. Им был издан только особый «Prospectus» и сделан пере-

¹⁸ «Revue Encyclopédique», 1824, t. 23, p. 643.

¹⁹ Ibid., p. 643—644.

²⁰ Ibid., t. 22, p. 480.

²¹ Отдел рукописей ГПБ, ф. 542, оп. 2, д. 321, л. 1.

²² Там же, д. 161, л. 2—2об.

²³ См. Ch. Corbet. Op. cit., p. 126.

вод карамзинского «Предисловия» к его «Истории». Однако замысел Жюльена издать труд Карамзина с критическими замечаниями и комментариями, его отношение к историческим воззрениям автора уже сами по себе вызвали интерес и живое обсуждение в среде русской и французской интеллигенции.

Таковы были некоторые новые черты, наметившиеся у представителей прогрессивной французской интеллигенции в отношении к России, стране, которая, нанеся поражение Наполеону, поразила всю Европу и заставила более вдумчиво всматриваться в жизнь русского народа. Проявление этих черт свидетельствовало также об укреплении во французской историографии того времени идей историзма, тех идей, которые проповедовали и развивали в своих трудах такие ведущие мыслители новой, буржуазной школы, как Гизо, Минье, Тьерри, Кузен и другие.

Однако, отмечая эти некоторые новые тенденции в отношении к России, которые выражались тогда в стремлении увидеть и познать Россию не официальную, царскую, но прогрессивную, выражающую настроения русских оппозиционных сил, народных жизненных интересов, ознакомиться с положением народа и его дальнейшей судьбой, конечно, сразу же следует указать, что эти тенденции были еще весьма робки и не перекрывали бытовавшего во Франции представления о России как о стране дикой и неразвитой. Тогда даже в восприятии России прогрессивно мыслящими французами было много предвзятого, а иногда и просто тенденциозного. Это было связано не только с поверхностным представлением о жизни страны, но в известной мере являлось также и отражением отношения Франции к самодержавной власти в России, к ее реакционной внешней политике.

Но наметившееся стремление передовой французской интеллигенции к более объективному изучению России, к познанию ее культурного и общественно-политического движения было весьма жизненным. Оно было вызвано теми конкретными историческими условиями, в которых развитие связей между Россией и Францией не могло не выходить за рамки только официальных контактов. Оно определялось рядом общих исторических задач, стоявших перед этими народами. В среде французской общественности наметилась тенденция и к установлению более тесных личных связей, которые проявились уже в преддекабристскую пору.

В отклике на восстание декабристов в среде прогрессивной французской интеллигенции также проявились черты внимания и интереса к передовым силам России. Представители прогрессивно мыслящей интеллигенции Франции сумели подчас по-иному, нежели ее официальные круги, оценить вооруженное восстание декабристов 14 декабря 1825 г. и попытались вскрыть объективные причины этого выступления.

10 января (н. ст.) 1826 г. в Париж пришли первые официальные известия о восстании в Петербурге. Это были депеши министра иностранных дел России К. В. Нессельроде русскому послу

К. О. Поццо ди Борго и французского посла в Петербурге Ляффероне министру иностранных дел А.-Г. Дама. Несколько позднее была получена русская пресса, в которой излагалась правительственная версия восстания. Французские правительственные круги, идейным рупором которых в печати были такие парижские издания, как «Drapeau Blanc» и «Moniteur», проводили через них официальную оценку восстания, данную царским правительством. Эти газеты старались всячески очернить восстание декабристов, заявив, что это было якобы не революционное выступление, а только придворный заговор нескольких лиц без политической основы и военной поддержки. Такую версию излагал, например, «Moniteur» 28 февраля 1826 г., ссылаясь на статьи о 14 декабря 1825 г., приведенные в «Journal de Saint-Petersbourg».

Но в то же время официальные круги Франции, противореча своим оценкам, не могли не высказать опасения по поводу возможных серьезных последствий выступления 14 декабря в России для всей монархической Европы. Выражая такие настроения, «Drapeau Blanc» писала: «Закончим искренним признанием, что мы находимся в тяжелых обстоятельствах... Европа может погибнуть... из-за уже чувствительных успехов разрушительных принципов и плодов той революции, которой позволили обойти весь мир»²⁴. Тревожные настроения в правительственных сферах создавали депеши посла Ляффероне, который, явившись очевидцем восстания, неоднократно подчеркивал, что и после восстания «положение нового императора очень трудное и даже критическое» и что подавление «этого первого возмущения» еще не устранило угрозы новых выступлений. По мнению Ляффероне, в той напряженной политической атмосфере «одно восстание военных поселений может повергнуть империю в величайшую опасность...»²⁵.

Естественно, что такие противоречивые суждения, проникавшие на страницы даже официальной прессы, сеяли известное недоверие к трактовке русских событий монархическими французскими кругами, способствовали привлечению внимания к оценкам восстания декабристов, даваемым представителями прогрессивной французской общественности.

Несмотря на стремление царского и французского правительств распространить во Франции только официальную версию восстания, в страну проникали по разным неофициальным каналам иные сведения, которые порождали в среде прогрессивной французской интеллигенции оценки восстания декабристов как антисамодержавного и антикрепостнического революционного выступления. В Петербурге проживало тогда большое число французов, многие из которых могли стать очевидцами и свидетелями событий на Сенатской площади. О том, что в Петербурге французы обсуждали

²⁴ «Drapeau Blanc», 25 janvier 1826.

²⁵ *И. Ангеран*. Отголоски восстания декабристов во Франции.— «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 102 (разрядка наша.— *О. Р.*).

эти события и высказывали свои весьма радикальные суждения, свидетельствуют некоторые материалы III Отделения. В одном из дозосов осведомителя о настроениях в столице в начале 1826 г., который вошел в отчет III Отделения за 1826 г. (III Отделение «собственной его императорского величества канцелярии» было создано по указу Николая I 3 июля 1826 г.), например, сообщалось, что в доме некоего купца Копосова у его квартиранта коллежского секретаря Вышинского часто собирались «молодые люди из числа военных и иностранцев, в том числе и некто Шевалье — француз», что молодые люди «весьма свободно рассуждают о политике и обстоятельствах, касающихся правительства», и что «из числа военных заметны Семеновского полка Шулепниковы и Генеральского штаба капитан Болотов»²⁶. Еще раньше, в начале 1826 г., под надзор полиции был взят ряд французских подданных, проживавших тогда в России, в том числе учителя, торговцы, купцы, ремесленники, прислуга²⁷.

Известно также, что некоторые французы, заподозренные в связях с декабристами, подверглись разного рода репрессиям. Так, в 1826 г. из России во Францию были высланы по требованию Николая I «отставной поручик граф Спиридон Булгари и граф Андрей Булгари, замешанные в деле о злоумышленном обществе». По сообщениям министерства иностранных дел России послу Поццо ди Борго, они были отправлены из Кронштадтского порта на купеческом корабле «Неустрашимый» в Руан²⁸. Французский подданный, учитель Фурнье де Ваффлемон, близкий друг семьи Раевских знакомый Пушкина, тоже связанный с декабристами, был арестован в январе 1826 г., но вскоре освобожден «за недостаточностью улик». И тем не менее он находился на подозрении у III Отделения, которое подчеркивало, что «иностранец Фурнье известен правительству с невыгодной касательно правительственного и политического поведения стороны»²⁹. В 1826 г. Фурнье жил у Н. Н. Раевского, встречался с М. Ф. Орловым. А. Х. Бенкендорф неоднократно требовал — «при обнаружении малейшего на счет его сомнения» — высылки Фурнье во Францию. Только заступничество Орлова помогло французю остаться в России, но под строгим наблюдением полиции³⁰.

Вполне естественно, что в письмах французов на родину, в рассказах очевидцев, возвращавшихся во Францию, а также в письмах русских к французским друзьям и соотечественникам передавались сведения и делались выводы, весьма отличные от правительственных сообщений.

Во Франции, помимо временно находившихся российских под-

данных, проживали русские, попавшие в плен к французам в 1812 г. и отправленные сюда из России. Они поддерживали связь с родиной, пристально следили за всеми происходившими там событиями. В начале 1826 г. ими было подано в российское посольство в Париже коллективное прошение о разрешении вернуться домой. Они просили «прекратить тяжкий жребий, который поныне нас отягощает, а именно избавить нас от французской службы»³¹. Вполне понятно, что, получая различными путями известия о происшедших в России событиях, они также способствовали распространению неофициальных сведений о декабристах во Францию, и притом, видимо, судя по их социальному положению во Франции, даже в ее демократических слоях³². Такие сообщения приводили к новым раздумьям, к попыткам более серьезно разобраться в событиях, происшедших 14 декабря 1825 г. в России.

О различной трактовке восстания декабристов во Франции иностранно сообщал в Россию Поццо ди Борго, убежденный роялист и консерватор. Несмотря на свое стремление заверить Николая I в общем отрицательном отношении в Париже к декабристам, он тем не менее должен был отметить, что таковой была реакция прежде всего официальных кругов и консервативно настроенной французской интеллигенции. Даже по его наблюдениям, в прогрессивных кругах французской общественности были заметны иные оценки восстания, наблюдалось сочувствие к делу декабристов. В этом его убеждали прежде всего отклики на выступление декабристов в «Constitutionnel», «Le Globe», «Courrier français» и даже в «Journal des Débats», которые отражали идейные настроения различных группировок современной французской интеллигенции. Как сообщил посол в депеше из Парижа в Петербург К. В. Нессельроде 21 января (2 февраля) 1826 г., некоторые французские газеты и журналы «пытались предвещать катастрофы еще более страшные, бросать сомнения на самые достоверные сведения и, наконец, оправдывать мятеж и измену»³³. Поццо ди Борго стало также известно, что некоторые материалы о декабристах для оппозиционной прессы поступали и от русских, находившихся тогда в Париже и, видимо, получавших по разным каналам неофициальные сообщения. Так, в новом донесении в Петербург он называл уже некоего Толстого, который опубликовал свою статью о декабристах в журнале «La France chrétienne» и имя которого ему помогла обнаружить французская полиция³⁴. По всей вероятности, это был гвардии капитан Николай Толстой, который вскоре после появления его статьи был выслан из Франции в Россию, там уволен со службы и взят под надзор полиции. Тогда же по требованию Нессельроде вообще усилилось наблюдение за теми русскими подданными, находив-

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 3181, л. 2—2 об.

²⁷ Там же, д. 2336, лл. 2—7.

²⁸ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, 1826 г., д. 62, л. 166.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1827 г., 37, л. 2.

³⁰ Там же, лл. 2, 17—20.

³¹ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, 1826 г., д. 64, лл. 12—12 об., 13.

³² Там же, ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 9147, лл. 17—22.

³³ Там же, л. 20—20 об.

³⁴ Там же, д. 9152, л. 286—286 об.

шимися за границей, которые подозревались в связях с декабристами, особенно за Н. И. Тургеневым, его братом Александром Ивановичем, Н. А. Старынкевичем, а также за их французскими знакомствами³⁵.

Но если Поццо ди Борго пытался как-то контролировать деятельность российских подданных во Франции, то ему было очень трудно вмешиваться в деятельность французской оппозиционной печати, которая проявляла сочувствие к декабристам и высказывала одобрение по поводу целей восстания. В связи с этим русский посол с большим раздражением сообщал в Варшаву бар. Моренхейму, обеспокоенному проникновением из Франции в Польшу литературы с положительными суждениями о декабристах, что он в общем-то бессилён что-либо изменить: «Никто более, чем я, не был возмущен ужасной и абсурдной клеветой, повторяемой или сочиненной некоторыми журналами...— отвечал он Моренхейму,— я консультировался по этому вопросу с министрами и специально с министром юстиции. Министр по охране печати мне ответил, что он разделяет со мной весь ужас, который внушает поведение революционно настроенных журналистов, но он меня заверил, что прошлый и настоящий закон о свободе печати, к сожалению, не позволяет применять какую-то особую меру, коей общественная власть могла бы помешать публиковать ту или иную статью»³⁶. Проследить отзвуки восстания декабристов в кругах прогрессивной французской интеллигенции возможно в основном по материалам прессы и литературы. Они не только дают довольно полное представление об откликах во Франции на декабристское движение, но в то же время позволяют более конкретно раскрыть оценки декабристов, данные представителями различных политических оппозиционных группировок, а также выявить их отношение к декабристскому выступлению в плане его международного значения. Как писал в 1826 г. журнал «Le Mercure du XIX-e siècle», отражая впечатления представителей прогрессивной французской общности от восстания в России: «Мы с удивлением увидели сидящей на вулкане эту Россию, про которую думали, что она терпеливо несет ярмо самодержавной власти. Можно было видеть, как гордые страсти аристократии сомкнулись с народным недовольством, чтобы, может быть, опрокинуть империю Петра Великого и установить на ее обломках совершенно новый порядок... Александр, быть может, завещал своим преемникам только будущее, чреватое бурями»³⁷.

³⁵ См. АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, 1826—1842 г., д. 67, л. 2; ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 9147 (депешы Поццо ди Борго — Нессельроде от 21 января (2 февраля) и от 30 января (11 февраля) 1826 г.), лл. 66—67, 116—116 об.; ИРЛИ, ф. 309, д. 3560, лл. 1—2 и др.; П. Ангран. Отголоски восстания декабристов во Франции, стр. 111—112.

³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 9147, л. 122—122 об.

³⁷ Цит. по: П. Ангран. Отголоски восстания декабристов во Франции, стр. 115—116.

Журнальная полемика вокруг оценок восстания декабристов способствовала более определенному выражению политических настроений французской печати. Так, под влиянием размышлений по поводу восстания декабристов даже «Journal des Débats», возглавляемый Ф. Шатобрианом, министром времен Веронского конгресса, недавним вдохновителем абсолютистской интервенции против революционной Испании, стал выступать в поддержку конституционного строя и буржуазных свобод. «Журнал» Шатобриана, в известной мере изменив свои роялистские симпатии, хотя и робко, но заявил о своем сочувствии делу дворян-декабристов. Такой поворот поразил тогда многих реакционеров, в том числе и Поццо ди Борго, который не преминул подчеркнуть, что будто бы «„Journal des Débats“ который, казалось, публично провозглашал наилучшие политические доктрины, привел всех в негодование»³⁸. Правда, российский посол не без основания полагал, что в сочувственном отношении к декабристам проявились взгляды не одного Шатобриана, но гораздо больше «других оппозиционеров», более последовательных выступавших против роялизма, чем сам издатель.

«Журнал» попытался дать, вопреки официальной версии, распространяемой реакционной французской прессой, первую более объективную трактовку самих событий 14 декабря. Он определил их как революционное выступление, а не как узкий заговор; отметил также внешнеполитическое значение выступления. Свои суждения о восстании декабристов «Journal des Débats» основывал не только на критическом использовании правительственной версии. Им были привлечены также некоторые неофициальные материалы, полученные из России, в том числе одно частное письмо, доставленное через Берлин³⁹. На основании этих материалов был подробно изложен план восстания, вскрыты политические цели восставших, рассказано о связях Северного и Южного обществ. «Журнал» одобрял политические задачи декабристов, которые он определял как «провозглашение Хартии, которая обеспечила бы России ограничение абсолютной власти, Сенат, избираемый провинциями и участвующий в отправлении законодательной власти, Государственный совет и ответственных министров»⁴⁰. Он отметил также республиканские требования части декабристов, которые казались и для передовых французов чрезвычайно смелыми и которые выдвигались тогда в основном только наиболее радикально настроенными карбонариями. Как писал «Journal des Débats», декабристы хотели «вынести приговор коронованным особам и мечтали о республике между Сибирью и Крымом — такова была цель, которая оправдывала средства...»⁴¹. Однако, выражая

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 9147, л. 21—21 об.

³⁹ К. И. Казьменко. Отзвуки восстания декабристов в зарубежной литературе.— Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института, вып. 13, 1958, стр. 42.

⁴⁰ «Journal des Débats», 5 février 1826.

⁴¹ «Journal des Débats», 22 août 1826.

пастроения умеренно либеральной части французской буржуазии и дворянства, «Журнал» проводил двойственную политику в отношении оценки восстания как метода борьбы, больше склоняясь к разрешению политических проблем мирными средствами⁴². Не сумел он последовательно разобраться и в социальной сущности декабристского движения. По оценкам, нашедшим место в «Журнале», декабристы представлялись выразителями интересов только одного дворянства.

Другой оппозиционный орган печати, «Constitutionnel», отмечая большое значение восстания декабристов для европейского политического движения, сравнивал декабристов с передовыми деятелями Великой французской революции. Эта газета подчеркивала, что в декабризме были «заложены идеи справедливости и социального права», которые после французской революции все более завоевывали мир. «Чем вызвано петербургское движение? — спрашивала газета в начале 1826 г.— Это то же, что происходит во Франции, Англии, Америке, Риме и Париже, в Мадриде и Мексике, то есть всеобщее мировое движение, которое захватило и Россию». Но о социальных задачах восстания декабристов, о его значении говорилось все же очень осторожно; высказывалось лишь пожелание, чтобы события «пошли на пользу правосудию, человечеству и цивилизации». Больше внимание было обращено «на внешнеполитические итоги восстания»: газета отмечала известное потрясение основ Священного союза, той международной реакционной системы, которая «управляла Европой в течение одиннадцати лет». Газета заявляла даже, что теперь эта система «трещит по всем швам, устарела, износилась», что «нет больше Священного союза!»⁴³.

Внимание к первому революционному выступлению в России сохранялось этой газетой и в последующие годы. После Июльской революции 1830 г., когда во французской прессе вновь усилился интерес к революционным европейским выступлениям, не было забыто и восстание декабристов. Так, в январе 1831 г. «Constitutionnel» снова вспомнила декабристов, высоко отзывалась об их подвиге. «Начинают уже славить имена наших — погибших», — так резюмировал отношение этой газеты к декабристам А. И. Тургенев⁴⁴.

В оценках вооруженного восстания декабристов, данных «Revue Encyclopédique», проявилось весьма отчетливо критическое отношение прогрессивной французской прессы к царской версии восстания, представленной в «Донесении» Следственной комиссии в 1826 г., которое было переведено на французский язык и по версии которого реакционная пресса освещала декабрьские события. Разбирая критически официальную точку зрения на восстание, журнал в отзыве на «Донесение» изложил свою точку зрения. Прежде

всего он, как и некоторые другие прогрессивные издания, отмечал, что восстание не было случайным разговором, а явилось проявлением сознательной антиправительственной политики, которую декабристы активно вели начиная с 1816 г., т. е. со времени создания первых тайных декабристских организаций: «В России образовалось много тайных обществ, целью которых было изменить образ правления; люди разных общественных положений вступали в эти общества...»⁴⁵. В числе причин, породивших декабристское выступление, журнал называл заграничные походы 1813—1814 гг., которые носили освободительный характер и которые усугубили антисамодержавные и антикрепостнические настроения передовых русских людей, вернувшихся на родину, и особенно — разочарования в либеральных обещаниях Александра I, который «никаких перемен» не внес «в деспотизм». Все это и привело, по мнению журнала, к открытому вооруженному выступлению. Но даже этот весьма прогрессивно настроенный журнал, серьезно обосновывая причины восстания декабристов и в общем-то проявляя сочувствие к восставшим, не вполне одобрял революционные методы борьбы декабристов. По его мнению, «осторожнее было бы царю самому сделать уступки прогрессу просвещения»⁴⁶.

Помимо этих изданий, с прогрессивных позиций оценил восстание декабристов «Revue de l'Histoire universelle moderne». Он наряду с официальными сведениями и параллельно с ними печатал статьи, в которых тоже подвергал сомнению правительственную трактовку этого восстания.

На страницах французской литературы восстание декабристов также получило отклик. Французская литература, откликнувшись на восстание декабристов и доброжелательно оценив его в ряде своих произведений, как самая популярная в Европе, способствовала привлечению к нему внимания не только во Франции, но и в других европейских странах. В конце 20-х годов XIX в. во Франции вышли работы Ж. Обернона «Исторические и политические размышления о России, Австрии, Англии и Пруссии» (1827 г.), Ж. Ансло «Полгода в России...» (1827 г.), Н. Жильбера «Россия, или Взгляд на актуальные проблемы этой империи» (1828 г.), в которых восстанию декабристов было уделено значительное внимание⁴⁷. Различные по своим политическим ориентациям авторы этих работ дали разную трактовку восстания декабристов.

Большой тенденциозностью отличалась работа Ансло. Находясь в Петербурге во время процесса декабристов, Ансло оказался всецело под влиянием официальной оценки восстания. Свое отноше-

⁴⁵ «Revue Encyclopédique», 1826, t. 31, p. 763.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ О работах более позднего времени см. В. А. Михайлов. Отголоски декабристского движения во французской литературе. М., 1911; К. И. Казьменко. Отзвуки восстания декабристов в зарубежной литературе.— «Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института», вып. 13.

⁴² «Journal des Débats», 22 août 1826.

⁴³ «Constitutionnel», 12 janvier 1826.

⁴⁴ ИРЛИ, ф. 309, д. 325, л. 20 об.

ние к нему он выразил в весьма пренебрежительных словах: «Этот заговор или, более того, дерзкая безнадёжная выходка, о которой много и долгое время болтали вздор в наших журналах...»⁴⁸ В работе интересны лишь отдельные характеристики и эпизоды из движения декабристов.

Обернон в своей книге, вышедшей в том же году, старался дать читателю более объективно и обстановку в России накануне восстания, и его оценку. Автор не считал выступление декабристов дворцовым переворотом, как его расценивал Ансло. И хотя у Обернона, как и у других авторов, в центре — освещение хода самого восстания, но тем не менее он уделяет уже значительное внимание предыстории выступления: рассматривает историю тайных декабристских организаций, пытается вскрыть причины их возникновения. По мнению Обернона, появление декабристских обществ было реакцией наиболее свободолюбиво настроенной русской интеллигенции на усилившийся после Венского конгресса деспотизм Александра I как во внутренних, так и во внешнеполитических делах: «Все тайные общества объединяло одно общее стремление — политическая реформа государства, ограничение абсолютизма. Битвы, которые произошли в Петербурге, кровь, которая была пролита при вступлении на престол нового императора, свидетельствовали о силе и решительности конспираторов»⁴⁹.

Против официозных оценок Ансло выступал и Ниллон Жильбер, некогда живший в России как военнопленный, затем французский журналист и впоследствии участник революции в Бельгии⁵⁰. Он собрал и опубликовал большой материал о социально-экономической, культурной и бытовой стороне русской жизни, посвятив при этом специальные главы декабристам. Жильбер сразу же поставил под сомнение трактовку декабристского выступления, данную рядом официальных газет и проводимую авторами некоторых сочинений. Он заметил, что эта трактовка весьма сомнительна, так как она «близка к воззрениям Следственной комиссии, в ней использованы показания лиц или заинтересованных, или испуганных»⁵¹. Жильбер тоже отмечал определенный социально-политический смысл восстания, намекая даже, что восставшие в своих мечтах отражали и идеалы народа. Он писал, что народ на Сенатской площади был далек от безучастия, но «присоединил свои голоса к восставшим», «бросал камнями» в царские войска, и на площади не одни солдаты были убиты⁵².

* * *

⁴⁸ *J. Ancelot. Six mois en Russie...* Paris, 1827, p. 174.

⁴⁹ *J. Aubernon. Considérations historiques et politiques sur la Russie, l'Autriche, l'Angleterre et la Prusse.* Paris, 1827, p. 76.

⁵⁰ О нем см. «*Journal des Débats*», 27 juillet 1832.

⁵¹ *Л. В. Крестова. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики.* — «Исторические записки», т. 13, стр. 226.

⁵² Там же, стр. 226—227.

Таким образом, из ряда работ о декабристах могут быть выделены те, авторы которых в целом отнеслись к их делу положительно и даже доброжелательно. Конечно, многое в движении декабристов было раскрыто далеко не полно, а подчас и тенденциозно. Но среди различных взглядов прослеживаются представления о декабристах как участниках политического движения, которые поднялись на борьбу за свои идеи. Известная сдержанность проявлялась в основном в оценках самого восстания. Видимо, это определялось разными причинами, среди которых немалое значение имел неудачный опыт вооруженных выступлений карбонариев против Бурбонов, выступлений, также не опиравшихся на народные массы. Такая сдержанность в оценке восстания отражала и то состояние общественной мысли и общественного движения во Франции в середине 20-х годов XIX в., при котором, по справедливому замечанию П. Ангрена, вообще «трудно было сформулировать идеям, подобным тем, которые лежали в основе движения декабристов»⁵³.

Революционное выступление декабристов, происшедшее во время, когда первая мощная революционная волна, прокатившаяся по Европе с 1818 — до начала 20-х гг. XIX в., уже спала, оставило свой след в политическом сознании представителей французской общественности и даже в какой-то мере способствовало активизации оппозиционной борьбы против феодально-клерикальных сил Карла X. Как писал П. Ангран, объективно декабристы «помогли и французскому национальному либеральному движению развернуть контрнаступление против правительства эмигрантов и ультра-роялистов; они посеяли беспокойство в аристократическом предместье Сен-Жермен, в салонах которого была сосредоточена правящая клика, уменьшили возможность для министерства Виллеля маневрировать перед лицом буржуазной оппозиции и в то же время нанесли неожиданный, пожалуй, решительный, удар всему зданию Священного союза»⁵⁴. Этот удар был нанесен с той стороны, которую реакционные европейские силы считали наиболее устойчивой и прочной.

Революционные события в России не только поразили французскую передовую общественность, но и стали одной из причин ее стремления более глубоко и более всесторонне познать жизнь этой страны. Во Франции усилился интерес к русским делам. В газетах и журналах появились статьи, посвященные истории, экономике, народонаселению, культуре этой страны. Значительнее других тогда активизировал свое внимание к России «*Revue Encyclopédique*».

⁵³ *П. Ангран. Отголоски восстания декабристов во Франции*, стр. 98.

⁵⁴ Там же.

Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

30-40-е годы XIX в. стали временем дальнейшего развития общественно-революционных связей между передовой интеллигенцией обеих стран. Важной вехой на пути формирования этих связей явилась Июльская революция 1830 г. во Франции.

После прихода в 1824 г. к власти короля Карла X, не только продолжившего, но и еще более усилившего реакционный курс Людовика XVIII, становилось все более очевидным резкое несоответствие задач и целей Реставрации характеру социально-экономического развития страны. Промышленный кризис 1826 г., сменившийся длительной промышленной депрессией, а также большие неурожаи существенно ухудшили и без того тяжелое положение народа, усилили его недовольство. Рос протест и в буржуазных кругах. Буржуазия упрекала правительство в проведении мероприятий, направленных на защиту интересов только крупных землевладельцев, в подрыве промышленности. Соотношение оппозиционных сил все больше складывалось не в пользу дворянской аристократии. Начавшееся в 1829 г. усиленное наступление реакции, связанное с формированием Карлом X министерства ультрамонархиста Полиньяка, вызвав подъем нового недовольства, активизировало революционное брожение в стране. Роспуск в мае 1830 г. палаты депутатов, которая требовала отставки Полиньяка, а затем и подписание 25 июля 1830 г. Карлом X ордонансов (указов), открыто уничтожавших конституцию 1814 г., свидетельствовали о фактически происшедшем в стране реакционном государственном перевороте. Все это послужило последним толчком к зреющему в стране революционному взрыву. Во Франции началась новая революция.

Июльская революция была направлена на дальнейший подрыв устоев феодально-абсолютистских порядков, начало которому положила французская буржуазная революция 1789—1794 гг. Важная антинародной, феодально-клерикальной политикой короля Карла X и его окружения, Июльская революция сбросила Карла X, покончив навсегда с монархией Бурбонов, свергла политическое

господство аристократического дворянства, утвердила порядки буржуазной монархии и окончательно передала власть в руки буржуазии, вернее, в руки «одной ее фракции», как отмечал К. Маркс, — «финансовой аристократии»¹ во главе с Луи Филиппом. Решающую роль в революции сыграла борьба народных масс. Однако народ не смог оказать свое решающее влияние на исход революции, не смог после одержанной победы добиться радикальных демократических преобразований и установления республиканского строя. Июльская революция была буржуазной революцией, не переросшей в буржуазно-демократическую, что привело в дальнейшем к обострению классовой борьбы в стране и в итоге — к революции 1848 г.

По определению В. И. Ленина, французская революция 1830 г. была одной из «волн», которая «бьет старый режим, но не добивает его», а потому и «не устраняет почвы для следующих буржуазных революций»².

В условиях разгула дворянской европейской реакции революция 1830 г. во Франции, несмотря на ее ограниченный, буржуазный характер, тем не менее имела большое не только внутреннее, но и международное значение. Свержение правительства Реставрации нанесло значительный урон легитимистским устоям Священного союза, способствовало новому подъему национально-освободительного и революционного движений в ряде европейских стран, в том числе в Бельгии, Италии, Германии, Польше.

Передовые силы Европы с энтузиазмом восприняли эти события. Не стояла на стороне и Россия. Новая революция в Париже привлекла внимание всех кругов русской интеллигенции. Но в отношении к ней, в оценках с самого начала отчетливо выявились два лагеря, резко противостоявшие друг другу, — передовой и реакционный.

Представители и идеологи консерватизма и реакции в лице М. П. Погодина, С. П. Шевырева, Д. Н. Блудова и других их единомышленников, воспринимая Июльскую революцию, как и все другие революционные события в Европе, сквозь призму своего отношения к самодержавно-крепостническому порядку, встретили известие о начале революции враждебно, стали клеветать на французский народ. Как и правительственные круги, они видели в Июльской революции лишь проявление заговора смутьянов, отрицали возможность даже самой постановки вопроса о прогрессивном значении революции в жизни страны и мечтали о подавлении революционных движений вообще во всех европейских странах.

Другим было отношение к революции прогрессивного лагеря русской интеллигенции, которая встретила с одобрением уже первые вести о революционном перевороте в Париже. В условиях николаевской реакции поддержка революционной борьбы француз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 8.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

ского народа этой частью интеллигенции России, участие некоторых русских на стороне восставших французов явились смелой формой выражения антиправительственных настроений, свидетельством продолжения активных поисков новых путей борьбы с самодержавием.

Тот живой интерес к свержению реакционной монархии Бурбонов во Франции, который проявила общественность страны, объяснялся прежде всего возраставшей потребностью России в освобождении от гнета самодержавия и крепостничества. Французский народ, совершивший Великую французскую революцию, ликвидировавшую феодальный строй в целом, и продолжавший в XIX в. активную борьбу за уничтожение его остатков (чему свидетельством стала революция 1830 г.), вызывал заслуженное внимание и даже восхищение многих русских людей. Передовые круги России активно изучали опыт новой революции. Однако отношение к Июльской революции, и особенно к ее урокам, оппозиционной дворянской интеллигенции, различию демократических кругов или революционно настроенной молодежи было различным. В отношении представителей разных течений русского общественного движения к новой революции во Франции не только проявилось восприятие данного революционного события, но, что особенно важно, выявилась точка зрения по ряду теоретических проблем, поднятых революцией: общность закономерностей революционного процесса вообще, роль в этом процессе народа, соотношение политических и социальных задач в революции. Выявление отношения к этим вопросам важно не только для определения идейных позиций отдельных деятелей русского освободительного движения, но и для более полного представления о той идейной атмосфере, в которой происходило формирование передового направления общественной мысли в начале 30-х годов XIX в., а также для понимания хода ее развития в дальнейшем.

Как же оценили представители различных идейно-политических группировок прогрессивного лагеря русской интеллигенции революционный переворот во Франции? Что особенно импонировало им в революции, какой опыт извлекли они из нее? Как революционные события отразились на дальнейшем формировании их мировоззрения?

Восстание декабристов стало стимулом для дальнейшего развития революционной мысли. Но в первые годы после его подавления, когда революционные общества были разгромлены, лучшие люди России оказались насильственно вырванными из общественно-политической жизни страны, в обстановке николаевской реакции общественная мысль и общественное движение переживали период спада. Чрезвычайно сложная внутрисоциальная обстановка в стране не могла не сказаться на общем характере настроений передовых кругов России. Реакция внутренняя и международная порождали известный пессимизм относительно будущего всей Европы, и в том числе своей страны.

Но несмотря на спад общественного движения в России, даже в конце 20-х годов XIX в., в годы разгула николаевской реакции, которые особенно тяжело сказались на настроениях русской общественности, не наступило полного торжества реакции, хотя после поражения декабристов общественное движение страны не могло вылиться в формы открытого выступления против царизма. Протест передовых людей России выражался иначе. В среде прогрессивных кругов дворянской и разночинной интеллигенции начинало понемногу открещиваться мнение о декабристах и их опыте, стали критически осмысливаться их методы борьбы. Во второй половине 20-х годов XIX в. возникают некоторые новые тайные антиправительственные кружки в ряде городов России, которые являлись отзвуком на восстание декабристов. Декабристские идеи проникают в демократическую студенческую среду, усиливая ее политическую активность³. В мрачные годы николаевского произвола, когда свободная мысль была скована всевластием жандармов, особенно важное значение приобретали также творения передовых русских писателей и поэтов, и прежде всего светлая поэзия А. С. Пушкина, его гражданская лирика, которая, по словам А. И. Герцена, продолжала наполнять «своими мужественными звуками настоящее» и посылать «свой голос в далекое будущее»⁴.

Так в разных формах продолжался тогда протест передовых людей России против деспотизма самодержавия, хотя, конечно, в тех сложившихся условиях сила и размах этого протеста не могли сравниться с силой революционного протеста декабристов. В таких трудных условиях и при таком состоянии общественного движения передовая Россия подходила к восприятию европейских революционных событий 1830 г., начавшихся с Июльской революции во Франции.

Прежде чем перейти к рассмотрению взглядов представителей разных течений русского общественного движения на Июльскую революцию, остановимся на выяснении степени осведомленности в России о революционных событиях во Франции. Известно, что первые официальные известия о революции в Париже пришли в Россию 30 июля (11 августа) 1830 г. Николай I запретил печатать что-либо о революции в газетах и журналах и даже говорить о ней. И все же через день-два о революционных событиях во Франции уже знали не только в аристократических салонах Москвы и Петербурга, но «рассуждали с жаром» в студенческих аудиториях, в кофейнях, в тесных квартирах разночинцев и в военных лагерях. Как доносили агенты III Отделения, известия о революции вскоре проникли в Нижний Новгород, Воронеж, Ревель, Казань, Вологду, Астрахань, Тверь, Тулу, Калугу, Орел, Дерт и даже в такие маленькие провинциальные города, как Калязин, Стародуб

³ См. И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. М., 1956, стр. 214—215.

и др. В Воронеже, например, еще «до получения официальных известий о происшествии во Франции... много о том говорили с прибавлением, что убили пара Франции Полиньяка (!) и маршала герцога Мармонта». В Нижнем Новгороде уже во второй декаде августа слух о победе революции «сделался всеобщим» и имел «большое влияние» на умы представителей демократических слоев⁵.

Слухи о революционных событиях просачивались из Зимнего дворца, из салонов великосветской знати, много новостей сообщали и иностранцы, в частности приезжие купцы. «Купцы получали копии с газет (иностранных.—*О. Ор.*) в письмах и раздавали приятелям, которые их читали по углам и дополняли замечаниями»⁶. Сведения о революционных событиях иностранцы получали также в своих посольствах и консульствах. Характер информации, исходившей от французов, находившихся в России, во многом определялся их сочувствием к перевороту в Париже. Как сообщал начальник I отделения 2 округа корпуса жандармов майор Бренчанников, «французы... все держат сторону народа и вновь избранного короля»⁷.

В связи с «разглашением толков о беспорядках во Франции» царское правительство усилило репрессии. Так, в Астрахани сразу же под надзор полиции были взяты полковник Петров и чиновник Хрипков. В Стародубе «опасным» был объявлен учитель Ф. Шор, в Твери — помещик А. Н. Хвостов и др. Особенно III Отделение старалось пресечь слухи об участии русских в этой революции. Но несмотря на все строгости царских властей, во многих городах России представители разных слоев населения знали об участии некоторых соотечественников на стороне восставших. Так, в Казани, например, распространился слух о деятельности русских в июльские дни «между всеми сословиями, живущими в сем многолюдном городе». Он в основном шел от купцов, приехавших из-за границы, среди которых были и очевидцы новой революции во Франции. В городе с живостью, хотя и вполголоса, рассказывали о смелости русских, боровшихся на баррикадах Парижа, об их признании новой власти, против которой выступал Николай I, о вступлении их во французскую Национальную гвардию.

Успех революции во Франции сделал невозможным дальнейшее замалчивание ее в печати. Это понял и Николай I. Поэтому с 7 (19) августа в русских официальных газетах стали регулярно печататься правительственные известия о революции. С тех пор русская периодическая печать становится основным источником информации населения России о событиях в Париже.

Русская пресса начала освещение революционных событий

1830 г. во Франции в тяжелых условиях. В начале августа Николай I принял ряд дополнительных постановлений о печати, потребовав, чтобы «не было в дозволенных газетах никаких намеков от духа настоящего времени, в невыгодность существующих, как низших, так и высших властей»⁸. Только реакционная газета «Северная пчела» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча располагала особым доверием и поддержкой царского правительства: она оставалась единственной частной газетой, которой разрешалось регулярно печатать политические зарубежные новости. Несмотря на явно проправительственный характер освещения политических событий, эта газета стала одним из источников информации о революционном перевороте во Франции. Сообщения о ходе революционных событий во Франции печатались также в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях», «Одесском вестнике».

Официальная версия июльских событий, составленная в правительственных кругах России, отражала враждебное отношение царизма к революции, была явно тенденциозной, намеренно искажавшей действительную картину революционных событий во Франции. Контрреволюционные настроения и планы царизма нашли отражение в этих газетах, тон которых носил явно недоброжелательный характер по отношению к революционной Франции. Так, падение Карла X в них было представлено скорее как акт его добровольного отречения, а не как результат победы революционного выступления народа⁹.

Но как ни старалась официальная пресса исказить действительный смысл революционных событий во Франции, она не смогла обойти молчанием активное участие трудящихся Парижа в событиях 27—29 июля. Так, освещая начало Июльской революции, «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что усилившееся недовольство и брожение в Париже в связи с изданием ордонансов, закрытием прогрессивных журналов не вылилось в революционное выступление до тех пор, пока к борьбе не присоединились трудящиеся города¹⁰.

«Московские ведомости» опубликовали 13 августа, а «Одесский вестник» — 20 августа и первые известия о революции в Париже, и царский манифест о новом рекрутском наборе. Эти сообщения не только глубже раскрыли действительное положение дел во Франции, но и показали отношение к июльскому перевороту царского правительства. Наряду с изложением хода революционных боев, в те дни газеты много писали об изменениях во французском правительстве, о дебатах в палате пэров и палате депутатов в связи с созданием нового кабинета министров¹¹. В этих газетах появля-

⁸ Там же, Секретный архив, оп. 1, д. 1895, л. 1.

⁹ «Северная пчела», 7 августа 1830 г.

¹⁰ См. «Санкт-Петербургские ведомости», 11 августа 1830 г.

¹¹ См. «Северная пчела», 12, 16, 19, 21 августа; «Московские ведомости», 13, 16, 20, 23, 27, 30 августа, 3 сентября; «Одесский вестник», 20, 23 августа 1830 г., и др.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., 1830 г., д. 286, ч. 1, лл. 13, 50. Подробнее см.: *О. В. Орлик*. Россия и французская революция 1830 года. М., 1968.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 3198, л. 73.

⁷ Там же, 1 экзп., 1830 г., д. 286, ч. 1, лл. 9, 53.

лись и явно клеветнические статьи об июльских событиях во Франции, в чем особенно отличалась реакционная «Северная пчела»¹².

Но помимо изложения большинством газет официальных сведений о революции, отношения к ней правящих кругов России, на страницы русской печати проникли оценки ее представителями передовой России. Естественно, что появились они в печати прогрессивного направления, несмотря на официальное запрещение рассуждать о последних событиях во Франции. «Литературная газета», «Московский телеграф», позднее — «Телескоп», «Европеец» положительно отзывались об июльских событиях во Франции и подвергли сомнению заявления реакционной прессы. Даже «Вестник Европы» М. Т. Каченовского — в целом давно утративший свой полемический задор и прогрессивность позиций — и тот выступил в 1830 г. с критикой официальной версии революции¹³. Как писал А. И. Герцен, в 1830 г. русская литература, печать снова переживали свой подъем: «...Какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе... Все снова сделалось пропагандой, борьбой»¹⁴.

Из-за строгих цензурных ограничений газеты и журналы прогрессивного направления могли писать о революции только в литературных статьях, критических заметках, стихах. Несмотря на различную идейную направленность, их объединяло оппозиционное отношение к самодержавию, желание изменения крепостнических порядков в России. Поэтому идеи Июльской революции, воспринятые прогрессивной печатью сквозь призму ее отношения к важнейшей внутриполитической проблеме России — ликвидации самодержавно крепостнического строя, получили признание и одобрение во всех этих изданиях. Более глубоким был отзвук на июльские события «Литературной газеты» и «Московского телеграфа».

В начале 30-х годов XIX в. в ряде периодических изданий прогрессивного направления появились первые критические оценки этой революции и буржуазной монархии Луи Филиппа. Это относится и к «Телеграфу» Н. А. Полевого, и к «Телескопу» Н. И. Надеждина, и к «Европейцу» И. В. Киреевского¹⁵. Тогда же усилилось внимание к социальным и революционным проблемам даже таких журналов, которые ранее сторонились этой тематики. Так, значительно оживились «Северный Меркурий», «Санкт-Петербургский вестник», «Le Furet» («Хитрец») и др. В 1830—1831 гг. ими был подготовлен ряд весьма смелых статей по этим вопросам, которые вызвали большие опасения у цензуры. Поэтому многие из

них были или совсем запрещены, или появились в печати со значительными купюрами¹⁶.

Известную роль в распространении объективных сведений о политических событиях во Франции продолжала играть иностранная, особенно французская, пресса прогрессивного направления; «National», «Le Temps», «Le Globe», «Constitutionnel», «Journal des Débats» являлись важным источником информации для русской периодической печати. Как сокрушалось III Отделение, приходящие в Россию журналы и газеты «с непрерывными статьями, наполненными известиями о бунтах, вооружениях черни против законной власти, изгнании даже оной, об одержании чернью победы над войском, о том даже, что солдаты не хотели... повиноваться начальникам и даже вышней власти... быстро переводятся и помещаются в наши журналы»¹⁷.

Французская прогрессивная печать еще до начала Июльской революции выступала с критикой правительственной политики Карла X. После введения ордонансов многие газеты и журналы начали активно призывать к свержению Карла X. Во время июльских революционных боев некоторые из них, в том числе и «Constitutionnel», определились как политические центры восставших. В прессе много писали о причинах Июльской революции, подробно излагался ход революционных событий 27—29 июля и их результаты. Так, «Journal des Débats» 29 июля напечатал «Протест депутатов» против ордонансов, подписанный Гизо, Лафайетом, Лаффигом, Бенжаменом Констаном и другими, в котором был подвергнут осуждению реакционный режим короля, раскрыты непосредственные причины революции¹⁸. Вскоре после победы революции в «Журнале» появилось стихотворение В. Гюго «К молодой Франции», посвященное французскому народу — герою Июльской революции¹⁹.

По свидетельствам современников, иностранные газеты и журналы и ранее распространялись не только в Петербурге и Москве, но и в провинции. Теперь же они везде вызвали повышенный спрос и интерес. Даже в таком небольшом городке, как Стародуб, по словам учителя Ф. Шора, многие читали французскую прессу. Говоря о себе, Шор писал осенью 1830 г.: «В течение прошедших 6 недель 50 или 60 номеров „Des Débats“ были моей пищей. Я не читал, а проглатывал их».

Так, несмотря на строгости царской цензуры, новости о революции во Франции по разным каналам проникали в Россию. Значительную роль в распространении объективных сведений о революции, в привлечении внимания к пониманию причин и целей

¹² См. Письма французского офицера к брату его, находящемуся в России. — «Северная пчела», 12 августа 1830 г.

¹³ См. «Вестник Европы», 1830, № 14, стр. 154—155.

¹⁴ А. И. Герцен Собр. соч. в 30 томах, т. VIII. М., 1956, стр. 133.

¹⁵ См., например, «Телескоп», 1831, № 1; «Европеец», 1832, № 1

¹⁶ См. ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 1038, 1054 и др.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 4, д. 22, лл. 1 об.— 2

¹⁸ «Journal des Débats», 29 juillet 1830.

¹⁹ «Journal des Débats», 19 août 1830.

этой революции, в выявлении ее движущих сил сыграла русская и французская прогрессивная периодическая печать.

Антифеодалная направленность Июльской революции, известия о которой пришли в Россию во время нового обострения в ней классовой борьбы, вызвала внимание прогрессивно настроенных представителей всех слоев населения страны. Подъем антикрепостнического движения в России в 1830 г. свидетельствовал о том, что в России шел интенсивный процесс вызревания кризиса феодально-крепостнической системы, который, однако, тогда не проявился еще достаточно явственно. Выступления 1830 г. и ряда последующих лет еще не были столь многочисленны, длительны и упорны, как, например, в конце 40-х годов XIX в. Состояние антифеодалного движения, отражавшего уровень развития кризиса крепостничества, сказалось и на степени глубины восприятия французской революции, и на интенсивности откликов на нее в демократических слоях России.

На основании немногочисленных, часто разрозненных официальных документов, а также записок и воспоминаний современников можно представить, хотя и в общих чертах, отношение к революции в демократических кругах. Реакционно настроенный гр. В. П. Кочубей, тогда председатель Комитета министров России, отмечая общее отношение в России к июльским событиям, не мог не заметить одобрения ее в демократической среде. В своих записках, сделанных вскоре после начала революции во Франции, он писал, что в России все, «начиная с людей самых незначительных, от поденщика до людей самых выдающихся... находят Карла X виновным, это установившееся мнение, а при таком положении вещей как оправдать какие-нибудь мероприятия в пользу Бурбонов?»²⁰ Об этом же, на основании фактов, собранных из агентурных донесений с мест, сообщал гр. А. Х. Бенкендорфу и управляющий делами III Отделения М. Я. Фок в середине августа 1830 г.: «Общий голос в России вопиял против Карла X. От просвещенного человека до сидельца-лавочника все твердили одно и то же: „Хорошо ему, поделом! Не соблюдал закона, нарушил присягу, так и заслужил то, что получил!“», „Вот каково угнетать, вот каково не исполнять законов...“»²¹.

Одобрительное отношение к Июльской революции представителей демократических слоев населения России, внимание к ее причинам вызывали опасения у царизма. Тем более что еще весной 1830 г. в народе заговорили о якобы подготовленном законе, ограничивавшем крепостничество. В этой связи значительно усилились крестьянские выступления, массовые неповиновения крепостных помещикам. Царское правительство в мае 1830 г. издало даже

специальное «Объявление», в котором заявляло о неизблемом сохранении крепостнических порядков, о жестоком наказании всех, кто будет оказывать «неповиновение своим помещикам». «Его императорское величество,— подчеркивалось в «Объявлении»,— пребывая в непременных правилах о сохранении тех отношений, в коих крестьяне находятся к помещикам их, поставляет в особенную обязанность... отратить все толки, сему не сообразные». Но тем не менее крестьянские выступления не прекращались. Антифеодалное движение с лета 1830 г. находилось на подъеме.

Отказ царизма от проведения даже самых ограниченных антикрепостнических мер, усиление новой волны реакции, начавшейся сразу же после Июльской революции,— все это активизировало интерес представителей демократических кругов к революционным преобразованиям во Франции. Недаром агенты III Отделения с тревогой сообщали Бенкендорфу, что «самый простой ремесленник видит в нем (Карле X.— *О. Ор.*) врага Франции»²², а крестьяне, которые «находятся в крайней бедности», приняли известие о революции «с какою-то радостью, как будто бы в ожидании чего-то лучшего». Известно, что все те, «кому терять нечего», как доносил жандармский полковник А. Дребуш 29 августа после поездки по деревням Могилевской губ., «охотнее хватаются за мечту...»²³. Можно предполагать, что слухи о революции проникали даже и в деревню, вызывая и в ней определенный отклик.

Не случайно, что именно тогда в демократических слоях населения России значительно ожил интерес к событиям 14 декабря 1825 г., усилились раздумья о деле декабристов, об их судьбе. По стране даже распространялись толки о восстании, поднятом якобы одним из братьев казненного декабриста С. Муравьева-Апостола в Пензенской, Костромской и Рязанской губ. Это имя имело несомненно символический смысл, свидетельствовало о живучести в России идей декабризма. Так, в «Обзрении событий за 1830 год», составленном III Отделением для Николая I, сообщалось, что все чаще в народе при обсуждении последних событий во Франции «делали... сопоставление Парижской революции с 14 декабря», добавляя при этом, что и в России в 1825 г. деспотизм и произвол Аракчеева «взбесили народ и заставили молодых людей взбунтоваться»²⁴.

В народе осуждались как внутренняя политика царизма, так и его внешнеполитические планы. Об этом писали многие современники, в том числе Пушкин, Вяземский, Герцен. Это же отмечали официальные документы. Так, Бенкендорф в отчете царю за 1830 г. сообщал, что «каждый раз, как умы приходят в волнение, возобновляются упреки по поводу плохого отправления правосудия, продажности чиновников и деспотизма министров... Удивительно,

²⁰ Т. Богданович. Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, Июльская революция в свидетельствах русского вельможи (из неизданных бумаг графа В. Кочубея).— «Анналы», № 4. Л., 1924, стр. 132.

²¹ «Красный архив», 1930, т. 1 (38), стр. 138.

²² ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 3198, л. 72.

²³ Там же, 1 эксп., 1830 г., д. 286, ч. 1, л. 34.

²⁴ «Красный архив», 1930, т. 1 (38), стр. 138.

до какой степени простирается во всех условиях недоверчивость к администрации и администраторам!»²⁵. Вызывали также осуждение репрессивные меры в отношении печати. Как доносил в III Отделение один жандармский офицер из Дерпта 18 августа, «в низших сословиях», «особенно между ремесленниками», было заметно недовольство, так как в их среде «весьма ощутительно» чувствовался недостаток «положительных сведений» о революции. Все чаще из этой среды раздавались критические высказывания в связи с тем, что в России «не только запрещают печатать, но и читать».

Особый протест вызвали слухи о возможной царской интервенции во Францию, что было связано с известиями о новом рекрутском наборе, начавшемся с августа 1830 г. Уставший от недавних войн с Персией и Турцией, доведенный до глубокого разорения помещиками-крепостниками русский народ не желал участвовать в войне. «Все сословия вообще войны не желают», — писали жандармские агенты из многих мест России осенью 1830 г., во время подготовки царем интервенции во Францию. В демократических кругах России особенно подчеркивали, что война нужна лишь «царю да Меттерниху, ...чтоб общими силами укрощать революцию». Некоторые представители демократических слоев населения справедливо считали также, что война заранее обречена на поражение, так как «революции нельзя ни предупредить, ни укротить силою, ибо сила извлечена из самого народа... В народной войне военная сила погибает как насекомое в кипящей воде». «Неужели война? — с тревогой спрашивали многие. — Это будет пагуба для России. Мнение за французами...»

По донесениям агентов III Отделения, многие в России считали также, что царская интервенция во Францию не вызовет поддержки и сочувствия и у других европейских народов, что «войско наше в теперешних обстоятельствах не встретит такого благоприятного расположения ума, как во время спасения Германии от ига французов». Одной из причин этого считали союз России «с дьяволом Меттернихом», который хочет «поддерживать нашими штыками правление, ненавистное всем покоренным народам»²⁶.

Контрреволюционная политика Николая I вызвала недовольствие и ропот в армии. «Толкуют и жалуются явно, громко», «опасаются, не пошлют ли нас опять усмирять этих буйных голов?» — сообщали агенты III Отделения.

Наиболее полно и последовательно показали свое отношение к революционному перевороту во Франции, как и к другим революционным событиям начала 30-х годов XIX в., представители передовой части русской интеллигенции, идейно выражавшей настро-

ния своего народа. Положительно оценили Июльскую революцию во Франции даже те представители интеллигенции, которые после поражения восстания декабристов все больше проникались либеральными настроениями: бар. А. А. Дельвиг, кн. П. А. Вяземский, А. В. Никитенко, Н. А. Полевой, Н. И. Надеждин, А. И. Тургенев и многие другие. Взгляды Дельвига на эту революцию нашли отражение в издаваемой им «Литературной газете», выражавшей настроения прогрессивно настроенной дворянской интеллигенции. Участвовавший в ее издании А. С. Пушкин несомненно оказал немалое влияние на позиции А. А. Дельвига и на оценки революционных событий во Франции, сделанные газетой. «Литературная газета» была тогда одним из лучших источников информации русского общества о Западной Европе. А. И. Тургенев сравнивал ее с французской прогрессивной газетой «Le Globe», получившей широкое признание в Европе, и называл ее «петербургский „Globe“».

Несмотря на цензурные запреты, «Литературная газета» А. А. Дельвига приветствовала Июльскую революцию, отдавала должное мужеству французского народа в дни решающих боев. 28 октября 1830 г. газета напечатала перевод стихотворения одного из деятелей Июльской революции, Казимира Делавиня. Стихотворение посвящено памяти погибших участников революционных боев в Париже 27—29 июля 1830 г.:

Франция, скажи мне их имена!

Я их не вижу на этом печальном памятнике.

Они так скоро победили, что ты

Была свободна раньше, чем успела их узнать²⁷.

Это стихотворение пользовалось широкой известностью во Франции. Оно было высечено на медали «В память о французах, умерших за свободу 27, 28 и 29 июля 1830 года». Публикация его свидетельствовала о большой симпатии газеты к Июльской революции и французскому народу, бросала вызов самодержавию. Стихотворение Делавиня как бы перекликалось с «Арионом» А. С. Пушкина, напечатанным в газете ранее и звучавшим как гимн декабристам. «Литературная газета» по существу ставила под сомнение достоверность официальных сообщений, в которых вопрос об участии французского народа в революции старательно замалчивался или искажался. Все это привело к тому, что после публикации стихотворения Делавиня Бенкендорф запретил Дельвигу участвовать в издании газеты, а Вяземскому и Пушкину угрожал ссылкой в Сибирь.

Газета А. А. Дельвига отнеслась с большим интересом и к вопросу идейных связей французской революции 1830 г. с революцией конца XVIII в., привлекая тем самым внимание к проблеме закономерности революционного развития общества вообще; мно-

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 3198, л. 105; «Красный архив», 1930, т. 1 (38), стр. 137 (разрядка наша.— О. Ор.).

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 286, ч. 1, лл. 172, 176; Секретный архив, оп. 3, д. 3198, лл. 74—77 об.

²⁷ «Литературная газета», 28 октября 1830 г.

то писала она также о прогрессивных деятелях современной Франции²⁸. Так, в статье «Новые выходы против так называемой нашей литературной аристократии», критиковавшей реакционеров Булгарина и Греча, газета высоко оценивала «духовных вождей буржуазной революции» — философов, писателей, публицистов, подвергавших обстоятельной критике феодальный строй и призывавших к его уничтожению. «Эпиграммы демократических писателей 18-го столетия... приутоновили крики: „Аристократов к фонарю“, — писала газета, — и... куплеты с призывом: „Повесим их, повесим...“»²⁹. Эта статья напоминала читателю не только об идеях Великой французской революции, но и об их отражении в революции 1830 г.

Июльская революция, как и ее последствия, оказала большое влияние на кн. П. А. Вяземского, одно время разделявшего идейные воззрения наиболее умеренно настроенной части декабристов. Значительно поправивший в своих политических воззрениях после 14 декабря 1825 г., но в то же время все еще считавший необходимым изменение существующего строя в России (так, в 1828 г. он писал, что «русский патриотизм может заключаться в одной ненависти [к] России — такой, какой она нам представляется») ³⁰ еще тайно проявлявший симпатии к делу декабристов, но в то же время боявшийся новых открытых революционных выступлений, Вяземский не оставил без внимания французские события 1830 г. Как свидетельствуют взгляды Вяземского и других его единомышленников, они, сочувственно восприняв весть о свержении реакционного правительства Карла X и о проведении во Франции ряда буржуазных реформ, были против дальнейшего развития революции, против активизации деятельности народа и провозглашения его требований, т. е. против народного влияния на решение важнейших задач. «Вообще трудно судить заранее об этих происшествиях, — замечал Вяземский. — Если все обдержится, усядется и укоренится, то, разумеется, революция эта будет прекрасною страницей в истории Парижа, но можно ли надеяться на прочность содеянного?»³¹ В споре с Пушкиным он порицал, в частности, требования французского народа строго наказывать и казнить бывших реакционных министров Карла X. «С Пушкиным спорили мы о Пероне (министр Карла X. — *О. Ор.*). Он говорил, что его должно предать смерти и что он будет предан... Я утверждал, что не должно и не можно предать ни его, ни других министров...»³² В дальнейшем Вяземский осуждал новые выступления народа, не удовлетворенного результатами Июльской революции. «Как грустны и парижские вести, — писал он в этой связи А. Я. Булгакову 2 ноября, вскоре после начала

восстания в Польше. — Что за лихорадка такая потрясает весь свет!»³³

Отношение П. А. Вяземского к революционным событиям во Франции во многом определялось его отношением к Великой французской революции. Если кн. Вяземский отмечал грандиозное значение этой революции для упрочения нового социального строя в Европе, то он отрицал положительное значение якобинской диктатуры, был против политической активизации народных низов в революции.

Новая конституционная буржуазная монархия во Франции наиболее отвечала его политическим идеалам. «У меня особенное сочувствие к этой фамилии (Орлеанских. — *О. Ор.*) и глубокое убеждение, что она нужна для соблюдения порядка во Франции и, следовательно, спокойствия в Европе, — замечал Вяземский в одном из писем к А. И. Тургеневу. — В Луи Филиппе, можно сказать, сливались стихии монархические и республиканские... во Франции [это] было единственное средство спасения и примирения»³⁴.

Настороженное отношение Вяземского к революционной Франции начала 30-х годов XIX в. во многом определялось также его опасениями возможности проникновения революционных идей и настроений из Франции в Россию, и без того охваченную огнем антикрепостнической борьбы. Оно же явилось, как о том свидетельствуют его письма, одной из причин порицания им русских, участвовавших в Июльской революции.

В своем отношении к контрреволюционным замыслам царизма против Франции кн. Вяземский был открыто непримирим. Он горячо выступал против планов царской интервенции во Францию, усиления реакции внутри России, напоминавших ему политику Екатерины II после французской революции конца XVIII в. «Неужто загорится опять европейская война? — с тревогой спрашивал Вяземский. — Страшно подумать, как нас вдруг отбросило к 90-м годам». При этом он указывал на тяжелое положение русского народа, еще более ухудшившееся из-за начавшейся эпидемии холеры. «Какая крутая каша заваривается в Европе! — писал он А. Я. Булгакову 23 ноября 1830 г. — Пускай хлебают ее кто хочет, только нам не иметь бы в чужом пиру похмелья. Сохрани нас боже от войны после этой холерической передраги. Это нашествие в несколько губерний чего-нибудь да стоит»³⁵.

Историк русской литературы, деятель цензуры, а тогда начинающий преподаватель Петербургского университета А. В. Никитенко, несмотря на большую осторожность в политических суждениях, весьма одобрительно оценил победу Июльской революции. Впечатления и раздумья, связанные с революционным пере-

²⁸ «Литературная газета», 9, 19 августа, 28 октября, 2 ноября 1830 г.

²⁹ «Литературная газета», 9 августа 1830 г.

³⁰ П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929, стр. 337.

³¹ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, стр. 193.

³² Там же, стр. 191.

³³ «Русский архив», 1879, № 5, стр. 103.

³⁴ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. IV. СПб., 1899, стр. 155

³⁵ «Русский архив», 1879, № 5, стр. 105.

воротом во Франции, сохранились в его дневнике. Первые записи о революции были сделаны им 5 сентября. «Франции удалось оттолкнуть от себя руку, готовившуюся сковать ее цепями,— отмечал Никитенко.— В три дня в ней остались одни развалины от безумного деспотизма, который стремился в ней водворить Карл X. Пример Франции пробудил от сна южную часть Нидерландов. В Брюсселе происходили кровавые схватки. В Испании также умы волнуются. В Португалии начинают скучать жестокостями дон-Мигуэля»³⁶.

Тонко подметив в связи с начавшимся восстанием в Польше вероятность дальнейшего роста революционного движения по всей Европе³⁷, в целом же Никитенко воспринял революцию как «болезнь политическую», которую повсеместно в Европе, и особенно в России, следует всячески избегать.

В отношении к Июльской революции и ее последствиям Н. А. Полевого, талантливый журналист буржуазного толка, тоже проявились довольно ярко черты либерализма, выражавшего настроения как части дворянской, так и буржуазной оппозиции. Социально-политические убеждения Полевого, выступавшего страстным обличителем крепостнических порядков, боровшегося за социальный прогресс в России, однако даже в пору его наибольшей оппозиционности к самодержавно-крепостническому строю (во время издания им «Московского телеграфа» с 1825 по 1834 г.) носили печать буржуазной ограниченности и умеренности³⁸. Большое влияние на формирование его воззрений оказали концепции французских буржуазных историков периода Реставрации — Гизо, Тьерри, Минье (идейный расцвет творчества которых приходился на 20-е годы XIX в.), их оппозиционное отношение к феодально-клерикальной реакции Бурбонов.

По инициативе Полевого, «Московский телеграф» не только отметил, несмотря на запрет цензуры, революционный переворот во Франции, но и сумел дать, насколько это было возможно при цензурных строгостях, анализ Июльской революции и ее последствий. В статье «Летопись современной истории» 1830 год был назван «одним из самых достопамятных годов не только трех минувших десятилетий нашего века, но, может быть, и всего XIX столетия!». Как писал журнал, в XIX в. «ни один год не был ознаменован событиями... столь быстрыми, столь обильными в будущем следствиями». Вопреки официальной точке зрения, «Телеграф» считал вполне закономерным новый революционный взрыв во Франции, так как революция 1830 г., по его мнению, произошла «по указанию истории, по рассмотрению современной поли-

тики и статистики». «В опытах прошедшего», «в беспристрастном рассмотрении настоящего» искал журнал «мерило будущего»³⁹.

Для обоснования закономерности буржуазной революции 1830 г. во Франции, на которую так злобно нападали реакционные круги Европы, «Телеграф» Полевого обращался к событиям французской буржуазной революции конца XVIII в., пытался проанализировать ее причины, показать ее историческое значение и ее прогрессивные последствия. Он справедливо отмечал, что «общие и отдаленные причины издавна приуготовили 1789-й год, разрушивший все это общественное здание» (феодализма.— *О. Ор.*)⁴⁰, и что борьба с его остатками породила новую революцию в стране.

Анализируя политические события во Франции накануне июльского переворота, «Телеграф» разоблачал феодальную, реакционную политику Карла X, в связи с которой «умы волновались, души жесточали». Хотя журнал был ограничен в своих возможностях писать об Июльской революции, он все же сумел дать читателю «в картине довольно подробной» вполне объективное изложение хода революции; показать, что только в результате победы революции «Карл X сложил корону», а «законный наследник герцог Ангулемский» вынужден был «отказаться от своих прав».

Журнал отмечал также большое влияние, которое оказала Июльская революция на подъем революционного движения в других странах Европы, что именно «из Франции раздавались голоса, потрясавшие Европу». «С июля месяца — все изменилось,— писал «Телеграф»,— вся Европа всколебалась... даже и благословенные страны России подверглись общей участи»⁴¹. Значительное влияние на формирование отношения журнала к революции оказал С. Д. Полторацкий, который принимал активное участие в его издании и который во время июльских событий находился во Франции.

Как и французские историки, отстаивавшие идею развития классовой борьбы в период феодализма и видевшие в победе буржуазного строя венец всего исторического развития общества, Полевой воспринял Июльскую революцию прежде всего с позиций «среднего класса», который все больше рвался к власти во Франции и с установлением господства которого Полевой связывал процветание Франции, благоденствие всего народа. С победой Июльской революции он связывал также завершение цикла революционного развития Франции вообще.

Представители более радикально, а подчас и революционно настроенной части русской интеллигенции поколения декабристов и особенно молодого поколения не только проявили большую

³⁶ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1904, стр. 202. Дон-Мигуэль — португальский инфант, младший сын Иоанна VI, установивший в стране в 1827—1834 гг. режим кровавой реакционной диктатуры (разрядка наша.—*О. Ор.*).

³⁷ Там же, стр. 205.

³⁸ Подробнее см.: *Вл. Орлов. Пути и судьбы. М.—Л., 1963, стр. 181—317.*

³⁹ «Московский телеграф», 1831, № 1, стр. 114

⁴⁰ Там же, 1830, № 15, стр. 351—352.

⁴¹ Там же, 1830, № 14, стр. 245; № 15, стр. 361; 1831, № 1, стр. 119.

симпатию к революции во Франции, не только с горячим одобрением восприняли антифеодальные идеи этой революции, но и, проанализировав ее уроки, пришли к более смелым заключениям и выводам. Июльская революция и ее исход оказали большое положительное влияние на многих представителей этой части интеллигенции, наиболее подготовленной к восприятию революционных событий во Франции и выражавшей решительнее, чем представители других идейных течений в русском общественном движении, необходимость ликвидации крепостнического строя.

Именно в этой среде под воздействием Июльской революции, и особенно в связи с ее исходом, обсуждались проблемы закономерности революционного развития общества, а также вставал вопрос о роли народа в истории, о его значении в революции. Итоги этой революции активизировали у ряда ее передовых представителей не только первый значительный интерес к возникшим на Западе новым, антибуржуазным социальным воззрениям, но и способствовали зарождению в самой России первых социалистических идей.

Многие представители старшего поколения русских революционеров — декабристы — узнали о новой революции, находясь в ссылке, в далеком Забайкалье. Они не только восторженно восприняли эту весть, но вновь почувствовали, что революционная борьба не может быть задушена никакими репрессиями и что в России, по образному выражению А. С. Пушкина, также не пропадет их «скорбный труд и дум высокое стремленье». «Едва дошел с далеких берегов небесный звук спадающих оков — и вздрогнули в сердцах живые струны» — так в поэтической форме высказал отношение декабристов к Июльской революции и к революциям вообще поэт-декабрист А. И. Одоевский. Декабристов особенно интересовали подробности восстания в Париже, его политические и социальные результаты; их внимание привлекли методы борьбы, они много говорили об участии в Июльской революции народа.

Как отмечал в своих «Записках» Н. В. Басаргин, шедший по этапу в ссылку в одной группе с кн. С. Г. Волконским и М. С. Лунным, первые известия о революции в Париже декабристы получили под Читой, недалеко от села Петровского — места их ссылки. Жена одного из декабристов, поехавшая в Сибирь, догнала эту группу «на последнем ночлеге к Петровскому» и передала декабристам газеты с сообщением о революционных событиях во Франции. «Это сильно взволновало юные умы наши, — писал Басаргин, — и мы с восторгом перечитывали все то, что описывалось о баррикадах и трехдневном народном восстании»⁴². В тот день декабристы тайком собрались вместе, «пропели хором „Марсельезу“» и разошлись, полные надежд «на лучшую будущность Европы» и России.

⁴² Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 134—135.

Определенный след Июльская революция оставила в жизни Н. И. Тургенева, судьба которого сложилась совершенно иначе, чем у других декабристов. В 1824 г. он выехал для лечения за границу, где и узнал потом о восстании на Сенатской площади и трагической участи своих товарищей. Привлеченный заочно к следствию, декабрист Н. И. Тургенев был осужден царским судом на бессрочную каторгу. Оказавшись «государственным преступником», он стал политическим эмигрантом. Долгие годы Тургенев прожил в Англии и во Франции, где и скончался.

Как уже отмечалось, Н. И. Тургенев, так же как и его брат А. И. Тургенев, хорошо знал жизнь Франции, был знаком со многими ее выдающимися политическими деятелями. Поэтому его оценки Июльской революции, его суждения о буржуазной монархии Луи Филиппа весьма ценны для раскрытия восприятия этих событий передовыми русскими людьми, а также для освещения воздействия на их идейные воззрения.

По сравнению с огромным эпистолярным наследием его брата, Н. И. Тургенев оставил значительно меньшую переписку и не был так последователен и аккуратен в своих записях. К тому же он был весьма немногословен, когда шла речь о политических сюжетах, что объяснялось осторожностью, связанной с его положением политического эмигранта. Но тем не менее революционный переворот во Франции настолько захватил Тургенева, что он сразу же откликнулся на него в своих письмах к брату⁴³.

Н. И. Тургенев во время июльских революционных событий находился в Лондоне. Глубокое изучение хода революции, ее политических последствий, заслуживающие особого внимания тонкие и глубокие суждения Тургенева позволяют говорить о нем как об одном из наиболее ярких современников этих событий. Он смог передать в своих записях волнующую атмосферу революции, дух того времени и, что весьма интересно, реакцию на французские события в других европейских странах, прежде всего в Англии. 29 июля он сообщал из Лондона брату в Париж: «Вчера газеты возвестили неожиданные перемены во Франции. До такой степени перемен сего раза, конечно, здесь никто не ожидал, даже и министры, как все уверяют. Теперь король, конечно, не может уже почитаться. И для него лично, по всем сведениям, предстоят решительные перемены в жите-бытье»⁴⁴.

Итак, вопрос о победе революции, окончательном падении власти Карла X был ясен для него с самого начала. Тургенев приветствовал начало этой революции, ее победу. Он сумел правильно определить политические цели июльского переворота, интересовался также самим ходом восстания и участием в нем народа. Но Тургенев опасался поддержать демократические требова-

⁴³ Многие из этих писем еще не опубликованы (см. Отдел рукописей ИРЛИ, ф. 309, д. 232)

⁴⁴ Там же, л. 163.

ния народа, которые раздавались как в ходе самой революции, так и после ее окончания. Это видно из его оценок различных событий, связанных с революцией, и в том числе из его отношения к требованиям, выдвигаемым народом Франции, решительного осуждения реакционных министров свергнутого короля. «Я не верю, чтобы во Франции в народе было сильно желание казни бывших министров. Это совсем не в духе теперешнего времени...— отвечал он на письмо А. И. Тургенева 15 октября 1830 г.,— я этого просто не понимаю»⁴⁵. Правда, Тургенев считал, что народ мог выступать с таким требованием «в силу права, ему данного законом». Но, кроме юридических прав, другие — классовые — причины им полностью не вскрывались. Дальнейшее обострение классовой борьбы во Франции заставило Н. И. Тургенева все же внимательнее отнестись к задачам, поставленным французским народом, и его роли в истории страны. Тому свидетельство — сохранившиеся письма, записки 30—40-х годов XIX в.

Близкий по своим социально-политическим взглядам декабристам А. С. Пушкин также откликнулся на июльские революционные события, приветствовал победу французской революции 1830 г. Интерес поэта к революционной Франции, возникший еще в юношеские годы, во время учения в Лицее, сохранился на всю жизнь. Внимание Пушкина, как и многих других его современников, к французской революции XVIII в. было не случайным. Отношение к ней в известной степени определяло тогда политические мнения, социальные воззрения и оценки классовой борьбы, получившие распространение среди различных представителей русской интеллигенции. Под воздействием восприятия Пушкиным этой революции формировалось его отношение к новой, Июльской, революции во Франции. В свою очередь, июльские события 1830 г. стимулировали углубленное изучение им проблем Великой французской революции XVIII в. Политическая французская литература XIX в., на которой Пушкин также проверял свои убеждения, в значительной своей части была порождена революцией конца XVIII в. Интерес Пушкина к истории Франции усиливался и от его знакомства с трудами Гизо, Тьерри, Минье, Тьера, Баранта и других исследователей новой французской исторической школы. Теории этих исследователей, обогатив историческую и социальную концепции Пушкина, стимулировали развитие его стремления к углубленному изучению истории, к самостоятельной разработке важнейших исторических проблем, укрепили его интерес к революционному прошлому, к настоящему Франции. Поэтому, когда во Франции произошла новая революция, Пушкин проявил себя не только как сторонник, но и как глубокий исследователь многих теоретических проблем, рожденных ею.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 309, д. 232, лл. 183, 185.

«...Самое интересное время нашего века!»⁴⁶—так характеризовал Пушкин в письме 21 августа 1830 г. к Елизавете Михайловне Хитрово время подъема революционной борьбы в Европе, начатой Францией. Поэт жадно ловил каждое новое известие о революционных событиях на Западе, и прежде всего во Франции, приходившее в Россию, и находил различными неофициальными путями дополнительные сведения о них. «Как я должен благодарить Вас, сударыня, за любезность, с которой Вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит»,— писал он той же Е. М. Хитрово, которая через своего зятя, австрийского посланника в России Фикельмона, постоянно снабжала поэта запрещенной иностранной литературой.

Во всех своих высказываниях и письмах об Июльской революции Пушкин подчеркивал справедливость революционного переворота, осуждал реакционный режим Бурбонов. Он, как и большинство других передовых русских современников, поддерживал утверждение во Франции конституционной монархии, которую считал наиболее приемлемой формой политического строя. Наряду с некоторыми другими представителями прогрессивно мыслящей интеллигенции России, поэт высказывался за решительное закрепление побед революции и даже за казнь ненавистных французскому народу бывших министров. В декабре 1830 г., во время судебного процесса над министрами Карла X, поэт спорил по этому поводу с Вяземским и Жуковским, горячо отстаивая свои убеждения. «... Все-таки палата права!»— писал он Вяземскому в связи с поддержкой представителями палаты депутатов требований народа на процессе министров.

С победой Июльской революции Пушкин связывал также возможность уничтожения реакционного Священного союза, поддерживавшего власть Бурбонов на французском престоле и жестоко подавлявшего все борющиеся европейские народы. «Из недр революций 1830 года,— замечал поэт,— возник великий принцип — принцип невмешательства, который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого»⁴⁷.

Но результаты французской революции 1830 г. вызвали у Пушкина, как и у многих других представителей передовой России, разочарование. Вскоре он увидел многие недостатки буржуазной июльской монархии, не принесшей желанной свободы народу Франции. Пушкин резко отзывался и о новом короле Луи Филиппе, пытавшемся под маской ложного внешнего демократизма скрыть хищническую сущность проводимой им буржуазной политики. «Их король с зонтиком подмышкой чересчур уж мещанин»,— иронически писал Пушкин. Так, размышляя над уроками Июльской революции, Пушкин отмечал ее ограниченность и непо-

⁴⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. X. М., 1958, стр. 302.

⁴⁷ Там же, стр. 337.

следовательность. Тем самым объективно он приходил к предположению возможности в дальнейшем нового революционного взрыва в стране. Но в то же время, как представитель дворянской революционности, он сомневался в целесообразности дальнейшей активизации сил народа.

Осторожность таких суждений была связана и с все еще довольно прочно распространенным мнением в кругах русской общности о том, что якобинская диктатура явилась будто бы прологом для установления личного самовластия Наполеона и что новое пробуждение необузданных стихийных сил, их влияние на революцию сможет привести к грозным последствиям для Европы. Не только пример Франции, но и события в России, как, например, крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, видимо, способствовали живучести таких взглядов. Это нашло отражение и в оценках возможных последствий Июльской революции, данных Пушкиным в 1830 г. «Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе,— писал Пушкин Е. М. Хитрово в декабре 1830 г.— Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении,— что называете Вы хорошим направлением?»⁴⁸ И дальше, поясняя свой вопрос, Пушкин излагает собственное мнение в связи с ним. По его представлению, возможный приход к власти «молодого, необузданного поколения, не уstraшенного эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую не переживало», может привести к новой диктатуре. Поясняя эту мысль в другом письме, Пушкин продолжает: «Они хотят республики и добьются ее — но что скажет Европа и где найдут они Наполеона?»⁴⁹

В начале 30-х годов XIX в., в период обострения классовой борьбы в России и революционного подъема в Западной Европе, Пушкин приступил к исследованию истории французской революции конца XVIII в. Он задумал нарисовать социальную картину крушения феодализма, причем мыслил довести ее до 1830 г., чтобы показать закономерность революционных движений⁵⁰. «...Я предпринял исследование французской революции,— писал он в июне 1831 г. из Царского Села Е. М. Хитрово,— покорнейше прошу Вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинения запрещены. У меня здесь есть только „Мемуары, относящиеся к революции“»⁵¹.

Интерес к Июльской революции сочетался у Пушкина с большим интересом ко всем политическим известиям, которые приходили с Запада и свидетельствовали о нарастании во всем мире глубоких социальных конфликтов. С наибольшей глубиной со-

циальные противоречия на Западе раскрыты Пушкиным в статье «Джон Теннер», где он сумел показать истинное лицо америкапской буржуазной демократии. «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме,— писал Пушкин в „Джоне Теннере“,— в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посредни образованности и свободы...»⁵²

Под влиянием внутренних и внешнеполитических событий в начале 30-х годов XIX в. Пушкин особенно много размышлял над прошлым и настоящим русского народа, над положением крепостного крестьянства, его судьбами в условиях самодержавно-крепостнического строя. Долгое пребывание Пушкина в деревне Болдино в связи с начавшейся эпидемией холеры в 1830 г. полнее раскрыло перед ним всю тяжесть положения крестьянства в России. Внимание поэта к народу нашло отражение в его произведениях того периода — «Дубровском», «Капитанской дочке», «Истории Пугачева». Свои надежды на изменение положения народных масс России Пушкин все основательнее связывал с необходимостью решительной ломки самодержавно-крепостнических порядков. В этом убеждал его и опыт революционной борьбы народов Европы. Взгляды Пушкина на Июльскую революцию и буржуазную монархию Луи Филиппа показывают, насколько глубокими были его суждения о проблеме революции. Они свидетельствуют также о радикальности его социальных взглядов, о большой солидарности его взглядов с революционными взглядами, развитыми в России декабристами.

Новый революционный взрыв во Франции всколыхнул не только людей поколения или круга декабристов. Отзвук получила революция и у самых молодых представителей передовой русской интеллигенции, особенно у передового студенчества, социальный состав которого свидетельствовал о расширении демократических элементов в русском освободительном движении. Из демократической среды вышли многие представители нового поколения русских революционеров.

Передовая молодая интеллигенция России, воспитанная на героических традициях Отечественной войны 1812 г., революционных, свободолюбивых идеях декабристов, разбуженная восстанием 1825 г., стремилась к активным действиям, а также искала личных контактов с революционными деятелями Западной Европы. Лучшая часть русской молодежи глубоко переживала гнет самодержавно-крепостнических порядков, с большим вниманием и сочувствием воспринимала не только антифеодальные движения народных масс России, но также и революционные выступления на Западе. В ее отношении к революционной борьбе народов

⁴⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. X, стр. 326.

⁴⁹ Там же, стр. 336 (письмо от 21 января 1831 г.).

⁵⁰ См. Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960; И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. М., 1962.

⁵¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. X, стр. 355.

⁵² Там же, т. VII. М., 1958, стр. 435.

Европы всегда наиболее ярко проявлялись черты интернационализма, присущие всей прогрессивной России, что нашло свое отражение и в откликах ее на Июльскую революцию во Франции.

В среде передовой военной, чиновничьей и студенческой молодежи весть о победе революции во Франции была встречена с большим одобрением. Не только студенты, но и многие молодые военные распевали тогда «La Parisienne», искренне радовались «новому трехцветному знамени», которое стало снова развеяться над Францией. Уже через несколько дней после получения царским правительством первых официальных сообщений о революции во Франции известия о ней распространились в военные лагеря, находившиеся под Петербургом, вызвав и там большой интерес и живую реакцию. Юнкер И. В. Вуйч из школы гвардейских подпрапорщиков, находившейся летом на маневрах под Петергофом, в своем журнале-дневнике за 1829 — 1830 гг. засвидетельствовал, как много занимали молодежь школы политические новости, и особенно Июльская революция⁵³.

Молодой гвардейский офицер Д. Бутурлин вспоминал позднее, что, «когда вспыхнула парижская июльская революция», он как-то достал экземпляр слов и музыки „La Parisienne“ Казимира Лавинь с виньеткой нового трехцветного знамени и несколько дней носил эту опасную в то время песню в своей шапке и при случае распевал ее. Узнай о том вел. кн. или кто-нибудь из нашего генералитета, присоединился бы к прочим новым пунктам обвинения, когда позднее я попал в опалу»⁵⁴. Осенью того же года Бутурлин и его друзья — молодые чиновники П. Голицын, С. Романов были арестованы по обвинению в симпатии к Июльской революции и антисамодержавных высказываниях. При этом особое внимание III Отделения было обращено и на отца Романова — коллежского советника, который «поносил наше правительство, восхваляя правительство французское», воспитывал своего сына в «духе вольнодумства» и имел вредное влияние «на умы молодых людей». Зимой 1830 г. Бутурлин был выслан под надзор полиции в Павлоградский пехотный полк, Голицын сослан на Кавказ, Романов, бывший «воспитанник Булонской академии», — в Архангельск⁵⁵. За одобрение революции и проявление «свободомыслия» рядовым на Аландские острова под строгий надзор жандармов был отправлен также москвич юнкер А. Башилов.

Усиление оппозиционных настроений в армии среди молодого офицерства было замечено тайными агентами III Отделения, которые, суммируя характер настроений, подчеркивали, что «даже

⁵³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 218, п. 58, д. 18, лл. 81 об — 83.

⁵⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 1337, оп. 1, д. 18, л. 4 (вел. кн. — Михаил Павлович — командующий гвардейским корпусом, в котором служил Бутурлин. — *О. Ор.*).

⁵⁵ Там же, лл. 22, 22 об., 24, 26; ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, «Всеподробнейшие доклады... за 1831 г.», ч. 1, л. 36 об.

между гвардейскими офицерами недовольство и ропот дошли до высокой степени»⁵⁶.

Если молодая военная интеллигенция была в основном дворянского происхождения, то в кругах чиновничьей и студенческой молодежи была значительной разночинная прослойка. Выходцы из разночинной среды также проявили большой интерес к этой революции, и особенно к участию в ней народа, к его влиянию на ход революционных событий во Франции. Не только в крупных, центральных городах разночинная молодежь обсуждала июльские события и высказывалась в поддержку новой французской революции, но даже в таких небольших провинциальных городах, как Стародуб, Калязин, Калуга, шло живое обсуждение всех этих вопросов. Так, в Калуге среди учащейся молодежи, даже среди семинаристов, а также между «приказными губернскими присутственными» «с вниманием» обсуждалось выступление народа в революции и при этом особенно подчеркивалось, что именно «народ французский удалил его (короля. — *О. Ор.*) от престола»⁵⁷.

Одобрительное, а порой и восторженное признание, по отзывам современников, получила революция в среде передового студенчества, являвшегося одним из ведущих отрядов общественного движения в России, наиболее активно продолжавшего в те годы борьбу с царизмом. Об этом свидетельствовали как антиправительственная деятельность студенческих кружков конца 20-х — начала 30-х годов XIX в. в Московском, Петербургском, Харьковском университетах, московском отделении Медико-хирургической академии, Институте путей сообщения, так и антиправительственные выступления отдельных студентов, их попытки распространения революционных прокламаций и социальных трактатов⁵⁸. В студенческих кружках того времени наиболее ярко проявилось формирование освободительных идей. Если всем студенческим кружкам, как и всей прогрессивно настроенной русской интеллигенции, был присущ протест против самодержавия и крепостничества, то степень глубины этого протеста, его действительность были различными. Одни из участников кружков впитывали либеральные воззрения, другие в своих идейных поисках уже начинали отмечать непоследовательность и ограниченность революционности декабристов.

О том, как студенчество Петербургского университета переживало июльские события в Париже, образно писал студент этого университета В. С. Печерин: «Вдруг блеснула молния, раздался громовой удар, разразилась гроза Июльской революции... Воздух освежел, все проснулись, даже и казенные студенты... Начали говорить новым, дотоле неслыханным языком: о свободе, о

⁵⁶ ЦГАОР, СССР, ф. III Отделения. Секретный архив, оп. 3, д. 3198, л. 142.

⁵⁷ Там же, 1 экзп, д. 286, ч. 1, л. 47.

⁵⁸ Подробнее см.: *И. А. Федосов*. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., стр. 85—116.

правах человека...»⁵⁹ Печерин сумел по достоинству оценить значение победы революции для дальнейшего развития общественной мысли, революционного движения не только в Европе, но и применительно к России. Июльская революция, как отмечал он в своих мемуарах, «была громадным событием не сама по себе, а по надеждам, ею возбужденным. Чего тут не обещали? Совершенную перестройку государства и общества на новых основах, новую великолепную религию... Анфантен, Ламенне, Пьер Леру... — чего не можно было ожидать от этих вдохновенных апостолов и пророков?»⁶⁰. Особенно радовало Печерина, что это оживление разбilo «тишину, точно штиль на море».

Общественное возбуждение в связи с началом нового, революционного подъема на Западе охватило студенчество и ряда других высших учебных заведений столицы. В начале 30-х годов XIX в. в Институте путей сообщения были обвинены «в предосудительных намерениях» в отношении царя и в симпатиях к Июльской революции не только многие студенты, но и некоторые профессора. Так, под надзор жандармов был взят профессор Ламэ, сослан в Вытегру профессор Клапейрон, бывший воспитанник Парижской политехнической школы, которые к тому же были обвинены и в проповеди сенсимоизма среди студентов⁶¹.

Одобрив падение реакционного режима во Франции и П. В. Анненков, тогда петербургский студент, в будущем один из лидеров западников. Из его литературных воспоминаний видно, что Анненкова более всего заинтересовала не сама Июльская революция, а ее политические последствия, которые он связывал с укреплением буржуазной монархии. Уже тогда во взглядах Анненкова на революцию, в оценках ее возможных последствий для Европы выявились его либеральные взгляды, которые особенно окрепли в 40-х годах XIX в. Так, по его мнению, Июльская революция способствовала не усилению революционной борьбы в Европе, а только оживлению либерального политического движения. Проблема общих закономерностей революционного развития им решалась явно отрицательно, и весь ход последующего европейского развития он связывал с реформами, постепенными преобразованиями. В связи с этим сначала большой интерес вызвала у Анненкова буржуазная монархия Луи Филиппа. Однако вскоре, увидев, что и при правлении Луи Филиппа во Франции обострялась классовая борьба, росли революционные силы, Анненков стал осуждать июльскую монархию, которую называл уже «подлогом... призраком, самозванно подменившим родовую физиономию страны».

⁵⁹ В. С. Печерин. Замогильные записки. [М.], 1932, стр. 38.

⁶⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 332, п. 45, д. 14, л. 4.

⁶¹ См. А. А. Дельвиг. Мои воспоминания. М., 1913, стр. 130; R. Fakkar. Sociologie, Socialisme et Internationalisme prémarxistes. Contribution à l'étude de l'influence internationale de Saint-Simon et de ses disciples. Neuchâtel, 1968, p. 163—164.

Мало интересуясь революционным движением, Анненков в то же время справедливо предполагал, что передовую Россию 30-х годов XIX в. интересовала не Франция Луи Филиппа, а революционная Франция. «У нас тоже искали потаенной Франции, вместо той, которая была на виду, и ожидали, что первая рано или поздно сменит вторую», — писал он⁶². Эта-то «потаенная» Франция и настораживала Анненкова, опасавшегося нового революционного взрыва в Европе и его отголосков в России.

К иным политическим выводам в начале 30-х годов XIX в. приходила часть наиболее радикально настроенного студенчества. Так сложилось, что после разгрома декабристов центр освободительной мысли переместился в Москву. Большую роль в распространении передовых идей сыграл Московский университет. Несмотря на особое наблюдение за ним после 1825 г. царских властей, его передовое студенчество сумело сохранить в годы николаевской реакции верность освободительным идеям, поднять смелый голос протеста против самодержавия. Об этом свидетельствовали вольнолюбивые настроения А. И. Полежаева, деятельность кружков братьев Петра, Михаила и Василия Критских, Якова Костенецкого, Н. С. Селивановского, М. Лермонтова, а также А. Герцена и Н. Огарева, В. Белинского, Н. Станкевича и др. Известно, какой популярностью в то время пользовались стихи, приписываемые Полежаеву:

Друзья, не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит в непогоды,
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенной свободы!⁶³

Тогда Московский университет «сделался воспитателем молодых людей всех классов и сословий общества — от самых низших до самых высших...». По словам Герцена, «в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России... в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой...»⁶⁴. Пестрая по социальному составу студенческая среда была множеством нитей связана со всей Россией; значительную часть студентов составляли разночинцы. Многие имена воспитанников университета нераздельно связаны с общественным и освободительным движением России, а некоторые и с революционной борьбой в Западной Европе. Это прежде всего А. Герцен, В. Белинский, М. Бакунин, Н. Огарев, М. Лермонтов, В. Пассек, Н. Сазонов, А. Кноблох, Я. Костенецкий.

⁶² П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 208.

⁶³ А. И. Полежаев. Полное собрание стихотворений Л., 1939, стр. 410.

⁶⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VIII, стр. 107; Л. И. Насонкина. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

В насыщенной идейной атмосфере революционное выступление народа во Франции не могло не встретить поддержку и сочувствие со стороны передового студенчества Московского университета. И действительно, Июльская революция во Франции нашла отражение в деятельности его многих кружков и групп. Студенческие настроения довольно быстро распространялись в общественной среде, выходили далеко за стены университета. Многие студенты, особенно из разночинной среды, подчас не имея возможности купить для себя свежий номер газеты или журнала, собирались в одном из захудалых трактиров в «железных рядах». Там хорошо знавшие их трактирные служители всегда припрятавали для них последние «Московские ведомости» или «Московский телеграф». Разгоряченные полученными новыми сведениями из Франции, они расходились по своим плохоньким «квартиренкам», снятым на Бронной, за Никитской или у Харитония в Огородниках, или шли в студенческое общежитие, в аудитории университета, чтобы там продолжать дальнейшие рассуждения и споры по поводу последних событий.

Размышляли над революционными событиями в Западной Европе, и в том числе во Франции, участники тайного революционного кружка Якова Костенецкого, в который входили студенты университета, мелкие чиновники и офицеры. Его смелые антиправительственные замыслы явились ярким свидетельством роста и развития революционных настроений в среде передового студенчества после 14 декабря 1825 г. Социальный состав этого объединения указывал на начавшуюся демократизацию освободительного движения в России.

К середине 1831 г., когда над всеми участниками возникшего кружка нависла угроза ареста, ими были, по-видимому, уничтожены многие личные бумаги. Поэтому только у некоторых его членов, в том числе у молодого музыканта Ю. Кольрейфа и А. Кноблоха, были найдены сочинения «очень вольного рассуждения», в которых выражались, в частности, симпатии к революционному перевороту во Франции, звучала уверенность в победе революции и в других странах. Как указывал в своих записках Кноблох, пришло время, когда «чувство свободы, беспремерное в истории, кажется, овладело миром». С большим чувством писал также Кольрейф о казавшемся ему желанием Франции не только сбросить Бурбонов, но и «сделаться республикой», о революции в Бельгии и о «громких криках свободы», раздававшихся «по всей Германии»⁶⁵. Более того, Кноблох и Кольрейф задумали написать работы, в которых хотели исторически обосновать закономерность перехода к республиканскому правлению и расширению политических прав народа. В 1830 г. ими был составлен трактат «Рим меняет свое монархическое правление на республиканское». «Откуда взято, что монархическое постановление есть древ-

нейшее и естественнейшее,— спрашивал, например, в этом сочинении Кольрейф,— мы знали в истории противное... Здание монархии основывается на вере... а республика на законах разума»⁶⁶.

Этот кружок был связан с группой польских офицеров и студентов, которых предполагалось привлечь к активному участию. Начавшееся в то время польское восстание явилось новым испытанием их революционности. Как писал в своих записках Кноблох, им совершенно овладела мысль бороться вместе с поляками и другими народами за освобождение от гнета абсолютистско-феодалных монархий («Братья, братья! Миллионы бьются за свободу. Мы спешим к ним на помощь»). Однако все члены студенческого общества не успели принять активное участие в революционной борьбе: в 1831 г. они были арестованы и подвергнуты жестоким репрессиям.

В кружке, сложившемся вокруг 16-летнего М. Ю. Лермонтова, также живо обсуждались революционные идеи, с горячностью и восторженностью молодости воспевалась победа французского народа в Июльской революции. Этой революции Лермонтов посвятил стихотворение «30 июля.— (Париж) 1830 года», в котором гневно обличал реакционную политику Карла X и прославлял победивший народ. В революционных событиях Лермонтов увидел торжество справедливости, доказательство того, что «есть суд земной и для царей»:

...Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец...
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой...⁶⁷

Стихотворение Лермонтова звучало не только в кружке, но и было широко распространено в списках среди студентов. Оно выражало настроения и отношение к Июльской революции передовой России. Революционным событиям в Европе посвящено и другое его стихотворение «10 июля (1830 г.)»⁶⁸. В сатире «Пир Асмодея» Лермонтов с едкой иронией показал растущий страх в правящих кругах некоторых держав в связи с подъемом европейского освободительного движения, когда снова расплескалось «вино свободы».

⁶⁵ Там же, лл. 88 об.— 89.

⁶⁷ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. 1. М., 1957, стр. 160.

⁶⁸ По предположению одних исследователей, оно написано под впечатлением переворота во Франции, по мнению других — под влиянием успешного восстания против турецкого ига в Румелии и Боснии.

Революционная Франция оказала влияние на усиление вольнолюбивых романтических тенденций в творчестве молодого поэта, которые уже прозвучали во многих его произведениях 1830—1831 гг., особенно в стихотворениях «Новгород», «Атаман», «Послушай! Вспомни обо мне» и др. В стихотворении «Новгород» поэт прославлял былую политическую самостоятельность города, его независимость. Обращаясь якобы к прошлому Новгорода, Лермонтов призывал в настоящем к мужеству, к борьбе:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?... Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..⁶⁹

В начале 30-х годов XIX в. внимание юного Лермонтова было обращено и на внутривнутриполитические проблемы, в том числе и на борьбу народных масс. В 1830 г. он пишет свое «Предсказание», в котором показывает Россию, охваченную огнем народной борьбы, во времена «когда царей корона упадет». Народное восстание представляется Лермонтову грозным, но неизбежным.

Теоретические искания тех лет не вывели еще многих лучших представителей русской интеллигенции за рамки дворянской революционности. Однако эти поиски не были напрасными. Ими был намечен переход к более высокой ступени развития русской мысли, как и всего освободительного движения в России. Этот переход связан прежде всего с именами Белинского, Герцена, Огарева. Созданные ими студенческие кружки, в которых появились ростки новой теоретической мысли, заняли особое место в ряду студенческих группировок того времени. С ними идейно были связаны многие другие университетские объединения.

Смелые антикрепостнические настроения Белинского, предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»⁷⁰, его страстный протест против самодержавно-крепостнического строя России наложили большой отпечаток на идейную направленность его кружка, получившего название «Литературное общество 11 номера». По своему социальному составу он значительно отличался от ряда других студенческих объединений начала 30-х годов XIX в. В основном он объединял разночинную молодежь, выходцев из среды сельского духовенства и мелкого служилого люда. В него входили М. Чистяков, П. Петров, Н. Григорьев, П. Прозоров, И. Савинич, Н. Аргилландер, П. Нечай, Н. Матюшенко и др. Их обращение к литературе было не случайным. В ней члены кружка искали, хотя и проводимую иносказательно, мысль о свободе,

критику самодержавно-крепостнического строя. Огромную роль в формировании взглядов Белинского сыграл Пушкин.

Судьба русского народа стояла в центре внимания Белинского и его друзей. Поэтому, когда произошло революционное выступление против Карла X во Франции, против Николая I в Варшаве, в кружке не только оживились споры на политические и социальные темы, но и были установлены связи с революционно настроенной польской молодежью, жившей в Москве.

Ярким свидетельством политической, революционной направленности кружка является отношение его участников к антикрепостническим идеям юношеской драмы Белинского «Дмитрий Калинин», которую он закончил осенью 1830 г. В ней Белинский нарисовал картину тяжелой крепостной жизни, показал столкновение двух основных тенденций современной ему общественной жизни России — передовых свободлюбивых настроений русской интеллигенции из всех сословий с идеологией крепостников. Появление этой драмы во многом было определено впечатлениями юноши Белинского от зреющего народного возмущения в России в связи с распространившейся эпидемией холеры, свидетелем которой он был в Пензенской и Тамбовской губ. летом 1830 г., а также и вестями о победе революционного выступления народа во Франции, о котором он узнал еще во время каникул, находясь в Чембарах. Переполненный этими впечатлениями, встреченный к тому же после возвращения в университет угрозами начальства, он решил облечь свои мысли и переживания в художественную форму. Так появился «Дмитрий Калинин» с его пламенными монологами.

В тот период, когда у Белинского, так же как и у ряда других представителей передовой русской молодежи, еще не было четко разработанной программы социального и политического переустройства общества, протест против угнетения человека, страстное желание его морального и физического раскрепощения выдвигались на первый план. «В этом сочинении, — писал Белинский о «Дмитрии Калинине», — со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, — я в картине довольно живой и верной представил тиранства людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных». Но и тогда молодой Белинский не только гневно протестовал, но и звал к борьбе против произвола. Он считал, что если «законы противны правам природы и человечества, правам самого рассудка, то человек может и должен нарушать их»⁷¹.

Смелые антикрепостнические идеи «Дмитрия Калинина» произвели большое впечатление на участников кружка. Они, по воспоминаниям Аргилландера, «страшно аплодировали... всем, по тому времени весьма резким монологам», которые с «большим

⁶⁹ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. 1, стр. 168.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

⁷¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1953, стр. 435.

увлечением» читал сам автор на литературных вечерах кружка⁷².

Московский цензурный комитет, куда молодой Белинский по неопытности представил драму в надежде ее опубликовать, охарактеризовал «Дмитрия Калинина» как произведение, «противное религии, нравственности и российским законам». Это послужило для университетского начальства еще одним поводом, чтобы исключить крамольного студента в сентябре 1832 г. из университета.

Взгляды Белинского на человека как на активного борца против угнетения определили его отношение и к революционному выступлению народа во Франции, к восстанию в Польше. Последствия революционных событий начала 30-х годов XIX в. способствовали в известной мере развитию у Белинского политического свободомыслия, антикрепостнических устремлений.

В формировании русской освободительной мысли 30—40-х годов XIX в. большую роль сыграл студенческий кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольнолюбивые идеи, возникшие у них под впечатлением восстания декабристов еще до поступления в университет, значительно окрепли в студенческие годы. С ранней юности они верили «непреложно», что взойдет «заря пленительного счастья» как над Россией, так и над всеми другими странами, и мечтали стать активными борцами за счастье народов. Политические идеалы членов кружка Герцена и Огарева сначала не выходили за рамки лозунгов, провозглашенных Великой французской революцией. Кружок ставил одной из важнейших своих задач политическую пропаганду, именно пропаганду идеалов республиканизма, привлекавших еще ранее декабристов, идей «свободы, равенства и братства». Средством для осуществления этих идеалов участники кружка считали тогда политический заговор.

Герцен, Огарев, как и другие представители передовой России, знали, какая участь их могла постигнуть за всякое проявление симпатии к революционной борьбе. Перед ними был пример Полежаева, участников кружка Критских и тех, кто уже поплатился своей свободой за симпатии к Июльской революции во Франции. Не случайно Герцен писал впоследствии, что «свирепые наказания мальчиков 16—17 лет служили грозным уроком и своего рода закалом.. За одну дурно скрытую слезу о Польше, за одно смело сказанное слово — годы ссылки, белого ремня, а иногда и казemat...»⁷³. Но в то же время Герцен, Огарев, Сазонов, Пассек, Сатин понимали важность и необходимость противодействия самодержавию, стремившемуся задуть всякое проявление революционной борьбы, всныхивавшей в России или даже за ее рубежами. Поэтому-то и важно, отмечал Герцен, что

говорили тогда в защиту революций, падали слезы из-за поражения восставших.

С самого начала Герцен, Огарев и их единомышленники отнеслись к революции 1830 г. во Франции как к крупнейшему международному событию, с которым они связывали свои надежды на дальнейшее развитие и победу революции во всей Европе. Из Франции, через Бельгию, германские государства революционная волна катилась к России. Их особенно окрылила весть о начале восстания в Польше, а также о новых массовых антикрепостнических выступлениях на своей родине. Поначалу они страстно верили, что Июльская революция принесла освобождение французскому народу, хорошо знали всех ее деятелей, которых тогда во многом идеализировали, и искренне радовались победе. «Мы следили шаг за шагом... за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и за генералом Ламарком, мы... горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется радикальных, и хранили у себя их портреты... — вспоминал позднее Герцен. — Середь этого разгара вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании. Это уж недалеко, это дома, и мы смотрели друг на друга со слезами на глазах... Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков, и я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки»⁷⁴.

В восторженном восприятии молодыми друзьями и их единомышленниками по кружку революции во Франции, восстания в Польше наиболее ярко проявились их антиправительственные, революционные настроения, их политические воззрения тех лет. Но результаты революционных движений в Западной Европе — исход Июльской революции, поражение польского восстания — скоро вызвали у них разочарование буржуазным строем, дающим лишь формальное гражданское равенство, породили также сомнение в возможности ограничиться идеалами декабристов. Становилось более очевидным, что простое провозглашение свобод еще не является основой для их осуществления на практике. «Чарующая сила французского воззрения», превозносившая буржуазные идеалы, стала меркнуть. Начались пересмотр представлений о задачах революционных преобразований и в связи с этим поиски новых общественных идеалов и путей их достижения. Не все участники кружка поддерживали идейные искания Герцена и Огарева. По словам Герцена, тогда некоторые принялись за «глубокое и серьезное изучение русской истории» или за «изучение немецкой философии»; «мы с Огаревым не принадлежали ни к тем, ни к другим...». Новым толчком к пересмотру их прежних воззрений послужили теории утопического социализма. Уже в начале 30-х годов XIX в., по воспоминанию Герцена, «середь

⁷² «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 69.

⁷³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VIII, стр. 145.

⁷⁴ Там же, стр. 134.

этого брожения... попались в наши руки сен-симонистские брошюры, их проповеди, их процесс. Они поразили нас»⁷⁵.

Герцен и Огарев не просто увлеклись новыми социальными идеалами, но стремились доказать реальность их существования в будущем, возможность их достижения. Но для этого необходимо было знание законов общественного развития. Мысли этих молодых искателей обращались уже не только на выяснение значения буржуазной революции в процессе исторического развития, дальше чего не пошли французские буржуазные историки периода Реставрации, но были направлены на выявление влияния революции на процесс общественного развития вообще. Постановка таких проблем рождала вопрос и о движущих силах революции, вопрос, над которым раздумывали декабристы и их сторонники и который оставался важнейшим теоретическим вопросом освободительной мысли последующего времени.

Длительный путь поисков правильной революционной теории начался для Герцена и Огарева с 30-х годов XIX в. Значительную роль в активизации их идейных исканий оказали революционные события и теоретическая мысль Франции. И тогда, и в дальнейший период своих теоретических исканий они критически использовали достижения передовой общественной мысли, опыт практической революционной борьбы для подкрепления собственных наблюдений и теоретических выводов.

* * *

Одной из ярких форм проявления солидарности с французской революцией 1830 г. стало отношение к ней прогрессивно настроенных русских — очевидцев этой революции, и особенно участие некоторых из них в июльских боях.

Если о восприятии этой революции очевидцами-иностранцами и об участии в ней иностранцев (в том числе бельгийцев, испанцев, португальцев, англичан) знали давно⁷⁶, то о деятельности русских в революционных событиях во Франции долгое время не было почти ничего известно⁷⁷. А между тем во время Июльской

⁷⁵ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VIII, стр. 161.

⁷⁶ Л. Блан. Июльские дни 1830 г. Перев. с франц. Киев, 1906; E. Gabet. Révolution de 1830 et situation présente (mai 1833), v. 1—2. Paris, 1833; E. Debraux. Les barricades de 1830. Paris, 1830; А. И. Молок. Июльские дни 1830 г. в Париже. — Исторические записки т. 20. М., 1946; он же. Царская Россия и июльская революция 1830 г. — Литературное наследство, т. 29—30. М., 1937, и др.

⁷⁷ Опубликованы были лишь свидетельства очевидца — Ф. И. Иордана («Записки профессора, ректора императорской Академии художеств Ф. И. Иордана». — Русская старина, 1891, №№ 3—12) и публикации об участии в Июльской революции и испанском освободительном движении М. Кологривова (И. А. Р — ский. Дело Михаила Кологривова. — Русская мысль, 1901, № XI; К. Л — в. Испанский инсургент. — Исторический вестник, 1904, № 7; Э. Кацман. Русский доброволец в рядах испанских инсургентов в 1830 году. — Красный архив, 1937, т. 4 (83)).

революции во Франции находилось немало лиц из России. Некоторые из них не только с воодушевлением восприняли эту революцию, но и выступили на стороне восставших. Как сетовал посол Поццо ди Борго в своих донесениях гр. А. Х. Бенкендорфу в Петербург в августе — ноябре 1830 г., посольские списки российских подданных, проживавших тогда во Франции, с трудом поддавались уточнению, поскольку многие не заявляли своевременно в посольство о своем прибытии и, таким образом, не попадали под наблюдение царских властей⁷⁸. В числе последних оказались и некоторые участники революционных событий в Париже. И хотя не о всех русских, симпатизировавших восставшим или даже участвовавших в этой революции, сохранились или найдены материалы, но, однако, и то, что стало известно, позволяет раскрыть еще одну страницу в истории русско-французских революционных связей.

С. Д. Полторацкий, М. М. Кирьяков, М. А. Кологривов, А. И. Тургенев, А. И. Философов, Ф. И. Иордан, М. Ю. Виельгорский, В. Росси, даже Н. Д. Киселев (тогда еще весьма либерально настроенный) и другие русские очевидцы из прогрессивного лагеря русской интеллигенции в своих впечатлениях о революции единодушно отмечали большую значимость этого события не только для Франции, но и для всей Европы. В письмах, записках, воспоминаниях они нарисовали волнующую картину революционного переворота во Франции. Их свидетельства не только полнее раскрывают энтузиазм народа в революции, но и помогают понять, как восприняли революцию русские люди, в общем-то различные по своим общественно-политическим воззрениям; становится ясным, что их более всего заинтересовало, взволновало в ходе событий и какие уроки они извлекли из нее.

Современник революции Н. Д. Киселев (тогда секретарь русского посольства в Париже) в нескольких письмах к брату С. Д. Киселеву в Москву подробно изложил июльские события. Одно из писем, приводимое ниже в отрывках, было написано им в Париже под свежими впечатлениями событий. В этом интереснейшем письме Киселев нарисовал яркую картину революционного города, показал энтузиазм и героизм восставших, а также ликование народа после победы.

«Известие о здешних возмущениях, верно, до вас уже дошло, но, несмотря на то, вкратце скажу тебе, что около нас происходило и что теперь происходит... — так начал свой рассказ брату Н. Д. Киселеву 7 августа (26 июля) 1830 г. — Противозаконные меры взволновали жителей Парижа, и на другой день обнаружения новых повелений* начался ропот, слушание, а к вечеру — сборища народа, который вооружился против войска, посланно-

⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 286, ч. 2 (списки от 23 августа/4 сентября и от 14/26 ноября 1830 г.).

* Разгон Палаты депутатов, введение ордонасов. — Прим. автора.

го для усмирения бунтовщиков. Королевские повеления вышли в понедельник 26-го июля; во вторник к ночи началась перестрелка между войском и народом; а в среду во всех улицах Парижа жители сражались с гвардией, и пушечная пальба, звон колоколов и крики народа продолжались весь день и всю ночь. В четверг битва продолжалась, но к полдню войско не могло более держаться в узких улицах Парижа и принуждено было ретироваться. Народ занял Лувр и Тюльери и переменял белое знамя на трехцветное, которое теперь развевается по всей Франции. Все войско выбралось из города, и жители начали укрепляться баррикадами... Кажется, Бурбоны более не возвратятся во Францию. Ослепление короля и министров его было непонятно; но теперь дело сделано, и остается только их жалеть и просить бога избавить Францию от больших возмущений, и более всего от междоусобной войны»⁷⁹. Киселев отметил единство и организованность революционного народа: «Революция сделалась с непонятною скоростью и ознаменовалась удивительным единодушием и каким-то непостижимым порядком... Посреди кровопролития и всеобщего возмущения не было ни грабежей, ни насилий, ни даже малейшего воровства. Все заняты были одною мыслию: защитением своих прав и независимости. В день последнего сражения все к вечеру ходило по улицам без малейшего опасения и на другой день, хотя весь город был изувечен: дома избиты ядрами и картечью, на бульварах деревья срублены, мостовые испорчены для построения баррикад и так далее, а все вместе походило на народный праздник, на котором друг друга поздравляли и всяк торжествовал всеобщую победою»⁸⁰.

Это письмо было отправлено Н. Д. Киселевым дипломатической почтой, с просьбой передать адресату «лично в руки». Вполне понятно, что, зная насколько его отношение к революционному перевороту во Франции расходилось с отношением к этим событиям царского правительства, Киселев убедительно просил брата «никому не показывать этого письма». Сергей Дмитриевич был единственным человеком, кому Н. Д. Киселев доверил свои взгляды на французскую революцию. Написанные в те дни письма к матери и к другому брату, генерал-адъютанту П. Д. Киселеву (тогда полномочному представителю России в Молдавии и Валахии), отличались большей сдержанностью.

Однако либерализм Н. Д. Киселева даже в ту пору не шел дальше пожелания некоторых политических свобод и социальных реформ. Поэтому после победы Июльской революции во Франции он весьма недоброжелательно отзывался о новых народных выступлениях, вызванных буржуазной политикой Луи Филиппа. «У вас было дурно, да и теперь нехорошо, у нас же все из рук вон... — писал Н. Д. Киселев брату С. Киселеву в марте

1831 г. в связи с народными волнениями в Царстве Польском и Франции, — толпы бродяг, бездельников и тому подобных героев вольности нарушают спокойствие в Париже и в других частях Франции под предлогом, что нет работы и что не имеют хлеба»⁸¹.

О большом энтузиазме парижан в дни июльских событий писал и другой очевидец — Ф. И. Иордан, гравер из разночинцев, обучавшийся тогда во Франции. Он тоже отмечал, что решительные действия не начинались до тех пор, пока в борьбу не включились активно рабочие и ремесленники столицы. Это произошло с утра 27 июля. Народ начал открытую вооруженную борьбу против королевских властей. Гвардия короля была в растерянности, не имела единого руководства и четкого плана сопротивления. Среди королевских войск усилилось брожение. 28 июля Карл X получил от командующего войсками маршала Мармона записку, в которой последний умолял короля принять самые «решительные меры для успокоения народа», подчеркивая, что «честь короны сегодня еще можно спасти, завтра же будет поздно». Однако король уже ничего не мог сделать, так как у него не было реальных сил для подавления революции. Солдаты и офицеры переходили на сторону восставших. Министры оставили свои посты, старое правительство фактически перестало существовать. В то же время народные силы, возглавляемые парижскими рабочими и учащейся молодежью, росли и крепились. 29 июля, когда в руках карлистов оставалась еще часть Парижа, и в том числе хорошо защищенный Луврский дворец, охраняемый наемными швейцарскими батальонами, на штурм были направлены основные силы восставших. Они могли подойти к Лувру только со стороны моста, но мост усиленно обстреливали. «Народ отступал, — писал Иордан, — пока, наконец, один ученик Политехнической школы, с обнаженной в руке шпагой, бодро взялся вести народ по мосту; новый выстрел с балкона Лувра ранил его опасно, но его поддерживали под руки, и он вел народ все вперед и вперед... Швейцарцы сдались, и народ бросился во дворец...»⁸² Теперь весь город оказался в руках восставших.

Иордан, так же как и Киселев, отмечал всенародное ликование в Париже в связи с победой. Он рассказывал, что на улицах и площадях — повсюду пели «Марсельезу», в театрах перед спектаклем «все зрители вставали, и начинался гимн... при последнем куплете гимна раздавался крик: «На колени!» — и весь зал опускался на колени». В витринах магазинов появились остроумные карикатуры на Карла X, а «на всех гербах уничтожались три лилии»⁸³ — символ власти Бурбонов.

⁷⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф 129, л. 15, д. 35.

⁸⁰ Там же

⁸¹ Там же

⁸² «Русская старина», 1891, № 4, стр. 114

⁸³ Там же, № 5, стр. 310, 314.

В свидетельствах других очевидцев Июльской революции имеются весьма интересные сведения о революционном подъеме в провинции. Это относится прежде всего к А. И. Тургеневу и А. И. Философову, которые видели, как проходила революция на юге Франции — в Ниме, Марселе и Перпиньяне, где шла особенно ожесточенная борьба революционных сил с реакцией. В Ниме, одном из центров дворянско-клерикальной реакции и контрреволюции, бои шли более недели. Только 6 августа над городом взвилось трехцветное знамя. Еще упорнее сопротивлялись карлисты в Перпиньяне.

Судьба А. И. Тургенева — видного общественного и культурного деятеля прогрессивного направления первой половины XIX в. — сложилась так, что долгие годы ему пришлось прожить за границей, преимущественно во Франции. Сначала как член Комиссии по составлению российских законов он надолго уезжал в Западную Европу для работы в архивах и библиотеках. Затем после осуждения царским судом заочно в 1826 г. его брата — декабриста Н. И. Тургенева — он остался с ним во Франции и прожил там почти всю жизнь, лишь изредка, с разрешения царя, приезжая в Россию.

Июльские события застали А. И. Тургенева в Ниме. 30 июля он впервые записал в своем дневнике о начале революции: пришло «известие об ордонансах... Заходил в кабак, где читал чтец народу „Le Constitutionnel“ de 26 Juil., ругая министров и нынешнего епископа за его послание». 1 августа он записал в Марселе: «9 часов утра, воскресенье... бродил по городу — слухи о революции в Париже, крики, толпы народа»; 4 августа: «Прокламация о трехцветном знамени». Он сразу же отметил большое значение революции не только для самой Франции, но и для всех стран Европы, в том числе и для России. Об этом он весьма кратко, но выразительно заметил в своем дневнике: «Увидел трехцветное знамя в первый раз... это и для нас может быть эпохой».

Возвратясь 5 сентября в Париж, А. И. Тургенев встречался там со многими видными общественными и политическими деятелями страны, в том числе с Лафайетом, О. Барро, Б. Констаном, Гюго, Шатобрианом, Гизо, а также с проповедниками социалистических учений, с которыми обсуждал проблемы Франции⁸⁴. 20 ноября Тургенев присутствовал на одном из собраний в Коммерческом атенеуме, где встречались сторонники проведения дальнейших социальных преобразований под руководством сенского префекта Одилона Барро. Как писал Тургенев, все ораторы с подъемом говорили о прошедшей революции, о необходимости закрепления ее достижений в настоящем. С особым уважением А. И. Тургенев относился к Одилону Барро, требовавшему также поддержки Францией революционных движений в других странах Европы, против чего выступал Луи Филипп.

Тургенев отмечал и ту популярность, которой пользовался тогда Одилон Барро у парижан, отдававших должное «его таланту и республиканскому образу мыслей».

Однако, оправдывая свержение реакционного режима Карла X, Тургенев в принципе являлся противником революционной народной борьбы. Не случайно он был против дальнейшего развития революционного движения во Франции и сначала защищал порядки, установленные при новом короле Луи Филиппе. Политическим взглядам А. И. Тургенева, оформившимся еще в России, импонировала конституционная монархия. Близкий по своим взглядам умеренному, конституционно-монархическому течению Северного общества декабристов, А. И. Тургенев, так же как и его брат Николай Иванович, стоял за утверждение конституционной монархии в России, а потому возлагал столь большие надежды на новую монархию во Франции. Как отмечал кн. П. А. Вяземский, Тургенев был либералом, «желающим улучшения в гражданском быту... а не желающим ниспровержения и революции во что бы то ни стало»⁸⁵. Но тем не менее уже первые шаги июльской буржуазной монархии, утвердившей господство крупной буржуазии, вызвали народные волнения 1830—1831 гг., вылившиеся в первые рабочие восстания лионских ткачей 1831 и 1834 гг. Это породило у А. И. Тургенева сомнение в прочности новых порядков, усилило раздумья о возможности нового, революционного взрыва в стране. Об этом ярко свидетельствуют его высказывания и настроения в последующие годы.

А. И. Тургенева, так же как и других русских, пребывавших в начале 30-х годов XIX в. в Париже, и его соотечественников в России, чрезвычайно волновали взаимоотношения России и Франции. Осенью и зимой 1830 г. Тургенев был свидетелем напряженной обстановки в Париже, в которой находилось не только новое французское правительство, но и русское посольство в связи с враждебной политикой Николая I. Тургенев верно понял отношение Николая I к революционной Франции и Луи Филиппу, посаженному на престол силой революции. «Император Николай хвалится высоким уважением к Франции и французам, но он афиширует в то же время дикую ненависть к новой династии, избранной в июле»⁸⁶. Весьма резко высказывался Тургенев вообще по поводу реакционной внешней политики царизма, который «уже теряет свое... владычество в Европе и физическими силами ссужает преступное властолюбие держав, явно противоборствующих завоеваниям мысли и успехам человеческого образования». Тургенев с негодованием отмечал, что царизм выступает против свободы европейских народов, «этой священной свободы, которая является основой цивилизации народов...»⁸⁷ Мысль о раз-

⁸⁵ П. А. Вяземский. Старая записная книжка, стр. 192.

⁸⁶ ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, д. 2887, л. 114.

⁸⁷ Отдел рукописей ГПБ, ф. 167, д. 81, л. 1.

⁸⁴ См. ИРЛИ, ф. 309, д. 308, лл. 117 об.— 118 об., 128.

личии отношения к Июльской революции царизма и всех прогрессивно мыслящих русских людей он активно проводил в кругу своих французских друзей и знакомых, многие из которых были активными участниками революции⁸⁸.

Находясь во Франции, А. И. Тургенев не порывал постоянной связи с родиной, жил ее думами и заботами: «Волею и неволею я принадлежу России, ее истории, ее внутренней жизни, ее коммерчам, ее порокам и бедствиям, ее славе и доблести. Я весь русский, но... Не могу продолжать письма»⁸⁹. Много сделал А. И. Тургенев в начале 30-х годов XIX в. для знакомства французов с русской культурой и ее прогрессивными деятелями, что было особенно ценным во время обострения отношений между Николаем I и Луи Филиппом.

Приезд А. И. Тургенева в Россию всегда был большим, радостным событием для его друзей, особенно для Пушкина, В. А. Жуковского, Вяземского, Д. Н. Свербеева. Иначе относились к нему представители официальной России во главе с Николаем I. Впервые после Июльской революции во Франции А. И. Тургенев попал на родину летом 1831 г.⁹⁰ Николай I, обвинив Тургенева во «вредных намерениях» в России, приказал «установить за ним строгий надзор». Агенты III Отделения регулярно посылали на него доносы Бенкендорфу: «По тщательному наблюдению за ним сначала не оказывалось ничего заслуживающего особого внимания; а теперь слышно, будто он имеет образ мыслей, противной правительству, и будто из других государств, особливо из Франции, получает письма и сам туда пишет»⁹¹. В ноябре 1831 г. Тургенев был даже вызван на допрос к Бенкендорфу по подозрению в приветствии революции не только во Франции, но и востания в Польше, а также в будто бы высказанном пожелании, «чтобы революция обошла весь мир». В. А. Жуковский, пользовавшийся расположением Николая I, вздумал было вступить за своего друга, но получил от царя весьма резкую отповедь.

⁸⁸ Эту же мысль проводил очевидец июльских событий известный русский музыкальный деятель М. Ю. Вильгорский, принявший впоследствии живое участие в организации выкупа из крепостной неволи Т. Г. Шевченко. Подчеркивая ненависть народа к реакционному правлению Карла X, Вильгорский отмечал и проявление недоброжелательного отношения к царскому правительству, содействовавшему ранее восстановлению власти Бурбонов в стране. По его воспоминаниям, когда толпы народа с грозными криками проходили мимо царского посольства, только дипломатичное поведение посла Поццо ди Борго сдержало возможные более бурные последствия (там же, ф. 45, оп. 1, д. 2, лл. 16—17).

⁸⁹ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. IV, стр. 105. Дальше мысль не раскрывается, так как это письмо к кн. П. А. Вяземскому послышалось по почте и могло быть держурстрировано.

⁹⁰ В Париже он был с 5 сентября по 23 декабря 1830 г., после чего выехал в Лондон, а оттуда в Россию.

⁹¹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., 1831 г., д. 336, лл. 9—11; Секретный архив, оп. 1, д. 1899, л. 1.

Так до конца жизни А. И. Тургенев и жил под надзором полиции.

Полковник А. И. Философов, родственник и друг М. Ю. Лермонтова, стал свидетелем дальнейшего развития народных волнений в Перпиньяне осенью 1830 г., о чем он писал своему родственнику А. Р. Томилову в Россию: «Умы в брожении — боюсь, чтоб кадка не лопнула и не разлилась опять по-прежнему. „Aux armes, citoyens“ поют везде. Везде вывешены трехцветные флаги...»⁹²

Восприятие июльских событий русскими очевидцами дает не только живое представление о революционном энтузиазме трудящихся Парижа и провинции Франции. Оно свидетельствует также о том, что многие русские, приветствуя революцию во Франции, обращали внимание на роль народа. Тема народа в революции становится вообще одной из центральных тем общественной мысли России.

Среди русских, активно выступивших в защиту французской революции, Михаил Андреевич Кологривов, Михаил Михайлович Кирьяков, Сергей Дмитриевич Полторацкий по праву занимают одно из самых видных мест. Это их имена так часто упоминались в тревожных донесениях царского посла в Париже Поццо ди Борго Бенкендорфу, Бенкендорфа — царю, в сообщениях жандармских агентов и в частной переписке многих известных людей того времени.

Самым молодым из них был М. А. Кологривов, восемнадцатилетний юноша, уже тогда проявивший себя как убежденный борец за дело освобождения народов от монархической тирании. По сравнению с другими известными нам участниками Июльской революции, о нем сохранилось больше материалов, в том числе и таких, которые позволяют раскрыть его общественно-политические взгляды.

Михаил Кологривов — сын известного генерала, участника Отечественной войны 1812 г. А. С. Кологривова, пользовавшегося уважением в оппозиционно настроенных кругах русских военных, и особенно у молодежи — многих будущих участников движения декабристов, служивших во время войны под его начальством. О гуманности, смелости суждений А. С. Кологривова отзывался с восхищением А. С. Грибоедов, тоже служивший у него в полку во время Отечественной войны⁹³. Высокой образованностью, широтой взглядов отличалась и мать Михаила Кологривова — Е. А. Челищева, родственница друга А. Н. Радищева — П. И. Челищева. После смерти мужа она оказала большое влияние на воспитание сына. М. Кологривов получил сначала домашнее образование под руководством прогрессивно настроенного бывшего

⁹² ЦГИА СССР, ф. 1086, оп. 1, д. 207, л. 12—12 об. (письмо от 23 сентября 1830 г.). «Aux armes, citoyens» (франц.). — «К оружию, граждане».

⁹³ А. С. Грибоедов. Письмо из Бреста-Литовского к издателю. — «Вестник Европы», 1814, № 15, стр. 228.

студента Геттингенского университета, а тогда доктора прав, выходца из Саксонии Богдана Ивановича Иона (Джона) (который ранее был наставником А. С. Грибоедова), ставшего его ботышним другом.

У юного Кологривова рано пробудились свободолюбивые настроения. Основой их явились российская действительность, революционное выступление декабристов в 1825 г. Тяжелые дни расправы с декабристами болью отозвались и в доме Кологривовых: был осужден двоюродный брат Михаила — декабрист А. А. Челищев. «С самой юности... — писал позднее опекун М. Кологривова Д. Н. Бегичев, — и он был уже подвержен тому безрассудному вольнодумству, которое есть отличительнейшая черта нравов молодых людей нынешней эпохи»⁹⁴. В 1829 г. для продолжения образования М. Кологривов был отправлен родными в Германию, где недолго слушал лекции в одном из университетов. В 1830 г. он уже в Париже. Революционные события во Франции способствовали укреплению антисамодержавных настроений Кологривова. С первых же дней Июльской революции, не колеблясь, он перешел на сторону наиболее радикально настроенной части восставших, смело сражался вместе с парижскими рабочими и студентами на баррикадах, готовый, по его словам, скорее погибнуть, чем отступить. «Свобода или смерть!» — стало его девизом в этой борьбе⁹⁵.

Пребывание во Франции, участие в революционных событиях стали для Кологривова, как и для ряда других его соотечественников, настоящей школой политического воспитания, укрепления духа интернациональной солидарности. Июльская революция, раскрывшая перед Кологривовым силу восставшего народа, усилила также его ненависть к самодержавно-крепостническим порядкам Николая I. «Вы знаете мои политические взгляды, вы знаете, как никто лучше, что я ненавижу деспотизм и что я не мог бы никогда жить при режиме абсолютизма»⁹⁶, — сообщал он в сентябре 1830 г. Д. Н. Бегичеву. Поэтому, когда из России пришел строжайший приказ царя, предписывавший всем русским подданным немедленно покинуть территорию революционной Франции, Кологривов совершенно сознательно решил не выполнять его и в Россию не возвращаться, а продолжать бороться за свободу европейских народов. Об этом он пишет матери в Россию вполне откровенно: «Последняя революция утвердила меня окончательно в моих взглядах, в моей ненависти против тиранов. Принимая активное участие в этой революции в Париже, в борьбе против роялистов, жалких рабов, посвятив мою жизнь делу высокой свободы, я [считаю] невозможным возвращение в Россию по приказу императора». Он призывал своих друзей на родине также смелее бороться против царского гнета.

⁹⁴ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 351, л. 17.

⁹⁵ «Красный архив», 1937, т. 4 (83), стр. 110, 115.

⁹⁶ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1930 г., д. 351, л. 7 об.

Прослышав о формировании на территории Франции испанских революционных частей, начавших решительную борьбу против реакционного режима короля Фердинанда, Михаил Кологривов решил немедленно вступить в их ряды. Видимо, Кологривов знал и некоторых других своих соотечественников, так же, как и он, принявших активное участие во французской революции, а позднее и в борьбе испанского народа. Это предположение подтверждается показанием Д. Н. Бегичева о том, что Кологривов в революционную борьбу был «завлечен буйными развращенными соотечественниками своими»⁹⁷. Из письма Иона мы также узнаем, что Кологривов вместе со своим приятелем в сентябре тайно бежал из Парижа на юг Франции, где и записался в корпус «Священного легиона». Имя товарища Кологривова по вполне понятным причинам Ионом не было названо, и оно осталось неизвестным. С интернациональным «Священным легионом», которым командовал известный генерал Ф.-Э. Мина, М. Кологривов прошел с осени 1830 и до весны 1831 г. тяжелый боевой путь как лейтенант испанской армии и даже как адъютант этого бесстрашного генерала.

Вскоре до М. Кологривова дошли сведения, что по требованию Николая I его усиленно разыскивают во Франции. В то время в Париж шли одно за другим предписания гр. А. Х. Бенкендорфа и К. В. Нессельроде послу Поццо ди Борго представить подробные сведения о революционной деятельности Кологривова в июльские дни и о его местонахождении в последующее время. Но Поццо ди Борго сначала почти ничего не знал о Кологривове, так как по прибытии в Париж тот не заявил о себе в русское посольство. К тому же преданный Ион со своей стороны делал все, чтобы скрыть от русского посольства причины отсутствия М. Кологривова в Париже⁹⁸. Но через некоторое время русский посол все же узнал, что Кологривов в начале сентября покинул Париж, направился в Бордо и «предполагают, что он принял участие в движении испанцев». Поццо ди Борго не скрывал своего волнения, так как в России III Отделение знало гораздо больше о революционной деятельности Кологривова, чем он во Франции: «Некто Михаил Кологривов, находившийся в Париже... — сообщало III Отделение, — не только там участвовал в бунте, но и отправился... в корпус испанских инсургентов, в службу коих вступил, дабы под предводительством Мины сражаться против испанцев, оставшихся верными своему королю. Таким образом, нарушив долг российского подданного, изъясняется притом весьма дерзко насчет российского правительства...»⁹⁹ Кологривов был объявлен в России политическим преступником, и по его делу начался суд заочно.

⁹⁷ Там же, л. 18 об.

⁹⁸ *К. Л — в.* Испанский инсургент. — «Исторический вестник», 1904, № 7, стр. 179.

⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 286, ч. 2, лл. 66—67; д. 351, л. 4.

Одним из источников сведений в России о революционной деятельности Кологривова стали его же письма и письма Иона, перлюстрированные царской цензурой. Кологривов отчетливо представлял себе, как это видно из его писем за 1830 г. и последующее время, что его участие в Июльской революции, переход на сторону испанских патриотов поведут к тяжкому обвинению царским судом. Несмотря на это, и все последующие письма М. Кологривова, отправленные из Франции в Россию, отражали его решимость продолжать революционную борьбу, выражали страстный протест по отношению к самодержавно-крепостническому строю. «Я рассуждал о том, что теперь делаю,— писал он осенью 1830 г.,— знаю, что могу лишиться имения своего в России, что все родственники мои будут осуждать мой поступок, несмотря на то, я не колеблюсь... лучше соглашусь бедствовать, даже умереть, чем жить в рабстве... Я ненавижу деспотизм»¹⁰⁰.

Во времени установления слежки за Кологривовым он был уже далеко, у самых границ Испании. Но положение испанского революционного легиона становилось все более затруднительным. Вынеся все трудности борьбы в рядах испанских повстанцев, он не отошел от республиканских позиций, не потерял веру в справедливость избранного им пути. Кологривов писал, «что при всем несчастии, которое потерпела Экспедиция от измены» французского правительства, он не раскаивается «в своем поступке» и что «свобода или смерть» остается вечным его девизом¹⁰¹.

Но поражение испанских повстанцев сделало невозможным дальнейшее пребывание Кологривова во Франции. Он решил вернуться в Россию, может быть втайне мечтая продолжать и там революционную деятельность. О своем стремлении возвратиться на родину он написал матери в феврале 1831 г. из Буржу. Письмо выдержано в спокойном тоне, без тени уныния или раскаяния, хотя он и понимал, что его может ждать в России. Еще в феврале 1831 г. по первоначальному заочному решению царского суда М. Кологривов был приговорен как политический преступник к смертной казни через повешение. Но, поскольку Кологривов отсутствовал, его предполагалось подвергнуть позорной казни — «выставить имя и фамилию его на досках в обеих столицах с помещением гнусного Кологривова поступка, а письма его сжечь»¹⁰². Однако подобного рода публичное наказание Кологривова, несомненно, привлекло бы к нему большое внимание, что было совсем нежелательным для паризма. Тем более что слухи о революционной деятельности Кологривова и других российских подданных уже и без того просачивались в Россию и оживленно комментировались. Некоторые говорили с одобрением, а то и с восторгом об участии своих соотечественников в революционной

борьбе; иные осуждали смелые революционные помыслы и дела представителей передовой России. Так, обласканный царем камергер А. Я. Булгаков в своем дневнике за 1830 г. писал: «Молодой Новосильцов уехал в Америку и служит при Болеваре. Кологривов, сын покойного генерала Андрей Семеновича, живущий в Париже, ушел от своего губернатора... и поехал служить адъютантом при известном бунтовщике гишпанском Мине, который [стремится] опровергнуть правление короля Фердинанда. Сей Кологривов написал сюда письмо, наполненное дерзостями, в коем говорит, что гнушается рабством, в коем утопает его отечество... и что надеется, что все последуют его примеру. Таких дерзостей ни один русский никогда себе не позволял... Не было примера, чтобы русский служил какой-нибудь другой державе»¹⁰³.

Не желая более широкой огласки, Николай I приказал приостановить дело Кологривова. Однако за границей он оставался опасным для самодержавия. Именно потому, лицемерно уступая просьбам матери Кологривова, Николай I дал согласие на его возвращение в Россию. Это было не «всемиловитвейшее» прощение монарха, а рассчитанная западня. Кологривова сразу же по возвращении в Россию в 1832 г. сослали по распоряжению Николая I на Кавказ рядовым в 44-й Егерский полк под строжайший жандармский надзор¹⁰⁴. Но и этого оказалось мало. Из боязни, что Кологривов будет продолжать свою революционную деятельность в армии, его неоднократно переводили из одного полка в другой: в 1833 г. он был переведен в 42-й Егерский полк, а затем — в пехотный полк генерала Паскевича. К сожалению, на этом обрываются сведения о дальнейшей судьбе М. Кологривова, русского революционера, решительного республиканца, бесстрашно борювшегося за освобождение французского и испанского народов от гнета реакции и тирании монархов. Известно только, что тяжелая солдатчина рано подорвала его силы и здоровье и в 1851 г. в возрасте 38 лет он умер¹⁰⁵.

Другим участником Июльской революции был двадцатилетний Михаил Михайлович Кирьяков, чиновник канцелярии генерал-губернатора Новороссии гр. М. С. Воронцова в Одессе, где в юношеские годы он встречался с А. С. Пушкиным, часто бывавшим в их прогрессивно настроенной семье¹⁰⁶. Поэт тепло отзывался о всех Кирьяковых, которые пользовались также большим уважением у многих передовых деятелей того времени. Дом Кирьяковых был вообще любимым местом сбора писателей, поэтов, ученых. С Пушкиным приходили А. Н. Раевский и генерал П. С. Пущин. Бывали здесь также поэт А. И. Подолинский, хирург В. П. Малахов, гене-

¹⁰³ ЦГАЛИ СССР, ф. 79, оп. 1, д. 5, л. 65.

¹⁰⁴ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 351, л. 47—47 об.

¹⁰⁵ См. «Российская родословная книга, изданная Петром Долгоруковым», ч. IV. СПб., 1857, стр. 131.

¹⁰⁶ «А. С. Пушкин. Статьи и материалы», вып. 3 (Одесские знакомые Пушкина). Одесса, 1927, стр. 57.

¹⁰⁰ «Красный архив», 1937, т. 4 (83), стр. 112, 114; ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 351, л. 9 об.

¹⁰¹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1830 г., д. 351, л. 13.

¹⁰² «Красный архив», 1937, т. 4 (83), стр. 118.

рал И. Н. Иззов. Отец Кирьякова хорошо знал отца и деда поэта. К нему обращался Пушкин за справками о своем деде Ганнибале, о чем есть его примечание к первому изданию «Евгения Онегина»¹⁰⁷.

Михаил Кирьяков, до 15 лет воспитывавшийся дома, несомненно находился под влиянием оппозиционных настроений своей семьи и особенно вольнолюбивых стихов Пушкина. Особенно же важным для становления антикрепостнических и антисамодержавных воззрений М. Кирьякова стало его пребывание в Московском университете. Он поступил в университет осенью 1825 г. и проучился в нем по 1828 г. Демократическая обстановка Московского университета, горячие студенческие споры по вопросам современной жизни и дальнейшего развития общества, лекции прогрессивно настроенных профессоров довершили формирование общественно-политических взглядов Кирьякова. Проявив во время учебы большие способности и серьезный интерес к истории России и других стран, Кирьяков окончил университет со званием кандидата правственно-политических наук.

В апреле 1830 г., после непродолжительной службы чиновником канцелярии гр. М. С. Воронцова в Одессе, он получил разрешение выехать для лечения в Карлсбад. Однако в планы Кирьякова, как это видно по рекомендательным письмам, взятым им в Одессе к послу Поццо ди Борго, входило непременно посещение Франции, о чем юноша мечтал еще со студенческой скамьи. Франция с ее передовыми идеями, богатой культурой всегда интересовала Кирьякова. Бурно развивавшиеся политические события, подъем народного недовольства правлением Карла X усилили внимание Кирьякова к жизни Франции и укрепили его стремление побывать там. Получив в Карлсбаде после настоятельных просьб разрешение на въезд во Францию, Кирьяков в начале июля 1830 г. прибыл в Париж, где прожил более семи недель. Там он сразу же начал активно изучать жизнь страны. Кирьяков бывал в палате депутатов и Дворце юстиции, в Королевской библиотеке, где «разбирал редкие книги», в Ботаническом саду, а также в Пантеоне, Лувре, Люксембургском дворце. Ему вскоре удалось даже установить дружественные контакты с некоторыми известными деятелями Франции, в том числе и с такими прогрессивно настроенными учеными, как академик Сталь, будущий активный участник Июльской революции профессор Ремюза. О своих разнообразных впечатлениях о Париже и о своих личных контактах с французскими учеными Кирьяков писал близким и друзьям в Одессу, обещая подробный, обстоятельный отчет после возвращения на родину. Однако июльские революционные события в Париже не только выдвинули перед ним на первый план другие задачи, но и во многом изменили его дальнейшую судьбу.

Июльская революция была встречена Кирьяковым с большим воодушевлением. Как свидетельствуют письма и рассказы Кирьякова, 27—29 июля он был вместе с восставшими на площадях и улицах Парижа, сражался на баррикадах, там, где вблизи него, «в двух шагах» лилась кровь и падали убитые. Убитых было так много, отмечал Кирьяков, что приходилось пробираться по улицам, спотыкаясь о трупы. По всей вероятности, Кирьяков боролся в рядах парижского революционного студенчества, некоторых представителей которого он знал. В частности, он восторженно рассказывал об участии в революции студентов Политехнического института, подчеркивая, что «во время сего происшествия студенты Политехнического университета играли немаловажную роль и ...произведены были офицерами в разные полки, которые в Париже так гремят своею славою...»¹⁰⁸. Именно эти студенты, объединившись с рабочими и присоединившимися к ним национальными гвардейцами, начали в ночь с 27 на 28 июля наступление, в результате которого 28 июля большая часть Парижа перешла в руки восставших и над ней стало развеваться трехцветное знамя.

М. М. Кирьяков был среди сражавшихся под неприятельскими пулями, а после победы — в толпах ликующего народа на площадях Парижа, в театрах, где проходили многочисленные митинги и выступали многочисленные ораторы. «На четвертый день сего важного события, — рассказывал Кирьяков в сентябре 1830 г., — на всех театрах что-нибудь было помещено по сему предмету в критику. И народ... кричал и рассуждал в театрах свободно». Кирьяков не только участвовал в Июльской революции, но старался как можно больше запомнить, разобраться во всем происходившем. Вполне естественно, что сразу после революции Кирьяков не мог дать глубокий анализ всех событий и потому сетовал, что «происшествия самые важные сменялись так быстро, что эта революция никогда не может быть описана, ни рассказана в точности».

Некоторые письма Кирьякова после перлюстрации цензурой попали в III Отделение и послужили причиной установления слежки за ним уже в Вене, куда он выехал из Парижа. Позднее Кирьяков рассказывал о том, как в Вене «двое людей повсюду неотступно следовали за ним». Это насторожило Кирьякова и сделало более сдержанным в рассуждениях о революции, как, впрочем, и на допросе в жандармском управлении после возвращения в Россию. Поэтому в письмах из Вены он называл себя только очевидцем июльских событий. «Я не могу налюбоваться и благодарить дыша свое счастье, доставившее мне случай видеть революцию 26, 27 и 28 июля, — так писал он из Вены своей родственнице М. И. Кюрье в Одессу. — Ничего более любопытного я не могу видеть в жизнь свою — в три дня низвергнутую монархию. Были и минуты ужасные, как, например, в то время, когда разнесся слух,

¹⁰⁷ «А. С. Пушкин. Статьи и материалы», вып. 3 (Одесские знакомые Пушкина), стр. 57.

¹⁰⁸ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1930 г., д. 334, лл. 5 об.—6, 32—32 об.

что король обложил Париж войском и хочет принудить к повиновению непокорных своих подданных голодом»¹⁰⁹. Для допроса Кирьяков даже составил вымышленную версию о том, что он был будто бы болен 26—28 июля, а потому в событиях не участвовал¹¹⁰. Предосторожность Кирьякова оказалась не лишней. По приказу Николая I, которому Бенкендорф доложил о некоторых взглядах «предосудительного революционера», по возвращении в Одессу Кирьяков был всего лишь уволен со службы и взят «под строжайшее наблюдение» агентов III Отделения¹¹¹.

Однако репрессии не сломили Кирьякова. Вокруг него в Одессе сложился кружок, в который входили его близкие друзья и в котором обсуждались не только зарубежные, но и русские социальные проблемы. Но среди лиц, знавших о его оппозиционных настроениях, о его отношении к революционным событиям на Западе, оказался некто, названный в документах III Отделения «старым другом дома»; он и донес на Кирьякова. После этого Кирьяков был немедленно выслан из Одессы под надзор полиции в степную деревню Ковалевку. И в ссылке, в условиях строгого полицейского надзора Кирьяков не переставал интересоваться общественной борьбой на Западе и в России. От своих одесских приятелей он часто тайно получал не только многие русские и иностранные газеты и журналы, но даже и рукописные копии работ, запрещенных в России. Так, в одной из сохранившихся записок в Одессу Кирьяков заверял одного своего друга, что присланная им переписанная от руки речь Лелевеля по поводу годовщины польского восстания цела и спрятана в надежном месте, что ему «самому надобно добрый день, чтобы ее найти»¹¹².

Те условия, в которых оказался Кирьяков после своего возвращения на родину, оказали влияние на рост его интереса к экономике Юга России¹¹³. В последние годы жизни Кирьяков собрал обширную библиотеку, посвященную преимущественно Южной России, и мечтал сделать ее доступной для широкого пользования. По его инициативе было создано также Одесское общество истории и древностей, приглашены для участия в нем многие зарубежные ученые, в том числе чешские ученые П. Шафарик и В. Ганка.

¹⁰⁹ И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., стр. 88.

¹¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., 1830 г., д. 334, л. 14 об.

¹¹¹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, «Всепоподданнейшие доклады... за 1830 г.», ч. 4, л. 57.

¹¹² ИРЛИ, 7494/XLV6, 148.

¹¹³ Кирьякову удалось опубликовать интересные и весьма ценные статьи по некоторым важнейшим вопросам сельского хозяйства в «Листках Общества сельских хозяев Южной России». Он проделал также большую подготовительную работу по составлению «Статистического описания Херсонской губернии» и «Земледельческого календаря Новороссийского края». Но ранняя смерть оборвала эту работу, в печати появился только «Исторический обзор Херсонской губернии» (см. «Материалы для статистики Российской империи», т. I. СПб., 1839).

Общество было открыто в 1839 г., незадолго до смерти Кирьякова.

Имя М. М. Кирьякова — пытливого и разностороннего исследователя, было хорошо известно в научных кругах России и других европейских стран. В ноябре 1830 г. он был избран почетным членом Парижского общества по изучению Азии, а позднее — Парижского общества садоводства. К сожалению, исследователями освещена еще очень неполно общественная и научная деятельность Кирьякова в России и совершенно не изучены его связи с передовыми деятелями культуры других стран. До последнего времени ничего не было известно и о его участии в революционных событиях Франции 1830 г.

М. М. Кирьяков прожил недолгую жизнь. Он умер 23 июля 1839 г. в возрасте 29 лет. И только буквально накануне его смерти пришло «всемилоостивейшее» повеление Николая I снять надзор с умирающего. Рано оборвалась жизнь еще одного представителя передовой России, талантливого и разностороннего ученого, смело воспринявшего революционные идеи своего времени и выступившего в защиту революционной Франции.

Наряду с Кологривовым и Кирьяковым в Июльской революции 1830 г. участвовал Сергей Дмитриевич Полторацкий. Как уже было отмечено выше, еще в 20-х годах XIX в. Полторацкий слыл в оппозиционных кругах русского общества вольнодумцем, близким по взглядам декабристам. Не случайно в отчете III Отделения за 1829 г., в разделе «О московских настроениях» управляющий делами этого отделения М. Я. Фок называл его одним из вожakov «истинно бешеных либералов»¹¹⁴. Действительно, в то время у Полторацкого складывалось отрицательное отношение к самодержавно-крепостническому порядку России, проявлялась увлеченность национально-освободительными движениями в странах Латинской Америки, особенно деятельностью Симона Боливара, росло внимание к политической оппозиции и классовой борьбе во Франции. Уже тогда Полторацкий сумел установить связи с известными прогрессивными деятелями Франции, ставшими впоследствии активными участниками Июльской революции.

Выходец из просвещенной семьи, Полторацкий получил образование сначала в одесском Риппельевском лицее, а затем в московской военной Школе колонновожатых, где учились и многие декабристы. В 1823 г. Полторацкий окончил школу и был выпущен офицером. Большие связи в обществе обещали ему успех в высшем свете, быструю карьеру в избранной им военной службе. По воспоминаниям одного из современников — П. Усова, для Полторацкого были открыты двери лучших петербургских салонов, где его всегда радушно принимали. Однако прослужив некоторое время прапорщиком в свите Александра I, а затем поручиком в Киевском гренадерском полку, Полторацкий в 1827 г. вышел в отстав-

¹¹⁴ «Русская старина», 1902, № 1, стр. 34.

ку. Его давила пустота высшего света, затхлая, гнетущая атмосфера николаевской армии. Но наряду с этим были и другие причины — подозрения и преследования со стороны III Отделения, которым Полторацкий подвергался за свое свободомыслие, а также за связи с передовыми деятелями Франции.

Оппозиционные настроения Полторацкого импонировали А. С. Пушкину. Не случайно со второй половины 20-х годов XIX в. так окрепла его дружба с Полторацким. Пушкин в тяжелое для него время, после потери многих своих друзей-декабристов, очень тепло отнесся к молодому талантливому журналисту (кстати, двоюродному брату А. П. Керн). Полторацкий не только знал и читал многие запрещенные произведения поэта, но и хранил у себя с них списки.

Царское правительство долго не разрешало Полторацкому выезд во Францию, куда он стремился для пополнения своих знаний, а также для упрочения личных контактов с прогрессивными французскими деятелями. Только в июне 1830 г. Полторацкому удалось уехать в страну, куда он попал всего за несколько дней до начала революции. Об этом периоде жизни Полторацкого сохранилось немного материалов, хотя известно, что о его деятельности во Франции знали довольно многие его друзья и знакомые, в том числе братья Н. А. и К. А. Полевые, кн. П. А. Вяземский и другие. Об этом свидетельствуют некоторые намеки в дошедших до нас письмах. Однако, по всей вероятности, в связи с новым наступлением реакции в начале 30-х годов, многие письма были уничтожены, чтобы не скомпрометировать ни Полторацкого, ни их самих, тем более что III Отделение подозревало их друга в сочувствии к французской революции и непрестанно следило за ним¹¹⁵. И все же отдельные сохранившиеся документы дают возможность показать деятельность Полторацкого во Франции.

Как стало известно, в июльские дни 1830 г. он принимал участие в «революционных заявлениях», призывал народ бороться до победы и вступил затем во французскую Национальную гвардию под командованием генерала Лафайета¹¹⁶. Обо всем этом довольно быстро узнали в России. Причем Полторацкого называли только «одним из наших соотечественников», принявшим участие в июльском революционном перевороте. Во многих московских и петербургских домах широко обсуждался его поступок. Отмечали — кто со страхом, а кто с восторгом, — что после июльских боев он был даже отмечен Лафайетом, который с ним «рукожатья обменял»¹¹⁷. О вступлении Полторацкого в Национальную гвардию с тревогой писал 25 ноября 1830 г. А. Я. Булгаков своему брату в Петербург: «Нет, каков маленький Сергей Полторацкий в Париже!.. Он держал речь, ораторствовал и вошел, ты думаешь, в какое-нибудь уче-

ное общество членом (ибо хороший литератор), нет, вошел солдатом в парижскую Национальную гвардию! Можно ли дожить до большего сраму?.. Какое же будут иметь о русских понятие парижане...»¹¹⁸ Кн. П. А. Вяземский, хорошо знавший молодого журналиста, был также чрезвычайно поражен этим известием и отнесся к его поступку неодобрительно; в то же время он беспокоился и о его дальнейшей судьбе. «Я все надеюсь, — писал он в ноябре 1830 г. А. Я. Булгакову, — что известие о Полторацком несправедливо... Сделай милость, что узнаешь достоверного о Полторацком, сообщи мне... Да в Полторацком нет и законной меры: разве в барабанчики записался он?»

Как бывший офицер, С. Д. Полторацкий был нужен и полезен молодой французской армии. Его хорошо знали не только в революционной среде Франции, но и в Бельгии, также переживавшей революционный подъем. Он был одним из участников патриотического банкета, устроенного французскими революционными деятелями и бельгийскими революционерами-эмигрантами в Париже, на котором стоял вопрос о подготовке восстания в Бельгии. Банкет проходил под девизом «Свобода, власть — народу»¹¹⁹.

С. Д. Полторацкий был не только активным участником событий 1830 г., но и стал их исследователем. Он высоко оценивал значение победы революции, отмечал ее важное внутреннее и международное значение. 3 августа 1830 г. Полторацкий писал французскому журналисту Фредерику Дежоржу: «Я не мог удержаться, чтобы не поздравить Вас от всей души с блестящим и величественным триумфом, который только что одержала Ваша прекрасная нация. Какие замечательные страницы Вашей истории!»¹²⁰ В дальнейшем Полторацкий уделял больше внимания критическому разбору ее итогов. Обострение классовой борьбы во Франции, шаткость политического строя июльской монархии, очевидцем которых он был в начале 30-х годов XIX в. и которые затем наблюдал из России, убеждали его в ограниченности этой революции, в слабости и непоследовательности проведенных ею преобразований.

Стараясь скрыть свое отношение к революции, Полторацкий долгое время не заявлял в русское посольство о прибытии в Париж. Секретарь посольства Н. Д. Киселев, хорошо знавший Сергея Дмитриевича, писал только в конце августа своей матери в Москву о его приезде в Париж как о последней новости. Не был отмечен Полторацкий и в списках российских подданных, проживавших в Париже, который был составлен в посольстве в середине августа 1830 г. Поэтому ему удалось избежать слежки агентов посольства и отвести впоследствии подозрения III Отделения. Осенью 1830 г. до Бенкендорфа все же дошли слухи о симпатиях Полто-

¹¹⁵ «Красный архив», 1930, т. 1 (38), стр. 142.

¹¹⁶ «Русский архив», 1901, № 12, стр. 540; 1909, № 4, стр. 567.

¹¹⁷ *Вл. Орлов*. Пути и судьбы, стр. 235.

¹¹⁸ «Русский архив», 1901, № 12, стр. 540.

¹¹⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 233, п. 3, д. 83.

¹²⁰ Там же, ф. 603, д. 70, л. 1.

рацкого к Июльской революции и даже о его участии в ней. Над Полторацким нависла угроза обвинения в политическом преступлении. С тревогой писал тогда об этом кн. Вяземский Булгакову: «Сам виноват, конечно; но тут вдвое жаль: жаль человека, что попал в беду; жаль его, что сделал дурачество»¹²¹. В III Отделении на Полторацкого было заведено дело, а о нем самом было доложено Николаю I. Причем в жандармском отчете царю за 1830 г. подчеркивалось, что революционные идеи Полторацкого сложились в России, что он был близок к Пушкину. Имя Полторацкого, «присоединившегося к парижским революционерам», было поставлено рядом с именем Кологривова.

Многие поляки — уроженцы Белоруссии, Литвы и Польши, находившиеся летом 1830 г. во Франции, тоже восторженно встретили революционное выступление французского народа. А некоторые из них приняли активное участие в революции, проявив при этом большое мужество и решительность. Их активное участие в июльских революционных боях было отмечено генералом Лафайетом. 27—28 июля он несколько раз принимал у себя польских революционеров, обсуждал с ними план наступления и благодарил их за помощь восставшим.

Сведения о революционной деятельности поляков — выходцев из России, сохранились в их письмах, в материалах следственных дел III Отделения, а также в некоторых польских и французских мемуарах. Не рассматривая этот вопрос более подробно (это — специальная тема, которой посвящены многие исследования), отметим только некоторые факты. Так, в воспоминаниях одного из участников революции — француза — приведены восхищенные отзывы о храбрости офицеров Ходзько и Мирецкого, которые были названы им «настоящими героями баррикад»¹²².

Молодой офицер Леонард Леонтьевич Ходзько, сражаясь вместе с французами на баррикадах, особенно отличился при взятии Тюильри. В одном из боев он был ранен, однако не ушел с баррикад, а продолжал биться до победы. В первые же дни образования Национальной гвардии Ходзько записался в ее ряды и был приближен к Лафайету, отметившему его еще в дни революции. В письме к отцу, небогату помещику Виленской губ., Ходзько сообщил в конце 1830 г. из Парижа, что он «вступил во французскую службу», «находится при г. Лафайете» и «что при бывшей в Париже революции был ранен в руку»¹²³. К письму он прилагал рисунок своего мундира. Ходзько хорошо знал Полторацкого, вместе с которым служил в Национальной гвардии.

¹²¹ «Русский архив», 1879, № 5, стр. 106. В. И. Кулешов считает преувеличенными характеристики Полторацкого как участника революции 27—29 июля в Париже, не отрицая сам факт его участия в революционных событиях 1830 года во Франции (см. *В. И. Кулешов*. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. М., 1965, стр. 284).

¹²² Л. Белов. Иностранцы о России.— «Исторический вестник», 1914, № 6, стр. 1109.

¹²³ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., 1831 г., д. 7, л. 6.

Л. Ходзько, так же как М. Кологривов, В. Росси и некоторые другие представители России, отказался выполнить приказ Николая I о немедленном выезде из Франции. Он остался в Париже и продолжал службу в Национальной гвардии. Царское правительство объявило Ходзько политическим преступником, ему был запрещен въезд в Россию. Более того, Николай I, узнав от Бенкендорфа о планах Ходзько вернуться в Россию (вероятно, в связи с подготовкой польского восстания), потребовал «схватить его» на границе, «опечатать все найденные при нем бумаги и за строжайшим надзором доставить... в Вильну», где и передать в руки жандармов¹²⁴. Особая нетерпимость правительства к участникам Июльской революции польского происхождения (выходцам из России) объяснялась прежде всего началом польского восстания, в связи с чем Николай I очень боялся проникновения в Царство Польское людей, имевших опыт революционной борьбы и преданных идеям революции. В 1830 г. в России была запрещена даже книга Ходзько «Положение в Польше», вышедшая в том же году в Париже.

Материалы о жизни и деятельности Ходзько в последующие годы ярко свидетельствуют о том, что Июльская революция стала важным этапом в формировании его революционных взглядов. В дальнейшем он продолжал борьбу за освобождение своей родины, за создание во Франции центра эмигрантского движения. При его участии в Париже рядом польских, русских и французских деятелей было издано несколько воззваний к народам, в том числе «К братьям-русским!», в котором звучал призыв к совместной активной борьбе против царизма. За это Л. Ходзько, наряду с другими авторами воззвания, был выслан Луи Филиппом из Парижа.

Активными участниками Июльского восстания были также художники В. Олешинский, Р. Зелачевич и музыкант А. Савинский¹²⁵. Офицеры М. Мициельский, А. Бебновский, Ф. Федельский и другие вели активную революционную деятельность, помимо Франции, в Италии и Австрии, призывая к активному выступлению против «монархического порядка» во всех странах. Мициельский, сблизившись летом 1830 г. в Милане с руководителями итальянской революционной эмиграции, выступил даже с идеей образования международного союза революционных войск, с центром в Париже. Там с осени 1830 г. он продолжал свою активную подготовительную работу с целью «образовать польский легион, чтобы вместе с французами идти на помощь итальянцам, освободить их от гнета и разжечь в то же время через эмиссаров своей организации волнения в Австрии, в России».

Вполне вероятно, что здесь приведены только некоторые имена русских и польских деятелей (выходцев из России), ставших

¹²⁴ Там же, лл. 1—2, 5 (Вильна была центром III округа Корпуса жандармов под управлением ген.-майора С. И. Лесовского).

¹²⁵ См. «Исторические записки», т. 20. М., 1946, стр. 241.

очевидцами и участниками июльских событий, что из-за скудости источников не полностью раскрыты их участие в революции, контакты с общественно-политическими деятелями Франции. Но и то, что нам известно, позволяет расширить представления об отношении передовой России к французской революции 1830 г., о развитии у передовой интеллигенции революционной солидарности, что отчетливо проявилось еще в декабристском движении.

* * *

Таким образом, отмечая разные направления воздействия Июльской революции 1830 г. во Франции на русскую общественность, следует подчеркнуть один из главных аспектов этого воздействия. Наряду с революционным движением в других западноевропейских странах, и особенно национально-освободительным движением в Польше, эта революция стала тем важным международным событием, которое оказало влияние на ход дальнейшего развития освободительной мысли и освободительного движения в России. Исход революционных событий начала 30-х годов XIX в. породил первое глубокое разочарование буржуазным строем, подвел часть передовой русской интеллигенции к мысли об ограниченности идеалов декабристов, вызвал у нее сомнение в возможности борьбы за всеобщее благополучие без участия народа. Было бы неверно утверждать, что эти взгляды получили тогда какое-либо законченное выражение. Скорее они отражали процесс идейного поиска, первые шаги от идеологии дворянских революционеров к революционному демократизму.

Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

Французская революция 1830 г. не привела к глубоким изменениям в государственном строе страны, но тем не менее ее значение для дальнейшего упрочения буржуазных отношений было весьма существенным. Одним из последствий этой революции, а также подъема революционной борьбы в начале 30-х годов XIX в. в других европейских странах стало упрочение основ капитализма, ускорение темпов экономического развития во всей Европе. Во время июльской монархии дальнейшее развитие капитализма во Франции шло быстрыми темпами, хотя политика нового правительства, оказывавшего в основном покровительство крупной финансовой буржуазии, в целом и не отвечала интересам широких слоев буржуазии. Можно считать, что объективно 1830 год стал вообще важным рубежом в истории французской нации. Новая победа буржуазии над дворянством содействовала в тех исторических условиях быстрому росту противоречий внутри капиталистического общества.

Большую остроту приобрела в период июльской монархии проблема положения пролетариата. Уже в первые годы июльской монархии в сознание наиболее активных представителей трудящихся масс Франции все настойчивее начала проникать мысль о том, что они обмануты, что революция 1830 г. не принесла им ни улучшения экономического положения, ни расширения социально-политических прав. В отличие от периода Реставрации, значительно изменились положение и условия борьбы французского пролетариата, который находился теперь не только в экономической, но и в политической зависимости от буржуазии. Как писал уже в 1831 г. в своей работе «*Le cri du peuple*» рабочий Огюст Колен, «мы свергли иго родовой аристократии, чтобы подпасть под иго аристократии финансовой, мы прогнали тиранов с титулами, чтобы оказаться во власти тиранов с миллионами»¹.

¹ Цит. по статье: А. И. Молок. Как Июльская революция 1830 г. была встречена в провинции.— «Историк-марксист», 1936, № 6, стр. 163.

Несмотря на рост промышленности, сельское хозяйство продолжало сохранять значительные позиции в экономическом развитии Франции. К середине XIX в. почти две трети населения страны все еще составляли сельские жители. Франция 30—40-х годов XIX в. была страной с громадным числом мелких и мельчайших крестьянских владений — парцелл. Дворянство и буржуазия, имевшая земли, предпочитали не вести крупное хозяйство, а в основном сдавали в аренду или исполу мелкие участки земли. Парцеллы, как и система измельченных аренд, особенно половничества, в условиях развивавшегося капитализма и совершавшейся промышленной революции чрезвычайно стесняли рост производительных сил Франции, тормозили развитие сельского хозяйства, обостряли нищету крестьянства. Мелкой земельной собственности, по определению К. Маркса, сопутствовало «прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства»², что в свою очередь распространяло пауперизм. К середине XIX в. почти половина мелких сельскохозяйственных собственников, для того чтобы прокормить себя, должны были работать поденщиками у разбогатевшей крестьянской верхушки, у горожан, приобретших земли, или у владельцев-дворян. Сохранявшиеся издавна общинные владения, представлявшие известное подспорье для беднейших землевладельцев, во время июльской монархии были фактически ликвидированы. Крестьянский вопрос продолжал быть одним из важнейших для Франции 30—40-х годов XIX в.

Исход Июльской революции вызвал новый подъем классовой борьбы. Рабочие Франции, а также часть крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции вели борьбу против политики Луи Филиппа, против усиления капиталистической эксплуатации. Уже лионские события начала 30-х годов XIX в. показали актуальность проблемы классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Лионское восстание 1834 г. свидетельствовало, что рабочие на собственном опыте начинали убеждаться в необходимости политической свободы для социального освобождения. Они выступили под девизом «Республика или смерть». В дальнейшем в растущих массовых движениях во Франции все больше переплетались требования экономических и политических преобразований. Особенно ярко это проявилось в антиправительственной демонстрации 1847 г. в Лилле, в которой приняли участие несколько сот рабочих и которая проходила под лозунгом: «Работы! Хлеба! Долой Луи Филиппа! Да здравствует республика!»

Революционное республиканское и социалистическое движение, в котором участвовали широкие демократические слои населения Франции, возглавляло антиправительственную борьбу в период июльской буржуазной монархии. Развитие этого движе-

ния свидетельствовало и о все углублявшемся его размежевании с буржуазной либеральной оппозицией, которая в период Реставрации представляла еще значительную прогрессивную силу. Лидеры этого движения периода Реставрации после революции 1830 г. отошли от оппозиционной политической борьбы, встав в ряды прямых защитников буржуазного строя июльской монархии. Так, Гизо, Тьер, Тьерри, проявившие трусость и непоследовательность уже в ходе революции 1830 г., после установления июльской монархии полностью примкнули к правительству бакиров. В этот период начинается ревизия их прежних исторических воззрений, что проявляется прежде всего в отказе от идеи дальнейшего развертывания классовой борьбы. Тьерри, Гизо, например, весьма категорически высказываются теперь о том, что окончательная победа буржуазии над дворянством ликвидировала будто бы основу для классовой борьбы. Именно эти воззрения французских буржуазных историков были подвергнуты глубокой научной критике Марксом и Энгельсом, которые, отдавая должное их историческим взглядам 20-х годов XIX в., вскрыли реакционность их идей последующего периода. Как подчеркивал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», уже первое лионское восстание, первое национальное движение английских чартистов вызвали их «решительный поворот в понимании истории». И это в то время, отмечал Энгельс, когда «факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благоденствии народа как следствии свободной конкуренции»³.

Исход Июльской буржуазной революции послужил толчком к широкому распространению учений утопического социализма во Франции. Социалистическая пропаганда, ограничивавшаяся в начале XIX в. немногочисленной аудиторией, стала привлекать теперь большое внимание. Социализм первых десятилетий XIX в. оставался утопическим, так как социально-экономические предпосылки для возникновения научного социализма в Западной Европе еще не созрели. Обоснование возникновения и существования утопической формы социализма, характеристику его сущности мы находим у классиков марксизма-ленинизма. «Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс,— писал Маркс,— пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества,— до тех пор эти теории являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 372.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 25.

угнетенных классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку»⁴.

В 30-х годах XIX в. наибольшее распространение получил сенсимонизм, проповедуемый С.-А. Базаром и Б. Анфантемом — последователями Сен-Симона. Проповедники этого учения стали известны и популярны во Франции еще во время Июльской революции как решительные сторонники проведения ряда радикальных реформ. Большим достижением теоретической мысли Сен-Симона была разработка положения об объективности исторического развития. Считая политические революции явлением главным образом разрушительным, но вполне закономерным, обоснованным всем ходом исторического развития, Сен-Симон не мог не оправдать необходимость Великой французской буржуазной революции. По его определению, она была вызвана той причиной, «что состояние общества, которому соответствовал старый политический строй, совершенно изменилось по существу»⁵. Но, критикуя результаты буржуазной революции XVIII в., Сен-Симон мечтал воплощением в жизнь своих идей предотвратить нарастание и новых политических катаклизмов (которые все равно, по его мнению, не могли разрешить социальный вопрос), и новых кровопролитных гражданских войн.

Историко-философские воззрения Сен-Симона были развиты и углублены его учениками и сторонниками. Сенсимонисты более последовательно «попытались, хотя и в несовершенной форме, подвести под социализм исторический фундамент, обосновав его неизбежность анализом прошлого и настоящего человеческого общества»⁶. Более глубоко ими были разработаны и отдельные стороны самой социальной системы, сконструированной Сен-Симоном (это видно из «Изложения учения Сен-Симона», а также из лекций Базара, Анфантена, Родрига и других сенсимонистов). Социальная философия Фурье также во многом обогатила передовую европейскую мысль XIX в. и прежде всего как в отношении общего взгляда на историю человечества, так и в вопросе критики буржуазного строя. В начале 30-х годов XIX в. идеи утопического социализма начали интенсивно выходить за пределы Франции, привлекая широко внимание просвещенной интеллигенции ряда других европейских стран. Вслед за сенсимонизмом и фурьеризмом распространились идеи мелкобуржуазного социализма, а также революционного утопического коммунизма.

«Le Globe», «La Phalange», «La Démocratie pacifique», «La Tribune du peuple», «L'Intelligence» способствовали пропаганде со-

циалистических идей. Тогда же в Европе пользовались огромным успехом произведения В. Гюго, Э. Сю, социально острые романы Бальзака⁷. По образному определению Ж. Мишле, во Франции «июль и последующие годы были вулканом книг, беспорядочным извержением утопий и социальных романов»⁸.

Формирование общественно-революционных связей передовой интеллигенции России с Францией в 30—40-х годах XIX в. проходило в трудной обстановке дальнейшего наступления николаевской реакции. Как и в первые годы после поражения декабристов, освободительное движение 30-х годов XIX в. еще не накопило сил для развертывания широкой активной антиправительственной борьбы. Тогда эта борьба велась в других формах, другими методами, в скромных масштабах. Но в то же время она была предвестником того общественного подъема, который стал ощущаться уже в 40-х годах XIX в.

30—40-е годы XIX в. в истории развития общественного движения в России — период сложный и подчас противоречивый. Для него характерны выступления против самодержавия и крепостничества со стороны всего прогрессивного лагеря и в то же время усиление идейной борьбы внутри этого лагеря, свидетельствовавшей о процессе идейного размежевания среди прогрессивных сил, о процессе формирования революционного демократизма и либеральной идеологии. В этот период особенно обострилась также борьба реакционно-охранительной идеологии с прогрессивными воззрениями представителей русской интеллигенции, еще более четко проявились реакционные, контрреволюционные взгляды идеологов самодержавия и крепостничества.

Наметившийся поворот передовой общественной мысли к революционному демократизму, процесс формирования революционно-демократической идеологии связан с 40-ми годами XIX в. Этот период, входящий в первый этап освободительного движения в России, имел весьма важное значение для формирования революционного движения последующего этапа. Освободительное движение первого этапа прошло сложный и длительный путь развития. В. И. Ленин, говоря об основных вехах этого этапа, указывал на декабристов и Герцена⁹. Период после 1825 г. и примерно вплоть до середины 40-х годов XIX в. можно считать переходным. Он, так же как и весь этап, характеризовался значительным преобладанием дворянства в революционном движении. Но наряду с этой чертой, общей для всего этапа, в переходный период намечались и развились новые черты в области идеологии, происходили изменения в социальном составе участников революционного движения — началось более активное выдвижение разночинцев, больше ощущалось их влияние на освободительную мысль и освободительное движение страны.

⁷ См. Т. Якимович. Французский реалистический очерк 1830—1848. М., 1963.

⁸ J. Michelet. Nos fils. Paris, 1870, p. 360.

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 146.

⁵ А. Сен-Симон. Избранные сочинения, т. 2. М.—Л., 1948, стр. 39; Saint-Simon. Textes choisis. Comment. и вступ. статья J. Dautry. Paris, 1951, p. 30—40; J. Dautry. La Révolution nécessaire d'après Claude-Henry de Saint-Simon.—«Annales historiques de la Révolution française». Paris, 1966, № 184, p. 19—51.

⁶ В. П. Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961, стр. 137.

В истории русского освободительного движения 30—40-е годы XIX в. можно охарактеризовать как эпоху мысли. Эпоха действия, связанная со временем движения декабристов, сменилась новым временем — временем глубокого осмысливания не только опыта и задач декабристов, но и буржуазных идей вообще, мощным толчком к развитию которых послужила в XVIII в. Великая французская буржуазная революция. В 40-х годах XIX в. напряженность и острота идейных исканий, отражавших все углублявшийся кризис крепостничества, проявились во всех сферах интеллектуальной жизни России, особенно в области философии, истории, политической мысли, литературы. Взгляды Белинского, Герцена, Огарева, а также наиболее радикально настроенных петрашевцев свидетельствовали о развивавшемся процессе формирования революционно-демократической идеологии, раскрывали их идейные расхождения с представителями либеральных воззрений.

На этот процесс помимо основных внутренних факторов влияли факторы внешние. Если у части русской интеллигенции в этот период усилилась тяга к немецкой философии, то для Герцена, Огарева и их сторонников, наряду с интересом к философским проблемам, ведущим стало стремление познать социальные теории и учения, выработать свой взгляд на перспективы общественного прогресса. Размышления о путях развития общества вообще, о будущем России способствовали обращению ряда передовых русских людей к новым социальным учениям, получившим развитие и распространение прежде всего во Франции. В 30—40-х годах XIX в. наиболее важной стороной идейных связей передовой России с Францией становится формирование ее отношения к утопическому социализму.

Одним из факторов, который стимулировал обращение в России к социализму, являлся критический анализ буржуазного строя, характерные черты которого проступали во Франции в период июльской монархии.

Оценки современного состояния Франции, прогнозы в отношении перспектив ее дальнейшего развития находили отражение на страницах русской прессы, в отдельных оригинальных исследованиях, а также в дневниках, письмах, воспоминаниях многих деятелей общественного движения той поры. Вполне понятно, что обстановка николаевской реакции накладывала особый отпечаток на характер обнародованных материалов, придавала сдержанность оценкам французских событий даже в личной переписке. Но, несмотря на это, отношение современников к буржуазному строю Франции периода июльской монархии вырисовывается довольно явственно.

Официальные круги России, вскрывая растущие противоречия во Франции, непрочность позиций Луи Филиппа, старались показать тем самым отрицательные стороны проведения преобразований революционным путем. Они всячески старались оградить

Россию от революционных настроений, от новых передовых общественных идей, распространенных на Западе. Царское правительство, пропуская в Россию многие сведения, характеризовавшие внутриполитическую жизнь Франции, в то же время очень осторожно относилось ко всем известиям о действиях там тайных антиправительственных обществ, а также о социалистических и коммунистических теориях. Не случайно, что не через прессу, но из постоянных посольских и агентурных донесений Николай I пытался извлечь информацию и быть в курсе идейной и политической борьбы, развертывавшейся во Франции¹⁰. В конце 1841 г. по его требованию гр. К. В. Нессельроде в Париже был составлен отчет о характере и направлении внутриполитического развития Франции за истекшее десятилетие, т. е. за первое десятилетие после Июльской революции. Среди вопросов, интересовавших Николая I, были особо выделены развитие классовой борьбы в стране и распространение тайных антиправительственных организаций. По мнению Нессельроде, уже тогда значительную опасность вызывали «республиканцы, которые известны как радикалы, реформисты, коммунисты», так как именно они приобретали большое влияние в народе, особенно среди рабочих, в армии, в которой «республиканцы, реформисты и т. д. многочисленны... и они угрожают стать еще более значительными»¹¹.

В начале 30-х годов XIX в. в реакционных кругах России были сформулированы основы доктрины «официальной народности». Она явилась плодом идейных исканий верхов, стремившихся теоретически обосновать «гнилость» революционного «Запада и «крепость» самодержавно-православной России. Ее отправной мыслью была мысль о якобы природной пассивности, неревolutionности русского народа, о его прочной вере в царя и помещика, твердости в религии, неподверженности новым «разрушительным» идеям. Теория «официальной народности» являлась идеологическим оружием реакционеров в борьбе против революционных идей как развивавшихся на русской почве, так и пришедших из Западной Европы. Представляя, однако, насколько эта доктрина не соответствует происходившим в стране антифеодальным народным выступлениям, антиправительственным настроениям и действиям интеллигенции, Николай I (еще раньше заявивший, что «революция на пороге России»¹² и что вся его жизнь будет посвящена борьбе с проникновением ее идей в страну) усилил, особенно после революционных событий 1830—1831 гг., наступление реакции на все сферы общественной жизни.

Шло наступление царизма и на развивающиеся контакты передовой интеллигенции России с Францией. Так, в 30-х годах XIX в. Николаем I были приняты строгие меры по ограничению

¹⁰ См. *Е. Тарле*. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение. — «Литературное наследство», т. 31—32. М., 1937, стр. 563—662.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1841 г., д. 270, лл. 3, 9—10.

¹² *Н. К. Шильдер*. Император Николай I, т. I. СПб., 1903, стр. 315.

выезда из России во Францию и въезда оттуда в Россию лиц, считавшихся царским правительством политически неблагонадежными. Многим французам, бывшим участникам Июльской революции или связанным с тайными антиправительственными обществами, а также лицам, поддерживавшим социалистов-утопистов или их последователей, был запрещен въезд в Россию. Например, в начале 30-х годов XIX в. при въезде в Россию были задержаны некоторые французы, среди них Барро и Марешаль, обвиненные в причастности к сенсимонистской общине. Причем их деятельность, как о том свидетельствует приводимый ниже циркуляр российского министерства иностранных дел послу Поццо ди Борго в Париж, приравнивалась к деятельности инсургентов. «Иностранцам Барро и Марешалю, принадлежащим к секте сенсимонистов и намеревающимся прибыть в Одессу, воспрещен по высочайшему повелению въезд в пределы России... — сообщалось в циркуляре от 2 мая 1834 г. — Сие запрещение распространено и на другие лица, принадлежащие к означенной секте, равным образом запрещено допускать в пределы России помещичьего сына новоградволинского уезда Ивана Воронича, который по участию в бывшем мятеже * удалился во Францию»¹³. И снова и снова в циркуляре разъяснялось, что никакие прошения насчет приезда в Россию, сделанные лицами, связанными с сенсимонистами, русским послом удовлетворяться не должны в интересах спокойствия России. Барро и Марешаль были посланы в Россию как миссионеры-сенсимонисты по инициативе Анфантена, который был в 1821 г. в России и возлагал на нее, как и Сен-Симон, большие надежды. Он намечал распространение сенсимонизма прежде всего среди просвещенной русской молодежи. Еще раньше в Петербург им были направлены Пикар де-Авиньон, а также уже отмеченные нами профессором Клапейрон и Ламэ¹⁴.

После июльских событий передовая западноевропейская литература подвергается усиленной цензуре. По решению Николая I с августа 1830 г. председатель Комитета иностранной цензуры обязан был ежемесячно представлять в Главное цензурное управление списки всех запрещенных или разрешенных к распространению по стране книг. Проведенный просмотр этих списков за 1830 и последующие годы показал, насколько возросло число иностранных книг, запрещенных после революции 1830 г.¹⁵ «Безусловно запрещенными» были названы работы социалистов-утопистов. Значительно был ограничен доступ в Россию прогрессивных зарубежных журналов и газет.

Русская печать была поставлена царской цензурой тоже в весьма стесненное положение. И все же она находила разные

формы для сообщения о важнейших французских событиях, для выражения к ним своего отношения. Прогрессивное направление русской журналистики было представлено в первой половине 30-х годов XIX в. «Московским телеграфом», «Телескопом», «Литературной газетой» и «Европейцем», затем дополнено «Современником» и «Отечественными записками». Отстаивание передовых идей, и в том числе идей, приходивших из Франции, было большим гражданским подвигом. Не случайно современники считали борьбу «Московского телеграфа» и «Телескопа» с реакционными тенденциями в общественной жизни целой эпохой и отмечали, с какой жадностью читала молодежь эти издания. В. Г. Белинский называл, например, «Московский телеграф» тогда лучшим журналом России. А. И. Герцен писал о «Московском телеграфе»: «Мы тем более должны признать его заслугу, что печатался он в самые мрачные времена»¹⁶.

40-е годы XIX в. характеризуются ростом демократической журналистики, укреплением ее позиций в связи с общей демократизацией русской общественной мысли. Ведущими изданиями этого времени становятся «Современник» и «Отечественные записки», которые сыграли большую роль в распространении передовых идей в России. «Отечественные записки», идейно вдохновляемые Белинским, активно борющимся за утверждение критического реализма в литературе, собирали вокруг себя наиболее талантливых, прогрессивно настроенных писателей того времени. И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. В. Кольцов, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие авторы много писали о положении крепостного крестьянства в России. Журнал печатал также философские и исторические исследования А. И. Герцена и Т. Н. Грановского. Пропагандируя идеи материализма, «Отечественные записки» обличали реакционность воззрений представителей официального лагеря как в России, так и в других европейских странах, способствовали распространению прогрессивных идей среди русской общественности.

«Современнику» и «Отечественным запискам» удалось опубликовать больше, нежели другим изданиям, материалов о классовых противоречиях во Франции, издать статьи прогрессивных французских авторов по актуальным вопросам жизни страны. Значительное внимание эти журналы уделили анализу современных исторических теорий и новых социальных учений. Об исторических воззрениях Гизо, Тьерри, Минье, Баранта и других представителей французской романтической историографии писали Герцен, Белинский, Грановский. Одним из примеров пристального внимания «Отечественных записок» к французской исторической мысли служит выход уже во втором томе журнала за 1841 г. «Рассказов из меровингских времен» Тьерри, изданных во Франции в 1840 г. В вводной статье Герцена была дана характеристика основных

* Польское восстание 1830—1831 гг.— *Прим. автора.*

¹³ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, 1834 г., д. 113, л. 3.

¹⁴ *R. Fakkar*. Op. cit., p. 163.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, д. 191, лл. 10—101.

¹⁶ *А. И. Герцен*. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. М., 1956, стр. 215.

достижений теоретической мысли французских буржуазных историков, раскрыты специфические особенности исторической манеры исследования и взглядов Тьерри. В ряде других статей Герцена, а также в статьях Белинского, экономиста-петрашевца В. А. Милютинина проходила мысль о закономерности революционного развития общества и даже мысль о будущем, принадлежащем народу. Естественно, что в тех условиях об этом можно было говорить больше намеками, в завуалированной форме, эзоповым языком.

«Мы не думаем сказать о себе слишком много, сказав, что история современной журналистики и частью современной литературы русской есть история «Отечественных записок»¹⁷, — так скромно оценивал роль и значение журнала Белинский, не упоминая, что с историей этого журнала тесно связана и вся история развития передовых общественных идей в России. До того ни один журнал не пользовался такой известностью в России, как «Отечественные записки». «Мы брали книжку чуть не с боя, — вспоминал позднее В. В. Стасов, тогда студент Училища правоведения, — перекупали один у другого право ее читать раньше всех»¹⁸.

Другие периодические издания, и прежде всего газеты, также писали о внутриполитическом положении Франции в период июльской монархии, правда ограничиваясь в основном приведением профильтрованных официальных сведений. Чтобы показать непрочность новой власти, утвердившейся в результате революции, царское правительство в общем-то не ограничивало допуск в печать известий о частых изменениях во французском правительстве, о дебатах в палатах пэров и депутатов и о росте недовольства новым правлением вообще. Так, уже в начале 30-х годов XIX в. в ряде газет отмечалось, что во Франции «начинают восставать против нового порядка и, по-видимому, не довольствуются ни частными нарушениями хартии, которую сами недавно еще называли единственным средством спасения, ни ограничениями, наложенными на новое правительство, которому поручена судьба Франции». На основании официальных материалов можно было тоже предвидеть рост классовых противоречий в стране, развертывание революционной борьбы против буржуазии, которая впервые наиболее ярко проявилась в лионских восстаниях 1831 и 1834 гг. Некоторые русские газеты отмечали чрезвычайно тяжелое положение лионских рабочих. Даже «Северная пчела», которая имела возможность вообще более подробно и систематически писать о зарубежных политических событиях, не могла не указать, что причиной выступления ткачей Лиона против своих хозяев и против правительственных властей были невыносимо тяжелые условия, в которых они находились¹⁹. Как писала эта газета, все

рабочие были «болезненного вида от тяжелой, изнурительной работы и постоянной пыли», что «знаком для сбора» лионских ткачей служил «кусоч хлеба, воткнутый на пштык»²⁰. Другие газеты также указывали, что «лионские ткачи жили в самых плохих домах города... многие — на чердаках, очень вредных для здоровья...». Некоторые из них приводили еще и сообщения о ходе вооруженного столкновения между отрядами лионских ткачей и правительственными войсками, в результате которого весь город «оказался во власти фабричных работников».

Волна ограничения выезда во Францию, которая поднялась в России сразу же после Июльской революции, сначала несколько замедлила, но тем не менее не остановила поток передовых русских людей, под разными предлогами проникавших во Францию и знакомившихся там с ее передовыми идеями и революционными деятелями. Сведения, которые привозили в Россию эти русские, их контакты, установленные во Франции с ее передовыми деятелями, помогали им на родине не только более обстоятельно знакомить русских друзей с современной общественно-политической жизнью Франции, но и развивать прогрессивные настроения, формировать революционные взгляды.

Изучая в России современную жизнь Франции или являясь непосредственными свидетелями и очевидцами происходивших в ней событий, передовые русские прежде всего отмечали незавершенность, ограниченность революционных преобразований 1830 г., а затем стали искать и причины этого, что направляло их мысль к анализу сущности буржуазного строя вообще.

Буржуазная монархия Луи Филиппа не оказалась той обетованной землей, о которой так мечтал кн. П. А. Вяземский в пору своего увлечения взглядами французских просветителей и либеральных историков периода Реставрации. Крах его надежд, связанных с Июльской революцией, привел Вяземского к мысли, что Франция не способна более к прогрессивному развитию, что в ней нет для этого социальных сил. Разочаровавшись в своих бывших кумирах — Б. Констане, Гизо, Тьере — и не поняв причин и значения активизации радикальной мелкой буржуазии, сил пролетариата, идеи и требования которого были ему чуждыми, Вяземский все более скептически начал относиться вообще к социальным и политическим проблемам, которые волновали тогда Францию. Отрицательное отношение Вяземского к этим проблемам определенно проявилось уже в конце 30-х годов XIX в., во время его первой поездки в Париж. Оно усилилось в 40-х годах, особенно в связи с новой французской революцией 1848 г. «О здешней жизни сказать нового нечего... — писал он дочери из Парижа 25 февраля 1839 г., в то время, когда там разгоралась борьба, усиливались выступления трудящихся масс. — Дело в том, что я все-таки не согласен во мно-

¹⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1954, стр. 440.

¹⁸ В. В. Стасов. Собр. соч., т. III. СПб., 1894, стр. 1681.

¹⁹ См. «Северная пчела», 30 ноября, 2, 15 декабря 1831 г.

²⁰ «Северная пчела», 2 декабря 1831 г.

гом с нею и что я более прежнего du juste milieu. Он один прав, а все прочее дрянь, или безумие»²¹.

Не сумев понять характер новых социальных процессов, связанных с активизацией буржуазно-демократических и пролетарских сил в 30—40-х годах XIX в., Вяземский в то же время дал блестящую критику хищнической политики Луи Филиппа и его ставленников. Его яркие и меткие характеристики французских буржуазных правительственных деятелей объективно помогли многим русским современникам понять более отчетливо классовую природу современного строя Франции, т. е. делать такие выводы, которые в силу ограниченности своих воззрений не смог сделать Вяземский. «Что скажут мне они нового, какими убеждениями проникнут они меня, когда уже оголились они предо мною в действиях своих?»²² — так он писал из Парижа 28 февраля 1839 г. о буржуазных политических деятелях Франции. Резко критикуя своих бывших кумиров, Вяземский разоблачал их продажную политику, их поддержку интересов крупнейшей буржуазии. Особенно сильным нападкам подвергались с его стороны Гизо и Тьер. «Что нового узнаю я от Гизо и о Гизо, когда я читал, что он говорил и писал, и вижу, что он делает? Знаю, что он будет лгать предо мною, как лжет перед Францией и перед светом...» — продолжал Вяземский в том же письме.

Н. А. Полевой, также не одобрявший политической деятельности Гизо в 30—40-х годах XIX в., вместе с тем высоко ценил его историческую концепцию, воздействие которой прослеживается со всей очевидностью в исторических воззрениях Полевого, прежде всего в его «Истории русского народа» (т. I—VI. М., 1829—1833). В ней Полевой безусловно опирался на ряд положений французских буржуазных историков, хотя и идеи немецких историков тоже оказали на теоретические основы работы немалое влияние. Но ему особенно импонировала концепция философии истории Гизо, которая нашла отражение в исторических рассуждениях Полевого как в его большом труде — «Истории русского народа», так и во многих журнальных статьях и очерках. В. М. Далин, прослеживая воздействие внешних факторов на формирование исторической мысли в России, приходит к справедливому утверждению, что в сложном комплексе идейных влияний, в котором значительное место занимали немецкие историки, все же «интерес к французским историкам был действительно преобладающим, и среди них прежде всего к Тьерри и Гизо»²³. Это относится как к 30-м годам XIX в., так и к более позднему периоду.

Полевой, подошедший к пониманию идеи закономерности исторического развития в трактовке французских буржуазных

историков, так же, как и эти историки, считал буржуазный строй венцом всего общественного развития. Наблюдения социальных противоречий в буржуазной Франции 30—40-х годов XIX в. не поколебали его выводов, хотя и привели к мысли о необходимости дальнейшего усовершенствования этого строя, очищения его от противоречий. По мнению Н. А. Полевого, не сама природа буржуазного строя порождала рост классовых противоречий, нищете трудящихся масс, а это зависело лишь от неверной политики тех или иных государственных деятелей. Ему представлялось, что изменение правительственной политики, приход новых государственных деятелей сможет полностью ликвидировать социальные противоречия буржуазного строя. Эти взгляды он проводил в «Московском телеграфе», в котором не раз помещал критические заметки о государственных деятелях Франции. Об этом же он неоднократно писал сосланному на Кавказ декабристу А. А. Бестужеву, а также находившемуся под надзором полиции в своем имении Авчурино С. Д. Полторацкому. Н. А. Полевой, по свидетельству его брата, не раз вспоминал «о доктринах прежних времен», о позициях «Le Globe» и «Revue française» и не мог понять, «куда все делось теперь?». Он считал, что всему виной Луи Филипп, который «испакостил всех людей с дарованием, посадивши не на свои места Тьера, Гизо, Кузена, Баранта, Вильмена»²⁴.

Дальнейшие события во Франции, однако, раскрыли перед Полевым хищническую сущность и его прежних «любимых героев» — либералов 20-х годов XIX в. «Московский телеграф» теперь уже высмеивал «смешное аристократство» доктринеров, упившихся «хмелем июльской победы» и «потерявших блеск от жарких лучей июльского солнца» (Гейне)²⁵. Теперь его симпатии повернулись в сторону новой политической оппозиции, выражавшей интересы широких слоев мелкой и средней буржуазии. Н. А. Полевой разделял их политические требования, высказываясь даже в поддержку борьбы за установление буржуазной республики. Но ограниченность социальных воззрений Полевого, являвшегося одним из идеологов среднего сословия в России, не позволила ему увидеть другие силы, поднимавшиеся на борьбу во Франции с монархией Луи Филиппа, связать именно с революционным движением этих сил Франции ее будущее и высказаться в поддержку этого движения.

Однако, несмотря на ограниченность классовых воззрений Полевого, его оценки современной действительности Франции, его поддержка буржуазно-демократических политических сил, его пропаганда необходимости улучшения положения трудящихся масс во всей Европе свидетельствовали о прогрессивности пози-

²¹ «Письма П. А. Вяземского из Парижа. 1838—1839 гг.» — «Литературное наследство», т. 31-32. М., 1937, стр. 132. *Juste milieu* (франц.) — золотая середина.

²² Там же, стр. 133.

²³ В. М. Далин. Люди и идеи. М., 1970, стр. 360.

²⁴ Отдел рукописей ГПБ, ф. 603, д. 168, л. 4 об. (письмо от 30 сентября 1833).

²⁵ «Московский телеграф», 1832, № 15, стр. 426.

дий Полевого. Это явилось одной из причин того, что его журнал сначала был взят под надзор полиции, а в 1834 г. закрыт совсем.

Прогрессивность позиций Полевого и его журнала сказались также в стремлении упрочить русско-французские общественные и культурные контакты, несколько ослабить ту возникшую неприязнь к России, которая имела место среди французской общественности в начале 30-х годов XIX в. в связи с контрреволюционной политикой Николая I во время Июльской революции, с попытками контрреволюционной интервенции в Бельгию, а также в связи с кровавым подавлением паризмом польского восстания 1830—1831 гг. Несмотря на цензуру, «Московский телеграф» писал о передовых французских писателях, высоко оценивал творчество Виктора Гюго, многие произведения которого были запрещены в России после Июльской революции. Для Полевого, как и для многих других русских современников, Гюго это — «истинный поэт» всех честных людей Франции и России²⁶.

Очень важным было и то, что Полевой понимал не только величие французской культуры, но прежде всего глубоко ценил русскую национальную культуру, ее прекрасную литературу, знакомство с которой Франции он считал необходимым. Полевой ратовал за развитие тесных дружественных связей между передовыми общественными и культурными деятелями России и Франции. «Никак не увлекаюсь я неосновательным патриотизмом ни в прошедшем, ни в настоящем»²⁷, — писал он в своем журнале в связи с растущим стремлением правительства и некоторых представителей просвещенной интеллигенции обособить Россию от Западной Европы. Полевой и его журнал сделали немало в те мрачные годы николаевской реакции для более объективного понимания Франции передовой Россией и России — передовой Францией.

Наблюдая развитие классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией в послереволюционной Франции, некоторые другие представители либерально настроенной дворянской и буржуазной интеллигенции отмечали тяжелое положение трудящихся масс и справедливость их требований и даже видели возможность дальнейшего развития революционной борьбы. Но из всего этого они делали тем не менее весьма ограниченные выводы, считая, что не революционная борьба народных масс принесет разрешение социальных противоречий во Франции, а разумная политика буржуазного правительства. Так, один из ведущих славянофилов А. И. Кошелев, который к тому же непосредственно наблюдал жизнь Франции во время своего пребывания в ней в 1832 и 1840 гг., еще раньше заявлял, что основой будущего прогресса, разрешения социальных противоречий явится «настоящий либерализм». По его мнению, этот либерализм будет единствен-

ным средством и орудием для установления «истинного свободолюбия и свободомыслия»²⁸. С постепенными реформистскими преобразованиями связывал Кошелев и будущее России.

Восхваление оппозиционного движения либеральной буржуазии во Франции мы находим также у западника В. П. Боткина, являвшегося к тому же очевидцем развития политических событий во Франции в течение ряда лет. Боткин не мог не заметить нарастание клубка социальных противоречий во Франции. Но подходя к анализу их причин, к выявлению их классовой сущности с позиций либерала, он направлял свою критику не на основы всего строя июльской монархии, а лишь на его отдельные стороны. Не разрушать, а укреплять, улучшать буржуазный строй — таков был девиз Боткина, и он-то определял его подход ко всем общественно-политическим и революционным событиям, развертывавшимся во Франции в то время.

Опубликовав свои впечатления о современной Франции в 1836 г. в журнале «Телескоп», Боткин дал понять читателю, что и во Франции дела идут далеко не ладно, что «Париж стоит на рубеже между прошедшим и будущим, между верою и безверием, смотрит с тоскливою задумчивостью вперед, не зная, утро ли теперь или уже вечер настоящей гражданственности?»²⁹. С развитием этой «настоящей гражданственности», т. е. либерализма, связывал Боткин, как и другие его единомышленники, перспективы развития Франции. Если в 30-х — середине 40-х годов XIX в. он еще сочувствовал (хотя и не одобрял) классовой борьбе трудящихся масс Франции, то в связи с началом революции 1848 г. его позиции, как это мы увидим в дальнейшем, резко изменятся.

Значительно большее внимание проблеме демократического движения во Франции, роли народа в истории вообще и в современной Франции в особенности уделял экономист М. С. Волков³⁰, знавший к тому же блестяще социально-экономическую и политическую историю всей Западной Европы.

Проблемы социально-экономического и политического развития Франции периода июльской монархии были детально проанализированы Волковым в его письмах из Франции, присланных в Петербург в 40-х годах XIX в. для издания³¹. Отношение автора к этим проблемам свидетельствует о его особом внимании к положению народных масс Франции, к росту угнетения их буржуазией. Именно в этом, во все более углублявшемся противоречии

²⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 2077, л. 4 (письмо К. А. Полевого к А. А. Бестужеву на Кавказ от 22 июня 1832 г.).

²⁷ «Московский телеграф», 1830, № 17, стр. 231; № 10, стр. 235—236, и др.

²⁸ «Записки А. И. Кошелева». Берлин, 1884, стр. 39.

²⁹ В. П. Боткин. Соч., т. I. СПб., 1891, стр. 8—9 (статья «Русские в Париже...» была впервые опубликована в «Телескопе», 1836, № 14).

³⁰ Прожив несколько лет во Франции, М. С. Волков стал одним из известных исследователей социально-экономических проблем этой страны. Ряд его статей был опубликован в 40-х годах XIX в. в «Journal des Economistes»).

³¹ Из-за цензуры они увидели свет только в конце 50-х годов XIX в. (см. М. Волков. Отрывки из заграничных писем (1844—1848). СПб., 1857).

между трудящимися массами и буржуазией, видел Волков одну из основных причин растущего революционного движения и даже возможность начала новой революции. Так, анализируя ход социально-экономического развития Франции в начале 40-х годов XIX в., он подчеркивал, что «нельзя не убедиться, что будут еще внезапные перевороты...»³².

Развертывание дальнейших событий в стране, ускоренных большим голодом в связи с неурожаем 1846—1847 гг., подкрепляло его предположения о назревании нового, революционного кризиса. «Целая треть населения» одного только Парижа не имеет средств к существованию, писал он в 1847 г., и должна обращаться к правительству «за ничтожным подающим по 11 сантимов в день», которое оно выдавало голодающим³³. С борьбой за улучшение экономического положения народных масс Франции, его политических прав связывал он и деятельность тайных антиправительственных обществ, которые получали тогда большую поддержку не только в буржуазно-демократической, но и в пролетарской среде. Волков намекал в своих письмах на оживление деятельности таких обществ. Он приводил свои впечатления от бесед с рабочими и ремесленниками Парижа в связи с его интересом к программе одного из таких обществ, которое было разгромлено правительством Луи Филиппа накануне 1848 г., и в заключение писал: «Я говорил с некоторыми ремесленниками о том, что происходит между ними в различных мастерских. Слушал их рассказы; нельзя не согласиться, что мы находимся здесь накануне катастрофы»³⁴.

В исторических работах выдающегося русского ученого-просветителя Т. Н. Грановского, посвященных Франции и Германии, вопрос о роли пролетариата в современном обществе занимал значительное место. Грановский неоднократно писал, что с положением этого класса, с его дальнейшей судьбой многие передовые мыслители связывают перспективы европейского общественного развития, что появление пролетариата явилось одной из причин возникновения и распространения и новых социальных учений. «На тех путях развития, которыми шли все исторические общества, за исключением патриархальных государств Востока, нельзя было избежать пролетариата»³⁵, — к таким выводам пришел Грановский в 40-х годах XIX в. в результате изучения истории и современности стран Западной Европы и особенно Франции. Глубокая убежденность Грановского в наличии закономерности в истории свидетельствовала о его солидарности с теоретическими воззрениями французских историков периода Реставрации, подтверждала существование новых, прогрессивных тенденций в русской исторической мысли, которая развивалась не

изолированно от мировой исторической мысли и создавала свои значительные научные ценности. Как писал С. М. Соловьев в некрологе о Грановском, ему, как и ряду прогрессивных умов России первой половины XIX в., было присуще большое стремление «уяснить законы, которым подчинены судьбы человечества»³⁶. «Живое понимание событий», которое у историка особенно ценил Грановский, сделало его больше приверженцем Тьерри, нежели Гизо, хотя он высоко ценил теоретические построения последнего, отмечая большое влияние его идей на всю новейшую историографию³⁷.

Однако Грановский, как и большинство передовых мыслителей его времени, еще не смог выйти в своих теоретических исканиях за рамки буржуазных теорий общественного развития. Поэтому признание растущего значения пролетариата в современном буржуазном обществе, изучение народных движений в Европе за социальное и национальное освобождение тем не менее не привело Грановского к революционно-демократическим выводам. Хотя Грановский и не являлся сторонником революционных идей, его прогрессивные взгляды, которые он умел удивительно тонко и убедительно донести до слушателей на лекциях, будили критическую мысль, поддерживали «общественный протест» против крепостничества³⁸.

Более радикальные выводы в связи с анализом социального строя Франции были сделаны Герценом, Огаревым, Белинским. Раскрытие социальных противоречий в буржуазном строе Франции подкрепляло их выводы о необходимости замены его новым общественным устройством. Эта часть передовой интеллигенции подходила к признанию объективного характера исторического развития, роли революции в развитии человеческого общества и ведущего значения в ней народных масс. С их именами связано зарождение социалистической мысли в России.

Рассмотрим более детально, как были восприняты идеи социалистов-утопистов в России. Попытаемся проследить влияние этих идей на процесс развития общественной мысли.

* * *

В научной литературе вопрос об отношении русской общественной мысли 30—40-х годов XIX в. к утопическому социализму не нашел еще всестороннего освещения. Если общественно-политические взгляды Герцена, Огарева, Белинского, петрашевцев анализируются в целом ряде работ, то взгляды многих других представителей общественного движения в России, и особенно их отношение к утопическому социализму, изучены неполно. Недостаточно

³² М. Волков. Отрывки из заграничных писем (1844—1848), стр. 64.

³³ Там же, стр. 380—381, 385.

³⁴ Там же, стр. 385—386.

³⁵ Т. Н. Грановский. Сочинения, ч. II. М., 1892, стр. 222.

³⁶ Цит. по кн.: В. М. Даллин. Люди и идеи, стр. 355.

³⁷ П. Н. Милоков. Университетский курс Грановского.— «Из истории русской интеллигенции». СПб., 1902.

³⁸ См. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. IX. М., 1956, стр. 122.

изучено и влияние утопического социализма на процесс идейного размежевания в общественном движении России этого времени.

Как всякое новое учение, утопический социализм завоевывал себе признание не сразу. Особенно сложным было познание его в крепостной России. 30-е годы XIX в. в России признаны временно изучения западноевропейских социалистических теорий. Почему же именно в это время так усилился интерес к социализму в стране, еще находившейся в путях феодально-крепостнического строя? Одной из решающих причин было вхождение страны в полосу кризиса всей крепостнической системы. Это, естественно, требовало теоретического обоснования необходимости ликвидации крепостничества, давало пищу для размышления о путях дальнейшего развития России.

Критическое осмысливание результатов Великой французской революции XVIII в., неудовлетворенность ее «разумным строем», который, как показывала современная действительность, оказался строем крайних антагонизмов, жесточайшего угнетения народа, — все это направляло мысль одной части прогрессивно настроенной интеллигенции на поиски путей усовершенствования этого строя. В то же время неудовлетворенность результатами этой революции способствовала обращению мысли ряда передовых русских людей к поискам новых социальных идеалов и путей их достижения. В условиях николаевской реакции, когда не было реальных условий для развертывания активной политической борьбы, идея исторической неизбежности ликвидации всех форм угнетения и эксплуатации, которую выдвинули социалисты-утописты XIX в., открывала перед русской освободительной мыслью новые горизонты, вселяла веру в светлое будущее России. «Вера в будущее своего народа, — писал Герцен, — есть одно из условий одействованности будущего»³⁹. Оценка значения передовой Франции в духовной жизни передовой русской интеллигенции нашла яркое выражение в словах М. Е. Салтыкова-Щедрина, обобщившего мнение многих современников: Франция и Париж были для России чем-то «лучезарным, светоносным», откуда «лилась вера... в человечество, ...уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас»⁴⁰.

В 30-х годах XIX в. в условиях развернувшегося реакционного наступления царизма русская печать сообщала немного сведений о теориях социалистов-утопистов, о той идейной борьбе, которая разгоралась вокруг их учений как во Франции, так за ее рубежами. Понятно, что «разрушительные» идеи социалистов-утопистов становились объектом нападков правительственной реакции. В печати в резкой критике социалистических учений особенно изощрились «Северная пчела» и «Северный архив» Ф. Булгарина. Недоб-

рожелательным было отношение и некоторых периодических изданий прогрессивного направления⁴¹.

Одобрительные высказывания по поводу теорий социалистов-утопистов проникали в печать из-за «охранительной» политики с большим трудом. Но, тем не менее в пушкинском «Современнике» (в «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева) был высоко оценен Ф. Буонарроти. Его книга о «Заговоре равных» Гракха Бабёфа, изданная в 1828 г., сыграла большую роль в передаче идей бабувизма новому поколению революционеров. Сенсимонизм был представлен Тургеневым как звено в цепи развития социальной науки, в истории поисков идеалов нового общественного устройства⁴². В 1837 г. в еженедельной газете «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“» (редактор А. А. Краевский) была напечатана хвалебная статья «Карл Фурье». В ней высоко оценивалась его система «общественной гармонии», которая была названа «колоссальным творением», «далеко превосходящим создания самых высоких гениев». Сам Фурье был назван «великим преобразователем»⁴³. Газета с этой статьей быстро разошлась среди полутора тысяч подписчиков. В том же году в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского появилась статья об утопии Мора, в которой автор видел также мечту о создании «абсолютного блага»⁴⁴. Отдельные заметки и высказывания о социалистах-утопистах появились и на страницах других журналов и газет.

Французская социалистическая литература с 30-х годов XIX в. подвергалась строгому цензурному досмотру. Но подчас, запрещенная царской цензурой, она проникала в Россию неофициальными путями. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что во время обыска книжных лавок, предпринятого в 1833 г. по заданию III Отделения, у одних только книгопродавцов Петербурга было обнаружено 7055 запрещенных цензурой книг. Среди этих изданий значительную часть составляли иностранные, в том числе и работы социалистов-утопистов⁴⁵. Сочинения социалистов-утопистов имелись в 30-х годах XIX в. уже во многих личных библиотеках: у А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, А. И. Тургенева, С. Д. Полторацкого, В. С. Порошина, А. В. Бердяева, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и других.

В 30-х годах XIX в. в России был больше известен сенсимонизм, наиболее распространенный в то время и на Западе. Впоследствии, вспоминая об этих годах, Герцен отмечал, что после

⁴¹ П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм, ч. I. М., 1924; А. И. Володин. Начало социалистической мысли в России. М., 1966; «Идеи социализма в русской классической литературе». Л., 1969, и др.

⁴² «Современник», 1836, т. I, стр. 270, 275, 286—287.

⁴³ «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1837, № 48, стр. 473.

⁴⁴ «Библиотека для чтения», 1837, т. XXIV, отд. III, стр. 56

⁴⁵ И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., стр. 129.

³⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. II. М., 1954, стр. 339.

⁴⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV. Л., 1936, стр. 161.

1830 г. «с появлением сен-симонизма, социализм произвел в Москве большое впечатление на умы»⁴⁶.

Отношение к утопическому социализму представителей идейных группировок русского общественного движения 30-х годов XIX в. и те выводы, к которым они приходили, были различными. Они определялись в первую очередь характером их общественно-политических взглядов, их подходом к проблемам социально-экономических преобразований в стране.

Отдельным представителям либеральных кругов русской интеллигенции, допускавшим возможность создания нового общества, в котором гармонически сочетались бы интересы предпринимателей и трудящихся, особенно импонировали мирные пути его переустройства, выдвигаемые некоторыми социалистами-утопистами.

Так, А. А. Краевский, разделявший тогда некоторые передовые идеи Запада, особенно одобрял учение Фурье, ценя в нем не только критику капиталистического строя, но и представления о новом общественном устройстве. Об этом свидетельствуют переведенная и отредактированная им статья из журнала «*La Phalange*» о Фурье и жаркие споры о социалистах-утопистах в его кружке. Однако надо отметить, что общественные взгляды Краевского, как и ряда других представителей прогрессивного лагеря 30-х годов XIX в., не отличались устойчивостью и последовательностью. Они были сложными и противоречивыми. Например, положительное отношение к новым социальным идеям сочеталось у него с консервативными взглядами на историческое прошлое России и ее будущее, что нашло отражение как в направлении его журнала, так и в его работах⁴⁷.

Профессор В. С. Порошин, читавший в 30-х годах XIX в. курс политэкономии и статистики в Петербургском университете, был хорошо осведомлен об идейной направленности новых социальных учений. Он положительно относился к критике социалистами-утопистами «настоящего положения вещей», которая вскрыла все те злоупотребления, которые кроются в праве неограниченной частной собственности, считал полезным осуществление экономических планов Фурье, связанных с организацией фаланстера⁴⁸. Но в целом идеи социалистического строя Порошиным восприняты не были. Несмотря на ограниченность и непоследовательность выводов, к которым приходил Порошин в связи с анализом социалистических теорий, его лекции играли определенную роль, и прежде всего потому, что усиливали внимание к социалистическим учениям среди студенчества. В своих лекциях он подробно излагал учения Фурье, Сен-Симона, Оуэна и их последователей, знакомил

студентов с новыми работами о социалистах-утопистах. Многие студенты под влиянием его лекций стали изучать учения утопистов. В их числе были будущие петрашевцы А. В. Ханьков, И. М. Дебу, П. И. Ламанский и др.

Активно интересовался социалистическими системами А. И. Тургенев. Его дневник свидетельствует о том, что в начале 30-х годов XIX в. он уже не только знал учения Сен-Симона и Фурье, но и был знаком даже с некоторыми их учениками и последователями, принимал активное участие в горячих, многолюдных обсуждениях этого учения, проходивших во Франции в связи с активной пропагандистской деятельностью его сторонников. А. И. Герцен отмечал, что как раз после французской революции 1830 г. «социальные вопросы стояли так близко, так неминуемо, что нельзя было их миновать, — народ очень хорошо понимал, что его положение не улучшилось, нашлись люди, которые стали ему пояснять отчего. Учение С.-Симона и Фурье распространялось — и что, может, важнее их школ, — это то... что их критика перешла в умы, враждебные им, заняла всех»⁴⁹.

Вернувшись в Париж в начале сентября 1830 г. после поездки по югу страны, Тургенев сразу же окунулся в гущу общественной жизни столицы. Так, по его свидетельству, он уже 11 октября 1830 г. на одном из заседаний «сенсимонистов слышал прения их с некоторыми из слушателей, рассуждал с одним... и закончил, что им недоставало немецкого профессора философии», слушал «чтение из печатной книги глав о методах»⁵⁰. Тургенев не соглашался с рядом положений сенсимонистов, особенно с религиозной стороной их учения, которую тогда резко критиковал. «Аристотель ни во что, — записал он в дневнике после посещения одного из их заседаний, — Христа предпочитают ему»⁵¹.

Критическое отношение А. И. Тургенева к религиозной стороне сенсимонистов, и особенно к взглядам Ламенне, отчетливо проявлялось и в последующие годы его жизни. Как свидетельствуют записи Тургенева, 22 декабря 1838 г. в Париже он выступал против Шатобриана и Кюстина, поддерживавших в споре о вере Ламенне и Ламартина.

Под влиянием современных событий А. И. Тургенев все чаще задумывался над путями дальнейшего развития как Франции, так и всей Европы. Он отчетливее видел, что противоречия буржуазного строя могут привести к новым, революционным взрывам и потрясениям. Идеи разрешения социальных противоречий без революции, проповедуемые Сен-Симоном и его учениками, казались ему заслуживающими внимания для постепенной перестройки старого мира, для предотвращения новых революций.

Своеобразной была реакция на идеи социализма у П. Я. Чаа-

⁴⁶ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII, стр. 252.

⁴⁷ См. «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1937, № 1, 5.

⁴⁸ В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. 1. М., 1922, стр. 33, 36—37.

⁴⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. V. М., 1955, стр. 313.

⁵⁰ ИРЛИ, ф. 309, д. 308, л. 135

⁵¹ Там же.

даева. Особенно это сказалось при раздумьях Чаадаева о будущем России и о путях, ведущих к нему. П. Я. Чаадаев — один из ярких, но в то же время чрезвычайно сложных и противоречивых мыслителей своего времени. Член ранней декабристской тайной организации — «Союза благоденствия», но затем отошедший от движения декабристов, Чаадаев остался все же, как и Вяземский, фактически «декабристом без декабря». Он разделял многие взгляды декабристов, хотя в принципе больше склонялся к мирным методам борьбы, что отразилось и на его отношении к испанской революции 1820 г., и на позднейших оценках восстания декабристов⁵². Со второй половины 20-х годов XIX в. в значительной степени под влиянием подавления декабристского движения усилились его религиозные взгляды и пессимистические настроения. Однако и тогда он оставался верен основным идеалам освободительной борьбы в России, протестовал против социального и политического рабства. Об этом свидетельствуют размышления Чаадаева о будущем России и всего человечества в восьмом «Философическом письме», в переписке с друзьями.

Некоторые новые черты в политических и философских взглядах Чаадаева появились у него в результате критического осмысления итогов Июльской революции во Франции. Он, так же как и некоторые другие передовые русские современники, отмечал ее большое международное значение, полагал, что революционный взрыв во Франции не только перевернул снова весь существующий строй отношений, казавшийся прочно установленным в период Реставрации, не только подорвал веру в возможность мирного поступательного развития, но и, показав ограниченность политических революций, поставил вопрос о путях будущего развития общества, в том числе и России. «Еще недавно, с год тому назад, — писал Чаадаев 18 сентября 1831 г. А. С. Пушкину, — мир жил в полном спокойствии за свое настоящее и будущее и в молчании проверял свое прошлое, поучаясь на нем»⁵³. Результаты Июльской революции укрепили его в мысли, что установление справедливых общественных отношений возможно только при совершенно новом типе общества, рисовавшемся тогда Чаадаеву в виде утопии, близкой к сенсимонизму или христианскому социализму. «Смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени, — писал Чаадаев в 1831 г. — Быть может, на первых порах это будет нечто подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует С[ен]-Симон в Париже...». «Почему бы и не так? — спрашивал Чаадаев. — Не все ли равно, так или иначе будет пущено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого?»⁵⁴

⁵² См. П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. II М., 1914, стр. 53.

⁵³ Там же, стр. 179.

⁵⁴ Там же, стр. 180; «Неизданные „Философические письма“ П. Я. Чаадаева». — «Литературное наследство», т. 22-24. М., 1935, стр. 57—62 (Восьмое письмо).

Уже в 30-х годах XIX в., осмысливая происшедшие события в России и в Западной Европе, Чаадаев предсказывал высокое назначение России в развитии новых социальных идей и претворении их в жизнь. Об этом он писал в 1832 г. А. И. Тургеневу и более определенно высказался несколько позднее (в «Апологии сумасшедшего»): «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»⁵⁵. Но как, каким образом произойдет переход к новому общественному устройству, этот вопрос Чаадаевым не был разрешен. Чаадаев ошибочно возлагал тогда свои надежды на католицизм как на действительное средство для сближения России со странами Западной Европы, для вовлечения страны в единый процесс исторического развития и тем самым для достижения социального идеала.

Размышления Чаадаева в 30—40-х годах XIX в. о новом общественном устройстве, которое придет на смену феодальным и буржуазным порядкам, его надежды на утверждение иного строя в России свидетельствуют об эволюции его взглядов по сравнению с взглядами конца 20-х годов XIX в. (Последующий сдвиг в сторону революционных воззрений, начавшийся вновь у Чаадаева после событий 1830 г., связан с революцией 1848 г. в Западной Европе.) В то же время они показывают, каким трудным и мучительным был процесс поисков русской общественной мыслью социальных идеалов и путей их достижения. «На примере Чаадаева мы видим воочию, — пишет академик Н. М. Дружинин, — как в одаренном представителе дворянского общества причудливо переплетались прогрессивные и реакционные черты и как волна за волной рождались и сменяли друг друга наслоения различных исторических идеологий»⁵⁶.

В целом убеждение Чаадаева в неизбежности гибели не только феодального, но и буржуазного строя, его протест против культурной и социальной отсталости России были высоко оценены передовой Россией. Уже его первое «Философическое письмо», ставшее объективно актом освободительной борьбы, потрясло мыслящую Россию, прозвучав, по словам Герцена, как «выстрел, раздавшийся в темную ночь...»⁵⁷

Если Чаадаев, несмотря на очень сложные пути, по которым шло его признание положительного значения нового социального учения для России, остался в рядах передовой России, то иным оказался исход восприятия идей сенсимонизма для другого представителя русской интеллигенции — В. С. Печерина. По словам самого Печерина, который после встречи в 50-х годах XIX в. с Герценом по-иному взглянул на задачи передового общественно-

⁵⁵ П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. II, стр. 227.

⁵⁶ Н. М. Дружинин. П. Я. Чаадаев и проблема индивидуализма. — «Коммунист», 1966, № 12, стр. 125.

⁵⁷ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. IX, стр. 139.

го деятеля той поры, увлечение христианским социализмом в 30-х годах XIX в. сначала пробудило в нем самые радужные иллюзии и надежды, а затем и самые тяжкие разочарования. «До тех пор * у меня не было никаких политических убеждений... — писал Печерин на закате своих дней другу Ф. В. Чижову. — Был у меня какой-то пошленький либерализм... дальше мысли мои не шли»⁵⁸. После первых улегшихся восторгов в связи с победой Июльской революции во Франции и в связи с первыми разочарованиями в ее исходе вышла в свет «брошюра Ламенне «Paroles d'un stoïque», наделавшая тогда много шума». Она была им воспринята, по словам самого Печерина, как «откровение нового Евангелия», «новой веры, которой суждено обновить дряхлую Европу»⁵⁹. Сначала из-за стремления посвятить себя пропаганде этого «святого дела» (по словам Печерина, она стала для него «благородной, возвышенной целью». «Политика... — религиею»), а затем в связи с разочарованием в этом учении он стал католиком и даже постригся в монахи.

Обращение Чаадаева с письмом к Пушкину, в котором он излагал свои соображения об учении сенсимонистов, наводит на мысль, что Пушкин был также знаком с утопическим социализмом XIX в. А. Мицкевич, хорошо знавший поэта, первый поставил этот вопрос. «А может быть, его воображение было возбуждено идеями в духе Сен-Симона или Фурье? Не знаю. В его стихотворениях и в разговорах можно было заметить следы обоих этих стремлений»⁶⁰. Среди сохранившихся книг Пушкина найдены три французские работы, из которых, возможно, поэт мог почерпнуть более или менее полное представление о сенсимонизме. Это «Изложение учения Сен-Симона», «Религия сен-симонизма» и роман Ж. Лебасю «Сенсимонистика»⁶¹. В статье Пушкина «Александр Радищев» (1836 г.) есть также сведения о его знакомстве с социалистическими теориями.

Произведения социалистов-утопистов изучались с воодушевлением передовой учащейся молодежью. Как вспоминал один из участников герценовского студенческого кружка Н. И. Сазонов, мыслящая молодежь стала в начале 30-х годов XIX в. более жадно читать запрещенные сочинения, в том числе о французской революции, натурфилософские сочинения Шеллинга, произведения великих социалистов-утопистов и их последователей. «Разочарования 1825 и 1830 годов послужили нам полезным уроком, по-

сле которого мы стали стремиться к разрешению больших национальных вопросов прежде всего при помощи науки»⁶², — писал Сазонов.

В 30-х годах XIX в. социалистические идеи интересовали студентов и преподавателей Петербургского и Харьковского университетов, участников лермонтовского «Кружка шестнадцати» и особенно участников герценовского кружка в Московском университете. Как сообщал в 1836 г. А. Х. Бенкендорф министру просвещения С. С. Уварову, работу Анфантена об учении Сен-Симона читали профессор Харьковского университета Т. Ф. Степанов и студент А. Пеш⁶³. В конце 30-х годов XIX в. работы социалистов-утопистов изучал А. В. Бердяев, также студент этого университета⁶⁴.

По предположению Н. Л. Бродского и Б. М. Эйхенбаума, среди молодежи, приобщившейся в 30-х годах XIX в. к социализму, главным образом к идеям Фурье, был и М. Ю. Лермонтов⁶⁵. Однако приведенные исследователями доказательства этого предположения не кажутся нам достаточно убедительными. Поэтому пока «догадка эта остается только догадкой»⁶⁶. Более вероятным кажется предположение, что С. А. Раевский, друг Лермонтова, был сторонником утопического социализма. Он был связан с кружком Краевского, где читали социалистов-утопистов, особенно произведения Фурье, разбирали его «социетарную теорию». Видимо, Раевский разделял многие идеи Фурье, особенно его социально-экономические взгляды, за что Лермонтов и называл его «экономо-политическим мечтателем»⁶⁷.

Близкий к лермонтовскому окружению, прогрессивно настроенный А. А. Столыпин, находясь во Франции, поддерживал связь с фурьеристами и даже печатался в газете В. Консидерана «*Démocratie pacifique*».

С 1831 по 1834 г. в Париже жил Н. И. Савич, тогда студент, впоследствии член Кирилло-Мефодиевского общества на Украине. В Париже, в Collège de France он изучал социалистов-утопистов, идеи которых отразились на его мировоззрении, о чем свидетельствуют особенно его записи и высказывания 40-х годов XIX в. Смелые заявления Савича против монархизма, с которыми он выступал в Париже в кругу французской студенческой молодежи, способствовали росту уважения к нему со стороны французов.

⁶² Н. И. Сазонов. Александр Герцен (Из литературного наследия Н. И. Сазонова). — «Литературное наследство», т. 41-42. М., 1941, стр. 196—197.

⁶³ И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., стр. 129—130.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Приложения к делам III Отделения, оп. 214, б/г., д. 33.

⁶⁵ Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I (1814—1832). М., 1945, стр. 314; Б. М. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.—Л., 1961, стр. 259—260, 263.

⁶⁶ И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье. М., 1964, стр. 338.

⁶⁷ Там же, стр. 339.

* Имеется в виду конец 20-х годов — время после поражения движения декабристов. — Прим. автора.

⁵⁸ «Русские прописки», т. I (Материалы по истории русской мысли). М., 1915, стр. 99.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ А. Мицкевич. Собр. соч., т. IV. М., 1954, стр. 96.

⁶¹ См. Л. Гроссман. Пушкин и сенсимонизм. — «Красная новь», 1936, № 7, стр. 158.

Положительную оценку учений социалистов-утопистов мы находим в набросках работы П. А. Галицкого «Секты социалистов», написанной в конце 30-х годов XIX в. О взглядах Галицкого известно немного. Как видно из материалов III Отделения, он обвинялся в вольнодумстве, за что и был взят под надзор жандармов. При обыске у Галицкого были найдены записки о социалистах-утопистах, из которых видно, что он хорошо знал не только современные ему социалистические учения, но и учения ранних утопистов. Но особенно ценными Галицкий считал учения социалистов-утопистов XIX в., которые, по его мнению, внесли много важного в разработку вопроса об обществе, о будущем человечества. «XIX век сделал большие завоевания в науке человеческого благосостояния, — писал он, — даже до сих пор более предчувствуемой, чем созданной»⁶⁸. «Все социальные идеи имеют свой корень и свое происхождение в самых отдаленных веках, — отмечал далее Галицкий в работе «Секты социалистов». — Поглощение семейства в коммуне, которое проектировали вместе Сен-Симон, Фурье и Оуэн, мы встречаем у Платона, у Моруса, у Моравских братьев»⁶⁹. В конце 30-х годов Галицким была начата новая работа, посвященная учению Р. Оуэна⁷⁰.

Идеи утопического социализма, осуждающие существующий классовый строй, эксплуатацию человека человеком, были восприняты также радикально настроенным мелким провинциальным чиновником Подольской губ. Степулковским, который был знаком с некоторыми произведениями социалистов, в том числе с работой Ф. Ламенне «Слова верующего». Следственной комиссии, записавшейся в 1837 г. делом Степулковского (арестованного за хранение запрещенных «возмутительных» сочинений), показалась особенно дерзкой одна из выписок, сделанная Степулковским из Ф. Ламенне, в которой осуждался существующий строй и требовалось его изменение: «Цари, князья и все, кого мир зовет владыками, будут прокляты, ибо они не любят своих братьев и обращаются с ними как с врагами»⁷¹. Правительству не удалось узнать много о взглядах Степулковского, о его единомышленниках так как он умер в самом начале следствия.

А. В. Бердяев, также один из представителей радикально настроенной русской интеллигенции, уже в 30-х годах стал изучать утопический социализм XIX в., а в конце 30-х годов начал писать исследование «Секта сен-симонистов». Будучи студентом юридического факультета Харьковского университета, Бердяев много читал, тщательно изучал юриспруденцию, историю и социалистические учения. В это время складывались его антисамодержавные

и антикрепостнические взгляды. Из работы Бердяева «Секта сен-симонистов» видно, что он разделял основную идею социалистов-утопистов о закономерности общественного развития, о необходимости перехода к новому социальному строю во всем мире. «Главный господствующий характер нашего времени состоит в стремлении к обобщению идей и интересов ... в создании одного морального общества из различных самостоятельных частей»⁷². «Никто не думает более о всемирной монархии... — продолжал он. — Смешно искать соединения человеческих обществ по средствам завоеваний или дипломатических тонкостей»⁷³. Знаменательно, что Бердяев подчеркивал интернациональное значение передовых идей, показывал восприятие их в России. «Мы уважаем умственные усилия и направления европейских народов, — отмечал он, — знаем их языки, знакомы с их идеями».

Позднее Бердяевым было составлено несколько конституционных проектов, которые отражали его антиправительственные политические взгляды. Из них, как и из набросков работ, посвященных социалистам-утопистам, видно, насколько неотстоявшимися, сложными, противоречивыми были его общественно-политические взгляды. Как и ряд других передовых представителей молодого поколения той поры, он не преодолел еще увлечения либеральными иллюзиями, не отказался от надежд мирным путем перейти к новому социальному строю на земле. Об этом свидетельствует идейная направленность его работы «Секта сен-симонистов». Поддерживая в ней пути перехода к социализму, предложенные французскими утопистами, он особенно выделял значение пропагандистской деятельности интеллигенции, развития образованности⁷⁴.

Самое существенное, качественно новое в русской общественной мысли того периода связано с именами А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Наиболее последовательно отразив потребность русской теоретической мысли в новом, антибуржуазном мировоззрении, они признали в социализме главное — его антибуржуазную сущность и идею закономерности перехода к новому строю, которая была достижением мысли идеологов утопического социализма. Общественно-политические взгляды Герцена и Огарева, их отношение к западноевропейскому утопическому социализму стали предметом изучения многих исследователей⁷⁵. История зарожде-

⁷² ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Приложения к делам III Отделения, оп. 214, б/г., д. 33, л. 20 об.

⁷³ Там же, л. 21.

⁷⁴ Там же, л. 21—21 об.

⁷⁵ М. Гершензон. История молодой России. М.—Пгр., 1923; П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм, ч. I; Л. Пипер. Мировоззрение Герцена.— М.—Л., 1935; Д. И. Чесноков. Мировоззрение Герцена. М., 1948; Ш. М. Левин. К вопросу об исторических особенностях утопического социализма.— «Исторические записки», т. 26; А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году. М., 1949; «Герцен и Огарев». — «Литературное наследство», т. 61. М., 1953; «История Москвы», т. III, гл. 10. М., 1954; «История Московского университета», т. I, гл. 6. М., 1955; Н. Пирумова. Исторические

⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Приложения к делам III Отделения, оп. 214, б/г., д. 324, л. 12 об.

⁶⁹ Там же, лл. 27—27 об.

⁷⁰ Там же, л. 1.

⁷¹ Цит. по: И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., стр. 131—132.

ния социалистической мысли в России, связанная прежде всего с их именами, явилась важной самостоятельной темой исследования. Поэтому в настоящей работе не представляется возможным дать всесторонний анализ как отношения Герцена и Огарева к социализму-утопизму — новой социальной системе в целом, так и тем более к его отдельным сторонам (например, к религиозным, эстетическим, педагогическим и другим идеям). Здесь нами прослежены лишь основные направления, по которым шла творческая работа мысли Герцена и Огарева в связи с их изучением социалистов-утопистов; выделены лишь те черты их мировоззрения, которые имели в дальнейшем важное значение для формирования их социалистических взглядов.

Обращение к социалистическим учениям Герцена и Огарева тесно связано с новыми идейными поисками их студенческого кружка в Московском университете в начале 30-х годов XIX в. Несмотря на то что идеология членов кружка была еще политически аморфной (кружок не имел четко выраженной политической программы, ибо всех участников объединял прежде всего страстный протест против «всякого насилия, всякого государственного произвола») ⁷⁶, представляется все же возможным выделить то основное направление, по которому шло его идейное развитие: от увлечения идеями декабристов, через начавшиеся раздумья о судьбах буржуазных «свобод» в Западной Европе к поискам новых социальных идеалов. Это подтверждал прежде всего и сам Герцен. «Мы начали с внутренним ужасом разглядывать, что и в Европе, и особенно во Франции... дела идут неладно, — вспоминал он позже, — теории наши становились нам подозрительны» ⁷⁷. Однако не все участники герценовского кружка смогли осознать величайшую важность и огромное будущее идей социализма. Тогда Герцена и Огарева наиболее активно поддерживали Н. И. Сазонов и Н. М. Сатин.

Наряду с Герценом и Огаревым, Сазонов высказывался за необходимость широкой пропаганды социалистических идей. Вполне понятно, что в тех условиях и теми силами, которыми располагал кружок, это оказалось неосуществимым, хотя молодые друзья и задумали для пропаганды социалистических идей издавать литературно-философский журнал, в котором основная теоретическая часть (исторический отдел, философия истории) поручалась Герце-

взгляды А. И. Герцена. М., 1956; М. В. Яковлева. Мировоззрение Н. П. Огарева. М., 1957; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в.; Н. В. Минаева. Ранний утопический социализм Н. П. Огарева. — «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1962, № 187; «Проблемы изучения Герцена». Сб. статей. М., 1963; В. А. Малинин, М. И. Сидоров. Предшественники научного социализма в России. М., 1963; «История социалистических учений». М., 1964; И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье; А. И. Володин. Начало социалистической мысли в России; Е. Л. Рудницкая. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, и др.

⁷⁶ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. X. М., 1956, стр. 318.

⁷⁷ Там же, т. VIII, стр. 161.

ну, Огареву и Сазонову. Однако непоследовательность Сазонова в социалистических воззрениях привела его (после известного разочарования идеями утопического социализма) к лишенной социалистической оболочки мелкобуржуазной демократической революционности. Отрицание Сазоновым главной — антибуржуазной — идеи в учениях социалистов-утопистов отчетливо проявилось в одном из его высказываний 1844 г., когда он заявил: «Я решительно отвергаю всякую истину в коммунизме» ⁷⁸.

Более стойкими оказались симпатии к утопическому социализму у Сатина, который, отойдя в последующий период от революционной борьбы, продолжал изучать новые социальные учения. В 1850 г. при аресте у него была найдена рукопись работы «Об основаниях систем экономистов, социалистов, сенсимонистов и фурьеристов» ⁷⁹.

Так, в итоге из всех членов студенческого кружка только Герцен и Огарев стали приверженцами социалистических идеалов в целом; социализм вошел составной частью в их мировоззрение. «Детский либерализм 1826 г. ... — отмечал позднее Герцен, — терял для нас, после гибели Польши, свою чарующую силу... Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенсимонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном» ⁸⁰. Но, помимо сенсимонизма, молодые друзья вскоре узнали учение Оуэна, Фурье и его последователей. Чтение зарубежных книг, журналов и газет знакомило их не только с работами социалистов-утопистов, но и с той активной деятельностью, которую развернули их последователи и ученики, пропагандируя в 30-х годах XIX в. социалистические идеи. Так, в 1832 г. в журналах широко освещался процесс сенсимонистов (Анфантен, Родриг, Шевалье и др.), что способствовало росту их популярности ⁸¹.

О сенсимонизме Герцен писал уже в 1833 г. Огареву и говорил о нем в 1834 г. на допросе в следственной комиссии. Герцен подчеркивал, что теория сенсимонизма ему известна, но она нравится ему только «в некоторых частях, особенно в историческом смысле» и что многие вопросы, в том числе и религиозные идеи, вызывают его несогласие. Уже тогда Герцен порицал религиозную окраску сенсимонизма, которую стали придавать ему Анфантен и Базар, видя в этом «вынешний упадок» данного учения ⁸². Знал Герцен и работы других сенсимонистов, среди них Б. Родрига и Ф. Бюше ⁸³. О первом из них он писал в своем произведении «О месте человека в природе». Книгу Бюше «Введение в науку историю, или Наука о развитии человечества» Герцен переводил для «Московского теле-

⁷⁸ «Звенья», кн. VI. М.—Л., 1936, стр. 351.

⁷⁹ См. И. Л. Воронин. Друг Герцена и Огарева — Н. М. Сатин. — «Литературные деятели и литературные места Мордовии». Саранск, 1951.

⁸⁰ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VIII, стр. 161—162.

⁸¹ См. «Изложение учения Сен-Симона». М., 1961, стр. 168.

⁸² А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XXI. М., 1961, стр. 20.

⁸³ Об их взглядах см.: J.-B. Duroselle. Les débuts du catholicisme social. Paris, 1951.

граф». В 1833 г. в черновых набросках статьи «Двадцать восьмое января» он с большим уважением отозвался о коммунисте-утописте Граксе Бабёфе, влияние которого на французских мыслителей в 30—40-х годах XIX в. было значительным.

В том же 1833 г. Герцен сообщал Огареву и о чтении работ Фурье: «Есть еще «*Système d'association par Fourier*». Ее ты прочитаешь в «*Revue Encyclopédique*» за февраль 1832 г. Цель оправдывает странности»⁸⁴. Статья о системе Фурье принадлежала А. Трансону, сначала проповеднику сенсимонизма, а затем последователю Фурье. В ней подробно излагались взгляды Фурье по его работам: «Теория четырех движений», «Трактат о домашне-сельскохозяйственной ассоциации» и «Новый мир»⁸⁵. В этой же статье были помещены и отдельные высказывания о системе Оуэна, на которого Герцен ссылался впоследствии в своем художественном произведении «Записки одного молодого человека», напечатанном в «Отечественных записках». В 1833 г. с учением Фурье познакомился Огарев, о чем есть заметки в его письме к Герцену от 30 июля: «*Fourier* я еще не прочел, но прочту, может быть, сегодня»⁸⁶. Пригеденные здесь только некоторые факты об изучении социалистов-утопистов Герценом и Огаревым все же убедительно показывают, насколько их захватили новые социальные учения уже в начале 30-х годов XIX в.

На первом этапе изучения новых социальных систем Герцен и Огарев, ознакомившись с ними в целом, основное внимание уделяли осмысливанию и самостоятельной разработке отдельных наиболее заинтересовавших их вопросов, связанных прежде всего с философскими и морально-этическими проблемами. Это во многом определялось тогда их увлечением философией и этикой вообще. У социалистов-утопистов их особенно привлекло учение о совершенствовании рода человеческого, провозглашение прав личности на свободное удовлетворение ее запросов. Значительное внимание они проявили и к вопросу освобождения женщины, реабилитации плоти. Но уже тогда Герцен и Огарев считали, что разрешение этих вопросов возможно только при переустройстве всего общества в целом. Но идеалы этого нового общественного устройства были для них еще не ясны.

Самым важным для идейного развития Герцена и Огарева стало их стремление найти теоретическую основу освободительного движения, поиски которой они связывали с изучением философии истории — научным постижением законов движения человечества. Считая сенсимонизм наиболее прогрессивной, «не бездушной философией последних времен, где высоко поняты требования века...»⁸⁷,

Герцен и Огарев тем не менее не подходили к нему как к учению полностью объяснявшему все вопросы социализма. Так, Огарев уже тогда отмечал слабость историко-философского обоснования утопистами необходимости перехода к социализму, а потому и считал важным разработку собственной философии истории, из общих начал которой должен быть выведен «план ассоциации»⁸⁸. Со своими философскими воззрениями связывал Герцен идеи создания «нового, палингенезического времени»⁸⁹.

Ряд записей Герцена и Огарева 30-х годов XIX в. свидетельствует о подходе их мысли к пониманию объективного характера общественного развития. Так, Герцен писал, что «человечество развивается по своей мировой логике, в которой нельзя перескочить через термин в угоду индивидуальной воле», что «развитие человечества, как и одного человека, подвержено некоторым законам, положительным, непреложным, необходимым»⁹⁰. Обращение Герцена в конце 30-х годов XIX в. к изучению философии Гегеля послужило новым толчком к «переработке» по своим историко-философским основам романтического социализма в революционно-социалистическое и в то же время реалистическое мировоззрение. Важным моментом в развитии философских воззрений Герцена стала его работа над «Письмами об изучении природы».

Идея объективной закономерности общественного развития соприкасалась во взглядах Герцена и Огарева с идеей активного участия человека в общественно-историческом процессе, ставила вопрос о движущих силах общества вообще, и в частности во время перехода к новому социальному строю, о путях перехода к нему. В 30-х годах Герцен и Огарев еще не считали революционную борьбу наиболее верным средством переустройства старого строя. Но уже тогда они не находили возможным идти к социализму только мирным путем, указанным некоторыми социалистами-утопистами. «Я не с[ен]-симонист, — писал Герцен в 1835 г. в связи с размышлениями над идеями социализма, — но вполне чувствую многое с ним заодно»⁹¹.

Раздумья о путях перехода к новому социальному строю были связаны с представлениями Герцена и Огарева о месте и значении революции в истории человеческого общества вообще. В 30-х годах XIX в. в их понимании революции (это проявилось прежде всего в связи с их оценкой французской революции XVIII в.) чувствуется влияние взглядов Сен-Симона⁹². Как и великий утопист, они признавали закономерность революции, но в то же время считали ее средством скорее разрушительным, нежели созидательным («Мир ждет обновления ...революция 89 года ломала — и только,

⁸⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XXI, стр. 20.

⁸⁵ «*Revue Encyclopédique*», 1832, т. 54, р. 290—323.

⁸⁶ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 266.

⁸⁷ Там же, стр. 267.

⁸⁸ Там же, стр. 266.

⁸⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XXI, стр. 20.

⁹⁰ Там же, т. I, М., 1954, стр. 276, 26.

⁹¹ Там же, т. XXI, стр. 33.

⁹² А. Сен-Симон. Избранные сочинения, т. 1, стр. 353 и др.

по надобно создать новое, *палингенезическое* время...»⁹³. В целом революция и социалистический идеал оставались в их представлениях еще довольно разобщенными.

Бполне понятно, что в начале поисков ими новой революционной теории их собственные социалистические воззрения еще только зарождались, были аморфны, незрелы. Но главным, новым было то, что уже тогда Герцена и Огарева привлекли такие идеи, которые послужили в будущем основой для формирования революционно-демократической идеологии.

Поворот к социализму русской общественной мысли начинал вызывать недоброежелательство со стороны идеологов либеральной оппозиции. Так, в 1833 г. в споре Герцена с Н. А. Полевым довольно явственно вскрылось отношение последнего к зародившимся социалистическим воззрениям Герцена и Огарева. «Уже тогда, в 1833 году, *либералы* смотрели на нас исподлобья, как на сбившихся с дороги. Перед самой тюрьмой сен-симонизм поставил рубеж между мной и Н. А. Полевым... — отмечал Герцен. — Для нас сен-симонизм, был откровением, для него — безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию. Сколько я ни ораторствовал ни доказывал, Полевой был глух, сердился, становился желчев»⁹⁴.

Насколько сложным было восприятие новых социальных учений даже представителями более радикально настроенной русской интеллигенции, свидетельствует отношение в 30-х годах XIX в. к утопическому социализму В. Г. Белинского. Белинский, одно время некритически восприняв гегелевскую формулу «Все действительное — разумно», считал ненужным поиски каких-то новых форм общественного устройства. Поэтому он не разделял сначала интереса своих современников к социалистам-утопистам. В конце 30-х годов XIX в., отстаивая свои социалистические убеждения, Герцен горячо спорил с Белинским.

Рассмотрение некоторых вопросов, связанных с отношением к французскому утопическому социализму представителей различных идейных воззрений подтверждает правильность выводов В. П. Волгина о достаточно широком интересе русской интеллигенции в 30-х годах XIX в. к социалистическим идеям, хотя несомненно, что в России, как и в других странах, идеи нового социального учения пробивали себе дорогу с трудом⁹⁵. И в России, по образному выражению Герцена, можно было слышать «свист и смех, с которыми встретило XIX столетие» социалистов-утопистов⁹⁶.

⁹³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XXI, стр. 20 (из письма Герцена к Огареву, июль 1833 г.).

⁹⁴ Там же, т. VIII, стр. 163.

⁹⁵ В. П. Волгин. Социализм Герцена. — «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр. 43—44.

⁹⁶ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. I, М., 1954, стр. 465.

Итак, отношение к идее социализма представителей русской общественности определялось прежде всего их отношением к самодержавно-крепостническому строю, к проблемам дальнейшего социального развития России. Взгляды представителей различных идейных группировок на социализм свидетельствовали о еще неглубоком идейном размежевании в лагере освободительного движения. Но тем не менее уже проступали некоторые тенденции двух начинавших складываться идейных течений: либерального и революционно-демократического, подходивших к решению вопроса о социализме с различных классовых позиций. В 30-х годах XIX в. у Герцена и Огарева зарождались уже новые черты их мировоззрения, свидетельствующие о начале переходного периода в развитии русской освободительной мысли — от идеалов декабристов к социализму. Определенное воздействие на процесс закладки основ и дальнейшего развития социалистической мысли в России имели учения западноевропейских, особенно французских, социалистов-утопистов.

* * *

В 40-х годах XIX в. в обстановке углублявшегося кризиса всей крепостнической системы в России и дальнейшего роста классовых противоречий в буржуазном строе Запада критическое изучение и осмысливание утопического социализма русской общественной мыслью поднялось на более высокую ступень. В это время отчетливее стало проявляться отношение представителей разных оттенков общественной мысли России к самой идее социализма, а также к отдельным положениям теорий социалистов-утопистов. Уже тогда частью формирующейся новой, революционной теории в России становился утопический социализм. Все это дает основание выделить 40-е годы XIX в. в отдельный этап истории развития русской общественной мысли и в процессе формирования ее идейных контактов с Францией.

Значительно возросший интерес среди русской интеллигенции 40-х годов XIX в. к французскому утопическому социализму — факт несомненный и знаменательный для всего десятилетия. Это подтверждали уже многие современники. Наблюдательный П. В. Анненков отмечал, например, что тогда в России читали работы Ш. Фурье, П.-Ж. Прудона, П. Леру, а также «Путешествие в Икарию» коммуниста-утописта Э. Кабе, которое в те годы еще мало читали даже «в самой Франции, за исключением небольшого круга мечтательных бедняков-работников»⁹⁷. Многих поражал и тот факт, что «все это служило предметом изучения, горячих толков, вопросов и чайний всякого рода», что книги этих авторов «были у всех на руках», порождали, как прежде Шеллинг и Гегель, своих «ораторов, комментаторов, толковников».

⁹⁷ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 209.

Но, как справедливо подчеркивал Анненков, все же не это было еще новым и главным. Новое же заключалось прежде всего в том, что его современников привлекали «широкие, отвлеченные вопросы будущности... смелые постройки новых форм для науки, жизни... и, наконец, критика всего хода европейской цивилизации»⁹⁸. Именно эти проблемы, по оценке Анненкова, делали последователями их «целые фаланги русских людей». Об этом писали и другие современники, среди них: В. Г. Белинский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. А. Милютин, К. К. Арсеньев, К. И. Тимковский, А. П. Беклемишев, А. Н. Плещеев и многие другие представители различных идейных течений русского общественного движения.

Не в одних столичных городах, но и в Ростове, Костроме, Тамбове, Ревеле, Казани, Харькове и других центрах страны социалистов-утопистов начинали изучать уже не только одиночки, создавались первые дружеские объединения, кружки, в которых шло живейшее обсуждение социалистических идей. Так, В. И. Кайданов (брат петрашевца Н. И. Кайданова) в письмах из Ростова к брату в Петербург просил выслать произведения Фурье, Сен-Симона, Луи Блана, Консидерана, Прудона, Кабе, фурьеристские журналы и газеты не только для личного пользования, но и для перевода многих статей и работ на русский язык, «чтобы доставить возможность прочитать их тем, кто не знает иностранного языка»⁹⁹. Вполне вероятно, что в провинциальном городе такими читателями могли быть прежде всего представители складывающейся разночинной интеллигенции.

В 40-х годах XIX в. не только расширился круг русской интеллигенции, в которую вливалась разночинская струя и которая становилась более демократичной, но и повысился ее идейный и научный уровень. Многие передовые русские люди, особенно молодежь, продолжали активно заниматься изучением философии, увлекались естествознанием. По словам Герцена, уже в середине 40-х годов можно было наблюдать «совершенно реалистическое, т. е. положительно научное» направление мышления части интеллигенции. С большим интересом изучали многие студенты университета, Лицея, различных духовных заведений и работы Герцена, среди них «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы».

По сравнению с предшествующим периодом в 40-х годах XIX в. улучшились возможности для изучения социалистической литературы. В Россию вливался большой поток социально-политической, философской литературы, так как цензура подчас не могла быстро определить степень «вредности» множества книг¹⁰⁰. Поэтому даже книги по социалистической тематике продавались одно время открыто в ряде столичных книжных магазинов и «безнаказан-

но рассылались по всему пространству государства»¹⁰¹. При обыске в 1849 г. петербургских книжных лавок только у одного владельца Лури было найдено 2500 томов подобных книг¹⁰². Многие из этих книг высылались им по требованию читателей в разные города страны. Только в 1846 г. цензура выявила, например, коммунистическое направление ежегодного календаря «*Almanach phalanstérien*», который распространялся в течение нескольких лет в России. После этого календарь вдруг был запрещен из-за популяризации им «между низшим классом народа идей коммунистов или учения Фурье». Причем цензор особо отмечал, что проповедь этих учений дается «даже в статьях, касающихся искусств и ремесел...»¹⁰³. До популярной в кругах передовой русской интеллигенции книги «Путешествие в Икарию» Кабе цензура добралась только в 1848 г. Постановлением Санкт-Петербургского цензурного комитета от 28 сентября она была тоже изъята из продажи.

Иностранная, в том числе и запрещенная, социальная литература находилась в библиотеках многих русских, в том числе у Белинского, Герцена, Огарева, Петрашевского, а также у его единомышленников и друзей по кружку (подробный разбор литературы библиотеки петрашевцев дан В. Р. Лейкиной-Свирской). Это прежде всего: «История французской революции» Луи Блана, «Путешествие в Икарию» и «Истинное христианство» Э. Кабе, «Иезуитизм, побежденный и уничтоженный социализмом» Т. Де-зами, «Ш. Фурье, его жизнь и его теория» Ш. Пеларена, «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» и «Что такое собственность?» Прудона и, конечно, сочинения Фурье и Сен-Симона. Многие из этих работ, в том числе и работы Прудона, были запрещены в России.

О возросшем интересе русской интеллигенции к социалистической мысли свидетельствует приобретение некоторыми русскими автографов социалистов-утопистов. Как стало известно, А. И. Барятинский, изучавший в то время социалистические теории, сумел приобрести в свою библиотеку не только такие редкие социалистические издания, как, например, пропагандистский листок сенсимонистов о жизни Менильмонтанской общины, но даже автографы Сен-Симона, Базара, П. Леру и других проповедников социалистических идей во Франции в 30—40-х годах XIX в. Эти материалы еще не изданы.

Значительным явлением в европейской историографии того времени стало появление первых серьезных трудов исследователей теорий утопического социализма. Среди них особенно выделялись работы Лоренса фон Штейна, который, анализируя общую историю социалистической мысли или специально творчество одного из представителей утопического социализма, вынужден был

⁹⁸ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, М., 1960, стр. 209.

⁹⁹ «Общество пропаганды в 1849 году». Лейпциг, 1875, стр. 6—7.

¹⁰⁰ В. Р. Лейкина-Свирская. Утопический социализм петрашевцев.— «История социалистических учений». М., 1964, стр. 400.

¹⁰¹ «Общество пропаганды в 1849 году», стр. 34.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Ю. Оксман. Меры николаевской цензуры против фурьеризма, коммунизма.— «Голос минувшего», 1917, № 5—6, стр. 71.

показать их историческое значение. Его труды, в том числе посвященные специально Фурье, были тоже известны в России и имели большое значение для формирования взглядов на социализм¹⁰⁴.

Начавшийся подъем прогрессивной демократической русской журналистики, которую возглавили «Отечественные записки», также способствовал распространению социалистических идей. Именно в «Отечественных записках» и «Современнике» даже при строгостях цензуры нашли большое отражение и французские социальные идеи. Эти журналы писали о Луи Блане, Леру, Распайле, Кабе, Прудоне, рекомендовали некоторые работы о социалистах-утопистах, например книгу В. Консидерана «Destinée sociale», этюды Рейбо и другие. В 1844 г. в «Отечественных записках» Белинским было высказано важное обобщение — о будущем, принадлежащем народу, и о негодности всей современной буржуазной системы в целом¹⁰⁵.

С 1847 г. в обоих журналах стали печататься статьи экономиста-петрашевца В. А. Милютин, в которых он аргументированно критиковал буржуазный строй и дал систематическую сводку учений социалистов-утопистов¹⁰⁶. Выдающийся экономист, работы которого сыграли значительную роль в развитии экономических знаний в России, в целом довольно сдержанно относился к утопическому социализму, но в то же время воспринял ряд его положений. Выделяя из всех утопистов Фурье, Милютин разделял направление его историко-философских воззрений. В истории человечества, рассматриваемой Милютиным, как и Фурье, в плане преимущественно экономического, закономерная смена одного этапа другим выражалась прежде всего в переходе от одной формы социально-экономических отношений к другой и в итоге подвела к созданию нового социального строя. В понимании существа социально-экономических отношений он тоже был близок Фурье.

В учениях «новой экономической школы» (так в открытой печати именовались теории социалистов-утопистов) Милютин считал актуальным прежде всего постановку вопроса о необходимости «разрешить важный многообъемлющий вопрос об организации труда — вопрос, находящийся в тесной связи со всеми интересами общественными, нравственными, политическими и религиозными»¹⁰⁷. Отмечая, что «в данную минуту» теории социалистов-

утопистов являются еще «произвольной мечтой и несбыточной гипотезой»¹⁰⁸, Милютин в то же время предсказывал им большое будущее. Это будущее он связывал с соединением «положительной науки», которой он считал экономическую науку, с учениями утопистов. Только тогда, по его мнению, современная утопия освободится «от ее мистического, мечтательного характера» и станет на основы «рациональные и положительные»¹⁰⁹.

Так статьи Милютин объективно подводили к выводу о закономерности появления социалистических идей и даже о необходимости перехода теории социализма от утопии к науке. Такие выводы свидетельствовали о глубоком анализе западноевропейских социалистических идей в России, о солидарности с ними ряда передовых русских людей.

Социалистические идеи проводились передовой русской печатью не только в отдельных теоретических, экономических и философских статьях. Они распространялись также и через статьи, посвященные общим и частным проблемам науки, литературы и искусства. Получивший распространение жанр писем, и в том числе «писем из Франции», тоже помогал читателю знакомиться с социалистическими воззрениями мыслителей XIX в. В «письмах из Франции», довольно часто появлявшихся на страницах русской печати, помимо описания достопримечательностей страны, большое внимание отводилось социально-политическим вопросам. Теории социалистов-утопистов и их последователей занимали весьма значительное место и подвергались авторами «писем» разностороннему анализу. Это относится к «письмам» П. В. Анненкова, М. С. Волкова, В. М. Строева, И. Б. Белецкого, А. И. Тургенева, А. И. Герцена и других.

Анненков в своих «Письмах из-за границы», наряду с весьма осторожными оценками самих учений социалистов-утопистов, давал (и это было, пожалуй, наиболее ценным) выдержки из их работ. Так, в «Письме VIII» Анненков привел отдельные положения из программы журнала «Revue Indépendante» Пьера Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. Эти выдержки, правда с купюрами, появились на страницах «Отечественных записок». Французский журнал обещал раскрыть читателям «состояние человеческого мышления в настоящую эпоху», показать «политикам общественную политику.. ученым — пророчества истории касательно нашего века»¹¹⁰. Дальнейшие «Письма» раскрывали ту сложную обстановку, в которой приходилось отстаивать и распространять идеи Сен-Симона и Фурье их ученикам и последователям. Анненков сумел показать большую популярность в народе Франции проповедников социалистических идей, на которых все больше обрушивались (после Менильмонтанского процесса 1832 г.) кле-

¹⁰⁴ L. von Stein. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1842; *idem*. Die socialistischen und communistischen Bewegungen seit der dritten französischen Revolution. Stuttgart, 1848.

¹⁰⁵ В. Г. Белинский. Рецензия на роман Э. Сю «Парижские тайны». — «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII.

¹⁰⁶ В. А. Милютин. Пролетарият и пауперизм в Англии и во Франции. — «Отечественные записки», 1847, т. L—LI; *он же*. Опыт о народном богатстве... — «Отечественные записки», 1847, т. LV; *он же*. Мальтус и его противники. — «Современник», 1847, кн. 8, 9, и др.

¹⁰⁷ «Отечественные записки», 1847, т. LI, отд. II, стр. 164.

¹⁰⁸ «Современник», 1847, кн. 12, отд. III, стр. 151.

¹⁰⁹ Там же, стр. 153.

¹¹⁰ «Отечественные записки», 1842, т. XX, отд. VIII, стр. 22.

вреды Луи Филлипа. Так, останавливаясь на эпизоде, связанном с освобождением из тюрьмы Ф. Ламенне, Анненков писал о толпах народа, приветствовавших Ламенне, и о солдатах, которые, по требованию офицера «взяв ружье под приклад ...пошли тихо на толпу, сдавали ее, выгнали на бульвар...»¹¹¹.

Большую научную и политическую значимость приобретала также публикация в журнале статей и материалов по социально-политическим вопросам Франции. Так, в двенадцатой книжке «Отечественных записок» за 1842 г. было помещено сообщение о выходе сочинения П. Леру «Плутократия»¹¹², краткое изложение которого журналу удалось опубликовать. По подсчетам Леру, только в Париже в начале 40-х годов XIX в. насчитывалось около 78 тыс. неимущих, причем эта цифра в дальнейшем могла увеличиваться и еще более «по причине ежедневно возвышающейся дороговизны»¹¹³. Такие сведения, которые доходили до русского читателя, заставляли, естественно, глубже задумываться над социально-экономическими причинами появления новых учений, показывали важность постановки вопроса о необходимости создания нового общественного устройства.

Среди «писем из Франции» наиболее содержательными и глубокими по идейному замыслу были «Письма из Avenue Marigny» А. И. Герцена. Он начал их публиковать с 1847 г. в «Современнике». По словам В. П. Волгина, они «прекрасно служили делу распространения в России западноевропейских социалистических идей и к тому же свидетельствовали о большой самостоятельности социальной мысли Герцена...»¹¹⁴.

Помимо этого, социалистические идеи распространялись через художественную литературу, в том числе через произведения французских авторов, созданные под влиянием идей утопического социализма. Так, в 1842 г. «Отечественные записки» при содействии В. Г. Белинского опубликовали (хотя и с купюрами) перевод романа Ж. Санд «Орас». С этого времени и почти до 1847 г. творчество Ж. Санд пропагандировалось на страницах журнала. «Отечественные записки» очень высоко оценивали ее романы — «глубокие, полные жизни и современного интереса создания...»¹¹⁵, отмечали широту постановки «социального вопроса», особенно женской эмансипации. В февральском номере за 1842 г. был помещен также отзыв Ж. Санд о творчестве Ламартина, в котором, наряду с анализом социальных воззрений Ламартина, была раскрыта и непоследовательность взглядов ряда сторонников Сен-Симона и Фурье, которые в обстановке развертывавшейся клас-

совой борьбы во Франции все больше проявляли колебания (критика Ламартина была продолжена журналом в «Письмах» Анненкова).

В те же годы в журнале появились повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Противоречия» и «Запутанное дело», показавшие, как гибнет в антагонистическом обществе лишенный права на труд человек, и призывавшие не исправлять действительность, а преобразовывать ее¹¹⁶.

Высказывания передовых русских деятелей о социализме проникали и в периодические издания весьма умеренного и даже консервативного направления. Так, даже в «Москвитянине» М. П. Погодина появились в 1845 г. последние публикации «Хроники русского» А. И. Тургенева¹¹⁷, начатой еще в пушкинском «Современнике». В «Хронике русского» Тургенев, насколько это было возможно в подцензурной печати, обращал внимание своих соотечественников на теории утопических социалистов, положительно оценивал труд Лоренса фон Штейна «Социализм и коммунизм нынешней Франции», в котором излагалась история новых социальных учений до 1842 г.

А. И. Тургенев, продолжая критику упадка современного утопического социализма, который, по его оценке, становился все более книжным, оторванным от событий реальной жизни, в то же время изложил свои интересные наблюдения о возможных перспективах развития социалистических учений как во Франции, так и в других европейских странах. Возможное «дальнейшее развитие» и «возрождение» социализма он усматривал на каких-то других основах, в иных формах. «Социализм будет изменять общества и изменяться сам... иначе в Германии, иначе в Англии, иначе здесь» (во Франции.— *О. Ор.*), — писал он в «Хронике русского». Но оторванный от России, Тургенев не видел возможности возникновения и развития социалистических идей на своей родине. Он не понимал, что в 40-х годах XIX в. в России уже шел процесс вызревания революционного демократизма, порожденного конкретными задачами развития русского общества, задачами антикрепостнической борьбы крестьянства за землю и свободу. А потому и считал, что в России нет «почвы для социализма»¹¹⁸. Однако, несмотря на свои заблуждения в отношении России, сво-

¹¹¹ «Отечественные записки», т. XXI, отд. VIII, стр. 16.

¹¹² Впервые опубликовано в «Revue Indépendante» в 1842 г.

¹¹³ «Отечественные записки», 1842, т. XXV, отд. VIII, стр. 136.

¹¹⁴ В. П. Волгин. Социализм Герцена, стр. 80.

¹¹⁵ «Отечественные записки», 1843, т. XXVI, отд. VI, стр. 38. См. также статьи Панаева о французской литературе (т. XXVII, отд. VII, стр. 1; т. XXVIII, отд. VII, стр. 25—38).

¹¹⁶ «Отечественные записки», 1847, т. LV; 1848, т. LVII. Интерес передовых людей к социальным проблемам поддерживался и укреплялся рядом художественных произведений и других крупнейших представителей русской реалистической литературы, в которых имелся богатый материал о положении различных общественных классов. Большую роль играли в 40-х годах XIX в. произведения А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского. Вопросы отражения идей социализма в русской литературе в данной работе специально не рассматриваются. Подробнее об этом см.: «Идеи социализма в русской классической литературе».

¹¹⁷ «Москвитянин», 1845, № 1—4.

¹¹⁸ А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964, стр. 244.

ими оценками социалистических учений, хотя и с явно либеральных позиций, А. И. Тургенев объективно внес немалый вклад в дело распространения социалистических идей в России. Его «Хроника русского» пользовалась широкой известностью среди русской интеллигенции. «Хроника» получила высокую оценку современников, в том числе и А. И. Герцена¹¹⁹.

Умело пропагандировал идеи утопического социализма в «Карманном словаре иностранных слов», изданном в 1845—1846 гг., М. В. Петрашевским.

Таким образом, в 40-х годах XIX в. в разных изданиях, в разных журнальных рубриках и подчас под весьма отвлеченными заголовками социалистические идеи проповедовались русской печатью и литературой. Внимание к ним передовых русских людей являлось отражением углублявшегося кризиса крепостничества, выражало их критическое отношение к феодально-крепостническим порядкам России. Оно свидетельствовало также о все более возраставшей и становившейся насущно необходимой задаче активной борьбы за уничтожение крепостничества и самодержавия. Поэтому передовые люди 40-х годов XIX в. в крепостной России так серьезно относились к защите эксплуатируемых, к задачам уничтожения всякой эксплуатации в учениях утопистов. Поэтому их так захватывала резкая критика частной собственности у Фурье и особенно у Прудона. Работы Прудона были тогда отмечены рядом современников, одно время они были высоко оценены Герценом, их изучал М. А. Бакунин, на них же ссылался в своих экономических исследованиях Милютин, о них писали Анненков, А. И. Тургенев и другие.

В 40-х годах XIX в. отношение к социалистическим учениям становилось в России более дифференцированным, что свидетельствовало об углублении процесса идейного размежевания в лагере освободительного движения. У деятелей возникшего на рубеже 30—40-х годов XIX в. славянофильства (А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские и другие) теории социалистов-утопистов Запада вызывали в основном негативное отношение. Скептически восприняв их основные идеи, проповедовавшие создание на базе завоеваний буржуазной революции нового социального строя, славянофилы тем более отрицали возможность применения социалистических учений для России. Хотя следует отметить, что некоторые идеи утопических теорий, прежде всего идеи христианского социализма, были ими восприняты и нашли отражение в их мировоззрении. Идейные воззрения славянофилов, складывавшиеся под определенным воздействием немецкой философии Шеллинга, испытали также воздействие тех идей христианского социализма, которые проповедовали «великие идеалы религии», идеализацию минувших времен. Другие же направления утопического социализма, связанные с поисками новых общественных

отношений, ими отстранялись «как не стоящие внимания», так же как и другие попытки «к устройению политического и экономического быта государств», предпринятые некоторыми передовыми мыслителями Запада.

Славянофилам, независимо было сыграть некоторую роль в развитии интереса к крестьянской общине в современной России. Герцен считал, что обращение славянофилов к сельской общине было равнозначно «перелому русской мысли»¹²⁰. Идеологи славянофильства привлекли внимание некоторых представителей передовой русской общественности к национальным особенностям русского быта, хотя и сделали отсюда выводы, глубоко отличные от тех, к которым пришел Герцен. Острые споры западников со славянофилами, несомненно, только послужили толчком к изучению Герценом общины, но не оказали влияния на его идейные искания. Можно согласиться (только с оговоркой) с выводом П. Н. Сакулина, который считал, что, «не будучи сами социалистами и видя в социализме лишь симптоматическое явление, характерное для переходного состояния Европы,— славянофилы тем не менее вложили и свою лепту в сформирование русской социалистической мысли»¹²¹.

40-е годы XIX в. были временем, когда становилось все более очевидным, что социализм начинал играть роль теоретического водораздела между складывающимися революционным демократизмом и либерализмом. Весьма отчетливо это прослеживается на идейной борьбе в стане западников. Как показали теоретические споры, обострившиеся между Белинским, Герценом, Огаревым и либерально настроенными западниками, с середины 40-х годов XIX в. отношение последних к социалистическим учениям в основном весьма изменилось. Интерес к ним, увлечение отдельными идеями социалистов-утопистов сменяется к середине 40-х годов настороженным отношением. Как известно, до начала новой революции во Франции либералы-западники еще искренне выступали против николаевского режима и крепостничества, защищали передовые идеи в науке и литературе. Они изучали западных историков, философов, социалистов-утопистов в надежде найти в их работах ответы на многие волновавшие их проблемы, хотя и тогда, во время наибольшего подъема и расцвета либерального западничества, их выводы носили печать непоследовательности, что объективно отражало ограниченность идеалов тех классов, взгляды которых они выражали. Во второй половине 40-х годов XIX в., в обстановке все более обострявшегося кризиса крепостничества, некоторые либералы-западники стали активнее выступать против революционных методов борьбы, уже сдержаннее оценивать учения социалистов-утопистов. Правда, и тогда

¹¹⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. II, стр. 138—139.

¹²⁰ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. IX, стр. 170.

¹²¹ П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм, ч. I, стр. 449.

их продолжали привлекать отдельные, в основном мелкобуржуазные, черты современных им социалистических учений, которые импонировали их социальным воззрениям. В 1848 г. их отношение к социализму резко изменилось.

В начале 40-х годов XIX в. В. П. Боткин, например, выступал еще в защиту «новых учений» от нападок со стороны реакционной критики. Тогда Боткин считал наиболее сильной стороной учений утопистов критику существующего строя, отмечал также и их идеи будущего переустройства общества. Эти взгляды Боткина нашли отражение как в его личной переписке, так и в некоторых статьях, опубликованных в русской печати. Так, в 1843 г. для «Отечественных записок» им была подготовлена статья с критикой немецкого идеалиста К. Гудкова за «неразумение современного исторического духа», за непонимание им значения социалистических учений. Эту статью тогда отметил В. Г. Белинский. «Славная статья!.. — писал он Боткину 3 апреля 1843 г. — Краевский читал мне о празднике фурьеристов — чудесно. Славно откатал ты эту гнилую филистерскую сосиску — Гудкова»¹²². В том же журнале Боткин отметил великие заслуги Франции в развитии передовой европейской мысли¹²³. Но, не разделяя никогда революционно-демократических воззрений, Боткин даже и во время своего наибольшего увлечения французскими социальными идеями считал, что только просвещенная буржуазия путем постепенных преобразований сможет создать новое общество — «ассоциацию» промышленников и ученых, которое снимет волновавшую его проблему растущих классовых противоречий.

В 1844—1845 гг. в Париже Боткин продолжал изучать социальные и философские теории, посещая лекции О. Конта и увлекаясь ими. Но под влиянием дальнейшего обострения классовых противоречий в России и на Западе он все больше порывал со своим прежним «вольнодумством» и заигрыванием с социализмом. Переломным моментом в смещении его воззрений вправо стала революция 1848 г.

Еще один представитель либерального западничества — К. Д. Кавелин также одно время считал возможным использовать некоторые положения социалистических учений для улучшения буржуазного строя, для приглушения усиливавшейся классовой борьбы. Но задачи, «поставленные социализмом», по его мнению, мог разрешить не народ, а лишь правительство, «приступая к реформам»¹²⁴. О своем восприятии социалистических учений в 40-х годах Кавелин писал в своем дневнике, где он указывал: «Через мою голову прошли самые крайние теории... В по-

литический либерализм я не вдавался, а был искренним, ревностным социалистом»¹²⁵.

Примыкавший к западникам талантливый историк Т. Н. Грановский также не являлся сторонником революционных и социалистических идей, оставаясь по существу на либеральных позициях. Однако Грановский признавал, что «европейский социализм — это уже явление века, которое «не может быть оставлено без внимания ни историком, ни вообще мыслящим человеком»¹²⁶. Его распространение он связывал с «настоящим положением и будущностью бедных классов», которые привлекали внимание как различных деятелей «государственной Европы», так и «мыслителей Западной Европы»¹²⁷. Но, видя в социалистических идеях лишь отражение «болезни века», Грановский свои представления о будущем развитии человечества связывал не с социалистическим строем, а с усовершенствованием буржуазного общества.

В отличие от либералов, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, ряд петрашевцев, а также некоторые члены Кирилло-Мефодиевского общества на Украине все больше связывали свои взгляды на перспективы развития человеческого общества с социалистическими идеалами. Насколько сложным и трудным был процесс познания новых западноевропейских социальных идей и перехода на сторону социализма показывают их идейные искания 40-х годов XIX в., а также та идейная борьба, которая разгоралась вокруг идей социализма.

В Кирилло-Мефодиевском обществе, в целом носившем реформистский характер, выделилось ядро наиболее радикальной интеллигенции, на которую оказывал значительное влияние революционно настроенный Т. Г. Шевченко. Эта часть общества испытала на себе и наибольшее идейное влияние учений социалистов-утопистов. Значительное воздействие учения Фурье прослеживается на взглядах члена этого общества Н. И. Савича. Увлеченный еще в 30-х годах сенсимонизмом, в 40-х годах XIX в. он решительно перешел на позиции фурьеризма. Найденные при аресте Савича по делу общества в 1847 г. отрывки его размышлений об учении Фурье не позволяют полностью раскрыть его отношение к этому учению, воссоздать его собственные социалистические взгляды. Но тем не менее они свидетельствуют о поддержке Савичем историко-философской, морально-этической, религиозной концепции Фурье, а главное, о его солидарности с выводами Фурье насчет возможности гармонического развития человечества только при осуществлении социализма.

В составленном Н. И. Савичем проекте «Освобождение женщины» явно улавливается влияние основных фурьеристских идей. В нем он, как раньше и Герцен, связывал решение вопроса о рас-

¹²² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1956, стр. 152.

¹²³ «Отечественные записки», 1843, т. XXVI, отд. VII, стр. 1—2.

¹²⁴ К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. II. СПб., б/г, стр. 1177 (дневник, 1857 г.).

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ И. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 273.

¹²⁷ Т. Н. Грановский. Сочинения. М., 1900, стр. 447.

крепощении женщины, о ее равноправии с проблемой перестройки всего существующего общества в целом, т. е. рассматривал женский вопрос как часть всей социальной проблемы, связанной с переходом к социализму. В связи с этим он писал: «Будущность судеб женщин не может быть отделена от состояния морального мира... где равенство, там и совершенство»¹²⁸.

В основном Савич разделял точку зрения ряда социалистов-утопистов о возможности мирного пути перехода к новому строю. Но, по отзывам Н. И. Костомарова, также участника Кирилло-Мефодиевского общества, в 40-х годах XIX в. Савич испытал на себе влияние и тех идеологов утопического коммунизма (в том числе Т. Дезами), которые связывали осуществление коммунизма с социальной революцией. Костомаров отмечал, что тогда Савич «был помешан на французском коммунизме», резко критиковал существующий строй России и надеялся, что народ «должен высвободиться от тяготеющего на нем деспотизма»¹²⁹. Такие заявления Савича свидетельствовали о появлении в его взглядах революционно-демократических черт, которые, однако, не получили дальнейшего развития: социалистические идеи и революционные настроения сочетались у него с явно либеральными суждениями, с религиозными поисками.

Черты революционного демократизма более отчетливо проявились в идеологии многих петрашевцев, в своем подавляющем большинстве состоявших из разночинцев и обедневшего служилого дворянства. В движении петрашевцев, очень сложном по своим идейным направлениям, выделилось, особенно в последний период, революционное ядро во главе с Н. А. Спешневым, М. В. Петрашевским, А. В. Ханьковым, Д. Д. Ахшарумовым и другими, взгляды и деятельность которых составили важный этап в формировании революционного демократизма в России¹³⁰. По словам В. И. Ленина, «начиная от кружка петрашевцев, примерно»¹³¹ в России возникает социалистическая интеллигенция, выражавшая в социалистических идеалах требования социального освобождения угнетенных, и прежде всего крестьянских масс.

Социалистическая направленность воззрений наиболее радикально настроенной части петрашевцев выявилась уже в середине 40-х годов XIX в. Углублявшийся кризис феодально-крепостнического строя усилил у ряда петрашевцев (так же как и у Белинского, Герцена, Огарева) внимание к западноевропейскому утопическому социализму как к учению, которое, будучи трансформировано в форму, пригодную для условий России, могло стать

орудием активной борьбы с самодержавием и крепостничеством не только за политическое переустройство, но и за новый, гармоничный социальный строй в стране. Социальные взгляды петрашевцев, следовавших социалистическим теориям, были неразрывно связаны с их материалистическими представлениями о мире. Их искания и выводы, бывшие еще очень далекими от исторического материализма, от понимания общественных отношений как отношений производственных, вместе с тем явились большим завоеванием материалистической мысли того времени, которая отражала в сознании демократической общественности материальные потребности трудящихся. На этой основе формировались их социалистические воззрения и шло изучение социалистических учений французских утопистов XIX в.

Петрашевцы не только изучали социалистические учения и активно пропагандировали их, но многие из них проявили уже серьезный критический подход к этим учениям. Петрашевцы были знакомы со многими социалистическими учениями — от классических систем Сен-Симона, Оуэна и Фурье до утопического коммунизма Кабе, Дезами, Вейтлинга и мелкобуржуазного социализма Л. Блана, Прудона и др. Но все же наибольшее распространение среди них имело учение Фурье. Оно привлекало петрашевцев не только критикой капиталистического строя, признанием закономерности замены его строем социалистическим, но также подробной разработкой новых производственных отношений, вытекающих из преобразования самого производства. Именно эту черту у Фурье ценили К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая, что Фурье «всегда исходит только из преобразования производства»¹³².

Впервые публично их воззрения получили выражение в первых двух выпусках «Карманного словаря иностранных слов», который был воспринят современниками как открытие передовой общественной мысли, как открытая пропаганда революционных идей. В статьях Петрашевского, написанных им для этого издания, впервые наиболее полно раскрылись и его взгляды на закономерности исторического развития. Разделяя основную точку зрения Фурье на закономерности в природе, Петрашевский, в отличие от него, был более склонен выделять закономерности общественной жизни из других проявлений закономерности Вселенной¹³³. На основании признания закономерностей исторического развития он проводил идею создания нового общества, которому в том же словаре дал определение как «нормально-развитому или благоустроенному обществу... которое доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорционально их потребностям...»¹³⁴ В таком обществе каждый человек является

¹²⁸ П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959, стр. 98.

¹²⁹ Там же, стр. 99.

¹³⁰ Подробнее см.: В. Р. Лейкина-Сверская. Утопический социализм петрашевцев, стр. 399—441; И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье, стр. 330—382. В этих работах приведена и обширная библиография по данному вопросу.

¹³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 438.

¹³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 517.

¹³³ «Карманный словарь иностранных слов», вып. II. СПб., 1846, стр. 215, 220 и др.

¹³⁴ Там же, стр. 250—251.

не только равноправным, но и деятельным членом «человеческого разумно обоснованного общества».

Социалистические воззрения наиболее радикально настроенных петрашевцев, а также их оценки западноевропейского утопического социализма выкристаллизовались в последние годы их деятельности, которая была активизирована внутривнутриполитическими и внешними событиями 1848—1849 гг. Тогда же наиболее полно проявилось отношение к социализму и тех петрашевцев, которые стояли на умеренных позициях, являлись людьми вполне «благонамеренными».

В конце 30-х годов XIX в. под влиянием осмысливания задач российской действительности, в результате более глубокого и зрелого понимания их, при ощущении начала общественного подъема в России, а также под воздействием критики абсолютных выводов гегелевской философии левогегельянцами у Белинского происходило постепенное изживание ошибок примирения с действительностью; возник и более активный интерес к идейно-политической борьбе во Франции. Пересмотрев свои взгляды, Белинский решительно заявил уже в начале 40-х годов XIX в. о своей приверженности социалистическим идеям. «...Я теперь в новой крайности, — писал он 8 сентября 1841 г. В. П. Боткину, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания»¹³⁵. Много причин лежало в основе такого поворота Белинского к социализму. Большое значение в этом сыграли и его споры с Герценом, Огаревым, Бакуниным и другими молодыми ищущими умами, стремившимися познать закономерности исторического процесса. Главное, что убеждало Белинского, как и других его единомышленников, в необходимости поисков новых социальных идеалов и путей их достижения, — это сама крепостническая российская действительность. Все отчетливее проявлявшиеся симптомы кризиса крепостничества свидетельствовали о важности теоретической разработки вопроса о новом социальном устройстве России и о путях перехода к нему. Неудовлетворенность буржуазным строем Запада, социальные противоречия которого уже весьма резко проявились в июльской монархии Луи Филиппа в 40-х годах XIX в., также явилась как стимулом для систематического и углубленного изучения передовыми русскими мыслителями социалистических теорий Франции, так и одним из стимулов для выработки своих собственных социалистических воззрений, которые прежде всего были связаны с задачами уничтожения феодально-крепостнического строя и создания новых общественных отношений на своей родине.

Как мы уже отмечали выше, пройдя через этап увлечения философской системой Гегеля (в которой многие просвещенные современники Белинского, в том числе и Огарев, видели одно время

«объективный разум», выразивший современную философию) и восприняв тогда его весьма консервативные политические выводы, Белинский в своих теоретических исканиях шел дальше. Направление работы теоретической мысли Белинского, объективно отражавшей настроения крепостных крестьян в России, не могло не привести его к теориям утопического социализма. «Как-то же французы, которые без немецкой философии поняли то, чего немецкая философия еще и теперь не понимает! Черт знает, надо мне познакомиться с сен-симонистами»¹³⁶, — так писал Белинский в письме к Боткину от 28 июня 1841 г. Это высказывание Белинского, однако, отнюдь не может рассматриваться как свидетельство полного незнания им до этого времени учений социалистов-утопистов. Известно, что еще в 30-х годах XIX в. Белинский знал о сенсимонизме, которым интересовался кружок Герцена. Но тогда в связи со своим увлечением немецкой философией Фихте и Гегеля и размышлениями о гармоническом «царстве божием на земле» Белинский больше проявлял внимания к религиозным исканиям Сен-Симона.

Среди многих работ передовых мыслителей Франции, известных Белинскому в 40-х годах XIX в., он особенно выделял исследование Э. Кабе «Народ», П. Леру «О плутократии или правлении богатых», «Историю десяти лет» Л. Блана, которую так же пристально изучал и высоко ценил Герцен. Белинский отмечал еще романы Жорж Санд («Орас», «Консуэло», «Андрэ» и др.), пользовавшиеся вообще большим вниманием прогрессивной русской общественности¹³⁷. Круг авторов, по произведениям которых Белинский изучал социализм, был весьма широким. Но в центре его внимания было учение Сен-Симона и его последователей.

В 40-х годах XIX в. у Белинского стал замечен новый подход к сенсимонизму: теперь он выделяет совершенно определенно как наиболее ценное в этом учении идею закономерности исторического развития и сами контуры нового типа общественных отношений, где личность раскрепощена, уничтожены «унижение и страдания миллионов». Восприняв утопический социализм несколько позднее Герцена и Огарева, в то время когда в России все более обострялся кризис крепостнической системы, а во Франции все более отчетливо проявлялась невозможность установления новых социальных отношений мирным путем, когда все более рушились надежды на поддержку социальных проектов самой буржуазией, Белинский за более короткое время пришел к выводу о необходимости применения радикальных мер в борьбе за осуществление нового социального строя. Не случайно в начале 40-х годов XIX в. Белинский писал: «...отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, терро-

¹³⁶ Там же, стр. 52—53.

¹³⁷ Подробнее об отношении Белинского к творчеству Жорж Санд см.: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество, 1842—1848. М., 1967.

ристы...»¹³⁸ Здесь еще нет признания силы народа в разрушении старого, но то, что старое должно быть разрушено, для Белинского становится все более ясным.

В этом его убеждает также и продолжение критического освоения теорий немецких философов, которые, по отзыву Белинского, помогли ему теперь считать, что «предела усовершенствования никто не видит» и что революционная борьба — наиболее эффективное средство. Эти идеи Белинского находят свое дальнейшее развитие в его «Обзрении литературы за 1842 г.», в котором он сквозь призму своего отношения к путям дальнейшего развития России дает высокую оценку революционной борьбе народа, рассматриваемой им на примере рецензируемой шведской драмы «Густав-Адольф». Белинский выделяет мысль автора о всепобеждающей силе революции: «Мы пойдем, будем биться, и если падем, то новая рать, с новыми знаменами, пойдет по нашим трупам. Пусть человек умирает, но человечество должно жить!.. Цель должна быть достигнута!»¹³⁹. Вполне вероятно, что эта цель связывалась им с достижением и созданием нового социального строя. Эти же идеи были развиты им и в дошедших до нас фрагментах «Истории русской литературы», и в написанной летом 1843 г. статье о Пушкине, и в ряде других работ последующего времени.

Идейный багаж Белинского середины 40-х годов XIX в. позволил ему сделать глубокий анализ социального строя современной буржуазной Франции, в результате он еще более определенно сформулировал свои социалистические воззрения. В 1844 г. им была написана рецензия на известный в России роман Э. Сю «Парижские тайны». В ней Белинский исследовал последствия французской революции 1830 г., что помогло ему, опираясь на конкретные исторические факты, дать развернутую критику и буржуазной революции, и всего капиталистического строя. «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом, — писал Белинский, — но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб...»¹⁴⁰

Пребывание Белинского во Франции накануне назревания в ней революционного взрыва 1848 г. дало ему новый, конкретный материал для подкрепления суждений о социальных вопросах, классовый борьбу в этой стране, для своего утверждения на революционно-демократических позициях.

После лечения в Зальцбрунне Белинский в сопровождении П. В. Анненкова поехал в Париж, где предполагал провести новый курс лечения, так как был очень болен. Попав в Париж в конце июля 1847 г., Белинский оказался вполне подготовлен к воспри-

ятию современной французской жизни в различных планах: социально-экономическом, идейно-политическом, культурном. Не только постоянно следя за политическими новостями, приходившими из Франции, но и хорошо зная многие работы ее виднейших авторов по социально-политическим, историческим и литературным вопросам, он, как это было показано выше, уже в середине 40-х годов XIX в. дал глубокие и социально-острые оценки основных проблем, волновавших тогда Францию, подошел к их восприятию с демократических, революционных позиций. Еще в России Белинский, например, читал работы Ламартина по истории Жиронды, Мишле о революции XVIII в., I том «Истории революции» Луи Блана (а затем за границей прочел и всю книгу) и критиковал этого автора за недопонимание роли буржуазии борющейся и буржуазии, утвердившей свое господство. Кстати, эту же мысль, в еще более точно сформулированной форме, Белинский высказал и в связи с отрицательной оценкой Герценом исторической роли буржуазии, сделанной им в «Письмах из Avenue Marigny»¹⁴¹.

Белинский утверждал, «что буржуазии в борьбе и буржуазии торжествующая — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа»¹⁴². Как и французские фурьеристы, Белинский относил к «победившей», а потому ставшей уже реакционной, только часть буржуазии, «точнее, крупную и преимущественно ее финансовую верхушку». Поэтому он отделял от нее положение других слоев этого класса, особенно мелкой буржуазии, которую считал одной из действительных оппозиционных сил режиму Луи Филиппа во Франции.

Летом 1847 г. в Париже чувствовалась уже большая напряженность политической обстановки; но тогда среди многих французов была еще довольно распространенная вера в реформу, в усовершенствование строя июльской монархии. Правда (и это отмечали некоторые русские современники, в том числе Герцен), революционные настроения подчас уже захлестывали либеральные иллюзии и «Vive la réforme!» переплетались с «Vive la République!»¹⁴³. Приехав в Париж 29 июля, в последний день празднеств, посвященных революции 1830 г., Белинский сразу же стал свидетелем растущего недовольства народа Луи Филиппом, показной роскошью крупной буржуазии.

П. В. Анненков, сопровождавший Белинского по Парижу, несмотря на свои весьма умеренные социальные воззрения (которые определили и характер его подхода к оценкам французских общественно-политических событий, а также к оценке всего буржуазного строя Франции, к перспективам ее развития), сумел тоже подметить даже в июльском празднике 1847 г. симптомы револю-

¹³⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 70.

¹³⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, стр. 542.

¹⁴⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 171—172.

¹⁴¹ См. «Современник», 1847, кн. 10 и 11.

¹⁴² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 449.

¹⁴³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. X, стр. 325.

ционной грозы. Став с конца 1841 г. корреспондентом «Отечественных записок», он посылал в Россию «Письма из-за границы», в которых уделял много внимания социальным вопросам Франции¹⁴⁴. В статье для «Современника» Анненков дал возможно под впечатлением общения и бесед с Белинским, резкую критику буржуазного строя Франции, показал, как в противовес наступлению крупнейшей буржуазии на политические права и материальное положение трудящихся масс растет их сопротивление¹⁴⁵.

Осенью 1847 г., когда Белинский с Анненковым были еще в Париже, Францию сотрясали крупные судебные процессы, в том числе и над представителями государственной власти: бывшим министром общественных работ паром Тестом, который был уличен в крупнейшей финансовой афере; тогда же печать публично обвинила министра внутренних дел Дюшателя в разных аферах и спекуляциях (например, за звание пара министр брал с претендента по 80 000 франков). Именно летом 1847 г. Ф. Энгельс дал глубокий анализ внутреннего положения Франции и заключил, что «закат и близость падения Гизо» уже видны¹⁴⁶.

В Париже Белинский наблюдал также оживление оппозиционной деятельности ряда политических журналов, был свидетелем развернувшейся банкетной кампании. Его интересовали обострявшаяся классовая борьба, растущее недовольство режимом июльской монархии. Правительство пыталось спровоцировать парижских рабочих на неорганизованные, разрозненные выступления, чтобы зреющую революцию убить еще в зародыше. Одну из таких провокаций, организованную правительственными силами, наблюдали Белинский и Герцен в сентябре 1847 г. в рабочих мастерских на улице Сент-Оноре. В течение двух недель каждый вечер на близлежащих улицах собиралось множество людей. По свидетельству очевидцев, с этими людьми подстрекатели «обращались самым гнусным образом», пытались вызвать их на вооруженную борьбу. Но трудящиеся Парижа проявили большую стойкость, понимание необходимости не отдельных выступлений, а новой революции, и притом революции более радикальной, чем предшествовавшие.

Свои мысли по поводу событий во Франции, очевидцем которых стал Белинский, он поверял своим друзьям: Герцену, Анненкову, Бакунину, Сазонову. Тогда же заговорили о его полемике с Гоголем после известного письма Белинского к нему из Зальдбрунна¹⁴⁷. Естественно, что все эти сюжеты находили в кругу Белинского живое обсуждение и горячие споры. В общении со своими русскими друзьями еще больше расширялись представления Белинского о Франции, оттачивалась мысль, проявлялись его революционно-демократические взгляды. Как писал Анненков, Белинский все

больше осмысливал все виденное им во Франции, к чему он был во многом подготовлен еще в России. Тогда под воздействием многих причин его «мысль... занята была новыми нарождающимися определениями прав и обязанностей человека, новой *правдой*, провозглашаемой экономическими учениями...»¹⁴⁸.

Антифеодалные выступления в России, глубокое знание направления развития русской передовой общественной мысли и общественного движения, которыми делился Белинский в кругу друзей во Франции, помогали не только самому Белинскому, но и некоторым друзьям из его окружения в Париже яснее понять ход исторического развития, неизбежность гибели старого строя. Практические и теоретические выводы, к которым пришли и Бакунин, и Герцен в 1848—1849 гг., были весьма различными, но общей для них была поддержка революционной борьбы народа Франции, ненависть к угнетателям. Можно считать, что общение с Белинским во Франции накануне революции 1848 г. не прошло для них бесследно — оно укрепило их на революционных позициях.

Как подчеркивает В. С. Нечаева, Белинский после общения с Францией вез на родину «много важных и тревожных размышлений... Они были в целом не радостны, потому что, как говорил Герцен, „трудно жилось в 1847 году“. Но вез он и светлое чувство любви к народу, среди которого прожил два месяца, к французскому рабочему, „стоявшему не за ценз, а за цензом“, по выражению Герцена. Белинский много лет изучал революционное прошлое народа Франции, восхищался им, а встретив лицом к лицу, увидел черты, роднящие его с русским народом»¹⁴⁹. Свои мысли о буржуазном строе Франции, отношение к идее радикального переустройства существующего строя он незадолго до смерти выразил в письме к Боткину от 2—6 декабря 1847 г.: «...Я сказал, что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов»¹⁵⁰. И здесь же Белинский писал о своем отношении к народам России и Франции: «Люблю я две нации — француза и русака...»¹⁵¹

Революционно-демократическая устремленность Белинского отражала необычную для современников трезвость оценки как исторического опыта Западной Европы, особенно послереволюционной и современной Франции, так и, конечно, русской действительности. Эта трезвость оценки заключалась и в определении капитализма как явления отнюдь не случайного в историческом развитии (к чему подчас склонялся Герцен), и в признании значения промышленного прогресса, который произошел при переходе от феодализма к капитализму. «Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для

¹⁴⁴ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 135—374.

¹⁴⁵ «Современник», 1847, кн. 9—10, отд. IV, стр. 79—86.

¹⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 4, стр. 186.

¹⁴⁷ В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848, стр. 364.

¹⁴⁸ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 344.

¹⁴⁹ См. В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848, стр. 382—383.

¹⁵⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 449.

¹⁵¹ Там же, стр. 451.

общества»¹⁵². По мнению Белинского, больше поддерживавшего по этому вопросу Фурье и его последователей, переход к социализму мог произойти на основе использования всех достижений буржуазного строя.

Новая волна революций, прокатившаяся по Европе в 1848 г., способствовала дальнейшему углублению суждений Белинского о буржуазном строе, подкрепила его веру в необходимость борьбы за создание новых социальных отношений.

Более глубокой, научно обоснованной становится разработка социальных проблем в 40-х годах XIX в. Герценом и Огаревым. В тот период Герцен уже совершенно определенно называл основой своего мировоззрения философию и естествознание. «Письма об изучении природы» Герцена явно свидетельствуют о переходе его на позиции философского материализма. Как отмечал В. И. Ленин, тогда Герцен «усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом»¹⁵³. Утверждение Герцена на позициях философского материализма, перелом в направлении философских исканий Огарева, который тоже привел его, хотя более трудным и мучительным путем, к диалектическому материализму¹⁵⁴, вызвали и изменение их подхода к проблеме социализма. Так, придя к материалистическому решению общесоциальных вопросов, они подходили и к идее материалистического истолкования общественных процессов.

Признав социализм как закономерность исторического развития, Герцен и Огарев в 40-х годах XIX в. большее внимание уделяли осмыслению и критическому разбору представлений социалистов-утопистов о новом социальном идеале в целом. Наряду с этим они активно разрабатывали свои социалистические воззрения, что свидетельствовало о все большем их отходе от юношески-романтического, субъективного решения социальных вопросов, которое проявлялось, по словам Огарева, в их прежнем ребяческом стремлении прилепить «наше я» к социализму, а затем социализм «к нашему я»¹⁵⁵.

В тот период мысль Герцена и Огарева неустанно работает над возможностью превращения теории социализма в философию более активного действия. В 40-х годах XIX в. Герцен и Огарев продолжали размышлять над сенсимоцизмом и фурьеризмом, хорошо знали работы Прудона, Бланки, Леру, Кабе, живо интересовались их деятельностью. Но в центре их внимания стояло учение Фурье и его последователей, подходивших, как им представлялось, прак-

тичнее, рационалистичнее к задачам перестройки буржуазного общества в социалистическое, нежели другие известные им учения. Герцен уже в начале 40-х годов XIX в. писал, что «фурьеризм, конечно, всех глубже раскрыл вопрос о социализме»¹⁵⁶. Но Герцен отмечал уже и недостаточность разработки социально-экономических основ нового строя у Фурье, подчеркивал, что, видимо, на этих началах можно было «построить более, чем фаланги и фаланстера»¹⁵⁷. К этой же мысли склонялся и Огарев, который еще в 1841 г. писал: «Мысль ли Фурье или другое что осуществится — не знаю; но знаю то, что современный человек необходимо привязан к социальному вопросу. Разумеется, свободное общество — вот задача современная, которая разрешится в будущем»¹⁵⁸.

Разработка и обоснование теоретически «великой формулы», которая, будучи воспринята народными массами, «сыграет решающую роль», привлекала все большее внимание Герцена и Огарева в 40-х годах XIX в. Поэтому все современные учения ими воспринимались только как «*membra disjecta*» (разъятые члены) той будущей «великой формулы», которая еще должна быть выведена в процессе развития общественной мысли. Их мечты поставить социализм на практическую почву были связаны с их поисками движущих сил истории. По-разному и весьма сложно шла разработка этих вопросов у Герцена и Огарева. Но в целом, осваивая русскую общественную мысль, учения французских социалистов-утопистов, а также немецкую философию, они подходили к мысли признания народных масс активными участниками революционных преобразований. Все это позволило В. И. Ленину характеризовать Герцена, покинувшего в 1847 г. Россию, как демократа, революционера, социалиста¹⁵⁹.

* * *

В кругу знакомых Белинского по Парижу были представители нарождавшейся русской политической эмиграции. Среди русских, которые по целому ряду причин покинули родину (в том числе по религиозным мотивам, личным размолам с кем-либо из царского окружения, как, например, фрондирующие одиночки Ю. Голицына, кн. П. В. Долгоруков¹⁶⁰), в 40-х годах можно было уже наметить численно еще очень незначительное, незрелое, но все же уже формирующееся ядро русской политической эмиграции. Деятели части эмиграции покинули Россию по политическим мотивам, и за границей примкнули к оппозиционному, а некоторые и к ре-

¹⁵² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 452 (письмо к Боткину, декабрь 1847 г.).

¹⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

¹⁵⁴ См. Е. Л. Рудницкая. Огарев в русском революционном движении, стр. 47—85.

¹⁵⁵ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 306 (письмо Огарева к Герцену, февраль — март 1840 г.).

¹⁵⁶ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. II, стр. 266—267.

¹⁵⁷ Там же, стр. 267.

¹⁵⁸ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 321.

¹⁵⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

¹⁶⁰ Подробнее см.: М. Cadot. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. Paris, 1967, p. 51—80.

волюционному движению. Конечно, следует учитывать, что и понятие «политическая эмиграция» всегда шире понятия «эмиграция революционная», поскольку в первую входят и либеральные оппозиционеры.

Начало русской политической эмиграции во Франции было положено декабристом Н. И. Тургеневым, продолжено в 30—40-х годах XIX в. Л. Л. Ходзько, В. П. Росси, Н. И. Сазоновым, И. Г. Головиным и другими выходцами из России, в основном русского и польского происхождения. Революционное течение ее было возглавлено М. А. Бакуниным и А. И. Герценом.

Вполне естественно, что в первый период формирования политической эмиграции во Франции ее деятельность, а также ее связи с передовыми французскими и другими западноевропейскими деятелями, ее контакты через представителей оппозиционно настроенных соотечественников с родиной еще только начинались и не могли дать больших результатов. Это определялось не только малочисленностью политических эмигрантов в 40-х годах XIX в., но и значительным различием их политических взглядов, их отношения к революционной борьбе народных масс вообще, что являлось отражением состояния общественного движения в России, переживавшего трудную пору исканий как в области теоретической мысли, так и практической борьбы.

Несмотря на эти черты слабости русской политической эмиграции во Франции в начальный период ее оформления, тем не менее ее значение для того периода, а также для дальнейшего формирования сил политической и революционной эмиграции должно быть отмечено. Всегда, чем глубже корни тех или иных исторических процессов и явлений, тем они, естественно, тоньше, слабее, менее заметны. Но этим никогда не умаляется их историческая значимость, так как именно они служат истоками дальнейшего формирования этих процессов, питают их развитие. Это относится и к рассматриваемому здесь вопросу — о корнях и истоках русской политической и революционной эмиграции во Франции.

Несмотря на возникшие серьезные разногласия между Герценом и «молодой эмиграцией» 60—70-х годов XIX в., последняя явилась достойной преемницей и наследницей герценовских традиций. Возросшее значение русской революционной эмиграции в рязночинский период освободительной борьбы в России особенно упрочилось во время пролетарского этапа освободительной борьбы, когда она приобрела большое значение не только как идейный организатор, но и как руководитель практической повседневной деятельности русских и других европейских революционных сил.

Трагична была судьба этих лучших людей России, которые вынуждены были целые десятилетия жить в изгнании. Но, несмотря на тяжесть разлуки с родиной, политические эмигранты не упускали ни малейшей возможности участвовать в революционном движении, с развитием и усилением которого они связывали также возможность нанесения нового удара по реакционным силам ца-

ризма в России. Они поддерживали тесные контакты с передовыми европейскими деятелями, с политическими эмигрантами из других стран, что укрепляло их дух и силы.

Представители политической эмиграции 30—40-х годов XIX в., наряду с другими прогрессивно настроенными их соотечественниками, пробывшими некоторое время во Франции, дали не только интереснейшие оценки июльской монархии и анализ общественного движения, но и стали активными участниками этого движения.

Первый представитель русской политической эмиграции в Западной Европе Н. И. Тургенев уже с начала Июльской революции 1830 г. стремился попасть в Париж, стать ближе к революционным событиям. Он надеялся, что при новом правительстве ему будет разрешен въезд во Францию, но в то же время Тургенев предвидел и большие сложности, с которыми столкнется в Париже. «При нынешних порядках вещей во Франции, — писал он брату, — более шансов, что русское правительство будет меня беспокоить... Это очевидно»¹⁶¹. Все же, несмотря на это, Н. И. Тургенев добился разрешения на въезд из Англии во Францию и с осени 1831 г. переселился в Париж. Здесь он смог глубже понять и проанализировать как происшедшие уже революционные события, так и те, очевидцем которых он стал в последующие сорок лет. Во Франции им были установлены контакты с рядом передовых западноевропейских и русских деятелей. Его приезд в Париж был встречен Николаем I враждебно. В связи с этим министр иностранных дел К. В. Несельроде даже вызвал к себе в ноябре 1831 г. А. И. Тургенева, находившегося тогда в России, и с пристрастием допрашивал его о причинах, побудивших его брата поселиться в Париже¹⁶². А. И. Тургенев не раз особо подчеркивал, что его брат вел в Париже якобы очень замкнутый образ жизни и политикой не интересовался.

В действительности, это было далеко не так. Н. И. Тургенев хорошо знал Лафайета, который в 1829 г. написал для него рекомендательное письмо в Нью-Йорк, куда Н. И. Тургенев собирался ехать. Кроме того, он продолжал поддерживать связь с испанским революционером Хуаном Ван Галеном, тогда одним из крупных деятелей бельгийской революции; поддерживал контакты с Буонарроти, который и во Франции не порывал связей с итальянским национально-освободительным движением, был сторонником утопического коммунизма Г. Бабёфа. Знал Тургенев и других оппозиционно настроенных по отношению к Луи Филиппу деятелей французского общественного движения. Он был знаком также с некоторыми русскими — участниками освободительного движения в России, пристально следил за всеми новостями, которые узнавал главным образом из писем своих русских корреспондентов, а также из рассказов соотечественников, побывавших в те годы в Париже:

¹⁶¹ ИРЛИ, ф. 309, д. 232, лл. 167, 169 об.

¹⁶² Там же, д. 4717, л. 30.

С. Д. Полторацкого, В. П. Боткина, П. В. Анненкова, Н. А. Мельгунова, Н. В. Ханыкова и др.¹⁶³ Через А. И. Тургенева Николай Иванович поддерживал связи с опальным П. Я. Чаадаевым¹⁶⁴, читал еще до опубликования в «Телескопе» в рукописи его «Философическое письмо». В начале 1844 г. при помощи Е. А. Свербеевой он получил из России копию неопубликованной статьи Герцена о Грановском, которую распространял среди русских в Париже. В доме Н. И. Тургенева обсуждались многие политические проблемы Л. Л. Ходзько, М. А. Бакуниным, Н. И. Сазоновым, ставшими тогда также политическими эмигрантами.

Оживленные споры с Бакуниным, Сазоновым, Анненковым и другими велись в доме Тургенева в связи с опубликованием в Париже книги А. Кюстина «Россия в 1839 г.». Как к личности к Кюстину Тургенев относился глубоко отрицательно, подчеркивал, что он вызывает «омерзение». К книге же Кюстина Тургенев отнесся двояко: отметил важность критики самодержавно-крепостнических порядков («книга носит на себе отпечаток истины в главном характере того, что он описывал») и порицал, так же как и позднее Герцен, его глубоко безразличное отношение к жизни русского народа. Оценки Тургеневым книги Кюстина, безусловно становившиеся известными среди его французских друзей, помогали формированию их более объективного отношения к России, ее насущным нуждам и задачам, служили делу развития интереса к русскому народу.

Критическое отношение Н. И. Тургенева к самодержавно-крепостническому строю России нашло выражение в книге «Россия и русские», над которой он работал в эмиграции и которая впервые была опубликована во Франции в 1847 г. «Излишне, я полагаю, объяснять мотивы, заставившие меня написать эту работу не на родном языке... — отмечал Тургенев в предисловии к книге. — Мое положение и характер работы в достаточной мере [это] объясняют...»¹⁶⁵ Но здесь же он подчеркивал: «...Моя работа рассчитана преимущественно на русских читателей»¹⁶⁶. Сразу же после ее издания появились одобрительные отзывы во французской прессе. Это дошло до III Отделения¹⁶⁷, было доложено Николаю I, который запретил цензуре пропускать в Россию книгу Тургенева. И тем не менее по инициативе автора 50 экземпляров

его работы удалось нелегально переправить в Россию, вклеив заглавный лист и несколько первых страниц из книги Сегюра по всеобщей истории. Цензоры не стали вчитываться в текст, книга дошла до Москвы и Петербурга и была там открыто распродана в книжных лавках¹⁶⁸.

Пребывание во Франции в годы июльской монархии помогло Тургеневу хорошо узнать жизнь этой страны, тот строй, который еще недавно представлялся ему идеальным по сравнению с феодально-крепостническим строем в России.

Отмечая с удовлетворением сдвиги в промышленном развитии Франции, Тургенев в то же время осуждал и критиковал те хищнические методы, при помощи которых шло это развитие. Наблюдения, сделанные им по поводу внутриполитических мероприятий Луи Филиппа, подводили его даже к мыслям об антинародной сущности строя июльской монархии. Так, анализируя причины введения в государстве новых податей, падающих на народ, он неоднократно подчеркивал, что на всем протяжении царствования Луи Филиппа крупнейшая буржуазия «под предлогом общего блага», «на самом деле» проводила все реформы только «для выгод некоторых индивидуумов» и что ухудшение положения трудящихся масс Франции в результате перепроизводства, систематических кризисов и безработицы — это уже «признаки зла, неизлечимого при теперешней системе торговли и промышленности»¹⁶⁹.

В то время Н. И. Тургенев проявлял интерес к учениям Сен-Симона и его последователей, а также христианских социалистов школы Ламенне. Называя талант Ламенне «великолепным» (в чем его оценка совпадала с оценкой Ламенне Ф. Энгельсом, который называл его одним из «лучших умов Франции»¹⁷⁰), Н. И. Тургенев соглашался, однако, далеко не со всеми положениями его теории. Наряду с критикой религиозной стороны сенсимонизма (по мнению Тургенева, работа Ф. Ламенне «Слова верующего» представляла «смесь слова Апокалипсиса с доктринами сенсимонистов»), он считал слабыми, ненаучными основы всех вообще учений социалистов-утопистов. Как теория Ламенне, который, по оценке Тургенева, «ничего не знает об истинных началах гражданского и общественного порядка»¹⁷¹, так и другие учения были еще «недостаточно основаны на законах политэкономии»¹⁷². А поэтому и сам социальный идеал утопистов казался Тургеневу несовершенным и даже противоречивым. «Достаточно глубже изучить основные принципы образования и распре-

¹⁶³ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. III. СПб., 1899, стр. 343—346; «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 584 и др.; «Герцен в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 254; М. В. Тарасова. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е годы XIX в. — «Ученые записки Марийского пед. ин-та. Кафедра истории», т. XXVIII. Йошкар-Ола, 1966, стр. 85—88, и др. работы.

¹⁶⁴ См. письма Чаадаева к Н. И. Тургеневу в Париж (П. Я. Чаадаев. Социализм и письма, т. I. М., 1913.)

¹⁶⁵ Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I. М., 1915, стр. XII.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., Отчет III Отделения... за 1847 г., л. 115.

¹⁶⁸ «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1892 г.». СПб., 1895, стр. 171.

¹⁶⁹ В. М. Тарасова. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е годы XIX в., стр. 78.

¹⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 533.

¹⁷¹ В. М. Тарасова. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е годы XIX в., стр. 126.

¹⁷² Там же, стр. 129.

деления богатств,— писал он,— чтобы усмотреть ничтожество всех этих утопий, которые проповедуют и исповедуют ныне в так называемых социальных вопросах,— организации труда и т. д.»¹⁷³

Но, наряду с критикой слабых сторон утопического социализма, Н. И. Тургенев не мог не отметить, что новые учения есть результат известного поражения буржуазных идей как передовых идей века. «Во всем политическим вопросам,— писал он в письме к брату,— примешиваются теперь вопросы социальные... Это есть желание добра человечеству»¹⁷⁴.

Признавая развитие социальных противоречий при июльской монархии во Франции, Тургенев серьезно относился к новому классу буржуазного общества — пролетариату. Не поняв достаточно глубоко исторической роли пролетариата, он вместе с тем пристально изучал эту новую силу, анализировал первые самостоятельные выступления пролетариата против буржуазии. Подчеркивая упорство сопротивления восставших лионских ткачей в 1831 и 1834 гг., он отмечал, что правительство одержало только временную победу, что спокойствие в Лионе установлено, но «покуда не правительством, а комитетами работников». Но в то же время, видя зрелую силу рабочего класса, нежелание низов Франции жить по-старому, Тургенев не высказывался в поддержку революционной борьбы народных масс, переустройства строя июльской монархии революционным путем. Ограниченность воззрений дворянского революционера, который в результате специфически сложившихся для него условий в дальнейшем все больше склонялся к либеральным иллюзиям вообще, способствовала тому, что Тургенев надеялся на разрешение социальных противоречий и во Франции силами в основном правительства. Тургенев постоянно критиковал вызывавшую его негодование антинародную политику Луи Филиппа и в то же время ему же рекомендовал проводить политику, «популярную» в народе, исправлять, улучшать положение трудящихся масс Франции. Эти ограниченные выводы Тургенева расходились с теми более смелыми наблюдениями, которыми были наполнены его письма к брату А. И. Тургеневу, к друзьям в Россию и которые нашли отражение в его дневнике.

В письмах Н. И. Тургенев резко обличал продажность французских буржуазных либеральных деятелей периода Реставрации, которые при Луи Филиппе все больше отходили от своих прежних идей, убеждений и поддерживали июльскую монархию. Он особенно осуждал Б. Константа, Лаффита, которые за поддержку во время Июльской революции Луи Филиппа в 1830 г. «получили от него 200 или 300 тыс.»¹⁷⁵. В противовес им он отмечал прогрессивность деятельности буржуазных демократов и даже по-

следователей социалистических воззрений, хотя их взгляды он и не вполне разделял.

Изучая растущее революционное движение во Франции, Н. И. Тургенев с вниманием следил и за развитием революционного движения во всей Европе, отмечал общие черты: «Часто замечаю сходство происшествий революционных в Англии и Франции, особенно после последней парижской революции»¹⁷⁶.

В 30—40-х годах XIX в. Тургенев установил связи с польскими революционными деятелями, жившими в Париже, и всячески стремился помочь им. Так, в 40-х годах он пожертвовал большую сумму денег национальной польской школе в Париже, за что получил благодарность от членов Польского национального комитета. Тогда же, по дошедшим до III Отделения сведениям, у Тургенева часто собиралась группа русских и польских эмигрантов, французских оппозиционеров («большое число вооруженных людей со всех стран»), которые разрабатывали план революционного наступления на царизм и пытались привлечь к этому делу Н. И. Тургенева, используя его прежний опыт участия в революционном движении в России. Тургенев должен был «выработать вид конституции или коренной закон для России и также различные законодательства для Польши»¹⁷⁷.

Судя по фамилиям, приведенным в донесениях из Парижа в III Отделение, в эту группу входили некоторые участники революционного движения начала 30-х годов в Польше, Франции, Италии, Австрии. Среди них были названы поляки М. Мициельский, Замоиский, Рябинский и другие, которые пытались тогда организовать новое вооруженное выступление против царизма без участия широких народных масс. Возможно, что такие методы борьбы в какой-то мере еще импонировали Н. И. Тургеневу.

Известную положительную роль связующего элемента между демократической русской группой и французским общественным мнением в 40—50-х годах XIX в. сыграли также И. Г. Головин и Н. И. Сазонов. Существующие мнения современников об этих людях очень различны и противоречивы. Так, даже Герцен, давший сначала весьма хвалебные отзывы об их деятельности во Франции в 40-х годах, позднее их деятельность того же периода подверг значительной критике. Конечно, это определялось прежде всего неустойчивостью политических позиций как Головина, так и Сазонова, но в период 30—40-х годов это было еще довольно распространенным явлением среди прогрессивной русской интеллигенции. Представляется, что здесь можно согласиться с мнением французского исследователя М. Кадо, который считает, что, во-первых, на изменившиеся оценки Герцена могли повлиять и некоторые другие факторы, в том числе и размолвки личного плана (а это действительно имело место в конце 40-х — начале

¹⁷³ Н. И. Тургенев, Россия и русские, т. I, стр. 358—359.

¹⁷⁴ В. И. Семецкий. Н. И. Тургенев — «Энциклопедический словарь Брокгауза», т. 67, стр. 111.

¹⁷⁵ ИРЛИ, ф. 309, д. 4714, л. 38.

¹⁷⁶ Там же, д. 232, л. 185.

¹⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 4, д. 185, л. 6.

50-х годов)¹⁷⁸; во-вторых, собранный к настоящему времени материал об этих деятелях позволяет судить о том, что они все же служили во Франции «делу демократии». «Эти двое были сурово обрисованы Герценом в его воспоминаниях,— пишет М. Кадо,— их фигуры, однако, заслуживают того, чтобы не быть преданными забвению, потому что, несмотря на серьезные заблуждения и личные недостатки, эти двое пытались по-своему не быть теми «homme de trop», которых в России того времени было так много»¹⁷⁹. Немало таких русских проживало тогда и во Франции.

Сазонов и Головин отличались прежде всего стремлением к активной деятельности, которая была направлена на пользу своей родине, против царизма. Одной из задач, поставленных ими перед собой, было использование французской прогрессивной печати для распространения во Франции антисамодержавных и антикрепостнических идей, для развенчания мифа о крепости и извечности самодержавных порядков в России. Уже первая работа Головина «Дух политической экономии», над которой он работал в начале 40-х годов, сразу же после приезда в Париж, вызвала тревогу в русских правительственных кругах. «Шпион века» Я. Толстой, донося в 1843 г. об этой работе А. Х. Бенкендорфу в Петербург, подчеркивал, что в ней показаны произвол правителей, их стремление к удовлетворению собственных прихотей, а не нужд подданных. В этом же году Головин был вызван в Россию, но приехать отказался. В 1845 г. «Journal des Débats» сообщил о подготовке Головиным новой работы «Россия при Николае I»¹⁸⁰, на которую вскоре появились и первые положительные отзывы во французской прессе¹⁸¹. Царь был раздражен выходом этой книги. По мнению графини Нессельроде, в ней было обнажено «все придворное окружение», раскрыты многие злоупотребления¹⁸². Конечно, эта книга Головина по глубине и силе обличения, а главное, по своим выводам во многом отличалась от зарубежных, бесцензурных работ Бакунина или Герцена. Но в то время каждая новая критика николаевского режима с прогрессивных позиций была важна как для русского, так и для европейского освободительного движения.

В Отчете III Отделения с. е. и. в. канцелярии за 1847 г. Головину уже вменялась в вину не только критика порядков и государственных лиц в России, но даже и «некоторых лиц Франции», что, по мнению шефа жандармов гр. А. Ф. Орлова, «послужит,

без сомнения, если не к совершенному его изгнанию оттуда, то по крайней мере к строгому за ним наблюдению»¹⁸³. Действительно, только начало революции 1848 г. во Франции помогло Головину избежать репрессий со стороны французских властей. По оценке Герцена, данной в 1851 г. в работе «О развитии революционных идей в России», «литературные труды Ивана Головина были равно оценены во Франции, Германии и Англии. Со времени опубликования «La Russie sous Nicolas I-er» в 1845 г. и до «Mémoires d'un prêtre russe» в 1849 году, автор не прекращал войны с петербургским деспотизмом»¹⁸⁴.

Помимо самостоятельной литературной деятельности, Головин в 40-х годах пытался участвовать в работе прогрессивной немецкой и французской журналистики. Через Георга Гервега, приехавшего в Париж в 1843 г., Головин тогда же познакомился с группой немецких демократов, возглавляемых К. Марксом. Видимо, под влиянием боевых настроений этой группы, а возможно, и стремлений Бакунина и возникла идея создания в Париже в 1844 г. бесцензурного европейского демократического журнала¹⁸⁵, который бы уделял значительное внимание России. Головин и поэт Гервег — немецкий деятель демократического направления — были названы в числе возможных редакторов. Связавшись со своим прежним соучеником Золотаревым, Головин хотел сделать его одним из постоянных русских корреспондентов. Однако об этом стало известно в российском посольстве в Париже, Золотарев был выслан из Франции и в дальнейшем перестал поддерживать связи с Головиным. Из-за отсутствия материальных средств попытка создать журнал потерпела неудачу. В начале 40-х годов сближается в Париже с французскими, польскими и немецкими деятелями революционного направления Н. И. Сазонов, бывший участник студенческого кружка Герцена и Огарева. Оппозиционно настроенный по отношению к николаевскому самодержавно-крепостническому режиму, Сазонов, особенно после ареста некоторых членов кружка в 1834 г., настойчиво стремился уехать за границу, надеясь там полнее познать политическую жизнь Европы. В конце 30-х годов, видимо незадолго до поездки во Францию Сатина и Огарева, он оставил Россию. Зная Сазонова современники отмечали его большую энергию, эрудицию в теоретических вопросах, подчеркивали (как, например, П. Я. Чаадаев), что он вообще «человек необыкновенного ума»¹⁸⁶. Но при всех этих качествах Сазонов, однако, не был последовательным сторонником социалисти-

¹⁷⁸ См. *Victor Fleury*. Le poète Georges Herwegh (1817—1875). Paris, 1911, p. 132—136.

¹⁷⁹ *M. Cadot*. La Russie dans la vie intellectuelle française 1839—1856, p. 28. Homme de trop (франц.) — лишний человек.

¹⁸⁰ «Journal des Débats», 27 août 1845.

¹⁸¹ «Revue Indépendante», 10 décembre 1845; «Journal des Débats», 25 décembre 1847.

¹⁸² *Ch. Nesselrode*. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, t. VIII. Paris, [1910], p. 279—280 (письмо от 11/23 июня 1845 г. графини Нессельроде из Парижа сыну Дмитрию в Петербург).

¹⁸³ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., Отчет III Отделения... за 1847 г., л. 116—116 об.

¹⁸⁴ *А. И. Герцен*. Собр. соч. в 30 томах, т. VII, стр. 405—406.

¹⁸⁵ Подробнее см.: *J. Golowin*. Der russische Nihilismus, meine Beziehungen zu Herzen und zu Bakunin... Leipzig, 1880, S. 49—51.

¹⁸⁶ *П. Я. Чаадаев*. Сочинения и письма, т. I, стр. 240 (письмо Чаадаева к А. И. Тургеневу в Париж, 1841 г.).

ческих воззрений, которые одно время его весьма увлекали, что и способствовало его сближению в Париже более всего с кругами французских буржуазных демократов, увлеченных политической борьбой за преобразование отдельных сторон буржуазного строя. Поэтому даже в период своего знакомства с К. Марксом (которое могло произойти с помощью Гервега в Париже в 1844 г.) он духовно был ближе всего не к этой группе немецких демократов, а к кругам, связанным с газетой «La Réforme», основанной Луи Бланом, которая сделалась органом левого крыла буржуазных республиканцев, одним из известных представителей которых был Ледрю-Роллен¹⁸⁷.

Знал Сазонов и разделявшего республиканские воззрения француза Ж.-Г. Рора, который собирался в конце 1839 г. ехать в Россию и поэтому был очень заинтересован в достоверной информации о стране. Сазонов ознакомил Рора с русским языком и даже рекомендовал на место губернатора в одну московскую семью. По словам Рора, «один русский — S., бывший в это время в Париже», весьма одобрял также его намерение «пропагандировать республиканизм в самом центре России»¹⁸⁸. Впоследствии Рор издал несколько работ о России, в которых отразился его интерес к общественной, культурной и научной жизни страны и в которых были даны первые, хотя и весьма неглубокие, оценки этой стороны русской действительности¹⁸⁹.

Те взгляды, с которыми Сазонов уже приехал во Францию, а также настроения его французского окружения способствовали развитию его оппозиционного отношения к июльской монархии. Надеясь на изменение существующих при Луи Филиппе порядков путем нового революционного взрыва, Сазонов в то же время не задумывался над необходимостью подготовки этой новой революции, над определением ее социальных задач. Не придавая большого значения вообще роли теории в революционной борьбе, Сазонов, как, впрочем, и Бакунин, не понял значения и той внутренней, подспудной работы, которую вели в России передовые русские люди и о которой с такой страстью рассказывал в Париже Белинский.

С 1844 г. в Париже как политический эмигрант жил М. А. Бакунин, который, наряду с приехавшим в 1847 г. Герценом, приложил много сил, чтобы познакомить европейскую демократию, главным образом французскую, с жизнью русского народа, с революционным движением в России. Уже в 40-х годах (еще до революции 1848 г.) Бакунин стал известен в кругах европейских

революционных деятелей как убежденный революционер и как большой патриот своей родины, который с развитием общеевропейского освободительного движения неизменно связывал возможность подрыва в России самодержавно-крепостнического строя.

Живя в Париже, Бакунин бывал в клубах и на собраниях французских социалистов, немецких демократических эмигрантов, где проходили дискуссии о философии Гегеля, о младогегельянцах, о коммунизме, а также обсуждались задачи политической борьбы против монархии Луи Филиппа. В 1844 г. на одном из таких собраний могли произойти встреча и знакомство Бакунина с Марксом. Из письма А. Руге, например, известно, что на заседании 23 марта 1844 г. присутствовали французы: Л. Блан, Ф. Пиа, П. Леру, Ж. Санд; немцы: К. Маркс, А. Руге, К. Бернштейн и др.; русские: М. Бакунин, В. Боткин, Г. Толстой¹⁹⁰. В то время бывал на собраниях и Н. Спешнев. В доме Н. И. Тургенева, которого Бакунин посещал довольно часто, он познакомился также с польскими политическими эмигрантами, в том числе с А. Бернацким, а также с итальянскими политическими деятелями: генералом Пепе и Мамиани. О встрече Бакунина с Джузеппе Гарибальди в 1844 г. вспоминала А. Я. Панаева¹⁹¹. В квартире Бакунина часто появлялся Прудон, споры с которым на философские темы Бакунин вел часто по нескольку часов подряд.

Изучение русским революционером Бакуниным социальной жизни Западной Европы, постоянные раздумья над перспективами ее развития и, главным образом, мысли о судьбе своей родины, поиски путей освобождения России способствовали пробуждению его внимания к новым социальным европейским теориям. В 40-х годах Бакунин читал работы социалистов-утопистов, был лично знаком также с В. Консидераном, П. Леру, Ф. Ламенне, Л. Бланом, В. Вейтлингом. Однако, как отмечал сам Бакунин, он не стал последователем ни одного из этих идеологов, хотя следы влияния идей некоторых из них нашли отражение в его революционных взглядах. Видимо, одна из причин этого заключалась в том, что в европейских утопических теориях не учитывались внутренние условия России, а следовательно, по мнению Бакунина, они не открывали для нее перспектив освобождения. Для Бакунина же поиски путей освобождения своей родины были главной задачей. Именно с положением России он связывал и возможность возникновения общеевропейского революционного подъема, который только и мог бы, по его представлению, привести к началу активной борьбы за новое социальное устройство.

Начав систематическое изучение новых социальных теорий с книги Лор. фон Штейна «Социализм и коммунизм нынешней Франции», Бакунин уже в 1843 г. дал обстоятельный разбор уче-

¹⁸⁷ Д. Рязанов. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. М., 1919, стр. 13.

¹⁸⁸ М. Cadot. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856, p. 146. (по мнению Кадо, который приводит биографические сведения о Роре, этим русским был Сазонов.— О. Ор.).

¹⁸⁹ J.-G. Rohr. Un missionnaire républicain en Russie, vol. I. Paris, 1852, p. 90—97; vol. II, p. 117—119 и др.

¹⁹⁰ А. К. Воробьева. К. Маркс и Ф. Энгельс о революционном движении и революционерах России.— «Вопросы истории», 1968, № 4, стр. 46.

¹⁹¹ А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1956, стр. 126.

ния В. Вейтлинга, одного из идеологов утопического коммунизма. Бакунина привлекли некоторые идеи Вейтлинга, особенно резкая критика современной буржуазной действительности, проповедь революции в виде стихийного бунта, «вера в освобождение и будущность поработанного большинства»¹⁹², а также отдельные стороны грандиозного плана создания нового мира. Но в целом коммунистическое учение Вейтлинга, как и теории французских социалистов-утопистов, осталось Бакунину чуждым. Его отношение к этому учению, с достаточной полнотой изложенному в работе Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы», нашло отражение в статье «Коммунизм», появившейся летом 1843 г. в газете «Швейцарский республиканец». В ней Бакунин подчеркивал, что коммунистические идеи имеют большое значение для будущего развития Западной Европы, так как они исходят «из практического инстинкта, из народного инстинкта» Запада. Но в то же время он отмечал, что не разделяет этих идей («Мы лично не коммунисты»), так как они не связаны со спецификой развития России, а потому и не помогут ей в поисках путей освобождения. Эта статья Бакунина свидетельствовала об укреплении его революционных позиций, но в то же время она отражала и еще значительную неразвитость его собственного революционного мировоззрения.

Большую оформленность идейные воззрения Бакунина получили во второй половине 40-х годов XIX в., когда он начал формулировать свою программу борьбы за освобождение¹⁹³. Тогда же более явственно проявилось его критическое отношение к необходимости теоретического обоснования утверждения нового строя, а также к трактовке Сен-Симоном, Фурье, Кабе роли государства в нем; усилился интерес к идеям Прудона¹⁹⁴.

Используя довольно обширный круг своих знакомых в Париже, в основном французских, польских и немецких демократов, Бакунин пытался в печати и на публичных собраниях высказывать свои взгляды, свое отрицательное отношение как к строю июльской монархии, так и к самодержавно-крепостническим порядкам в России, доказывать необходимость сплочения всех революционных европейских сил для борьбы с международной реакцией, и прежде всего с режимом Николая I.

Смелым антисамодержавным заявлением Бакунина во французской печати стало его письмо, опубликованное с помощью Луи Блана и Ледрю-Роллена 27 января 1845 г. в «La Réforme». Поводом к его написанию послужил царский указ о лишении дворянства и объявлении государственными преступниками Головина и Бакунина в связи с их отказом возвратиться в Россию. «La Réforme» напечатала к письму Бакунина свое введение, где под-

черкивала большую значимость публичного выступления русского против самодержавно-крепостнических порядков Николая I, отмечала также ценность приводимых автором «подробностей относительно настоящего положения России и возможного будущего, которые способны заинтересовать французских читателей»¹⁹⁵. Бакунин писал, что в России нет никаких других законов, «кроме неограниченной воли и власти императора», но что эта власть не вечна, о чем свидетельствует развитие крестьянского антифеодального движения.

«Свободная речь русского», по словам Герцена, была очень важна для освободительного движения России, так как каждый новый удар по царизму служил на пользу революционному делу. Понимая необходимость участия русских в бесцензурной печати, Бакунин уже в 40-х годах задумывался над возможностью создания в Париже центра революционной пропаганды, для участия в котором надеялся привлечь В. Г. Белинского¹⁹⁶.

Революционные настроения Бакунина, его «совершенно новые и чрезвычайно смелые взгляды на положение России»¹⁹⁷, по мнению прогрессивной французской печати, отчетливо проявились также в его речи, произнесенной 29 ноября 1847 г. на собрании представителей европейских революционных сил в честь польского восстания 1830—1831 гг. В присутствии полутора тысяч человек Бакунин призывал к революционной борьбе, проповедовал интернациональные идеи, выдвинутые еще декабристами, говорил о необходимости сближения русских и польских революционеров для борьбы с самодержавием. Речь Бакунина вызвала огромную овацию всех присутствовавших на собрании. Она была напечатана в «La Réforme», став таким образом достоянием широкого круга европейских читателей. ¶

В обостренной внутрисполитической обстановке французское правительство, и ранее подозревавшее Бакунина в связях с революционными французскими, немецкими и польскими деятелями¹⁹⁸, издало предписание о его немедленной высылке из страны¹⁹⁹. Однако этот факт не прошел незамеченным во Франции. Передовая французская интеллигенция, высоко оценившая смелость Бакунина, его непримиримость к угнетателям народов, резко выступила против своего правительства. Как писала та же «La Réforme», «воистину никогда изгнанник не произносил на чужбине более возвышенных и более благородных слов, чем этот призыв к Польше и России в святом общении равенства и братства. Так вот, г. Гизо осудил это выступление как преступление... Франция превращена

¹⁹⁵ «La Réforme», 27 janvier 1845.

¹⁹⁶ «Русские писатели и артисты». СПб., 1890, стр. 138—139.

¹⁹⁷ «La Réforme», 14 décembre 1847.

¹⁹⁸ См. донесение парижского префекта полиции министру внутренних дел Франции от 6 февраля 1847 г. (М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III. М., 1935, стр. 486).

¹⁹⁹ Там же, стр. 487.

¹⁹² «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I. М.—Пгр., 1923, стр. 109.

¹⁹³ Н. Пирумова. Бакунин. М., 1970, стр. 76—78, 86—87.

¹⁹⁴ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I.

в наблюдательную каторгу для эмигрантов, для того, чтобы осуждать их на высылку по первому приказу какого-нибудь Меттерниха или Николая!»²⁰⁰. Речи в защиту Бакунина произносились также на банкетах, организованных в Париже и Руане оппозиционными по отношению к правительству Франции силами. Так деятельность русского политического эмигранта, выступавшего против угнетения всех европейских народов, нашла отклик и поддержку в среде передовой французской интеллигенции, способствовала проявлению нового интереса и внимания к представителям освободительного движения в России.

Дальнейшее, более глубокое и систематическое знакомство передовой французской общественности с русской революционной мыслью, революционным движением связано с пребыванием и деятельностью во Франции А. И. Герцена. Его пребывание в этой стране, знакомство с общественно-политической борьбой против строя июльской монархии также оказало свое немалое воздействие на укрепление его позиций революционера и демократа. Приезд в Париж Герцена оживил общение группы русских и польских эмигрантов со своими соотечественниками, временно находившимися во Франции. Герцен бывал тогда в доме Н. И. Тургенева, куда приходили Сазонов, Бакунин, Галахов, Анненков, Ходзько и Бернацкий. Многие из названных здесь русских собирались осенью 1847 г. на квартире у Белинского, где продолжались жаркие споры, связанные с русским и западноевропейским освободительным движением.

Герцен сразу же подметил недостаточное знание Н. И. Тургеневым, Сазоновым, Бакуниным современных условий российской действительности. Так, если Тургенев в целом все больше склонялся к преобразованию крепостничества реформистским путем, так как не видел в России реальных сил для революционной борьбы вообще, то Сазонов и Бакунин, наоборот, считали народные массы России уже почти готовыми к революции, начало которой они связывали с первыми же новыми революционными взрывами на Западе. Герцен критиковал и те и другие позиции, отмечая, что их сторонники «слишком разобшились с русской жизнью»²⁰¹. В этом он видел одну из причин того, что они не оценили значения деятельности Белинского, идейной борьбы западников со славянофилами и, наконец, сторонников революционно-демократических воззрений с либеральными западниками, т. е. не поняли значения той необходимой подготовительной работы, которая могла явиться основой для пропаганды в дальнейшем революционных идей среди народных масс для подготовки их к сознательному участию в революционной борьбе.

Приехав из России, в которой все больше ощущался кризис крепостнического строя, Герцен сумел во Франции острее, нежели

некоторые его соотечественники, подметить кризисное состояние строя июльской монархии. Об этом он, хотя и в весьма осторожной форме, писал на родину в 1847 г. в «Письмах из Avenue Maigny», которые были предназначены для публикации в «Современнике», т. е. должны были проходить цензуру. «Будущности для буржуазии, повторяю, нет. Она теперь уже чувствует в своей груди начало и тоску смертельной болезни, которая непременно сведет ее в могилу...»²⁰² — писал он из Парижа 15 сентября 1847 г. (время его общения с Белинским, споров с Бакуниным и Сазоновым). Позднее, редактируя текст для зарубежного издания, Герцен сформулировал свою мысль более определенно. «Борьба началась, — подчеркивал он, — кто победит, не трудно предсказать: рано или поздно, *per fas et nefas* победит новое начало. Таков путь истории»²⁰³. С победой «нового начала» он связывал победу нового общественного устройства над буржуазным строем, к пониманию неизбежности гибели которого он пришел еще в России. С этих позиций он выносил тогда свои суждения о буржуазной монархии Луи Филиппа, а также о перспективах развития Франции, которые он все больше связывал с новой революцией, от которой ждал коренного переустройства существовавших буржуазных порядков в стране.

* * *

Исследование социально-экономических и идейно-политических процессов, происходивших во Франции в 30—40-х годах XIX в., явилось тем важным фактором, который помогал деятелям освободительного движения в России анализировать состояние современной российской действительности, перспектив ее дальнейшего развития. Пример Франции, буржуазный строй которой в период июльской монархии не только упрочился, но и обнажил социальные противоречия, породил уже первое значительное разочарование, заставил некоторые передовые умы России не только размышлять над путями усовершенствования буржуазного строя как строя, который мог утвердиться и в России, но и обратиться к поискам нового общественного устройства.

Идеи утопического социализма проникли в русскую общественную мысль, привлекли внимание части прогрессивно настроенной русской общественности не только из дворянской, но и из разночинской среды. Но выводы в связи с анализом теорий социалистов-утопистов, к которым приходили представители различных идейных течений в русском общественном движении, раскрыли, насколько сложным и противоречивым было их отношение к новым

²⁰⁰ «La Réforme», 18 décembre 1847.

²⁰¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. X, стр. 323.

²⁰² «Современник», 1847, кн. 2, стр. 131; А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. V, стр. 239.

²⁰³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. V, стр. 66. *Per fas et nefas* (франц.). — правдами и неправдами.

социальным идеям. Если части прогрессивно настроенной интеллигенции imponировали в основном только отдельные положения нового учения, в которых они находили лишь подкрепление своим либеральным взглядам, то радикально настроенных представителей интеллигенции России привлекли прежде всего антибуржуазность концепций великих утопистов в целом, их идея закономерности наступления нового общественного строя. Зарождение социалистической мысли в России свидетельствовало о новом характере направления развития революционной мысли, указывало на углубление идейных разногласий в общественном движении.

Дальнейшее развитие идейной борьбы, оформление отношения к социализму представителей разных идейных настроений и развитие социалистической мысли в России связаны с событиями революции 1848 г.

Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

В цепи знаменательных европейских революционных событий 1848 г. важное значение имела буржуазно-демократическая революция во Франции. На почве обострения социальных и классовых противоречий во Франции 40-х годов XIX в., наряду с подъемом революционных настроений среди пролетариата, росла оппозиционность мелкобуржуазных слоев и средней буржуазии, которые были недовольны исключительным господством в стране только верхушки буржуазии, точнее, финансовой аристократии. Отражая оппозиционные настроения этой части буржуазии, один из идеологов французских либералов 40-х годов — Одилон Барро накануне революции все настойчивее требовал проведения «реформы во избежание революции», а Ледрю-Роллен, видный деятель левого крыла буржуазных республиканцев, выступал даже за более радикальное изменение существовавших порядков. Но только включение широких народных масс в активную политическую борьбу привело к новому, революционному взрыву.

Новая французская революция оказала большое влияние на подъем освободительной борьбы на всем Европейском континенте. Франция шла впереди других по своему историческому и классовому опыту. Февральская революция 1848 г. свергла во Франции строй конституционной монархии, за который еще только боролись во многих странах Европы, она привела к созданию буржуазно-демократической республики, на характер деятельности которой сумели оказать значительное влияние трудящиеся массы. Борьба, победы, поражения пролетариата в этой революции, т. е. его революционный опыт, стали источником опыта для рабочих всех стран.

Одной из основных специфических черт революции 1848 г. К. Маркс считал направление ее развития. Он отмечал, что, в отличие от революции конца XVIII в., развитие новой революции не шло по восходящей линии, а, напротив, «за исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел летописи революции с 1848 по 1849 г. носит заглавие: *поражение*

революции!»¹. Но, как подчеркивал Маркс, это поражение не было гибелью революции, так как «погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не *февральская победа*, а только целый ряд *поражений*»². Маркс, вскрыв особенности, новые черты французской буржуазно-демократической революции 1848 г., показал, что она должна была политически укрепить буржуазное общество во Франции, так как провозглашение республики на основе всеобщего избирательного права давало доступ к власти всем слоям буржуазии, а не только финансовой олигархии, как это было при Луи Филиппе. Но пролетариат, который добился победы февральской революции, вырвал у буржуазии ряд социальных уступок (например, «право на труд») для себя и требовал проведения дальнейших радикальных социальных мероприятий, тем самым ставя под угрозу господство всей буржуазии. Здесь и была заложена основа той непримиримой классовой борьбы, которая началась после февраля и суть которой не поняли идеологи буржуазной и мелкобуржуазной демократии, сторонники всех видов утопического социализма. Фактически политика таких мелкобуржуазных социалистов, как Л. Блан, Прудон, Консидеран, мелкобуржуазных революционеров — Барбеса, Распайля и других, показывала их неспособность выйти за рамки буржуазно-демократических требований, возглавить борьбу пролетариата за новое социальное устройство. Так, Луи Блан, считая, что после провозглашения республиканского строя наступило время «всеобщего братства», тем самым отрицал и необходимость продолжения революционных выступлений пролетариата, не поддержал его в июньском восстании. Распайль в своей газете «L'Ami du Peuple» также проповедовал мир и гармонию, не отражая социальных задач, выдвинутых пролетариатом. По его мнению, «бог и отечество, полная свобода мысли и неограниченная веротерпимость, всеобщее избирательное право» должны были стать венцом революционных достижений во Франции³. Вполне очевидно, что в своих социальных взглядах, в своих практических планах Распайль, а также Барбес, Кабе, которые выражали подобные взгляды, отстали от настроений и стремлений передовых французских рабочих. Это была эпоха, «когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не обрела»⁴.

Пришедшая к власти в результате победы февральской революции республиканская буржуазия, поняв необходимость отстаивать

свое классовое господство от пролетариата, поднялась сейчас же на активную борьбу. Под покровом «республики, обставленной социальными учреждениями», началась великая классовая борьба⁵. Но парижский пролетариат, который «не был еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе, как в своих *представлениях, в воображении...* он повсюду действовал в ее пользу, когда дело доходило до действий»⁶. Пролетариат выступал со своими требованиями, но сначала только в рамках буржуазной республики, а учреждения буржуазной республики (Учредительное собрание и др.) все более наступали на него, разогнав мирную демонстрацию 15 мая 1848 г., арестовав революционных вождей пролетариата, провоцируя его на дальнейшие неорганизованные выступления.

К. Маркс, проследив логический ход классовой политики буржуазии в отношении пролетариата от февраля к июню, показал, что в июне шла борьба уже «за сохранение или уничтожение буржуазного строя», что эта борьба была «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество»⁷. Развивая эту мысль Маркса, В. И. Ленин в работе «Исторические судьбы учения Карла Маркса» тоже подчеркивал, что в революции 1848 г. впервые наглядно сопоставились по всей линии социализм классовый и «надклассовый», определилась социалистическая природа пролетариата и буржуазно-демократическая сущность многочисленных учений домарковского не proletарского социализма. Июньские дни, как писал Ленин, окончательно выявили «социалистическую природу одного пролетариата», показали, что «все учения о неклассовом социализме и о неклассовой политике оказываются пустым вздором»⁸.

В июньские дни 1848 г. выступление французского пролетариата против буржуазного строя потерпело поражение. Пролетариат в силу целого ряда исторических причин не смог справиться с этой задачей. Но начало революционной борьбе пролетариата против буржуазного строя было положено. Это был величайший сдвиг в освободительной борьбе пролетариата. Теперь, по определению Маркса, на место требований к буржуазной республике, «требований чрезмерных по форме, но мелочных и даже все еще буржуазных по существу, выступил смелый революционный боевой лозунг: *«Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»*⁹.

Французская революция 1848 г. и ее исход, оказавшие большое влияние на ход европейской освободительной борьбы, воздействовали и на общественное движение в России, особенно на формирующееся передовое направление этого движения — революционно-демократическое.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 27.

⁷ Там же, стр. 29.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 2.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 31.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 7.

² Там же.

³ «L'Ami du Peuple», mars 1848.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 256.

В отличие от 1830 г., когда Россия еще только вступала в полосу кризиса всей крепостнической системы, в 1848 г. кризисные явления проявлялись уже со значительной силой. Проницательному современнику, наблюдавшему в России за ходом внутриполитических событий, становилось все более очевидным, что самой насущной задачей для страны является ликвидация крепостничества. Если уже в 30-х годах даже в государственных сферах раздавались голоса, считавшие, что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством», то в конце 40-х годов чувствовалось, что факел зажжен и порох вот-вот может взорваться. Об этом убедительнее всего говорили массовые антикрепостнические выступления крестьян и возникавшее революционно-демократическое движение разночинцев. Поэтому французская революция 1848 г., а также последовавшая за ней цепь революционных событий в других странах Западной Европы, которые привели к падению реакционных режимов феодальных монархий, были встречены помещичье-крепостнической, реакционно настроенной частью России как прямая угроза николаевским самодержавно-крепостническим порядкам. Это прежде всего ощутил сам Николай I, который в изданном им 14 марта 1848 г. манифесте подчеркивал, что, «возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие» захлестнули Европу и что «дерзость угрожает в безумии своем и нашей богом вверенной России»¹⁰. После опубликования манифеста от реакционного дворянства посыпались записки и различные предложения по проведению политики ограждения России от революционной волны, которая, все более нарастая, катилась к границам Российской империи.

В одной из таких записок, составленной А. Муравьевым для Николая I 23 марта 1848 г., отразился страх крепостнической России как перед революцией на Западе, так и перед внутренним большим пожаром, который разгорался в пределах самой Российской империи. По мнению автора записки, 1848 год — это «година испытаний и для России, от ожидания бедствий, могущих постигнуть ее и снутри и совне... Идея разрушения, развивавшаяся в Западной Европе, обнаруживается повсюду различно, сообразно... характеру и потребности народа: и повсюду мятежный дух торжествует, власти законные ниспровергаются. В России может она выразиться только: восстанием большого числа недовольных, из низшего сословия народного — против властей и правительства»¹¹. Муравьев, выражая настроения, распространенные в 1848 г. в среде помещиков-крепостников, даже обратился к царю с предложением создать для охраны России «дворянскую дружину», которая, по его мнению, явилась бы единственно прочной и надежной опорой царизма, «чтобы везде, во всех местах России была бы готовая военная сила, чтобы она

могла предупредить всякие выступления... сила до 100 000 владельцев...»¹².

Отметив тот переполюс, который февральская революция внесла в правительственные и реакционные помещичье-крепостнические круги России, мы не будем рассматривать весь комплекс внутриполитических мер и внешнеполитических планов, которые намечало и отчасти провело царское правительство в 1848—1849 гг.¹³ Обратим внимание главным образом на освещение позиций, занятых в связи с этой революцией представителями освободительного движения. Это позволит не только показать отношение другой, передовой, России к этой революции, но и раскрыть полнее русско-французские революционные контакты и идейные связи в тот период, а также даст возможность шире поставить вопрос о вкладе передовой России в общеевропейский прогресс вообще. Одна из причин выбора такого аспекта исследования связана еще и с тем, что, как это уже было отмечено, в среде современных реакционных буржуазных исследователей продолжают находить место различные измышления об изоляции якобы России вообще от столбовой дороги мирового революционного процесса, что будто бы подтверждается и отношением всех кругов русского общества к революциям 1848 г.

Информация о французской революции 1848 г. была в России довольно основательной и регулярной: официальные сообщения русской прессы («Русский инвалид», «Сын Отечества», «Московские ведомости», «Одесский вестник» и др.) дополнялись сведениями из многих иностранных газет и журналов, а также из различного рода неофициальных источников. Все это давало возможность образованной части населения страны располагать довольно значительной суммой весьма различных сведений, которые позволяли вдумчивому современнику представить для себя довольно объективную картину происходящих во Франции событий¹⁴. Однако в 1848 г. интерес к новой революции во Франции захватил не только эту часть населения страны. Значительнее, чем это было в 1830 г., отклики на революцию прозвучали в широких демократических слоях, теперь более глубоко охваченных антифеодальными настроениями.

Крестьянские выступления конца 40-х годов XIX в., ставшие ярким проявлением углубившегося кризиса всей крепостнической системы (только по официальным подсчетам, в 1848 г. было зафиксировано более 200 выступлений в 34 губерниях России)¹⁵, активизированные стихийными бедствиями, обрушившимися в 1848 г. на страну (сильнейшая засуха, неурожай и новая эпи-

¹² Там же, л. 7.

¹³ Подробнее см.: А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году. М., 1949; «Революция 1848—1849 гг.», т. II. М., 1952; «История дипломатии», т. I. М., 1959.

¹⁴ См. А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году, стр. 45—101.

¹⁵ «Крестьянское движение в России 1826—1849 гг.» М., 1961, стр. 817—821.

¹⁰ «Полн. собр. законов Российской имп.» Собр. II, т. XXIII, № 22087.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 1, д. 76, лл. 2—3.

демия холеры), были в какой-то степени своеобразными откликами на известия о революционной борьбе народов Европы, что усиливало стремление крестьян России добиться освобождения от крепостничества, способствовало подъему антифеодальной борьбы. Как пишет А. С. Нифонтов, «мы располагаем прямыми указаниями, что революционные события 1848 г. в Западной Европе подчас оказывали непосредственное воздействие на усиление в России борьбы крестьян за свое освобождение. Эти указания имеются и в ряде официальных документов, и в свидетельствах современников»¹⁶. Действительно, донесения жандармов с мест в III Отделении, отчеты шефа жандармов гр. А. Ф. Орлова Николаю I о внутривластном состоянии России за 1848—1849 гг., а также многие письма, записки и дневники современников разных общественных воззрений говорят об активизирующем влиянии революционных событий на Западе на развитие крестьянской борьбы.

Уже через несколько недель после получения в Петербурге первых официальных известий о революции в Париже (они пришли в столицу 20 февраля ст. ст. 1848 г.) в мартовских донесениях агентов III Отделения из ряда губерний в Петербург начальнику канцелярии генералу Л. В. Дубельту отмечались формы конкретного проявления откликов на французскую революцию в крестьянской среде, подчеркивалось ее возбуждающее воздействие на антифеодальное движение крестьян. Правительственные круги, обобщая поступавшие сведения с мест, вынуждены были признать, что не только в губерниях, расположенных близко к западным границам, но и в ряде других губерний России, «вредные и опасные толки», действующие «на воображение подвластных», привели к тому, что в народе «нельзя не заметить какого-то общего волнения и ожидания событий...»¹⁷. Эти настроения свидетельствовали также о критическом отношении народа к правительственной версии революции во Франции, которая отражала враждебное отношение царизма к революционному выступлению французского народа.

Подъем антифеодального движения в конце 40-х годов XIX в., отзвуки революционных событий на Западе в России способствовали оживлению антикрепостнической мысли в крестьянской среде, о чем свидетельствуют, например, стихотворная повесть «Вести о России», написанная, видимо, ярославским крепостным Саввой Пурлевским, и «Исторический рассказ» крепостного Подольской губ. Семена Олейничука¹⁸. Эти антикрепостнические произведения кре-

постных вольнодумцев составляли, видимо, только часть сочинений, которые до сих пор не выявлены.

Бполне понятно, что отклики на революцию 1848 г. во Франции, как и на революционные события в других странах, больше проявлялись среди трудового населения крупных городов, прежде всего Петербурга и Москвы — крупнейших культурных, административных и торговых центров. В напряженной обстановке этих городов с их растущими классовыми противоречиями, обостренными голодом и эпидемией холеры, вести о революционном подъеме на Западе становились как бы катализатором недовольства трудящихся масс города политикой правительства, роста антиправительственных настроений и выступлений. Не случайно поэтому возник переполох в III Отделении в начале 1849 г. по случаю продажи в книжных лавках Петербурга портретов видных революционных деятелей последней французской революции, в том числе «Ледрю-Роллена, Барбеса, Распайля и других революционеров настоящего времени», а также «изображений солдат революционной Парижской гвардии». В некоторых лавках эти портреты были выставлены в витринах, чем привлекли внимание простых людей города, собиравшихся около витрин и с уважением говоривших о революционной борьбе народа во Франции¹⁹.

Значительным и весьма продолжительным был интерес к французской революции 1848 г. и во многих провинциальных городах России. В некоторых сибирских и уральских городах о сущности французской революции убедительно рассказывали рабочим и мастеровым поляки, высланные сюда из Западных губерний по политическим мотивам. Некоторые из них были заподозрены даже в распространении революционных идей и в подготовке беспорядков между заводскими рабочими в ряде зауральских уездов. За обсуждение французской революции и за проявление своих симпатий к ней поляки — лекарь Ярошевич, учитель Жилевич, подпрапорщик Волинский, а также Скавронский, Волковичский и другие — были переведены на поселение в другие, более отдаленные места²⁰.

Среди демократической части городских жителей Западных губерний суждения о революции отличались, пожалуй, наибольшей остротой. Это сказывалось не только в весьма заметном сочувствии буржуазно-демократической республике во Франции, но и в большом внимании к социальным вопросам, выдвинутым народными массами в ходе революции. Не случайно весной 1848 г. в Митаве появилась брошюра, описывающая празднество по случаю 50-летия типографского наборщика Неберга, в которой были помещены речи его коллег с призывами к установлению республики и всеобщего равенства в России. Николай I, найдя появле-

¹⁶ А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году, стр. 103.

¹⁷ В. Г. Вержбицкий. Революционное движение в русской армии. М., 1964, стр. 229.

¹⁸ «Вести о России». Повесть в стихах крепостного крестьянина 1830—1840 гг. Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии Т. Г. Снытко. Ярославль, 1961; Л. А. Коган. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966, стр. 227.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, д. 2260, л. 3.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., Отчет III Отделения... за 1849 г., лл. 21 об.—22.

ние этой брошюры «чрезвычайно неуместной», поскольку в ней «содержится явная уже проповедь общего равенства всех сословий», увидел посягательство на «понятия, установления и правила нашего государственного устройства...»²¹.

Находившееся в возбужденном состоянии городское население многих западных и прибалтийских городов империи пришло в еще большее возбуждение под впечатлением успеха революции 1848 г. в Германии, подъема революционной и национально-освободительной борьбы в Австрийской империи. По донесениям агентов III Отделения, в Риге, Вильно, Белостоке и других крупных городах можно было ожидать даже больших беспорядков в связи с новыми «заграничными происшествиями». Тогда же участились случаи побега за границу, стали известны случаи «хранения возмутительных сочинений и оружия»²².

Широкое возбуждение вызвали слухи о возможном военном походе на Запад. Военные приготовления, ставшие особенно явными после опубликования 14 марта 1848 г. царского манифеста, вызвали большое недовольство. Естественно, оно прежде всего проявилось среди солдат, как уже давно находящихся на службе, так и среди вновь набранных по рекрутскому набору 1848 г. Оторванные от своих крестьянских хозяйств, оставившие семьи без основных кормильцев, новобранцы роптали, не одобряя военной затеи царя. Тревожные сигналы о солдатских брожениях поступали из воинских частей, расположенных как в центральной части России, так и среди переброшенных к западным границам из Петербургской, Московской, Тульской, Калужской, Вологодской, Смоленской, Ковенской и других губерний. В донесениях в III Отделение отмечалось, что солдаты далеко «не с полным расположением идут в поход», что к начавшемуся движению войск к западным границам относятся «с тоскою в сердце»²³. Офицерами было замечено, что «этим духом проникнуты большею частью старые солдаты, на которых заглядываются и молодые». В некоторых частях, как, например, расположенных под Смоленском, такие настроения охватывали даже «почти более половины числа» нижних чинов²⁴. Среди арестованных солдат в Вильно находилось несколько «из бывших студентов», которые говорили в солдатской среде с одобрением о французской революции, а также о возможности восстания в России и о необходимости «подстрекать к восстанию крестьян»²⁵.

Летом 1848 г. в войсках, стянутых на границах, появилась агитационная литература: различные обращения, которые тайно перебрасывались в основном из Галиции и Пруссии и которые

(как, например, «Катехизис для солдат») призывали к поддержке революционной борьбы народов русскими солдатами, приветствовали начало европейской революции. Антивоенные, антиправительственные настроения получили распространение и среди части оппозиционно настроенного офицерства, особенно из низших чинов. Часть офицеров Украинского егерского полка, несколько прапорщиков Инженерного училища в Петербурге, офицеров Софийского морского полка, 2-й кавалерийской дивизии были арестованы именно за сочувственные рассуждения о революционных событиях во Франции и за ожидание начала восстания в России²⁶.

Итак, вести о французской революции 1848 г., о революциях в других странах проникали и распространялись в демократических слоях населения России, переживавшей состояние обостренного социального кризиса. Если основные этапы французской революции, борьба политических группировок не получили в народных массах России сколько-нибудь значительного разбора, то сам факт революционного свержения монархической власти, а также требование народом проведения социальных преобразований в его классовых интересах оставили след в народном сознании, оказывали активизирующее воздействие на антифеодальное движение в России.

Вполне естественно, что проблемы французской революции 1848 г. нашли наиболее глубокий отклик среди прогрессивно настроенной русской интеллигенции. К 1848 г. в развитии русской общественной мысли произошли немалые сдвиги, углубилось идейное размежевание в лагере общественного движения, что явилось прежде всего объективным отражением роста кризиса крепостнического строя. 1848 год и его последствия стали толчком к развитию тех новых процессов в освободительной мысли и освободительном движении, которые наметились с 30-х годов XIX в.

Какой же след конкретно оставила эта революция в сознании представителей прогрессивного лагеря общественности России, развитие каких взглядов и настроений она стимулировала?

Демократизация интеллигенции России, а также участников освободительного движения явилась одной из причин того, что события 1848 г. во Франции нашли положительный отклик среди интеллигенции. Именно эта часть общественности России, вышедшая из слоев населения, близких к трудовым, способствовала распространению своих воззрений на революцию среди остального населения. Уже в первые дни после получения известий о начале революции в Париже именно представители разночинной интеллигенции Петербурга — в основном мелкие служащие и студенты — разносили эту весть среди мастеровых, солдат и рабочих, имевших о революционных событиях сначала очень туманное

²¹ ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, д. 2126, лл. 1 об.—2.

²² ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксл., Отчет III Отделения... за 1848 г., л. 135 об.

²³ Там же, 1 эксл., 1848 г., д. 67, ч. 1, л. 44 об.

²⁴ Там же, л. 51 об.

²⁵ Там же, Отчет III Отделения... за 1849 г., л. 31 об.

²⁶ В. Г. Вержбицкий. Революционное движение в русской армии, стр. 240—241.

представление. В каком-нибудь кафе, где получали свежие газеты, можно было наблюдать такую сцену: «Кто-нибудь один овладевал листком, становился на стол, окруженный толпой, и во всеуслышание читал декреты Временного правительства и речи Луи Блана в Люксембургском дворце»²⁷. Чаще всего это был или студент, или молодой чиновник, не чуравшийся потом поговорить о последних событиях с «нижними чинами», толпами собиравшимися у питейных на Сенной по случаю их призвания вновь на военную службу и «высказывавшими свою обиду», и в торговых рядах с мелкими торговцами, и даже с мастеровыми и рабочими, которые тоже интересовались событиями за рубежом. III Отделение, зная об оживленных разговорах о революции, потребовало от своих агентов усилить наблюдение за поведением «в сборных местах различных сословий: в клубах, трактирных заведениях, на фабриках и в питейных домах...»²⁸. Одним из таких разночинцев, арестованных тогда именно за разговоры «о политических делах Европы», стал регистратор Московского опекунского совета Степанов. Он был обвинен также и в высказывании надежды, что в России «вспыхнет революция» и что тогда «он первый поднимет красное знамя»²⁹. Несомненно, что на его настроениях отразились революционные устремления народных масс Франции, и особенно июньское восстание пролетариата. Степанов, размышляя над опытом революционной борьбы пролетариата, создавал даже свой план развития вооруженной борьбы в Москве — намечал план «построения баррикад»³⁰.

Отклики на французскую революцию были замечены и среди учащейся молодежи, где была значительной демократическая прослойка и где было более сильно влияние революционно-демократических идей Герцена и Белинского. Примыкавшая и по социальному положению, и по своим идейным воззрениям к разночинной, прогрессивно настроенная молодежь из дворянских семейств (чаще всего из служилого и беспоместного дворянства), восприняв новую революцию положительно, тоже ожидала в связи с революционным подъемом на Западе больших изменений в России и старалась содействовать борьбой с царизмом приближению революционного подъема в своей стране. Настроения студентов Петербургского университета, Училища правоведения также активизировались под воздействием событий 1848 г. Именно тогда ряд студентов Училища правоведения, в том числе Беликович и Гагарин, не раз публично высказывались против Николая I, открыто заявляли о необходимости уничтожения самодержавного строя и установления, как и во Франции, республики. Свои взгляды они распространяли и среди студентов, и среди разной публики, особенно среди посетителей кафе Лерже, куда студенты часто

приходили почитать свежие иностранные газеты. Однажды Беликович в кафе воскликнул: «À bas Nicolas I-er!» («Долой Николая Первого!»). Вскоре он был арестован и сослан рядовым в Оренбургский полк, а Гагарин — в 6-й пехотный корпус³¹.

Студенты Дерптского университета, ведшие еще до февральской революции тайную «переписку с Парижем в возмутительном духе», и в 1848 г. прославляли революцию и республику и даже после июньских событий верили в новый подъем революции во Франции, в связи с чем призывали к активной поддержке народа Франции всеми сочувствующими в России, высказывались против правления Николая I³². Тогда же революционные настроения охватили часть учащихся гимназий, в которых тоже раздавались приветственные речи в связи с новой революцией во Франции и росло недовольство николаевскими самодержавно-крепостническими порядками. Среди гимназистов, поплатившихся за свое вольномыслие, известны Михаил Высоцкий и Владислав Шалай, учащиеся Ровенской гимназии, которые распространяли «польские патриотические стихи», а также стихи антиправительственного содержания, «с преступными выражениями против государя императора», написанные Высоцким. Эти гимназисты были замечены также в одобрительных высказываниях о нарастании революционной волны на Западе и приближении ее к России. Они оба были заключены сначала в Киевскую крепость, а затем 17-летний М. Высоцкий сослан рядовым в Отдельный сибирский корпус, в линейный батальон «впредь до отличной выслуги»³³.

Виленский гимназист Янковский стал одним из организаторов тайных собраний, которые проходили «на квартире сапожника Линкевича», где обсуждался вопрос «о произведении бунта». Как стало известно из доноса осведомителя в III Отделение, Янковский был связан с рядом лиц, принадлежавших «к классу ремесленников», а также с представителями «разных других сословий, в том числе со многими воспитанниками учебных заведений».

Более глубокого анализа классовой направленности французской революции, характера ее движущих сил, а также отдельных этапов ее развития можно было ожидать со стороны тех представителей общественного движения России, которые были известны как теоретики-мыслители: лидеров либерализма (в основном сторонников либерального западничества) и, конечно, прежде всего идеологов революционного демократизма. Исходя из своих классовых позиций и взглядов, они по-разному отнеслись как к начальному периоду новой революции во Франции, так и особенно к ее развитию, к июньскому восстанию пролетариата и, наконец, к ее урокам.

²⁷ «Петрашевцы в воспоминаниях современников», М.—Л., 1926, стр. 44.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., оп. 85, 1848 г., д. 51, ч. 2, л. 13.

²⁹ Там же, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 3207, л. 104.

³⁰ Там же.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., Отчет III Отделения... за 1849 г., лл. 5 об.—6.

³² ЦГИА СССР, ф. 735, оп. 10, д. 202, лл. 1—4 об.; д. 212, лл. 1—2.

³³ Там же, д. 207, лл. 2—4.

В 1848 г. более резко обозначились классовые позиции тех представителей интеллигенции, которые раньше, в период меньшего обострения классовой борьбы в России, еще высказывались в весьма радикальном духе по отношению к самодержавно-крепостническому строю, проявляли сочувствие к революционной борьбе народов Запада. Не только внутривосточные события, но и революционный подъем 1848—1849 гг. в ряде стран явился причиной этого.

Отрицательное отношение славянофилов к новой французской революции подкреплялось их концепцией общественного развития, согласно которой естественным состоянием считалось «народное, по существу своему антиреволюционное начало, начало консервативное». Выступление народных масс во Франции против господствующего класса расценивалось в стане славянофилов, как об этом писал К. С. Аксаков, как позор «великого начала национальности, народности». Революционный подъем на Западе вызвал у славянофилов желание оградить Россию от европейского пути, ведущего к «язве пролетариата» и затем к «анархии», сохранить и укрепить «дух народности», в котором они видели «верную поруку тишины и спокойствия».

Близкими к славянофильским становятся в 1848 г. взгляды Ф. И. Тютчева и даже кн. П. А. Вяземского, который еще в недавнем прошлом отличался прогрессивными взглядами. Сближение сложного, противоречивого и своеобразного мировоззрения Тютчева со славянофильским явилось результатом его отхода от оппозиционных идей, которые они с Вяземским разделяли прежде, результатом их перехода в лагерь сторонников охранительной политики. Воспринимая с таких позиций новую революцию во Франции, они, естественно, не могли встретить ее одобрительно. Действительно, стихотворение Тютчева «Море и утес», Вяземского — «Святая Русь», написанные под влиянием революционного подъема на Западе в 1848 г., свидетельствуют об их разрыве с прогрессивными позициями, об их враждебном отношении к революционной борьбе народов.

Следует, однако, заметить, что у Тютчева в его охранительные взгляды как в середине XIX в., так и в последующее время вкрапливались еще и прогрессивные тенденции: где-то в глубине души он «начинает осознавать силу и обусловленность революционных движений»³⁴. Эта двойственность воззрений Тютчева сохранилась и в период нового, революционного подъема в Европе — в период Парижской коммуны, свидетелем которой он стал на закате своих дней.

К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, Б. Н. Чичерин, А. А. Краевский, А. В. Никитенко, как и их сторонники-либералы, ставшие очевидцами революции во Франции (П. В. Анненков, М. В. Волков,

И. С. Тургенев и др.), сначала восприняли победу революции во Франции с большим одобрением, но затем, после политической активизации народных масс, и особенно после июньского восстания пролетариата, стали более сдержанными в суждениях о революции, а некоторые из них начали решительно выступать против революционных методов борьбы.

Весьма показательна эволюция отношения Боткина, Чичерина и Краевского к революции 1848 г. во Франции — от восторженного к весьма скептическому и, наконец, после июньского восстания к явно враждебному. В значительной мере под влиянием этих сдвигов они переходили даже к поддержке политики самодержавия, всячески стараясь не напоминать о своем былом увлечении французской революцией. «Никто более его не испугался этого поворота... В. П. Боткин занял почетное и видное место в рядах нашей ультраконсервативной партии»³⁵, — так с горечью отзывался о повороте настроений Боткина после июньского восстания пролетариата даже Анненков, который, впрочем, и сам не одобрил выступление пролетариата, но в целом сохранил положительное отношение к французской революции, к проведению ею ряда буржуазно-демократических преобразований. Еще более резкую критику позиций Боткина дал Белинский. Он тонко подметил, что увлечение Боткина в 30—40-х годах XIX в. всеми передовыми идеями было весьма поверхностным и наносным, что по существу он «великие европейские идеи пропустил мимо ушей»³⁶.

Перепуганный развитием политических событий в Европе, июньским восстанием пролетариата в Париже, редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский старался в обстановке цензурного террора 1848 г. сгладить впечатление от идейного направления своего журнала (который еще недавно возглавлялся Белинским). Он поспешил опубликовать в журнале свою работу «Россия и Западная Европа в настоящую минуту». По своей реакционной направленности она мало чем отличалась от выступления в «Москвитяине» М. П. Погодина, чем и заслужила одобрение царя³⁷.

Лояльнее к революции во Франции отнесся А. В. Никитенко, тогда уже занявший прочное место в официальных сферах России, но тем не менее еще не утративший совсем своей оппозиционности, своего вольномыслия. Изучая революционные события 1848 г., Никитенко не мог не признать тот факт, что они нанесли еще один ощутимый удар по европейской легитимистской системе, способствовали освобождению народов от «авторитета лиц» и вели к водворению «авторитета человечности, законности и права»³⁸.

³⁵ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 331.

³⁶ «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников». Л., 1929, стр. 122.

³⁷ «Отечественные записки», 1948, т. LIX; «Сборник российской публичной библиотеки», т. I, вып. 1. Пгр., 1920, стр. 106.

³⁸ А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, стр. 310.

³⁴ Л. В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, стр. 186.

Сравнивая социальные и политические завоевания ряда стран Запада с внутривосточным состоянием николаевской России, Никитенко одобрительно высказывался по поводу целей новых революций, отмечал их большое прогрессивное значение и для судеб России. Не случайно он записал в дневнике бурного 1848 г., что в реакционных кругах России (по цензурным соображениям он называл ее «Сандвичевыми островами»), которые стремятся утвердить «варварство... над умом человеческим», революционные события вызвали большой испуг, и прежде всего потому, что они били по тем основам, на которых зиждилось и господство самодержавно-крепостнических порядков в России, «когда масса людей пребывала в скотской неподвижности и страдала ради величия и благополучия немногих»³⁹.

Признавая положительное значение буржуазных революций, Никитенко в то же время ни в 1848 г., ни впоследствии, во время новой революции 18 марта 1871 г. — Парижской коммуны никогда не ставил вопроса о необходимости углубления революции, привлечения народа к революции, т. е. его взгляды никогда не выходили за рамки буржуазных, и к тому же ограниченных, преобразований, целесообразность которых он признавал и за которые высказывался.

Так отношение к революции 1848 г. умеренно-оппозиционно настроенных представителей общественного движения шире раскрывает, насколько резче по сравнению с 30-ми годами XIX в. проявилась классовая ограниченность их идейных воззрений, насколько дальше они отходили от прежнего увлечения некоторыми демократическими и социалистическими идеями. Позиции, занятые ими после июньского восстания пролетариата, еще раз подтверждают мысль В. И. Ленина, что объективно «либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс...»⁴⁰

Из западников, следивших за ходом европейских революций из России, Т. Н. Грановский, по словам Герцена, больше других «сумел в мрачную годину гонений от 1848 года до смерти Николая сохранить... свой независимый образ мыслей...»⁴¹. Не располагая значительными материалами, характеризующими отношение Грановского к французской революции 1848 г., тем не менее возможно представить в общих чертах его взгляды, определить тот круг причин, который, по его мнению, вызвал революцию, а также попытаться выяснить отношение Грановского к такому важнейшему событию в истории мирового революционного движения, как июньское восстание пролетариата против буржуазного строя.

Отмечая в своих работах обострение социальных противоречий в период июльской монархии, Грановский именно в них видел од-

ну из важнейших причин революции 1848 г. во Франции. Прогрессивным, просветительским воззрениям Грановского импонировали победа политической революции, установление ряда политических свобод. Он считал, что, используя эти достижения революции, передовые «силы разума» смогут создать затем идеал свободного, просвещенного общества. В тех исторических условиях Грановский, как и большинство интеллигенции России, еще не смог понять те новые процессы, которые происходили во Франции в период революции и которые были связаны с выходом на арену классовой борьбы нового класса — пролетариата. Как известно, Грановский еще ранее отмечал растущее значение пролетариата в современный период в западноевропейских странах, но тем не менее в пролетариате он видел лишь наиболее угнетенный, страдающий класс буржуазного общества, требования и классовые цели которого он не выделял как новые, самостоятельные, антибуржуазные. Но в то же время, когда пролетариат Франции поднялся на борьбу, Грановский проявил к этой борьбе сочувствие. Это прослеживается по некоторым материалам, в том числе и по сохранившейся копии письма от 11 июля 1848 г. к Е. Б. Чичериной, которое, по предположению М. Барановской, принадлежало Грановскому: «Опять там восторжествовала картечь, угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство... Вторая республика была похоронена... Мне тяжело, я не нахожу себе места»⁴².

Так, в отличие от других западников, Грановский тяжело переживал поражение июньского восстания. Несмотря на свое глубокое разочарование в исходе революции 1848—1849 гг., он тем не менее сумел сохранить даже тогда веру в победу нового, прогрессивного, «разумного», по его определению, строя на земле. По воспоминаниям современников, в 1849 г. он часто вспоминал одно четверостишие Гете, в котором звучала оптимистическая уверенность в светлом будущем:

Приди и сядь со мной за пир,
Грустить о дрязгах перестанем!
Гниет, как рыба, старый мир,
Его мы впрок солить не станем⁴³.

Но каковы будут те новые силы, которые развалят старый, гниющий мир и какими путями произойдет его падение после конца революционного подъема на Западе 1848—1849 гг., Грановскому, стоявшему на левом крыле либеральной оппозиции, но не принявшему революционно-демократическую идеологию, было не ясно.

³⁹ А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 310.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

⁴¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. IX, М., 1956, стр. 122.

⁴² «Литературное наследство», т. 7-8. М., 1933, стр. 53; А. В. Станкевич. Т. Н. Грановский и его переписка, ч. II. М., 1897, стр. 294.

⁴³ См. А. Станкевич. Т. Н. Грановский. (Биографический очерк). М., 1869, стр. 235.

О том, что в 40-х годах XIX в. уже чувствовалось, что проходит время только теоретических раздумий, все больше встает вопрос о необходимости развертывания широкой практической антиправительственной деятельности, свидетельствует сдвиг в идейных воззрениях такого сложного и противоречивого мыслителя, как Чаадаев, который был изолирован николаевским режимом в 30—40-х годах от общественной жизни страны. Об эволюции его взглядов свидетельствует прежде всего воззвание, адресованное им крестьянству России. Созданное под впечатлением подъема массовой антикрепостнической борьбы в своей стране, а также под воздействием революционных событий на Западе в 1848 г., оно рассказывало о борьбе других народов против «своих царей-государей», о том, что «братья ваши, разных племен, на своих царей-государей поднялись все, восстали все до одного человека!»⁴⁴ И хотя в воззвании не было прямого призыва к восстанию крестьянских масс в России, но сам факт его появления, его содержание позволяют предположить определенное изменение отношения Чаадаева к современной действительности, пробуждение внимания к активной революционной борьбе народных масс, к роли народа в революции⁴⁵. Объективно его воззвание было обращено к будущему России.

Вера в большую потенциальную революционную силу народных масс становилась одной из важнейших черт мировоззрения Белинского, Герцена, Огарева, а также революционно настроенных петрашевцев и их сторонников. Объективно в своих идейных воззрениях выражая настроения крепостных масс и выступая за путь радикального преобразования старого строя, эта часть передовой общественности России тем самым была более других подготовлена не только для положительного восприятия нового, революционного взрыва во Франции, для анализа уроков новой революции, но и для использования ее опыта в своих теоретических исканиях и в своей практической политической борьбе против царизма.

Как известно, в социальных воззрениях Белинского, Герцена, Огарева, ряда революционно настроенных петрашевцев было много несхожего, сугубо индивидуального. Но их всех объединяла одна общая задача и цель — добиться утверждения в России нового социального строя, без эксплуатации и угнетения, строя, который может возникнуть только на развалинах старого. Понятно поэтому, что анализ опыта и уроков революции 1848 г. способствовал утверждению их прежних позиций или развитию тех их воззрений, которые еще только намечались, но уже были вызваны к жизни самой российской действительностью.

Начало революции во Франции совпало с концом жизни В. Г. Белинского. Вначале Белинский, как и некоторые другие

представители освободительного движения в России, верил в социальный характер новой революции и связывал с ее победой надежды на лучшее будущее своей страны. Не дожив до кровавых дней июня, до того времени, когда стало очевидным поражение революции и произошло падение надежд и иллюзий, связанных с нею, Белинский, тяжело и безнадежно больной, вместе с тем находил в себе силы, чтобы революционный оптимизм, веру в народ, в его силы передать своим друзьям, и в том числе друзьям из молодого поколения, еще только вступающего на путь освободительной борьбы. Для этого Белинский использовал все возможные для него в тех обстоятельствах средства. Так, раскрывая отношение к французской революции Боткина и на его примере разоблачая непоследовательность и ограниченность классовых позиций либералов, он страстно пропагандировал идеи революционного демократизма, служение делу народа. Революционно-демократические воззрения Белинского продолжали находить воплощение в «Современнике». Идейно направляемый Белинским, этот журнал при активном участии поэта-демократа Н. А. Некрасова в начале 1848 г., даже несмотря на волну цензурных репрессий, сумел сохранить значение ведущего оппозиционного органа печати и опубликовал ряд статей Белинского, в которых затрагивались как важнейшие внутриполитические проблемы, так и проблемы, связанные с положением дел на Западе⁴⁶. Были также изданы последние парижские «Письма» П. В. Анненкова⁴⁷, первые рассказы из цикла антикрепостнических повестей — «Записок охотника» И. С. Тургенева⁴⁸. Только новая волна реакции уже после смерти Белинского привела к общему упадку журналистики, что отрицательно сказалось и на «Современнике».

В последние месяцы жизни Белинского в его квартиру на Лиговке, наряду со старыми друзьями, часто приходили студенты Института путей сообщения Валериан Панаев и Инженерного училища — Александр Берх, которые были увлечены тогда идеями Белинского, вместе с ним переживали первые восторги по поводу падения монархии Луи Филиппа и установления буржуазно-демократической республики. По отзыву друзей Белинского, которые встречались с ним весной 1848 г., «он тогда совершенно был поглощен политикой и событиями Запада». Большая комната, из которой он уже почти не выходил, «носила на себе следы тогдашних его занятий. Всюду висели и лежали географические карты, тут около них теснились книги, идущие к делу, планы и т. п.»⁴⁹. Несмотря на большую слабость, Белинский подолгу говорил о фев-

⁴⁶ В. Г. Белинский. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии Н. Греча. СПб., 1847.— «Современник», 1848, № 1, отд. III, стр. 49—50; В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя.— «Современник», 1848, № 3, Отд. III, стр. 1—46

⁴⁷ «Современник», 1848, № 1, отд. IV, стр. 37—49.

⁴⁸ Там же, № 2, отд. I, стр. 148—208.

⁴⁹ В. С. Нецаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848, стр. 430

⁴⁴ «Литературное наследство», т. 22—24. М., 1935, стр. 680.

⁴⁵ Ф. И. Берелевич. П. Я. Чаадаев и революция 1848 года.— «Ученые записки МГУ», вып. 61. История, т. II. М., 1940, стр. 73—75

ральской революции, «о политических делах Франции», «и речи его кипели мыслию, жизнью».

Вероятно, одним из первых неофициальных наиболее пространственных сообщений о начале революции, которое произвело на Белинского особенно большое впечатление и вызвало подъем творческой мысли, было письмо П. В. Анненкова от 27 февраля 1848 г. из Парижа своим братьям в Петербург (в тексте была просьба показать письмо Белинскому). В нем он отразил энтузиазм народных масс и свою веру в победу революционного дела.

Свои раздумья по поводу революции во Франции Белинский и в последние дни своей жизни продолжал тесно связывать с задачами, стоявшими перед родиной. Ощущая, что и в России наступает пора подъема общественной борьбы, что идейно-теоретическая борьба должна все активнее и интенсивнее сочетаться с борьбой политической, Белинский говорил о необходимости широкой пропаганды в России передовых европейских идей, о расширении большой подготовительной работы, важной для развертывания общественно-политического движения. Не случайно он предложил студентам Берху и Панаеву начать распространение запрещенных политических книг в студенческой среде.

Отстаивая идеалы социализма, Белинский под впечатлением требований народа в революции 1848 г. во Франции и тех позиций, которые занимали в связи с этим проповедники разных оттенков социалистической мысли, стал более скептически относиться к самим учениям социалистов-утопистов. У него росло сомнение в возможности именно этих теорий отразить социальные чаяния самой угнетенной части общества. Идя в своих теоретических исканиях к определению социализма как естественноисторической закономерности общественного развития, Белинский подходил к пониманию связи социализма с материальными интересами наиболее угнетенного класса буржуазного государства.

Все более отчетливо ощущал Белинский невозможность применения утопических теорий западноевропейских мыслителей к условиям крепостнической России. В России перспективы ее дальнейшего общественного развития были тесно связаны с радикальным изменением положения крепостного крестьянства. Жизнь показывала, что разрешить этот вопрос можно будет только революционным путем. Размышляя над путями и средствами достижения социального идеала в России, Белинский двигал «мысль к гражданской свободе» и тем самым расчищал путь к крестьянской революции. Так, история освободительной борьбы в других странах, в том числе во Франции, передовые идеи ее мыслителей дополняли выводы Белинского о необходимости поисков новой, революционной теории, решительной борьбы за новый строй, т. е. укрепляли те его выводы, к которым он приходил прежде всего в результате осмысливания насущных задач, стоявших перед Россией.

Своими идеями, преданностью делу освобождения родины от гнета самодержавия и крепостничества, своим гуманизмом и ин-

тернационализмом Белинский способствовал пробуждению к активной революционной борьбе нового поколения борцов-революционеров, деятельность которых была связана в основном уже с новым этапом русского освободительного движения — буржуазно-демократическим, разночинским. Подчеркивая большое значение деятельности Белинского, Н. Г. Чернышевский на исходе первого этапа освободительной борьбы в России писал в «Современнике» в 1856 г.: «Тысячи людей сделались людьми благодаря ему. Целое поколение воспитано им...»⁵⁰

Конец 40-х — 50-е годы XIX в. стали этапом в формировании революционно-демократических воззрений Н. П. Огарева, временем, когда им был сделан определенный шаг в направлении к «русскому социализму». Как отмечает Е. Л. Рудницкая, «нельзя забывать того определяющего факта, что выводы, к которым он шел от своей практики и проникновения в экономические условия народной жизни, стимулировались прежде всего общей переоценкой „теоретического“, западноевропейского утопического социализма под влиянием исхода революции 1848 г. Это было первопричиной, заставившей Огарева, как это было и с Герценом, обратить свой взор в поисках социального идеала на Россию»⁵¹.

Революция 1848 г. пробудила в Огареве жажду активной политической деятельности. Сначала окрыленный известием о ее первых победах, поверивший в социальный характер новой революции, в начало перехода к новому общественному строю, он ожидал значительных перемен и в России: «И ты, о Русь! Моя страна родная... и ты под свод дряхлеющего зданья, в глуши трудясь, подкапываешь взрыв?»⁵² Под влиянием писем Герцена и рассказов А. А. Тучкова — очевидцев революционных событий (по признанию Огарева, он «оживил... иные струны, никогда не смолкаемые»), он писал о своем стремлении быть с восставшими:

О! Из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы,—
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы...
На западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.
Как волхв, хочу с востока в путь суровый
Итти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!⁵³

⁵⁰ «Современник», 1856, № 8, стр. 207.

⁵¹ Е. Л. Рудницкая. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, стр. 84.

⁵² Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937, стр. 157 (стихотворение «Упование. Год 1848»).

⁵³ Там же, стр. 156—157.

После того как, по словам Огарева, «победа дряхлой власти свершилась. Погибло... свободы дело...»⁵⁴, после того как не оправдались надежды на низвержение общим революционным потоком и самодержавно-крепостнического строя в России, Огарев тем не менее решил продолжать активную антиправительственную деятельность. Это в итоге и привело его за границу, сделало, как и Герцена, политическим эмигрантом, открытым врагом царизма. Насколько глубоко осмысленным был выбор пути сознательного борца политической эмиграции против самодержавно-крепостнического строя, свидетельствует письмо Огарева к Н. М. Сатину от 14 января 1853 г.: «Думать нечего, мешкать нечего. Сожгу мосты за собою, а там что бы ни случилось — я на все готов и не пожалю ни сил, ни жизни»⁵⁵.

События 1848 г. во Франции оказали значительное воздействие на петрашевцев, и особенно на их наиболее радикально настроенную часть. В 1848—1849 гг. оживилась деятельность петербургских кружков Петрашевского, Н. С. Кашкина, С. Ф. Дурова и А. И. Пальма, А. Н. Плещеева, собраний у братьев Дебу, Н. А. Спешнева, А. И. Европеуса, а также кружков петрашевцев в Ревеле, Ростове, Казани и других городах. Эта активизация демократического общественного движения в России явилась новым свидетельством возраставшего антиправительственного протеста, объективно отражавшего углублявшийся кризис всей крепостнической системы.

В такой обстановке революционные события на Западе, принятые петрашевцами, как и другими представителями передовой общественности России сквозь призму их отношения к актуальным задачам, стоявшим перед страной, оказали на петрашевцев большое прогрессивное воздействие, способствуя активизации у наиболее радикально настроенного ядра (Н. А. Спешнев, А. В. Ханьков, Д. Д. Ахшарумов, М. В. Петрашевский) революционно-демократических устремлений. Петрашевцы проявили доброжелательное отношение к победе новой революции в Париже и провозглашению республики. Они единодушно отмечали, что одна из важнейших причин новой революции была связана с антинародной политикой Луи Филиппа, при котором во Франции «нарушались все человеческие права»⁵⁶. «Наше возбуждение, как бы протестующее состояние, было настоящим отголоском событий, совершившихся в Европе в 1848 году»⁵⁷, — свидетельствовал позднее петрашвец Д. Д. Ахшарумов.

Сначала многие петрашевцы убежденно верили, что «Фран-

ция быстро стремится к утверждению совершенного равенства перед законом, к полной независимости гражданина и к признанию во всяком человеке прав и достоинств его»⁵⁸. Отражая надежды и ожидания многих русских современников на наступление «золотого века» после победы этой революции, М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Мы с неподдельным волнением следили за перипетиями драмы последних лет царствования Луи-Филиппа и с упованием зачитывались „Историей десятилетия“ Луи Блана... Луи Филипп, и Гизо, и Дюшатель и Тьер — все это были как бы личные враги...»⁵⁹. Когда грянула февральская революция, энтузиазм дошел до предела. И только часть петрашевцев, вскоре после начала революции сумевшая понять ограниченный характер проведенных ею преобразований, поняла необходимость углубления этой революции.

Приверженность социалистическим теориям фигурировала как один из пунктов обвинения, предъявленных петрашевцам царским правительством после их ареста в 1849 г. Как подчеркивал в докладе Николаю I председатель Особой секретной комиссии по разбору бумаг петрашевцев кн. А. Ф. Голицын, весьма вредным источником антиправительственного «образа мыслей и правил» служили «иностранные, запрещенные цензурою политические книги и периодические издания, открытые у многих лиц». Из авторов им были особенно выделены «известные французские и германские социалисты и коммунисты», которые якобы «довершили нравственный и религиозный упадок молодых людей, приготовленных уже... к восприятию вредных впечатлений»⁶⁰. Действительно, многие петрашевцы испытали значительное воздействие учений западноевропейских утопистов, но в итоге они все же не стали их прямыми последователями, что более полно прослеживается на их отношении к теориям Фурье и его сторонников.

Последний период деятельности петрашевцев характеризуется их более практическим подходом к изучению этих теорий. Так, либерально настроенная часть петрашевцев, группировавшаяся в 1848 г. вокруг Кашкина, Дебу, Европеуса, Ващенко, в это время особенно интенсивно отстаивает идею именно мирного, постепенного развития современного общества, которую они считают одним из важнейших достижений современных социалистических учений. Активизация народных масс, разбуженных революцией, первая классовая битва пролетариата с буржуазией во Франции усилила у этой части петрашевцев стремление избежать революции в России и добиваться преобразований феодального строя мирным путем. Если И. М. Дебу, представляя умеренное крыло

⁵⁴ Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I, стр. 157 (стихотворение «1849 год»).

⁵⁵ Цит. по: В. А. Бочкарев. Тема Запада в творчестве Н. П. Огарева — «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та», 1948, вып. 9, стр. 63.

⁵⁶ «Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1937, стр. 229.

⁵⁷ Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний, 1849 г. СПб., 1905, стр. 20.

⁵⁸ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 285.

⁵⁹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIV. Л., 1936, стр. 162.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 1, д. 67, л. 10—10 об. (разрядка наша.— О. Ор.).

петрашевцев, надеялся достичь осуществления задач, «поставленных, но не разрешенных французской революцией», только мирным путем и считал, что в современных условиях, особенно в применении к России, теория Фурье требует дальнейшей разработки именно в плане реформистских путей перехода к новому строю, то к другим выводам пришли представители левого крыла петрашевцев. Несмотря на то что почти каждый из петрашевцев этого крыла несколько по-своему интерпретировал идеи Фурье, их всех объединяло стремление начать активную политическую борьбу в России, борьбу за широкие государственные и общественные преобразования, которые только и могли подготовить почву для претворения в России социалистических идеалов. Поэтому наиболее радикально настроенные петрашевцы в целом расходились с Фурье в таких важных вопросах, как метод построения нового общества, движущие силы в борьбе за его построение. Полагая первоочередной задачей для России уничтожение самодержавно-крепостнических порядков, они подходили к мысли о необходимости крестьянской революции как наиболее верного способа свалить старый режим. Конкретные условия России разбивали надежды некоторых петрашевцев-социалистов (Спешнева, Петрашевского и других) на мирное, постепенное внедрение идей социализма в старый строй, без революционной перестройки всех существующих отношений. «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить», — так заявил Петрашевский 7 апреля 1849 г. на обеде у А. И. Европеука, посвященном памяти Шарля Фурье⁶¹. Эта часть петрашевцев все более переходила на позиции революционного демократизма. Им даже намечались планы создания тайного антиправительственного общества, целью которого, как подчеркивал инициатор его создания Спешнев, было свержение самодержавно-крепостнического строя путем вооруженного народного выступления⁶².

Для разработки проектов создания такого общества Спешнев обращался не только к опыту движения декабристов, но и изучил принципы устройства ряда зарубежных тайных антиправительственных обществ, особенно в Италии и во Франции. Об этом свидетельствовали заметки в отобранных у него при аресте бумагах. Возможно, что он даже знал некоторых деятелей таких обществ, с которыми мог встретиться во время своих заграничных поездок 1842—1846 гг. Спешнев предлагал вообще более широко использовать опыт французского революционного движения, а также личные связи и контакты с передовыми деятелями Франции для объективной информации европейской общественности о самодержавно-крепостнических порядках. С помощью сотрудников «Revue Indépendante», возглавляемого П. Леру, связи с которыми

Спешнев продолжал сохранять и после возвращения в Россию, он намеревался публиковать статьи петрашевцев о России во Франции⁶³. Тогда же он задумал печатать во Франции книги, запрещенные царской цензурой⁶⁴.

Все эти задачи, как и сами пути к их осуществлению, а также проекты дальнейших коренных социальных преобразований в основном тогда еще только намечались. Арест петрашевцев весной 1849 г. застал их на пороге развертывания широкой практической деятельности. О том, что эта политическая деятельность уже началась, свидетельствовал широкий круг людей, привлеченных в 1849 г. по делу петрашевцев, которые не были непосредственными участниками работы их кружков и групп, но активно воспринимали и распространяли их идеи, разделяли их революционные замыслы. Среди многих лиц, арестованных по делу петрашевцев, находился и книготорговец француз Лури, который по заказу Петрашевского выписывал из-за границы запрещенные в России книги и способствовал их распространению⁶⁵. У преподавателя истории одного из военно-учебных заведений Петербурга Белецкого, причастного к делу петрашевцев, при аресте были отобраны конспекты читаемых им лекций, которые не только свидетельствовали о его хорошем знании социалистических теорий, но и отражали его собственные социалистические воззрения, которые, по отчету III Отделения Николаю I, «клонились не только к оправданию основателей сих вредных систем, но заключали вместе с тем похвальные о них отзывы...»⁶⁶. В правительственных сферах были особенно встревожены тем, что вопреки запрету («в противность коренных правил, принятых для образования юношества...») социалистические теории открыто, с кафедр проповедовались студентам.

Наряду с вопросом о возможных методах борьбы за социализм, петрашевцами был поднят вопрос об общинной форме социализма в России. «В их взглядах, — отмечает В. Р. Лейкина-Свирская, — мы найдем в зачаточном виде идею, будто русская крестьянская община несет в себе зародыш социалистического развития»⁶⁷. Утопические взгляды на общину отражали искания демократической мысли, которая (особенно после исхода революции 1848 г.) активно пыталась найти опору своим преобразовательским стремлениям в условиях народной жизни.

Теоретические поиски петрашевцев, еще раз указывая на известную синхронность процесса развития общественной мысли

⁶³ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 778.

⁶⁴ «Общество пропаганды в 1849 году», стр. 130.

⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 3207, л. 121—121 об.

⁶⁶ Там же, оп. 1, д. 67, л. 9—9 об.

⁶⁷ В. Р. Лейкина-Свирская. Утопический социализм петрашевцев. — «История социалистических учений». М., 1964, стр. 433.

⁶¹ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 389.

⁶² См. «Общество пропаганды в 1849 году». Лейпциг, 1875, стр. 131—132.

как на Западе, так и в России, существенным фактором которого были интернациональные идейные связи, помогают нам полнее представить национальные черты русской общественной мысли.

Высказывания молодого Н. Г. Чернышевского о французской революции 1848 г. раскрывают картину сложного пути развития его воззрений на эту революцию, показывают, как из почти интуитивной тяги к революционным событиям он начинает затем все более и более осмысливать современную ему европейскую действительность. Они помогают также полнее понять, как шло вообще развитие его теоретических воззрений в тот период.

Увлеченность демократическими идеями «Современника», связь с радикальными кругами петербургской общественности, в том числе и с некоторыми петрашевцами, с кружком литератора и педагога И. И. Введенского во многом способствовали развитию интереса молодого Чернышевского к актуальным проблемам современности. Начавшаяся революция во Франции была встречена Чернышевским с большим воодушевлением. Но сначала его внимание было больше привлечено к отдельным эпизодам, к отдельным деятелям этой революции, которым он дал интересные оценки. Как свидетельствует дневник Чернышевского за 1848—1849 гг., он тогда тщательно изучал поступавшие в Россию известия о революции, внимательно следил за французской прессой, что позволило ему сделать уже вскоре после начала революции ряд серьезных критических замечаний по поводу позиций, занятых лидерами революции, а также их органами печати (как, например, умеренно либеральным «Journal des Débats»), и увидеть в провозглашении Учредительным собранием «права на труд» одно из важных завоеваний народа в этой революции.

Размышления по поводу ограниченного характера революции 1848 г. во Франции вели Чернышевского к раздумьям о несовершенности буржуазного строя вообще и о перспективах дальнейшего общественного развития. Поискам теории исторического развития помогло знакомство с исторической концепцией французских буржуазных историков, среди которых им был особенно выделен Гизо. Дневник Чернышевского за 1848 г. сохранил много восторженных замечаний по поводу стройности, логичности, убедительности взглядов Гизо. Позднее Чернышевский сумел раскрыть и слабые стороны воззрений буржуазных французских историков, подчеркнув, что они в своих исторических построениях не исходили из «материальных условий быта, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах жизни...» Но тогда молодого Чернышевского увлекали прежде всего их идеи закономерности общественного развития, которые помогли ему критически преодолеть ограниченность выводов этих мыслителей и прийти к пониманию закономерности дальнейшего исторического развития, т. е. к обоснованию возможности перехода к новому социальному строю. Изучение теорий французских социалистов-утопистов утверждало его в этих выводах.

Задачи и цели, поставленные французской буржуазной революцией конца XVIII в., справедливо кажутся ему уже устаревшими, не разрешающими проблему освобождения народных масс. Если под впечатлением хода революционных событий 1848 г. во Франции, особенно после июньского восстания пролетариата, Чернышевский впервые заметил в июле 1848 г., что он «все более» утверждает «в правилах социалистов»⁶⁸, то осенью того же года о своих социалистических воззрениях он писал более убедительно: «Я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно...»⁶⁹

Углублению знаний о социалистических учениях способствовало знакомство Чернышевского с рядом петрашевцев, в том числе с А. В. Ханыковым, который сам был увлечен учением Фурье. Познакомившись с теорией Фурье, Чернышевский, как о том свидетельствуют записи в его дневнике, уже тогда высоко ценил многие его идеи, но соглашался далеко не со всем. Тогда же он выделял и даже идеализировал учения П. Леру и Л. Блана. Знал Чернышевский и работы Прудона, которого почитал в основном за разоблачающую критику буржуазного строя⁷⁰. Но ни в конце 40-х годов XIX в., когда взгляды Чернышевского еще только начинали формироваться, ни в годы зрелых суждений идеи Прудона (например, его взгляды на соотношение политических и экономических задач, на проблему государства и революции) не оказали на Чернышевского сколько-нибудь существенного влияния. В дневниковых записях 1848—1849 гг. отразилось развитие политических воззрений Чернышевского, его внимание как раз к вопросам политическим, к борьбе за социальные преобразования.

Вполне естественно, что тогда в идейных воззрениях Чернышевского было много нечеткого, неоформившегося. Но его мысль, что «через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны...»⁷¹, отмеченная им в дневнике в день совершеннолетия — 11 июля 1849 г., свидетельствовала о смещении его взглядов к революционному демократизму. «Крайняя левая» — революционно-демократическое направление стало со временем той большой силой, которая возглавила освободительное движение России в период назревания в ней первой революционной ситуации, наступления нового, различного этапа освободительной борьбы.

* * *

⁶⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I М., 1939, стр. 59

⁶⁹ Там же, стр. 122.

⁷⁰ Там же, стр. 66, 132, 146.

⁷¹ Там же, стр. 298

Если французская революция 1848 г. произвела столь сильное впечатление на умы современников в России, то вполне естественно, что к ней не могли остаться безразличными те русские люди, которые оказались тогда во Франции. Действительно, как видно из дошедших до нас свидетельств, их реакция на эту революцию была весьма значительной и очень разной. Представители официальных реакционных кругов России, такие как исполнявший обязанности посла России во Франции Н. Д. Киселев, тогда уже утративший былой либерализм, как Я. Толстой, состоявший на службе у III Отделения, как А. Н. Карамзин, аристократ-консерватор, также служивший в одном из отделов III Отделения, почувствовали себя с первого же дня революции как бы попавшими в «ужасную бурю», в обстановку, «опасную, как никогда». Как сообщил Я. Толстой из Парижа 12/24 марта 1848 г., эта часть русских очевидцев революции находилась «под тяжелым впечатлением политического катаклизма, который поглотил правительство и династию»⁷². Солидаризируясь в своем отношении к революции со «всеми состоятельными людьми и буржуа», у которых постоянно с начала революции «мрачные лица, недоверчивый взгляд, в котором отражается беспокойство и страх», Толстой с ужасом пишет о народном подъеме, о раздающихся призывных звуках «Марсельезы». В связи с этим он неоднократно подчеркивает, что «положение в Париже далеко не меняется к лучшему», успокоения не наступает, «и, по-видимому, с каждым днем состояние все более и более ухудшается»⁷³.

Подъем народной инициативы, отразившийся на ходе революции, явился основной причиной весьма мрачных прогнозов, которые делал с конца февраля 1848 г. и Н. Д. Киселев. В отличие от начала 30-х годов XIX в., когда выражаемая им официальная точка зрения на Июльскую революцию еще весьма расходилась с его личными оценками, в 1848 г. его реакционные позиции обозначились вполне определенно. Во всех 193 донесениях, которые поступили из российского посольства в Париже в Петербург с конца февраля по начало декабря 1848 г., звучала явная враждебность революционным преобразованиям во Франции, ненависть к французскому народу. И это уже не было только подыгрыванием настроениям царя. Тон донесений отражал истинные позиции Киселева. Во многих донесениях Киселев нападал на Бланки, Распайля, Кабе, в которых он видел инициаторов развязывания классовой борьбы, усиления политической активизации народных масс. После июньского восстания пролетариата, о котором он сообщал в Петербург в шести донесениях (с 12/24 по

17/29 июня), он информирует царское правительство о новой опасности — просыпающихся силах нового класса — пролетариата. По донесению Киселева от 12/24 июня 1848 г., сегодня произошло такое событие, «которое Париж еще никогда не знал»⁷⁴. Поражение июньского выступления пролетариата, после которого укрепились политические позиции генерала Кавеньяка, вызвало у Киселева чувство большого удовлетворения. Он с облегчением сообщал в Петербург, что революция теперь уже не страшна, что позиции Кавеньяка позволяют думать о новом сближении правящих кругов России и Франции. В свою очередь Кавеньяк, как о том свидетельствует его послание Н. Д. Киселеву от 9 августа 1848 г., тоже стремился укрепить связи с царским правительством, о чем весьма недвусмысленно писал в посольство: «Я буду счастлив ускорить восстановление дружественных и надежных отношений между двумя великими государствами, между которыми нет различия интересов»⁷⁵. Деша гр. К. В. Нессельроде Киселеву от 18/30 августа и, наконец, послание Николая I Кавеньяку от 21 сентября 1848 г. свидетельствовали о взаимном желании царя укреплять связи с политическими кругами, возглавлявшимися Кавеньяком.

Деша, отправляемые из Петербурга в Париж Киселеву, требовали усилить слежку за поведением русских во Франции, так как по различным каналам в Россию проникали сведения не только о сочувственном, а подчас и весьма одобрительном отношении к французской революции очевидцев и даже об активном участии некоторых из русских в революции, на стороне народных масс. Среди имен, часто мелькавших на страницах донесений за 1848—1849 гг., наибольшее подозрение у царизма вызвали Бакунин и Герцен. Кроме этого, III Отделение пыталось разузнать подробности поведения во время революции 1848 г. С. Д. Полторацкого, отставного ротмистра Карташева, титулярного советника П. Веревкина, М. С. Волкова, офицера Г. Станкова, чиновника Д. Салтыкова, помещиков Ю. Андржейковского, А. А. Тучкова, И. В. Селиванова, церковнослужителей Семененко и Лаврова, а также Н. И. Сазонова, И. Г. Головина и ряда других лиц⁷⁶. Их отношение к революции, выводы, к которым они приходили под влиянием ее исхода, отражали в весьма сконцентрированном виде те идейные процессы, которые проходили тогда в России и которые свидетельствовали о том, что действительными выразителями интересов народных масс и их защитниками являлись только сторонники революционно-демократических воззрений.

Приветствовавшие падение июльской монархии и утвержде-

⁷² «Литературное наследство», т. 29-30. М., 1937, стр. 612. Подробнее о позициях А. Н. Карамзина см.: «Исторический сборник», т. 3. Л., 1934 (письма 1847—1848 гг.).

⁷³ «Литературное наследство», т. 29-30, стр. 614 (донесение Я. Толстого в III Отделение от 23 марта/4 апреля 1848 г.).

⁷⁴ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, 1848 г., д. 175, л. 180.

⁷⁵ Там же, д. 174, л. 77 об.

⁷⁶ Там же, д. 170, лл. 33, 318—318 об., 406—406 об.; д. 172, л. 15—15 об.; д. 174, л. 18; д. 175, лл. 157—158, 405—407 и др.

ние буржуазной республики очевидцы И. С. Тургенев, П. В. Анненков, библиофил и журналист И. Е. Бецкий, М. С. Волков, Н. И. Тургенев, как и их единомышленники, наблюдавшие за ходом революционных событий в России, отстаивали возможность проведения преобразований только в рамках буржуазного строя. Поэтому уже первые социальные требования рабочих, предъявленные Временному правительству, которое, по определению Маркса, являлось «...компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли Июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны»⁷⁷, вызвали сначала недоумение, а затем и явно критическое отношение со стороны этой части очевидцев.

Такие настроения отразил весьма определенно М. Волков, который еще незадолго до революции как будто понимал и даже отмечал с сочувствием тяжелое положение народа. Но уже в конце февраля 1848 г. он с возмущением писал, что «какой-то Альбер, будто из рабочего класса, при имени его написано: ouvrier» (рабочий) вошел в правительство и что такой поворот дела может принести неожиданные и страшные последствия, а именно: если «в 24 часа Франция перескочила от Гизо, через Моле, Тьера и Барро к Ледрю-Роллену», то «не перескочит ли еще через Ледрю к Блану, а через этого к Кабе и в его Икарию или к Консидерану в его фаланстер? Неизвестно...»⁷⁸. Боязнь дальнейшей активизации сил народа, требовавшего углубления революции, усилила критику со стороны Волкова даже тех половинчатых социальных уступок, которые вынуждено было под давлением народных требований наметить Временное правительство. По его представлению, только неустойчивые позиции и политика Временного правительства, которое могло допустить утверждение «права на труд» и не выполняло его, способствовали развязыванию действий народа и наконец привели к июньскому выступлению пролетариата. «Побойце было сегодня страшное... — писал Волков 24 июня. — Надо сказать, что работники не одни виноваты. Не они выдумали ateliers nationaux... Всею этому виною бывшее Временное правительство»⁷⁹. Так, критикуя Временное правительство, но с позиций правых, умеренных (не надо было, мол, таких обещаний и уступок), он еще раз раскрывал свои классовые позиции — позиции защитника буржуазного строя, выразителя интересов республиканской буржуазии, которая понимала необходимость проведения ряда буржуазно-демократических преобразований, но в тех формах, которые не мешали ее классовому господству.

Либеральные воззрения со всей очевидностью проявились

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 13.

⁷⁸ М. Волков. Отрывки из заграничных писем (1844—1848). СПб., 1857, стр. 482.

⁷⁹ Там же, стр. 545. Ateliers nationaux (франц.) — национальные мастерские.

в конце 40-х годов XIX в. и у Н. И. Тургенева, непоследовательность и ограниченность революционных взглядов которого все более ощущались, как мы видели, уже в 30-х годах, после Июльской революции во Франции. Отсутствие дневников и писем за 1848—1849 гг. не позволяет полно и подробно изложить его отношение к революции. Но, по свидетельствам лиц, с которыми Тургенев общался в тот период⁸⁰, в частности по словам Герцена, бывавшего тогда у Н. Тургенева, ему в те годы более всего присущ был «тонченный либерализм министерства Деказа и Мартиньяка».

Одобривший, как и большинство русских либералов, февральские события, основные политические преобразования, проведенные во Франции Временным правительством и Учредительным собранием, он в то же время не поддерживал дальнейшее развертывание революции, радикальные социальные требования, выдвигаемые пролетариатом. А после июньского восстания, которое его весьма напугало, Тургенев стал высказываться решительно против социалистических идей и революционных методов борьбы вообще. В ходе дальнейшей классовой борьбы во Франции он не поддержал пролетариат, а в 1850 г. в связи с результатами выборов и возможностью начала гражданской войны в стране он обратился даже к злейшему врагу пролетариата Кавеньяку, прося его не допустить кровопролитной «братоубийственной войны»⁸¹.

Так, эволюция взглядов Н. И. Тургенева от дворянской революционности к либерализму еще раз свидетельствует о том, что преодоление классовых ограничений дворянской революционности с последовательных демократических позиций вело к революционному демократизму и, наоборот, боязнь революционной инициативы народных масс, ограниченный подход к конечным целям и задачам революции являлись почвой для поворота вспять, к упрочению либеральных воззрений.

События 1848 г. во Франции поставили много различных вопросов и перед писателем И. С. Тургеневым: тут и выяснение характера революции, ее движущих сил, политики определенных классовых группировок и вообще значения революции в истории человечества. Как сочувствующий наблюдатель (начиная с майских дней 1848 г.) революционных событий во Франции Тургенев сделал интересные зарисовки, запечатлев даже отдельные эпизоды героической борьбы французского народа сначала в набросках, а впоследствии в рассказах «Человек в серых очках (из воспоминаний 1848 года)» и «Наши послали (Эпизод из июньских дней 1848 года в Париже)». Об отношении И. С. Тургенева к революции во Франции сохранился и ряд документальных матери-

⁸⁰ См. В. М. Тарасова. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е годы XIX в.— «Ученые записки Марийского пед. ин-та. Кафедра истории», т. XXVIII. Йошкар-Ола, 1966, стр. 83—84 и др.

⁸¹ Там же, стр. 84.

алов тех лет: его письма к французским друзьям, его «мемориал» (краткий автобиографический конспект за 30—50-е годы XIX в.)⁸². а также воспоминания современников, которые тоже подтверждали не только большой интерес писателя к революции, но и влияние уроков этой революции на его идейные воззрения⁸³.

Уже народное выступление в Париже 15 мая 1848 г. вызвало у Тургенева весьма противоречивые чувства и оценки. Одобрив попытки народных масс распустить Учредительное собрание и создать новое правительство, Тургенев стремился «угадать, чего они хотели, чего боялись, были ли они революционерами, или реакционерами, или же просто друзьями порядка»⁸⁴, т. е. писатель пытался постигнуть социальную природу этого выступления, а также понять и причины трусливой, по сути дела предательской по отношению к народу, политики Учредительного собрания и Исполнительной комиссии. Справедливо называя их позицию в период майских событий капитулянтской перед контрреволюционными силами буржуазии, характеризуя ее как проявление «безмолвия страха», Тургенев вместе с тем не уловил действительного соотношения классовых сил ни тогда, ни в последующий период революции, и особенно во время июньского восстания пролетариата.

Уроки революции 1848 г. побудили Тургенева к дальнейшим размышлениям и по поводу общетеоретических проблем истории. «Что же такое история?.. Провидение, случай, ирония или рок?..»^{84а} — неоднократно спрашивал он в то время. Под влиянием ряда причин он, по словам академика Л. В. Черепнина, «начинал приближаться к познанию каких-то закономерностей, сказывающихся в общественном развитии», искал «внутреннюю обусловленность» истории, стремился найти «скрытые пружины ее движения»⁸⁵.

Считая историю России, ее современное состояние органически связанными со всемирно-историческим процессом, хотя и имеющими свое своеобразие, Тургенев пытался, осмыслив уроки 1848 г., понять прежде всего перспективы развития России, определить, как ему представлялось, наиболее приемлемые для условий России пути ликвидации крепостничества — основной национальной задачи страны. Являясь противником самодержавно-крепостнического строя, И. С. Тургенев со всей силой своего таланта критиковал этот строй, но в своих воззрениях, особенно ярко проявившихся в творчестве, оставался на позициях левого просветителя-

либерала. Вполне очевидно, что исход революции 1848 г., и особенно трагедия июньских событий в Париже, способствовали упрочению его убеждения мирным, реформистским путем добиваться освобождения крестьян в России.

Много общего со взглядами И. С. Тургенева на революцию 1848 г. находим мы в оценках С. Д. Полторацкого, которого в 1848 г. судьба вторично свела с революционным движением во Франции. Небезынтересно отметить, что на закате своих дней он стал очевидцем еще и Парижской коммуны. В связи с этим кн. П. А. Вяземский, тогда уже реакционер, писал ему в апреле 1871 г.: «Кажется, ты взял абонемент на все парижские революции и празднуешь все те, которые совершаются в наше время»⁸⁶.

30—40-е годы XIX в. — время углубленного изучения Полторацким идейно-политической жизни Франции, проявления внимания к теориям социалистов-утопистов. Их работы он начал изучать еще в конце 20-х годов, когда после поражения восстания декабристов его все больше тревожили вопросы о судьбах родины. Много размышлял тогда Полторацкий и над проблемами исторического развития человеческого общества вообще. В связи с этим он обращался к работам французских историков, философов, социалистов-утопистов, часто обсуждал их со своим другом — публицистом И. А. Пушкиным. Так, в письме, написанном им в декабре 1830 г. в Париже и адресованном в Москву И. А. Пушкину, Полторацкий вспоминал об их прежних спорах о сенсимонизме, подробно разбирал новую книгу сенсимонистов Анфантена и Родрига «Изложение учения Сен-Симона», являющуюся попыткой не только изложить основные историко-философские воззрения учителя, но и развить их дальше в социалистическом духе. Полторацкий дал книге положительную оценку: «Помнишь ли наши толки, рассуждения, мнения и чувства» — так вот в этой работе «многое, весьма многое будет сообразно с твоим рассудком, с чувством, с твоим сердцем»⁸⁷.

Обострившиеся противоречия буржуазного строя во Франции, свидетелем которых Полторацкий был в 1830—1832 гг., усилили его интерес к новым социальным учениям. Знания, которые он приобретал, слушая лекции передовых французских ученых, делали его изучение социалистов-утопистов более глубоким. В начале 30-х годов ему более импонировало учение сенсимонистов, о котором он отзывался с большим уважением. «Проповедники учения сенсимонизма занимательны смелостью, новостью их мыслей и величайших преобразований, которым они хотят подчинить весь род человеческий»⁸⁸, — писал он в том же письме.

Полторацкий, правда, разделял не все идеи сенсимонистов — их религиозные взгляды он подвергал критике. Главное, что при-

⁸² «Письма И. С. Тургенева к Полине Виардо и его французским друзьям». М., 1900; «Литературное наследство», т. 73, кн. 1. М., 1964, стр. 337—364.

⁸³ См. «Литературное наследство», т. 76 (И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования). М., 1967, стр. 342—358.

⁸⁴ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в двадцати восьми томах, т. I. М.—Л., 1961, стр. 303—304, 589, № 80 (1848 г.).

^{84а} Там же.

⁸⁵ Л. В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы, М., 1968, стр. 122—123.

⁸⁶ «Новь», 1885, № 9, стр. 94.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 экзп., 1831, г., д. 168, л. 1 об.

⁸⁸ Там же.

влекало его в этом учении, — это его кажущаяся действительность. Он полагал, что социальные идеалы сенсимонистов настолько очевидны своей справедливостью, разумностью, что должны быть претворены в жизнь. Сенсимонизм или «учение, подобное этому, тем привлекательно, — замечал он, — что не бросает нам в лицо отвлеченностей»⁸⁹.

В 30-х годах во Франции Полторацкий сблизился со многими проповедниками сенсимонизма. Он не только посещал лекции и собрания сенсимонистов, но и принимал участие в работе их печатного органа — газеты «Le Globe». Известно, что в 1831 г. редакция «Le Globe» направила ему на отзыв программу газеты с просьбой наметить пути для укрепления ее сенсимонистских традиций и идей «для пропаганды нашей веры», «мирной эмансипации всех тех, кого эксплуатируют и кто страдает, женщин и пролетариев»⁹⁰. Активно сотрудничал Полторацкий и в связанном с сенсимонистами журнале «Revue Encyclopédique», контакты с которым поддерживал еще с начала 20-х годов XIX в. Он неоднократно приглашался на заседания и банкеты редакции этого журнала, на которых обсуждались социальные проблемы⁹¹.

Богатая эрудиция Полторацкого, прекрасное знание внутриполитической жизни Франции 30—40-х годов XIX в. послужили основой для его весьма глубоких и содержательных заметок о новой революции. И тем не менее, понимая, насколько сложным был ход этой революции, Полторацкий не считал себя вправе быть судьей ее. Эту мысль он неоднократно проводил в письмах к друзьям в Россию, в которых подчеркивал, что «рассказать будет что, но судить — едва ли не дерзновенно. Посмотрите, как события перегоняют самых дальновидных и предусмотрительных людей»⁹². В письме С. Д. Полторацкого к П. Я. Чаадаеву от 11 мая/29 апреля 1848 г. он тоже говорит об огромном впечатлении, которое производят на него революционные события, и с сожалением отмечает, что нет рядом его друга Чаадаева, литографию с портрета которого он заказал в Париже. «Посреди бурь и смут, потрясших Лютецию, не забыл я, любезный друг Петр Яковлевич, обещанную литографию... Повторяю сожаление мое, что подлинник не съездил сам со мною. Не мало бы он набрался впечатлений и ощущений. Жаль, что ты не можешь сказать со мною: „...Тут набралось воспоминаний на остальную жизнь“»⁹³.

Из сохранившихся заметок Полторацкого о революции 1848 г., из его писем в Россию перед нами предстает, однако, не только очевидец событий, но интересный и вдумчивый их исследователь. С первого же дня революции Полторацкий подробно сообщал о

ней в письмах в Россию, приводил такие факты и наблюдения, которые не публиковались официальной русской прессой, особенно о все возраставшем активном участии народных масс, парижских рабочих в революции. Уже в первых известиях из революционного Парижа Полторацкий отмечал, что именно народ, а не либеральная буржуазия, сверг монархию и добился провозглашения республики. «Расскажу то, чего был свидетелем, — писал Полторацкий И. А. Бессонову на следующий же день после начала революции. — В 11 часов утра отправился я с Волковым Матв[еем] Степ[ановичем]... к Madeleine... Все усыпано было толпою; покуда все это было тихо и чинно; некоторые шли попарно, длинным рядом и пели *Парижанку* и *Марсельезу*, довольно складно»⁹⁴. Разгон демонстрантов, часть которых тогда проникла в Бурбонский дворец, «но не вошла в Камеру и не ломала ничего, послужил, по мнению автора, толчком к развертыванию революционных событий: теперь уже весь Париж «был на улицах». 23 и 24 февраля народное восстание разрасталось с каждым часом, раздавались требования не реформ, а свержения июльской монархии. На сторону восстания перешла Национальная гвардия. «Дерутся не на шутку, — писал Полторацкий 24 февраля, — каждый перекресток баррикадирован. Толпа бесчисленная, с ружьями и саблями, пронеслась мимо нас к Карюзелю, кричали „À bas Louis Phil[ippe]“»⁹⁵.

Бездеятельность Временного правительства вызывала у Полторацкого, так же как и у ряда других русских современников, негодование. Видя, что новая власть не в состоянии удовлетворить народные требования, Полторацкий весьма заинтересовался тогда деятельностью многих возникших в ходе революции политических, в том числе и рабочих, клубов. Уже в марте он полагал, что при складывавшейся ситуации клубы поставят «могут целью свергнуть Временное правительство»⁹⁶. В этом убеждали его также антинародные позиции Учредительного собрания и Исполнительной комиссии, занявшей место Временного правительства. Полторацкий не раз присутствовал на заседаниях Учредительного собрания, слышал прения между представителями революционной демократии и буржуазными республиканцами и все больше убеждался в мнении, что последние ничего не делают для народа, а «теряют время в каком-то маразмном бездействии...»⁹⁷. Но не

⁹⁴ ОР ГБЛ, ф. 233, п. 2, № 53 (Madeleine — место сбора манифестантов, которые шли требовать у Палаты депутатов отмены запрещения Гизо политических банкетов).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, п. 4, № 48, стр. 8—9 (записная книжка Полторацкого за март—май 1848 г.).

⁹⁷ Там же, п. 2, № 54, стр. 3 (письмо к И. А. Бессонову в Петербург из Аахена от 10/22 мая 1848 г.). Зная, что письма в Россию проходят цензуру и могут быть задержаны, Полторацкий иногда в них делал такие приписки, которые должны были свидетельствовать якобы о лояльности взглядов и позиций по отношению к царскому правительству. Только друзья, хорошо его знавшие, могли расшифровать подлинный смысл

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, 1 эксп., 1831 г., д. 168, л. 1 об.

⁹⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 233, п. 13, д. 44.

⁹¹ ОР ГПБ, ф. 603, д. 231, лл. 15—17 и др.

⁹² ОР ГБЛ, ф. 233, оп. 2, № 54 (письмо из Парижа от 11 мая/29 апреля 1848 г. к И. А. Бессонову).

⁹³ ОР ГБЛ, ф. 233, п. 1032, № 46, л. 1.

только в бездействии, а и в прямом наступлении реакционных сил Учредительного собрания на завоевания революции проявилась его предательская политика по отношению к народу. Она и привела к событиям 15 мая, а затем и к июньскому восстанию пролетариата. Все более отчетливо ощущая, что декларированное «братство летит к черту», Полторацкий тем не менее находился под впечатлением февральских революционных боев, когда погибло много рабочих, солдат, представителей интеллигенции, еще надеялся на мирный исход событий. Поэтому он не одобрил решительные действия народа, позицию Бланки 15 мая и вооруженное выступление пролетариата в июне. Но кровавая расправа буржуазии над участниками восстания глубоко потрясла Полторацкого. Из Аахена он с болью и негодованием сообщал об этом своим друзьям в Россию в письмах, которые отправлялись обычной почтой (т. е. перлюстрировались царской цензурой): «Нельзя без содрогания читать подробности о парижских ужасах», «четыре дня происходивших... Волосы стоят дыбом. Что за ужас! Это гнусность»⁹⁸.

Полторацкий не скрывал своего отношения к революции в кругу русских эмигрантов, а также польских и французских знакомых и друзей, среди которых были М. А. Бакунин, М. С. Волков, Н. И. Тургенев, известный историк, политический деятель Э. Кине, А. Савинский и многие другие лица. С некоторыми из них он был знаком уже много лет, а с поляком Савинским его связывало даже знакомство еще с Июльской революции 1830 г. Полторацкий продолжал сотрудничать также с теми журналистами, которые особенно стремились укреплять контакты с прогрессивными «учеными, публицистами, литераторами... всех наций»⁹⁹. Используя свою известность в прогрессивных журналистских кругах, Полторацкий направил 30 апреля 1848 г. в «Journal des Débats» свой протест по поводу перепечатки из «Северной пчелы» клеветнических статей Булгарина и Греча¹⁰⁰ на революцию, которые расценивались им как мнение всей России. Возмутили Полторацкого и перепечатанные «Des Débats» из «Северной пчелы» хвалебные строки насчет самодержавно-крепостнических порядков¹⁰¹. В кратком, но чрезвычайно выразительном и даже гневном письме

таких фраз, понять их ироническое содержание. Так, например, в одном из писем он заявлял, что «старается чуждаться» «дел и смут политических» и что даже питает к ним «отвращение», а несколькими строками ниже сообщал: «Мы везде ездим, ходим. бывали на лекциях Кине и Легуве; перед Hotel de ville в толпе, страшной числом и шумом, по не беспорядком; около Маделены в день похорон народных» (из письма к И. А. Бессонову от 20/8 марта 1848 г.).

⁹⁸ ОР ГБЛ, ф. 233, п. 2, № 54 (письма Полторацкого к И. А. Бессонову от 28/16 и 29/17 июня 1848 г.).

⁹⁹ Там же, п. 3, № 97, л. 1

¹⁰⁰ См. «Северная пчела», 1848, 16, 24, 27 марта.

¹⁰¹ Позиция «Journal des Débats» в 1848 г. возмущала Полторацкого, который писал о нем. «„Débats“ поджал хвост; просит пощады и свободы своим экс-монархическим мнениям, но гладит республику. Это вечная

к редактору этой газеты Полторацкий, резко критикуя позиции Булгарина и Греча, заявил, что их мнение — это не мнение всей России и что «Северная пчела» «в своих выпадах против Франции... не выражает отношения России», мнения «просвещенных, здравомыслящих и беспристрастных русских»¹⁰². Он дал также отрицательную характеристику этим защитникам и апологетам самодержавия. «Булгарин — поляк, но он отрекся от своей родины и предал ее, чтобы отдать себя душой и телом русской полиции, — заявлял Полторацкий. — Известный поэт Пушкин написал по этому поводу эпиграмму на Булгарина, язвительную, но весьма справедлившую. Эта эпиграмма очень известна в России»¹⁰³. Не менее резко он отзывался и о Грече.

Среди бумаг Полторацкого сохранился черновик статьи, отосланной тогда в «Des Débats», которую он предлагал опубликовать, дабы показать действительное отношение русской общественности к французской революции¹⁰⁴. В ней он развивал отмеченные выше взгляды. Вполне очевидно, что Полторацкий, бурно переживавший клеветнические выпады против революционной Франции со стороны реакционной России, делился своими чувствами и мыслями с русскими и французскими друзьями. Не исключено, что именно они утвердили Полторацкого в мысли о необходимости заставить «Journal des Débats» публично заявить о действительном отношении к французской революции другой, передовой части России. Но «Des Débats», видимо, не решился опубликовать заявление и статью Полторацкого, резко выступившего против позиций реакционной России. И тем не менее сам факт выступления Полторацкого от имени передовой России, противопоставление ее отношения к революции отношению реакционных сил, что, несомненно, не осталось тайным для его французских друзей, имели немаловажное значение. Наряду с другими передовыми русскими людьми Полторацкий внес свою лепту, еще не оцененную исследователями, в укрепление содружества передовых русских и французских деятелей в это трудное для Франции время.

Другие очевидцы революции стали известны не только проявлением своего сочувственного отношения к ней или к отдельным этапам этой революции. Некоторые из них еще и активно участвовали в происходивших событиях, и не на стороне умеренных либералов, руководивших действиями Временного правительства, а на стороне демократов и даже сторонников не трехцветного, а красного знамени. Они смело заявляли при этом, что они представляют передовую Россию, ту, которая, в противовес реакционным силам, приветствует и поддерживает борьбу французов за

его роль; он всегда служит богу и „Мамоне“ (из письма Полторацкого к Бессонову от 20/8 марта 1848 г. — ОР ГБЛ, ф. 233, п. 2, № 53).

¹⁰² ОР ГБЛ, ф. 233, п. 13, № 34, без лл.; № 35, л. 5

¹⁰³ Там же, № 35, л. 1.

¹⁰⁴ Там же.

демократические права. Далеко не все оказались в состоянии понять классовый смысл таких событий, как 15 мая и июньское восстание пролетариата, но все они заявляли о своей солидарности с демократическими задачами революции.

Сообщая в 1848 г. своим друзьям в Россию об отношении к французской революции и даже об участии в ней некоторых русских, Герцен не преминул отметить А. А. Тучкова и И. В. Селиванова.

Опубликованное Б. П. Козьминым письмо И. В. Селиванова из Парижа от 29 июля 1848 г. помогает глубже раскрыть взгляды Селиванова. Оценивая позиции буржуазных республиканцев в революции 1848 г., он довольно скоро убедился, «как еще ничтожны слова: свобода, равенство и братство», если они не подкреплены материальной основой; понял, что даже при буржуазной республике, учрежденной во Франции, «еще много пройдет времени до тех пор, пока (эти декларированные лозунги.— *О. Ор.*) ...действительно осуществляются, примут плоть в обществе»¹⁰⁵. Считая, что и в России и во Франции «нисний класс лучше высшего, т. е. честнее и справедливее», Селиванов по возвращении в Россию развертывает просветительскую деятельность. Заподозренный в вольномыслии, в распространении якобы коммунистических идей, Селиванов был наряду с Огаревым, Тучковым и Сатиным арестован вскоре после возвращения из Франции и в 1850 г. выслан в Вятку¹⁰⁶.

В начале французских революционных событий из российского посольства в Париже в Петербург пришло донесение, встревожившее III Отделение (по предположению некоторых исследователей, оно могло быть составлено на основе информации Я. Н. Толстого)¹⁰⁷. В нем сообщалось о том, что якобы Бакунин, Головин, возвратившиеся немедленно в Париж «при перемене обстоятельств... вместе с Тургеневым и с бывшим при тамошнем посольстве протоиереем Лавровым участвовали в депутации поляков, которая, после ниспровержения монархии во Франции, приносила поздравления Временному правительству с изъявлением готовности составить особый легион народной гвардии»¹⁰⁸. Являясь в целом вымышленным, что подтверждается рядом других материалов, это донесение представляет все же интерес тем, что оно говорит о лицах, которые действительно (но не в отмеченных в донесении формах) участвовали в революции.

В нем впервые назван участником революции бывший священник русского посольства Лавров, который в 1844 г. ушел со службы, но отказался вернуться в Россию. В ряде других посольских

донесений о Лаврове было сообщено, что он, «читая республиканские идеи», высказывает отрицательные суждения «о России и государе императоре... и о самой религии, которой он был служителем»¹⁰⁹.

Что касается Головина, то известно, что он, как и Н. И. Сазонов, в 1848—1849 гг. входил в интернациональный клуб «Братство народов», в ноябре 1848 г. выступал в Париже с речью в связи с годовщиной польского восстания, в которой резко высказывался против монархической власти вообще, и особенно против «особы русского царя». По поступившим в посольство сведениям, его речь была встречена присутствовавшими на собрании польскими, французскими, немецкими и русскими деятелями «неистовыми аплодисментами и братскими объятиями»¹¹⁰. Стало известно также, что 29 ноября чествование памяти польского восстания открыл священнослужитель Семененко, который произнес торжественную проповедь в церкви St.-Roch¹¹¹. Среди присутствовавших на этом собрании были отмечены французы Вавен, бывший депутат Учредительного собрания, Жирард, офицер Национальной гвардии, Корбон, а также Станислав Ворцель, который «произнес большую речь по-польски», Мерославский и ряд других революционеров.

В 1849 г. Головин выступал в Верховном суде в Буржу в защиту революционеров. Тогда же им было издано несколько работ, получивших положительный отклик в прогрессивных кругах Франции. Среди них «Катехизис русского народа», в котором Головин проповедовал насильственное ниспровержение царской власти в России. Напечатанный в 1849 г. «Катехизис» появился в парижских книжных магазинах в 1850 г., уже в обстановке усилившейся реакции. Шеф парижской полиции П. Карлье, потребовавший изъятия «Катехизиса» из продажи, считал его написанным «в очень красном духе»¹¹². В этом произведении более выпукло, чем в предшествовавших работах, проступили и некоторые черты анархизма, которые были восприняты Головиным не без влияния Прудона.

Не избежал этого влияния в конце 40-х годов XIX в. и Н. И. Сазонов, одно время сотрудничавший в прудоновской газете «La Voix du Peuple». Но соглашательские позиции Прудона, его приспособленчество к строю политической реакции Луи Наполеона способствовали изживанию увлечения идеями Прудона¹¹³. Как он писал в мае 1850 г. из Женевы К. Марксу, это побудило его сделать «еще один шаг в вашем направлении»¹¹⁴. Однако этот

¹⁰⁹ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп 524, 1848 г., д. 172, л. 15.

¹¹⁰ Там же, д. 175, л. 407 (донесение Н. Д. Киселева гр. К. В. Нессельроде № 194 от 18/30 ноября 1848 г.).

¹¹¹ Там же, л. 405.

¹¹² «Звенья», т. I. М.—Л., 1932, стр. 199.

¹¹³ См. «Литературное наследство», т. 62, М., 1955, стр. 526—527.

¹¹⁴ Д. Рязанов. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. М., 1919, стр. 29.

¹⁰⁵ Б. П. Козьмин. И. В. Селиванов и его письмо из революционной Франции 1848 г.— «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 576.

¹⁰⁶ См. там же, стр. 579—587.

¹⁰⁷ См. Н. Пирумова. Бакунин. М., 1970, стр. 101.

¹⁰⁸ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Отчет III Отделения... за 1848 г., л. 128 об.

шаг был временным, и в 50-х годах Сазонов возвратился к либеральным позициям.

М. А. Бакунин в событиях 1848—1849 гг. занимал в западноевропейском движении позиции революционера. Первой революцией, в которой он принял весьма активное участие и которая, как увидим, оказала немалое влияние на дальнейшее формирование его идейных воззрений, стала февральская революция 1848 г. во Франции.

В Париж Бакунин вернулся из изгнания на третий же день после начала революции и сразу оказался в гуще событий. Он жил в казармах гвардии Марка Коссидьера, охранявшей общественный порядок в революционной столице. Там он без усталости проповедовал коммунизм и равенство заработной платы, «нивелирование во имя равенства» и «освобождение всех славян», а также вообще «революцию en permanence, войну до избиения последнего врага»¹¹⁵. По его словам, в Париже он участвовал «решительно во всех собраниях, сходбищах, клубах, процессиях, прогулках, демонстрациях; одним словом, втягивал в себя всеми чувствами, всеми порами упоительную революционную атмосферу»¹¹⁶. Но Бакунин не понял классовой сущности революции во Франции: он больше говорил о бескорыстии Франции и о работе ее для пользы всего человечества.

Свое отношение к революции Бакунин высказал публично уже в марте 1848 г. в газете «La Réforme». Справедливо отмечая большое международное значение февральской революции, ее влияние на подъем революционных движений в других странах Европы, Бакунин в то же время ошибочно полагал, что и в России будто бы назрели условия для революции, что страна на пороге революции. Оторванному от России, поверхностно знавшему российскую действительность Бакунину представлялось, что самодержавие является искусственной надстройкой, не связанной ни с каким классом, а потому и легко устранимым. В качестве активной силы в революционной борьбе против всего самодержавно-крепостнического строя России Бакунин еще раньше называл «огромную массу крестьян», которая уже давно бунтует. Большое значение он уделял также армии и, наконец, разночинной интеллигенции; особенно выделял «очень многочисленный промежуточный класс населения, состоящий из весьма разнородных элементов, класс беспокойный и буйный, готовый со всею страстью броситься в водоворот первого же революционного движения»¹¹⁷.

Не только плохое знание им современной внутриполитической обстановки в России, но и его идеалистические представления о революционной борьбе, чрезвычайной слабости старого мира, кото-

рый вот-вот может рухнуть после удара, нанесенного ему революцией во Франции, недооценка значения иных политических форм борьбы с правительством легли в основу этих убеждений. В дальнейшем развитие этих убеждений стало одной из причин его утверждения на позициях анархизма.

В 1848 г. во Франции Бакунин развил свою теорию создания славянской федерации. В той же «La Réforme» он открыто заявил, что «революционное движение прекратится только тогда, когда Европа, вся Европа, не исключая и России, превратится в федеративную демократическую республику»¹¹⁸. Проступавшая утопичность идеи славянской федерации, развитой Бакуниным дальше в «Воззвании к славянам», видна из неопределенности программы по созданию такой федерации, особенно в области социальной. Признавая это, можно отметить ее демократичность, а также и то, что в ней Бакуниным в проекте революционного социального переустройства Европы важная роль отводилась России и всему славянству. Однако эклектизм, свойственный взглядам Бакунина и в более позднее время, ясно проступал также и в конце 40-х годов XIX в., когда на его социальных воззрениях сказалось влияние идей, весьма различных по своему строю мысли и направлению, и прежде всего идей Вейтлинга и Прудона. Влияние Прудона сказалось в скептическом отношении Бакунина к революционной теории, а также в недооценке роли политической пропаганды в массах, в преувеличении их готовности к активной политической борьбе.

Ободренный дальнейшим влиянием революции во Франции, особенно на Австрийскую империю, где всколыхнулось национально-освободительное движение славянских народов, Бакунин пришел к выводу о необходимости своего непосредственного участия в борьбе славян. Он стремился активно содействовать восстанию в Польше, освобождению России. Не имея сколько-нибудь конкретных практических планов и средств для их осуществления, он тем не менее весной 1848 г. выехал из Франции, получив на дорогу 2000 франков от Временного правительства с помощью Флокона, Луи Блана и Ледрю-Роллена¹¹⁹.

Следует отметить, что тогда имя Бакунина пользовалось большим уважением, он приводил в восхищение многих передовых людей Франции. Не только Коссидьер, Флокон, Лавирон, Прудон, но и Жорж Санд, выступавшая от лица всех прогрессивных людей Франции, сочувствовавших делу освобождения европейских народов, поддерживала Бакунина. В начале 1849 г. Флокон опубликовал в «La Réforme» только что присланное Бакуниным «Воззвание к славянам», которое получили также Прудон, Рейхель, Гер-

¹¹⁵ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XI. М., 1957, стр. 355.

¹¹⁶ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I. М.—Пгр., 1923, стр. 130—131.

¹¹⁷ М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III. М., 1935, стр. 276.

¹¹⁸ Там же, стр. 296 (об этом же он говорил и в начале июня 1848 г. на славянском съезде в Праге).

¹¹⁹ В. Полонский. Михаил Александрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление, т. I. М.—Л., 1925, стр. 209—210.

вег, Лавирон, Жорж Санд и другие его друзья и знакомые. В предисловии в «Воззванию» Флокон дал высокую оценку активной революционной деятельности русского эмигранта: «Революционное произведение, перевод которого мы дальше даем, появилось на немецком языке в Лейпциге. Это — труд мужественный и энергичный. Наши друзья не забыли... русского изгнанника Михаила Бакунина...»¹²⁰

По просьбе Мишле, изучавшего освободительное движение не только в Западной Европе, но и в славянских странах, Герцен в 1851 г. написал для него специальную статью «Михаил Бакунин». Эту статью Мишле намеревался, хотя в итоге и безуспешно, опубликовать во Франции. Но имя Бакунина все же появилось тогда в печати — в послесловии к французскому изданию работы Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851 г.), в котором Герцен высоко оценил революционную энергию Михаила Бакунина: «Бакунин не видел другого средства уничтожить противоречие между мыслью и делом, кроме борьбы; он стал революционером»¹²¹.

Так события 1848—1849 гг., и в том числе революция во Франции, положили начало активной революционной деятельности Бакунина, способствовали дальнейшему развитию его идейных воззрений, упрочению мысли о необходимости освобождения славянских народов. Победа этих народов над старым режимом становилась, по его убеждению, залогом победы революции во всей Европе. Однако в трактовке Бакуниным этих вопросов было много неясного, проступала его слабость в революционной теории.

Пожалуй, ни один из русских современников, и тем более очевидцев французской революции 1848 г., не оставил о ней столько своих писем, заметок, воспоминаний, историко-литературных исследований, как А. И. Герцен. Да и влияние этой революции, пожалуй, ни на ком из русских современников не проявилось столь значительно и разносторонне, как на Герцене. Французской революции Герцен посвятил одни из лучших своих трудов: «Письма из Франции и Италии», «С того берега», «Былое и думы» (гл. V) и ряд других работ. В этих произведениях, так же как и в личных письмах к друзьям в Россию, он пытался выяснить причины и характер начавшейся революции во Франции, подверг анализу все важнейшие ее этапы, определил свое отношение к ним, ее значение для будущего революционного движения. Перед нами предстает блестящий, необычный по своей манере исследователь этой революции, у которого трезвость суждений историка переплетается с эмоциональностью литератора и публициста.

Позиция Герцена в отношении французской революции 1848 г., ее значение для дальнейшего формирования его философ-

ских, социальных, эстетических и прочих воззрений, его практическая деятельность во Франции в период революции в большей или меньшей степени освещены биографами Герцена, исследователями общественной мысли в России, историками русской литературы. Однако в целом проблема «Герцен в революции 1848 г.» и до настоящего времени не раскрыта. На это указывал еще в 1949 г. А. С. Нифонтов¹²².

Не претендуя в настоящей работе на рассмотрение всего комплекса вопросов, связанных с проблемой воздействия на Герцена революции 1848 г., остановимся только на ряде вопросов, а именно на его идейных связях и революционных контактах с передовой Францией в тот период.

В революционном Париже Герцен пробыл больше года (с мая 1848 по июнь 1849 г.). Приехав во Францию из Италии, Герцен не заявил, видимо, в российское посольство в Париже, что позволило ему вести значительное время независимый образ жизни: быть не только внимательным наблюдателем, но фактически участником революции во Франции. Он принимал участие в политических демонстрациях, оказывал материальную поддержку радикальной печати, активно сотрудничал в некоторых изданиях, посещал те политические клубы, в которых разрабатывались конкретные планы развития борьбы против современного буржуазного строя во Франции.

Только после участия Герцена в демонстрации 13 июня 1849 г. сведения о нем через французскую полицию дошли и до российского посольства в Париже. Начались усиленные розыски Герцена. Но еще и в начале августа местонахождение Герцена не было обнаружено посольством. Как это видно из донесения Н. Д. Киселеву от 2 августа 1849 г., сотрудник посольства, которому было поручено по регистрационным спискам паспортов российских подданных во Франции установить местонахождение Герцена, должен был констатировать безрезультатность всех поисков: «Я имею честь сообщить Вам, что я просмотрел регистрацию паспортов с марта месяца по сегодняшний день и я не нашел никакого следа о Герцене...»¹²³ Для поисков Герцена подключилась французская полиция, был отправлен запрос в Лондон¹²⁴. Узнав о преследовании, Герцен должен был выехать из Франции.

Мечтая о социальной революции в Европе и сначала веря в то, что февральская революция во Франции будто бы носила характер социальной революции, Герцен мучительно переживал «трусливую» и даже «злонамеренную» политику деятелей Временного правительства, в результате которой, по его мнению, погибла революция «социальная и развилась только политическая». Герцен был прав, когда видел в революции 1848 г. продолжение Великой

¹²² А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году, стр. 188.

¹²³ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, 1847—1850 гг., д. 170, л. 32.

¹²⁴ Там же, л. 33.

¹²⁰ М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III, стр. 533—534.

¹²¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. М., 1956, стр. 405.

французской революции XVIII в., но он ошибался, считая, что республиканская буржуазия середины XIX в. будет стоять за социальную революцию. Перед глазами Герцена прошла целая цепь поражений новой революции во Франции, прежде чем он понял всю несбыточность и нереальность своих прежних надежд.

Если оценки революции отражали в целом идеалистические исторические воззрения Герцена, то ряд суждений о движущих силах этой революции, характеристики ее отдельных этапов, как, например, майских событий и классовых позиций некоторых политических деятелей, в том числе Ледрю-Роллена и Луи Блана, свидетельствуют об элементах исторического материализма в его взглядах. Не случайно поэтому, что в ряде таких суждений Герцен сближался с К. Марксом. Так, Герцен подчеркивал, что вопреки парламентской оппозиции, которая не хотела идти дальше реформ, именно «парижский народ» провозгласил республику, вырвав ее у буржуазии¹²⁵. С такой глубиной значение народа в февральской победе было отражено только К. Марксом, который писал: «Февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке... буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе...»¹²⁶

После майских событий перед Герценом уже стали более четко вырисовываться возможные перспективы исхода революции. Считая, что после поражения демонстрации 15 мая по сути дела будет побеждена и республика¹²⁷, он предвидел в недалеком будущем обострение «страшной социальной войны». Июньские события подтвердили предположения Герцена. Но июньское восстание Герцен воспринял как месть пролетариата за все поражения в 1848 г., а не как первую великую битву между основными классами буржуазного общества, борьбу пролетариата против буржуазного строя вообще. Поражение восстания, поражение всей революции привели к падению веры Герцена в буржуазный республиканизм. Герцен разочаровался также в идеях французского утопического социализма, проповедники которого оказались не в состоянии стать действительными выразителями и защитниками интересов народа. Исход революций 1848 г. привел к кризису мировоззрения, с которым Герцен подошел к 1848 г. Этот кризис подготовил его переход к разработке теории «русского социализма».

Как о том свидетельствуют некоторые записи Герцена 40-х годов, еще до исхода 1848 г. он работал не только над синтезированием утопических построений западноевропейских мыслителей и выяснением революционного значения «движения работников» в странах Западной Европы — его внимание привлекли и особенности народного быта России. Уже тогда в его мировоззрении,

как отметил В. П. Волгин, возможно, намечались «зачатки идей об особой роли славянских народов в социалистическом перевороте»¹²⁸. В революционной Франции за несколько месяцев Герцен прошел суровую политическую школу. На фоне падения веры во французские социальные системы после 1848 г. могут быть поняты поиски Герценом новых сил, которые смогут, в противоположность Западу, осуществить переход к социализму. Такой силой ему представлялось крестьянство России. Основой для претворения в жизнь социализма на русской почве он считал поземельную общину.

Впервые наиболее полно Герцен изложил публично основы своего социализма в конце 40-х годов XIX в. в издаваемой Пруденом газете «La Voix du Peuple», а затем в письме-статье «Русский народ и социализм», адресованном французскому историку Мишле. В них представитель молодой России смело заявлял всей передовой Европе о существовании, помимо царской, — другой России, у которой будущее не менее великое, чем у «матери революции» — Франции.

Проблемы дальнейшей разработки теории социализма — создание научного социализма — не могли быть разрешены в то время русской общественной мыслью. Складывавшийся в середине XIX в. русский социализм был поэтому также утопическим социализмом. Но тем не менее вклад, внесенный передовой русской общественной мыслью, особенно начиная с Герцена, в развитие революционной мысли, был значительным. Как указывал В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»¹²⁹. Идеи «крестьянского социализма» владели умами лучших представителей следующего поколения революционеров России на новом — разночинском, буржуазно-демократическом — этапе освободительного движения.

В конце 40-х годов XIX в. Герцен стал одним из первых русских революционных деятелей, который активно и последовательно знакомил Западную Европу с передовой Россией и оказал воздействие на развитие европейской революционной демократии. С Герцена стал ощущим вклад русской революционной мысли в международном масштабе. Отмечая прогрессивные позиции, занятые русскими очевидцами по отношению к февральской революции 1848 г., участие русских в революционном движении, Герцен подчеркивал важность развития русско-французских революционных связей. 1 мая 1849 г. в Париже Герцен писал: «Для всего мира наступает новая эпоха; в ней Русь призвана играть новую роль...» После 1848 г. «имя русских повторяется при

¹²⁵ См. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. V. М., 1955, стр. 157, 315.

¹²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 28.

¹²⁷ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. V, стр. 132.

¹²⁸ В. П. Волгин. Социализм Герцена. — «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр. 49.

¹²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

всяком общем деле. Я вас спрашиваю, было ли что-нибудь подобное не только в первую революцию, но и после 30 июля? (1830 г.—*О. Ор.*)»¹³⁰. Публицистическая деятельность Герцена сначала во Франции, а затем в Англии, откуда он впервые открыто обратился от имени передовых сил России ко всем прогрессивно настроенным людям Европы с «вольным русским словом», стала новым вкладом в дело развития идейных и революционных связей между русскими и другими европейскими радикальными и революционными деятелями.

* * *

Все изложенное выше дает нам возможность еще раз подчеркнуть тесную связь развития общественной мысли и общественного движения в России с западноевропейским революционным процессом, позволяет говорить о начале активного участия деятелей русского освободительного движения в европейской революционной борьбе уже с первой половины XIX в. Это подтверждается связями представителей передовой России с революционным движением во Франции.

Антифеодальная борьба народных масс в России, антиправительственные настроения в среде передовой русской интеллигенции, выражавшей широкие симпатии и поддержку революциям, объективно укрепляли силы европейского революционного движения, так как они не только затормозили, но фактически сорвали замыслы монархов в 1848 г. начать крестовый поход против европейских революций уже в начале ее зарождения.

Важным международным событием, оказавшим значительное влияние на укрепление контактов между передовыми силами России и Франции, стала французская революция 1848 г. Она оказала также воздействие на общественную жизнь России, повлияла на процесс идейного размежевания, способствовала более четкому оформлению либеральной и революционно-демократической идеологий.

Глава шестая

Новые тенденции в отношении к России французской общественности

Вторая четверть XIX в. была сложным временем в процессе познания России прогрессивными кругами французской общественности. Поднявшаяся во Франции в 30-х годах XIX в. волна русофобии затрудняла развитие объективных представлений о внутрисполитических процессах, происходивших в стране. Усиление недоброжелательного отношения французов к России явилось отражением враждебного отношения к Николаю I и его контрреволюционной политике, которая отчетливо проявилась уже во время Июльской революции 1830 г., затем польского восстания 1830—1831 гг. и особенно революций 1848—1849 гг. Эмиграция большинства руководителей польского восстания и многих его участников во Францию, создание там польского центра освободительной борьбы способствовали длительному возбуждению французского общественного мнения¹. В те годы во французской прессе и литературе оживились высказывания по поводу так называемого «страшного казака» (в этом образе многим все еще представлялась Россия), который по требованию царя движется на Запад душировать цивилизацию и свободу². Отмечая настроения того времени во Франции и выясняя их причины, Герцен справедливо писал, что французы плохо относятся к России, потому, что они ее смешивают с правительством. Эти настроения нашли значительное отражение в публицистических статьях, художественных и научных сочинениях. Именно на них указывал Герцен, когда писал, что «в книгах о России недостатка нет; большую часть из них, однако, составляют политические памфлеты»³. Стараясь «картиной русского деспотизма» напугать Европу, авторы этих работ, по словам того же Герцена, не пытались вникнуть в жизнь страны, стоявшей за «фасадной империей», понять

¹ J. Dutkiewicz. Francja a Polska w 1831 r. Lodz, 1950.

² Е. В. Тарле. Император Николай I и французское общественное мнение.— «Запад и Россия». Пгр., 1918.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VI. М., 1955, стр. 191—192.

¹³⁰ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VI. М., 1955, стр. 146, 148.

ту «глухую и безмолвную, но деятельную и непрерывную»⁴ работу, которая подтачивала здание самодержавия.

И тем не менее тенденции нового подхода к России, новых оценок перспектив ее развития пробивали себе дорогу. Они проявлялись в различных формах, но более отчетливо — в литературе. Некоторые стороны этого процесса мало исследованы. Выяснение круга и характера источников, на которых базировалось то или иное восприятие России, а также взглядов на отдельные проблемы русской жизни поможет нам понять более широко, что же знали во Франции во второй четверти XIX в. о внутриполитических проблемах, идейной и культурной жизни страны, отделить вымыслы о ней от попыток более объективного освещения. В центре нашего внимания находятся труды некоторых французских исследователей 30—40-х годов XIX в. — времени сложного, насыщенного событиями и новыми явлениями в интеллектуальной жизни обеих стран.

Тесное переплетение науки, философии, литературы, искусства, столь характерное для первой четверти XIX в., продолжало сохраняться и в последующий период. Развитие этих направлений культуры во Франции проходило в таком постоянном взаимодействии друг с другом, что трудно, а иногда и невозможно выделить их из общего потока общественно-исторического творчества. Начавшийся в 30-х годах XIX в. пересмотр теоретических построений хода общественного развития, сделанных буржуазной романтической историографией в 20-х годах, и усилившееся внимание к антибуржуазным учениям социалистов-утопистов отразились на исторических, философских, литературных исследованиях, художественных произведениях. В кругу самих представителей романтической школы после утверждения июльской монархии произошел раскол. Многие из них, в том числе Гизо, Тьер, Тьерри и другие, оказались на правом фланге. Пересматривая свои прежние теоретические позиции, они насаждали теперь благонамеренные взгляды. С другой стороны, некоторые из них, такие как Мишле и Кине, стали противниками буржуазной монархии. Но тем не менее Кине не смог выйти за пределы буржуазной идеологии. По вопросу о путях дальнейшего развития всей Европы, в том числе России, с ним полемизировал Герцен. Мишле же начинали интересоваться идеями утопического социализма, которые, как мы еще увидим, в какой-то мере отразились на его дальнейших теоретических построениях.

Поиски доказательств или подкреплений новых теоретических догадок и предположений способствовали вниманию к новым, еще мало исследованным вопросам истории и современности. В тот период происходит значительное расширение региональных рамок исследований, представленных учеными прогрессивной традицией.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. М., 1955, стр. 211.

Значительное внимание начинает уделяться еще малоизученным славянским народам. Не случайно поэтому некоторые прогрессивно настроенные французские исследователи, в том числе Ж. Мишле, П. Мериме, Г.-Д. Лавердан, Ж.-Ш. Кердериуа и другие, стали инициаторами изучения истории и современной жизни русского народа, его культуры, общественной мысли, стремясь отойти от распространенного во Франции скептического мнения в отношении исторических судеб этого народа. Выявление общих исторических закономерностей в развитии славянских народов, наряду с выделением их специфических черт, укрепляло теоретические позиции исследователей, выступавших против ставших при Луи Филиппе официальными взглядов ряда буржуазных историков, которые ориентировали мысль не на анализ классовой борьбы и закономерности развития, а на изучение и показ исторической статистики.

Конечно, не только внутренние причины стимулировали интерес Франции к жизни России, ее народу. Очень важными побудительными причинами этого интереса были возрастающая роль России в европейских международных отношениях, а также подъем и расцвет русской культуры. Так, несмотря на отмеченные выше существенные негативные обстоятельства, целый ряд причин способствовал более целенаправленному и более объективному изучению России.

Возраставшие возможности для более активного обмена информацией ускоряли развитие всесторонних контактов, среди которых личные связи передовых французских и русских деятелей играли важную роль. Многие русские ехали во Францию для приятного и легкого времяпрепровождения. Этих людей мало интересовали проблемы внутриполитической жизни Франции, как, впрочем, и своей страны. Естественно, что от них французская интеллигенция не могла узнать новое о жизни России. Но, помимо них, в стране появлялось все больше не только широкообразованных, но и прогрессивно мыслящих представителей русской интеллигенции, интересовавшихся актуальными проблемами современности. Их контакты с передовой французской общественностью и являлись как раз одним из важных источников формирования нового подхода к восприятию России.

Участие русских в революционных событиях, в общественно-политической и культурной жизни Франции 30—40-х годов XIX в., появление в Париже первых представителей русской политической эмиграции несомненно способствовало развитию более активного и глубокого интереса во Франции к жизни передовой России, порождало взаимные симпатии и понимание⁵. Смелое обличение

⁵ Эти вопросы нашли отражение как в материалах современников, так и в работах советских и французских исследователей: «Остафьевский архив князей Вяземских», т. III—IV. СПб., 1899; «Письма А. И. Тургенева Булгаковым». М., 1939; А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964; «Литературное наследство», т. 29—32. М., 1937; т. 58

передовыми русскими современниками на страницах французской прессы крепостничества и самодержавия, выступления с антикрепостническими заявлениями в кругах передовой Франции, провозглашение идей свободы, а также глубокие оценки современного состояния Франции, перспектив ее развития — все это заставляло французскую общественность с большим вниманием, нежели это было ранее, прислушиваться к внешне малозаметной, но чрезвычайно важной работе, которую вело русское освободительное движение. И если Мишле в середине XIX в. решительно заявил о новых силах, вливавшихся в общеевропейский поток революционного движения, и указал, что эти силы идут из России, то еще раньше — в 30-х — первой половине 40-х годов — Гюго, Прудон, Леру, Анфантен, знавшие ряд русских современников, вслед за Сен-Симоном и Буонарроти стали размышлять над потенциальной огромной силой, таящейся в России, и с вниманием относиться к ее задачам и судьбам.

Разностороннему изучению России способствовало и пребывание в ней просвещенных французов, ехавших в страну с познавательными или научными целями. В 30-х годах XIX в., спустя некоторое время после Июльской революции, после того как несколько ослаб царский запрет на въезд французов в Россию, а также несколько улеглось общественное возбуждение в связи с исходом польского восстания, в страну устремилось много французов, интересовавшихся жизнью России. По справедливому мнению М. Кадо, одним из толчков к этому послужило пребывание прогрессивно настроенных русских людей во Франции⁶. Некоторые французы уже в России открыто высказывались против самодержавно-крепостнического строя, за что подвергались тайному надзору полиции или даже спешной высылке из страны. Об их республиканских настроениях, критических замечаниях по адресу «самых мудрых актов царского правительства», надеждах на то, что «их прекрасная Франция еще поведет вперед все другие страны», сообщалось даже в особой записке III Отделения в 1834 г.⁷

Как просвещенные русские, побывавшие во Франции, так и французы, возвратившиеся из России, стремились записать свои впечатления и наблюдения. Но русские были более ограничены в возможностях публикации своих критических суждений. Францу-

М., 1952, Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция Л., 1960; III. Корбе. Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX в.— «Международные связи русской литературы». М.—Л., 1963; В. М. Тарасова. Тургенев в Западной Европе в 30—50-е годы XIX в.— «Ученые записки Марийского пед. ин-та. Кафедра истории», т. XXVIII. Йошкар-Ола, 1966; А. Л. Нарочницкий. Две тенденции в развитии отношений между СССР и Францией.— «Новая и новейшая история», 1966, № 5; О. В. Орлик. Россия и французская революция 1830 года. М., 1968, и др.

⁶ М. Cadot. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. Paris, 1967, p. 11.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 2356, л. 1.

зы могли во Франции более свободно печатать свои мысли, критические оценки самодержавного строя, выступать против крепостнических порядков в России. Многих мыслящих французских современников, особенно тех, кто бывал в России, волновал вопрос и о том, «какая судьба ожидает эту страну, какое место она должна занять в Европе и в мире». Изучение положения народов России, антифеодальной борьбы крестьянства, а также богатств русской культуры стимулировало такие размышления.

Вполне понятно, что французские современники с трудом узнавали об общественно-политической борьбе, педшей в России. Но все же известия о ней по разным каналам доходили до французской интеллигенции: и из официальных посольских донесений, нередко сообщавших о создании тайных антиправительственных кружков, о смелых выступлениях одиночек, и из рассказов некоторых русских, знавших о настроениях передовой интеллигенции, и даже от тех французов, которые становились свидетелями, а иногда и участниками антиправительственной борьбы. Проницательный современник извлекал ценные сведения и из прогрессивной русской печати.

Все это способствовало тому, что во Франции, наряду со многими развлекательными статейками и сочинениями о России, появилось больше, чем в предшествующие десятилетия, довольно обстоятельных работ. В ряде газет и журналов («La Réforme», «Le National», «Le Constitutionnel» и др.), особенно с 40-х годов, начали чаще публиковать заметки и статьи о проявлении антиправительственных настроений среди русской интеллигенции, о волнениях в студенческой среде. Среди монографических работ выделялись труды Е. Роберта, Ф. Ле Пляя, Ж.-Г. Рора и других авторов, в которых проявлялся уже определенный интерес к общественной, культурной и научной жизни России, были даны первые, хотя еще и весьма неглубокие, оценки этой стороны русской действительности⁸. В конце 30-х годов несколько ученых и художников участвовали в научной экспедиции на юг России, которая была снаряжена на средства известного русского богача и мецената А. Н. Демидова, долгое время жившего во Франции и связанного с ее литературными и научными кругами. Эта экспедиция собрала ценный материал и о положении крестьянства.

Новые сведения о культурной и идейной жизни русской интеллигенции привел в своих работах литератор Ксавье Мармье, встречавшийся в 1842 г. в Москве с Герценом, А. И. Тургеневым, Чаадаевым (с последним он познакомился, правда, только накануне своего отъезда из России, о чем Чаадаев весьма сожалел). Оценив внимание Мармье к жизни России, Чаадаев с интересом беседовал с ним, рассказывал ему о взглядах славянофилов, изложил

⁸ E. Robert Lettres sur la Russie. [Paris], 1840; J.-G. Rohr. Un missionnaire républicain en Russie. vol. 1—3. Paris, 1852; F. Le Play. Les ouvriers européens. Paris, 1855.

«довольно живо» воззрения А. С. Хомякова «на сельскую общину». Кс. Мармье начал публиковать свои впечатления о России уже с декабря 1842 г.⁹ Некоторые русские современники, в том числе А. И. Тургенев, положительно отзывались о его работах. Так, Тургенев сразу же по прочтении его первых статей отметил в письме к кн. П. А. Вяземскому, что его взгляд на высший свет и другие вопросы довольно справедлив.

Общение с русской интеллигенцией несколько расширило представления о внутривосточной жизни России П. Сен-Жюльена, преподававшего в 30—40-х годах XIX в. французскую литературу в Петербургском университете. Если в целом работы Сен-Жюльена, в основном посвященные вопросам русской культуры, не отличались большой глубиной и оригинальностью, то ряд его суждений о наличии двух России — официальной и народной, некоторые наблюдения по поводу общественно-политической борьбы в стране представляются весьма убедительными. Так, он писал, что «народ, который в течение девяти веков, наперекор самым чудовищным превратностям истории, показывал наиболее блестящие примеры храбрости и патриотизма... заслуживает, чтобы о нем не судили так поверхностно...», что «русская нация имеет свое существование, совершенно независимое от политики своего правительства, и, вместо того чтобы судить о нации à priori, надо присмотреться к ее общественной жизни, изучить ее характер, нравы и обычаи»¹⁰.

События общественно-политической жизни России привлекли внимание жившего в 40-х годах XIX в. в стране Ж.-Г. Рора, тогда же писавшего свою книгу «Un missionnaire républicain en Russie», изданную в Париже в 1852 г. Увлеченный идеей «обратить Россию в республику», Рор намекал в книге на свое личное участие в антиправительственных действиях, что нам кажется сомнительным. Известно только, что в России Рор действительно много времени посвятил изучению общественной мысли, знал о шедших спорах западников со славянофилами и даже, возможно, принимал в них участие. Он восхищался произведениями Белинского и Герцена, считал, что складывавшаяся натуральная школа «начинает критический реализм следующей эпохи». И вместе с тем Рор не смог глубоко разобраться в основных вопросах теоретических споров, что и нашло отражение в его работе, подвергнувшейся справедливой критике Герцена¹¹.

Расцвет творчества А. С. Пушкина, во многом способствовавший началу изменений в характере отношений между новой рус-

ской и западными литературами, прокладывал путь к признанию русской литературы и во Франции. В откликах французской печати на гибель поэта («Journal des Débats», «Revue des Deux Mondes», «Le Globe») прозвучало глубокое уважение к его имени, была дана высокая оценка его творчеству, отмечен вклад, внесенный им в сокровищницу европейской культуры. Эту мысль проводили Леве Веймар, Шарль Бодье. Адам Мицкевич писал в «Le Globe»: «Если бы не существовало произведений Байрона, то Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своего времени»¹². 5 марта 1837 г. «Le Temps» опубликовала присланные из России воспоминания о Пушкине во время его южной ссылки. В июне того же года в «Revue française et étrangère» появился перевод отдельных частей «Бориса Годунова» с вступительной статьей графа Сиркура о творчестве поэта.

Изучение русских классиков, особенно Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, было развито Проспером Мериме, немало сделавшим для популяризации их творчества во Франции. Изучив русский язык, он перевел на французский многие их произведения. Его перу принадлежит не только цикл статей о творчестве крупнейших классиков русской литературы, но также работы по истории России — о восстании Степана Разина, о Петре I, о Богдане Хмельницком и др. В России деятельность Мериме была высоко оценена: он был избран почетным членом «Общества любителей российской словесности».

По мере накопления сведений о России происходила известная дифференциация интересов, что выражалось как в стремлении глубже изучить отдельные области огромной страны, так и в желании серьезнее познакомиться с ее историей, культурой, различными направлениями общественно-политической жизни. Это относится к работам П. де Сомбрея, А. де Виньи, Ж. Мишле, в которых уделено внимание окраинам России, в том числе Сибири, а также Э. Робине, Ш. Ромея, А. Жакоба, А. Ламартина и др.

В 1843 г. в Париже вышла книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», на шумевшая тогда в Европе. И хотя ее автор не принадлежал к прогрессивным кругам французской общественности, а сама работа не внесла нового в познание идейно-культурной жизни и освободительного движения в России, тем не менее это произведение, как и история его создания, заслуживает специального рассмотрения.

В июне 1839 г. А. И. Тургенев сообщал из Киссингена П. А. Вяземскому, что в Россию едет маркиз де Кюстин, известный французский путешественник и литератор. Тургенев просил кн. Вяземского познакомить его с В. Ф. Одоевским, Чаадаевым, братьями Булгаковыми, Свербеевыми¹³. Выходец из старой аристократической фамилии, убежденный клерикал и консерватор, Кюстин

⁹ См. «Revue des Deux Mondes», décembre 1842; février, avril 1843. X. *Mar-mier*. *Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne* Paris, 1851

¹⁰ «Литературное наследство», т. 58, стр. 328 Сен-Жюльен одним из первых во Франции раскрыл также значение Пушкина как историка, исследователя народных движений в России (см. «Revue des Deux Mondes», 1847, t. XX).

¹¹ См. А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XXV. М., 1961, стр. 23.

¹² «Le Globe», 25 mai 1837.

¹³ См. «Остафьевский архив князей Вяземских», т. IV, стр. 79

ехал в Россию в надежде найти дополнительные аргументы против представительного правления. Еще до своей поездки в Россию Кюстин читал о ней некоторые работы, вышедшие во Франции, беседовал в салоне мадам Рекамье с А. И. Тургеневым. Видимо, в Киссингене, по пути в Россию, он тоже встречался с Тургеневым, после чего тот и написал Вяземскому. От Тургенева Кюстин мог получить интересные сведения о России. Не исключено, что еще во Франции им было прочитано в рукописи «Философическое письмо» Чаадаева, список которого находился у Тургенева (сомнительно, что с «Письмом» он мог познакомиться в России)¹⁴. Во всяком случае взгляды Чаадаева весьма интересовали Кюстина и оказали даже некоторое влияние на его отдельные философские размышления в работе о России.

Тогда же по пути в Россию, во Франкфурте, Кюстин встречался с кн. П. Б. Козловским, широко эрудированным человеком, служившим по дипломатической части и долгое время прожившим за границей. Будучи знатоком русской истории и культуры, он мог быть полезным советчиком для Кюстина. Итак, Кюстин приближался к России уже с некоторыми сведениями о стране, полученными из разных источников.

Как же воспринял Кюстин Россию? К каким выводам он пришел после ознакомления с ее политическим и социальным строем?

Зная о роялистских взглядах Кюстина, о его отрицательном отношении к июльской монархии, Николай I сначала благожелательно встретил его приезд в Россию. Царь надеялся, что с помощью Кюстина он активизирует общественное мнение на Западе в пользу пошатнувшейся славы принципов самодержавного строя. В это сначала верил и сам Кюстин. Но знакомство с николаевским режимом привело к обратному: он стал его противником, а книга Кюстина «Россия в 1839 году» оказалась объективно жесточайшим приговором царскому самодержавию. «В Россию я привез предрассудок, который теперь не разделяю,— писал Кюстин в этой работе.— Вместе со многими умными людьми я думал, что самодержавие черпает свою силу в господствующем вокруг него равенстве... Между кастами... царит ненависть, и я напрасно ищу хваленое равенство, о котором мне столько наговорили»¹⁵.

Тягостное чувство от самодержавного строя у Кюстина усиливалось, возможно, и под воздействием настроений некоторых оппозиционно настроенных русских людей, с которыми он беседовал,— П. Я. Чаадаева, П. А. Вяземского, Д. Н. Свербеева, приехавшего на родину А. И. Тургенева. В Петербурге он встречался с весьма прогрессивно настроенными молодыми военными, отпущенными в отпуск со службы на Кавказе. Существует предполо-

жение французских исследователей Ш. Кене и М. Кадо, что это были участники лермонтовского «Кружка шестнадцати». Кене даже считал, что Кюстин был подвергнут «влиянию юных офицеров, уже бывших или только становившихся либеральными под гнетом Николая I»¹⁶. Однако это любопытное предположение пока не подтверждено какими-либо источниками. Переписка автора книги «Россия в 1839 году» известна далеко не полностью. Много неясных моментов осталось и в путешествии Кюстина по России, в его связях с русскими современниками. Но, видимо, не без влияния настроений некоторых русских Кюстин пришел к мысли, что самодержавный строй в действительности далеко не прочен и что «Россия — котел с кипящей водой, котел крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся все сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва. И не я один его боюсь!»¹⁷. Об этом тоже нередко поговаривали в придворных кругах, гостем которых он был и которые подверг затем разоблачающей критике. На мысль о непрочности самодержавного строя его наводили и картины положения крепостного крестьянства, которые он хотя бегло и поверхностно, но наблюдал во время поездок по России: «Все страдают в России, но люди, которыми торгуют, как вещами, страдают больше всех»¹⁸.

Однако отдельные сочувственные и даже доброжелательные высказывания Кюстина о русском народе не перекрывают общего тона иронии, раздражительности, который довлеет в книге. Не разглядев огромных духовных сил народа, не веря в его лучшее будущее, он не оценил и значения выступления декабристов, и тех новых явлений в культуре, связанных прежде всего с именами Пушкина и Лермонтова. Все это, видимо, определялось разными причинами, и в том числе предвзятостью представлений о русском народе, сложившейся у чужеземца-аристократа еще раньше, до поездки в Россию, и в общем-то довольно поверхностным знакомством с его историей и современной жизнью. Такое отношение вытекало и из характера критики николаевского режима. Эта критика давалась не с радикальных позиций, а шла, видимо, от восприятия Кюстином некоторых идей христианского социализма, получившего в то время распространение во Франции.

Вполне естественно, что сразу же после опубликования книга Кюстина получила много различных оценок и вызвала противоречивые суждения. Как писал летом и зимой 1843 г. из Парижа А. И. Тургенев, чуть ли не каждый день журналы и газеты приносили новые заметки о Кюстине; начали выходить и отдельно изданные работы. «Есть и русские и за русских,— отмечал Тургенев,— в „*Presse*“, в „*Démocratie pacifique*“ (Убри), в „*Indépendant*“ (Опера, бывшего долго в России, но этот не за нас)... В „*Дебатах*“, давно обещавших статью о К[юстине],— будет, как слышно, статья

¹⁴ *Ch. Quénet. Tchaadaïev et les Lettres philosophiques. Paris, 1931, p. 295, etc.*

¹⁵ *A. de Кюстин. Николаевская Россия (перевод с франц.). М., 1930, стр. 225.*

¹⁶ *Ch. Quénet. Op. cit., p. 294.*

¹⁷ *A. de Кюстин. Указ. соч., стр. 135.*

¹⁸ Там же, стр. 225.

длинная, которую готовит St. Marc Girarden, профессор литературы и один из редакторов „Дебатских“»¹⁹. Наблюдательный Тургенев втайне одобрял резкие нападки Кюстина на самодержавно-крепостнический строй, но с суждениями Кюстина о русском народе, его дальнейшей судьбе решительно не соглашался и, более того, тяжело их переживал. Иронизируя по поводу неуклюжих стараний деятелей реакционной России защитить свои позиции, Тургенев ядовито писал о неудачных попытках Греча, спешно направленного во Францию²⁰. «Что-то высидит здесь Греч..., — замечал он, — первый шпион его императорского величества». И в то же время Тургенев ратовал за серьезный анализ книги Кюстина. «Откликнись на Кюстина... — писал он кн. Вяземскому в июле. — Книга читается всей Европой; пожалуйста, напиши свое мнение не о фактах, qu'il faut ne priser comme tels *, но о принципах, о впечатлениях...»²¹.

Наиболее глубокий критический разбор всех сторон работы Кюстина был сделан уже в 1849 г. А. И. Герценом, который, отмечая умение Кюстина вскрыть некоторые пороки самодержавного строя России и изобразить их, подчеркивал, что Кюстин в целом пренебрег другой важнейшей стороной русской действительности — «образом жизни русского народа». Поэтому, как показал Герцен, несмотря на меткие наблюдения и замечания, Кюстин «не захотел ничего увидеть позади этих фасадов» (придворных сфер. — *О. Ор.*) и утверждал, что «двор — это все в России»²².

¹⁹ «Письма А. И. Тургенева Булгаковым» стр. 264—265.

²⁰ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. IV, стр. 274.

* которые заслуживают презрения как таковые (*франц.*).

²¹ Там же, стр. 256.

²² А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VI, стр. 197. Следует отметить, что в XIX в. большинство русских исследователей подходили к этой работе в основном с официальных позиций. Современные же, в том числе и советские, исследователи не подвергли ее еще глубокому анализу, не вскрыли всех причин возникшего к ней внимания. В последнее время интересную попытку всестороннего изучения поездки Кюстина в Россию и его книги сделал М. Кадо в исследовании «Россия в духовной жизни Франции. 1839—1856» (Париж, 1967). Кюстин занимает одно из центральных мест в книге Кадо. Даже начальный рубеж своей работы автор определяет прежде всего временем пребывания Кюстина в России, считая, что только после появления книги Кюстина во Франции пробудился интерес к России (*M. Cadot. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856, p. 173*).

Автор недооценивает значение русско-французских общественно-революционных и культурных связей в предшествующее время.

В целом же попытка М. Кадо дать собственную трактовку сочинения Кюстина заслуживает внимания; особенно привлекают своей новизной предположения об источниках книги. Однако вызывает возражение утверждение автора, что книга Кюстина имела важное значение потому, что была насыщена отзывами о России передовых русских людей. Заимствование Кюстином отдельных положений из «Философических писем» Чаадаева, в основном философско-религиозного плана, и даже отражение в его книге некоторых взглядов и высказываний так называемых «русских информаторов» не могут еще служить достаточ-

Оживленное обсуждение европейской общественностью книги Кюстина побудило и других авторов к созданию новых трудов о России. В 1845 г. появилась работа либерально настроенного Ф. Лакруа, подвергнутого резкой критике самодержавный режим Николая I, который был обрисован им порой в гротескном стиле. Но вместе с тем он, как и Кюстин, не придавал значения пробуждающимся революционным силам. Полагая, что только буржуазия может возглавить и поддержать революционную борьбу, Лакруа считал возможный подъем освободительного движения в России делом далекого будущего. «Все свидетельствует о том, — писал он в 1845 г., — что рассвет не занялся над Россией...»²³ Отсутствие в стране революционно настроенной буржуазии, по его мнению, было одной из основных причин поражения декабристов.

В появившейся в 1845 г. во Франции (перевод с английского) книге шведа Ш.-Ф. Хеннингсена, служившего ранее в России, общественному движению уже было уделено значительно больше внимания, чем в предшествующих работах. Как бы продолжая традицию прогрессивной французской печати 20-х годов XIX в., Хеннингсен высоко оценил дело декабристов, их высокий гражданский подвиг²⁴.

После поражения революции 1848 г. общественно-политическое движение во Франции переживало период спада. В 50-х годах XIX в. в стране не было широкого политического движения против режима империи Луи Наполеона, хотя республиканская и социалистическая агитация тогда продолжалась, делались попытки создания тайных обществ, готовились отдельные террористические акты. Французская теоретическая мысль также переживала трудный период.

Исход революции, кризис теорий социалистов-утопистов вызвали раздумья по поводу перспектив европейского революционного движения, способствовали повышенному вниманию части французской интеллигенции к освободительной мысли и борьбе в России, стране, которая, по справедливому мнению некоторых современников, все более втягивалась в общеевропейскую освободительную борьбу и революционное движение которой шло к подъему. О надеждах, возлагаемых передовыми кругами Европы на Россию, в середине XIX в. говорили уже многие современники, и в том числе — на закате своих дней — великий английский социалист-

ным основанием для столь широких выводов К тому же, и это главное, выводы самого Кюстина о русском народе и его будущем расходились со взглядами передовой русской интеллигенции, которая сразу же подвергла их критике (подробнее см.: *О. В. Орлик. Рец. на книгу М. Кадо «Россия в духовной жизни Франции. 1839—1856».* — «История СССР», 1969, № 3, стр. 222—225).

²³ *F. Lacroux. Les mystères de la Russie. Paris, 1845, p. 104.*

²⁴ [*Ch.-F. Henningsen. Révelations sur la Russie. t. I—III. Paris, 1845, p. 81.* Книга вышла анонимно. Ее автор стал известен только много лет спустя. В 1848—1849 гг. Хеннингсен участвовал в национально-освободительной войне венгерского народа.

утолист Роберт Оуэн. Так, в разговоре с А. И. Герценом в 1852 г. он сказал: «Я жду великого от вашей родины...»²⁵

Некоторые наблюдательные французы даже отмечали, что революционный подъем в России, видимо, будет связан с новыми общественными силами — революционеров-разночинцев, которые значительно активизировались в 40-х годах. Как писал Ж. де Ланьи, уже тогда «Россия покрылась широкой сетью тайных обществ», большую роль в которых играли разночинцы; в 1848 г. «разночинцы продолжали заговор...»²⁶. (Вполне возможно, что здесь автор имел в виду петрашевцев.) Эту же мысль еще раньше Ланьи развивал Адам Мицкевич в курсе славянских литератур, прочитанном в Collège de France. Исполненный «решимости высказать все, что Франция должна знать о славянских странах», он подчеркивал, что и в России идея прогресса со временем будет все больше крепнуть, потому что она «живет в духе народа».

Контакты с некоторыми французскими деятелями, установленные членами Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Савичем, Г. Андруским, В. М. Белозерским, П. А. Кулишом и другими во время их пребывания в Париже, способствовали привлечению известного внимания французской интеллигенции к этому обществу. Существует предположение, что французу Лессажу, проживавшему в 40-х годах в России, по рекомендации Т. Г. Шевченко был поручен провоз во Францию текста воззвания общества к малороссиянам для напечатания его там²⁷. Разгром общества царскими властями и арест его членов получили отклик во французской прессе.

17 января 1851 г. «Journal des Débats» опубликовал сообщение о прошедшем в России политическом процессе по делу петрашевцев, которое весьма заинтересовало, например, Ж. Мишле, обратившегося даже с просьбой к Герцену написать о петрашевцах специальную статью, чтобы более широко и объективно ознакомить французскую общественность с деятелями освободительного движения 40-х годов в России. Вскоре Герцен написал статью о Петрашевском и отправил ее Мишле, но тогда издать ее не удалось, и она в 1908 г. была обнаружена в архиве Мишле²⁸. В 1851 г. известие о петрашевцах появилось также в «Annuaire des Deux Mondes».

Как известно, большую роль в формировании объективного и всестороннего представления на Западе о русском освободительном движении сыграл А. И. Герцен. Его публицистическая деятельность за границей развернулась в трудное время, когда стало особенно важным разоблачение реакционных внешнеполитических устремлений монархов и освещение растущих контактов между пе-

редовыми деятелями Европы. «Русское правительство, потрудившись двадцать лет,— писал Герцен в 1851 г.,— достигло того, что связало Россию неразрывными узами с революционной Европой»²⁹. Благодаря Герцену французская общественность получила серьезные исследования о русском освободительном движении, о передовых общественных идеях. Это прежде всего работы «Россия», опубликованная в прудоновском журнале в 1849 г., «Русский народ и социализм» и «О развитии революционных идей в России», появившиеся в 1851 г. Из них во Франции обстоятельно узнали о социальной и политической программе декабристов, о преемниках их революционного дела. С большим уважением писал Герцен о заслугах перед русским освободительным движением Белинского, на статьях которого «воспитывалась вся учащаяся молодежь»³⁰, об активной революционной деятельности в Европе Бакунина. В работах Герцена конца 40-х — начала 50-х годов XIX в. были изложены и его собственные новые социальные воззрения, которые получили отклик во Франции.

Влияние идей Герцена отразилось на некоторых французских исследованиях о России, вышедших в 50-х годах XIX в.: на работах Ж. Мишле, Е. Освальда, Г.-Д. Лавердана и других. К числу сторонников взглядов Герцена на перспективы развития страны можно отнести и французского республиканца, участника революции 1848 г. Ж.-Ш. Кердеруа, знавшего его работы и в известной мере тоже находившегося под их идейным влиянием. Высланный в июне 1849 г. из Франции, наряду со многими другими революционерами, Кердеруа продолжал и в эмиграции активную общественную и публицистическую деятельность. В его первой книге, изданной в Брюсселе в 1852 г., проводилась мысль, что, возможно, Россия, в которой нет «разложившейся» буржуазии, станет первой страной с новым социальным устройством и через соприкосновение с ней начнется новая революция и в Западной Европе. Придет время, отмечал Кердеруа, «и однажды русские будут названы старейшими братьями социализма»³¹. Взгляды на мировую революцию, на роль в ней русских сближали автора этой работы и с позициями Бакунина, влияние идей которого тоже сказалось на ряде работ, вышедших в середине XIX в.³²

Трактовка разрабатываемых Мишле вопросов, связанных с освободительным движением в России, испытала на себе влияние идейных воззрений Герцена. Относясь доброжелательно к русскому народу, но не зная о многих событиях его истории, о революционном движении в современной России, Мишле не всегда оказывался прав в своих суждениях и выводах о будущем страны. Указывая

²⁵ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XI. М., 1957, стр. 207.

²⁶ G. de Lagny. Le knout et les russes. Paris, 1853, p. 74.

²⁷ П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959, стр. 102—103.

²⁸ См. «Петрашевцы в воспоминаниях современников». М.—Л., 1926, стр. 83.

²⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII. М., 1956, стр. 257.

³⁰ Там же, стр. 237.

³¹ Coeurderoy. La Révolution dans l'homme et dans la société. Bruxelles, 1852.

³² См. М. Негглау. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. Пгр.—М., 1920.

на это и критически разбирая его «Легенду о Костюшко» (1851 г.) в «L'Avènement du Peuple», Герцен способствовал формированию у него объективного представления о происходящих в России процессах. Мишле с большой благодарностью воспринимал замечания Герцена, использовал присылаемые им новые сведения о русских деятелях освободительного движения, которые вошли в новое издание его работы. В ней автор уже высоко оценил значение выступления декабристов для развертывания революционной борьбы в России, подчеркнув, что день их гибели стал днем «совести России, ее пророческой совестью», так как «то, о чем она будет размышлять... уже находилось в гении Пестеля, в сердце Рыльева»³³.

Можно предположить, что влияние Герцена в какой-то мере отразилось вообще на идейных исканиях Мишле середины XIX в. Известно, что именно тогда краеугольный камень, на котором покоилась его историческая концепция, — собственность — пошатнулся. Если еще в книге «Народ» (1846 г.), явившейся плодом его глубокого разочарования Июльской революцией 1830 г., Мишле страстно доказывал пользу частной собственности для народа, противопоставляя утопическому социализму свою мелкобуржуазную утопию, где люди, перевоспитанные «гражданской любовью», сохраняют собственность и все социальные различия, то в 50-х годах он уже начинает пересматривать свои прежние воззрения.

Поражение революции 1848 г., падение Второй республики во Франции, что, по оценке Мишле, явилось как раз следствием чрезмерной заботы о частной собственности, привели его к мысли о том, что первоначальное решение им вопроса о собственности было слишком идиллическим и на практике нежизненным. Эти размышления подкрепили проведенный им анализ причин незавершенности французских революций, а также его раздумья над социальными теориями великих утопистов XIX в. Видимо, Мишле, знавший о социальных воззрениях Герцена, выступившего с идеей «русского социализма», не мог не заинтересоваться его исходными положениями — верой в общинную собственность как основу для построения нового социального строя в России, стране, возраставшее значение которой в европейской истории Мишле уже отмечал. Идеи Герцена могли стать для него еще одним подтверждением необходимости пересмотра своих прежних воззрений. Впоследствии Мишле признавал, что изменение его отношения к собственности началось с 50-х годов: «В „Народе“ (1846 г.) я был безоговорочно за собственность; в „Истории революции“ (1852 г.) уже с оговорками..»³⁴

* * *

³³ J. Michelet *Légendes*. Paris, 1854, p. 230. Недавно под редакцией М. Кадо вышло новое издание: J. Michelet. *Légendes démocratiques du Nord*. Paris, 1968.

³⁴ J. Michelet. *Histoire du XIX siècle*, t II Paris, 1875, p. 145.

Так, более систематическое ознакомление с жизнью России, накопление положительных сведений о ней постепенно подготавливали почву для упрочения новых тенденций в восприятии и оценках России французской общественностью. Именно тех тенденций, которые свидетельствовали о проявлявшемся различном отношении к России передовой, солидаризирующейся с прогрессивными силами Западной Европы, и к России официальной, царской. К середине XIX в., несмотря на ряд отмеченных нами сложностей и трудностей как внутривосточного, так и международного характера, в результате совместных усилий прогрессивной русской и французской интеллигенции, во Франции не только распространялись положительные сведения об общественно-политической жизни России, но и появлялись первые сторонники передовых идей, зародившихся на русской почве, начинало крепнуть убеждение в перспективности развития освободительной борьбы в России.

Конечно, еще нельзя утверждать, что тогда во Франции действительно узнали Россию, как и нельзя считать, что число почитателей русской культуры было велико и что русское освободительное движение получало во Франции значительный резонанс. Но можно довольно точно сказать, что тогда были заложены основы для широкого признания в дальнейшем роли и влияния русской культуры, ее передовой общественной мысли, международного значения гражданского подвига, совершаемого в условиях самодержавного режима ее борцами-революционерами.

Заключение

Исследование русско-французских общественно-революционных связей первой половины XIX в. показывает насколько многогранными были формы этих связей, какова была их роль в сложном процессе формирования русской революционной мысли, освободительного движения; оно позволяет также более полно представить как и под влиянием каких факторов шло в передовых кругах Франции развитие внимания и интереса к общественному движению в России, как формировались традиции дружеских отношений между народами обеих стран.

Характерной чертой передовой интеллигенции России, отчетливо проявившейся в ее контактах с деятелями других европейских государств, было сочетание поддержки народа своей страны в его борьбе против эксплуатации и угнетения с уважением к народам других стран, с поддержкой их освободительной борьбы. Освещение некоторых аспектов отношения передовой интеллигенции России к революционной Франции в первой половине XIX в. позволяет полнее раскрыть эти черты.

Представители русской передовой интеллигенции откликались на все важнейшие проявления идейно-политической жизни во Франции, особенно на революционные события в этой стране. Критически изучая эти события, они извлекали из них уроки, делали свои выводы и обобщения. Французские революции воспринимались русскими современниками — представителями разных идейных течений общественного движения — в зависимости от их отношения к самодержавно-крепостническому строю, к проблемам социально-экономических и политических преобразований в своей стране. Чем более радикальными были взгляды отдельных групп русской интеллигенции на возможность коренных преобразований в России, тем большую поддержку и симпатии выражали они революционному переустройству во Франции.

Интеллигенция России первой половины XIX в. с вниманием следила не только за современной ей революционной борьбой во Франции. Она уделяла большое внимание Великой французской

революции конца XVIII в. Критический анализ опыта и уроков этой революции, а также тех идей, которые родились в процессе развития революции, под влиянием ее исхода, заняли важное место в идейной жизни передовой России первой половины XIX в. Это было время поисков в России своих ответов на вопросы, поставленные французской буржуазной революцией. Так, декабристы, понимавшие, что Россия закономерно проходила через те же этапы исторического развития, что и другие европейские страны, пытались использовать опыт других народов. При выработке революционной идеологии они опирались на исторический опыт своей страны, использовали идейное наследие ее передовых мыслителей и в то же время испытывали влияние передовых идей других стран. Углублению познания процесса общественного развития, выявлению закономерностей революции в истории помогало также критическое освоение идейного богатства французских просветителей XVIII в., идеологически подготовивших Великую французскую революцию, теорий философов, экономистов, историков начала XIX в. и, конечно, уроков самой революции.

Поставленные французской революцией конца XVIII в. вопросы приобрели в период дальнейшего развития революционной борьбы в Европе и национально-освободительных движений XIX в. особую важность. В первой половине XIX в. в России они нашли отражение во взглядах декабристов и получили новую трактовку в революционно-демократической идеологии. Так, критически осмысленные, воспринятые исходя из условий внутриполитического развития России и задач, стоявших перед ней, идеи революционной Франции, освободительного движения других европейских стран содействовали вызреванию возникшей на русской почве революционной идеологии.

Большой отклик в среде не только дворянской, но и разночинной интеллигенции и даже в широких демократических слоях населения страны нашли французские революции 1830 и 1848 гг. Их уроки оказали определенное воздействие на процесс формирования общественного движения в России, на углубление идейного размежевания в нем. Исход Июльской буржуазной революции, как и других революционных событий начала 30-х годов XIX в., породил первое глубокое разочарование буржуазным строем, усилил понимание частью передовой интеллигенции ограниченности идей декабристов, показал необходимость поисков новых социальных идеалов. Росло также сомнение в возможности борьбы за всеобщее благополучие без участия народа.

Вполне естественно, что в начале 30-х годов XIX в. неудовлетворенность программой декабристов, их методами борьбы еще не получила сколько-нибудь законченного теоретического оформления. Скорее она отражала начавшийся процесс идейного поиска, когда еще были только намечены первые шаги от дворянской революционности к революционному демократизму. В 40-х годах

пло формирование революционно-демократической идеологии. Углублявшийся кризис феодально-крепостнической системы в России острее ставил вопрос о методах ликвидации старого строя, о путях дальнейшего развития страны. Обострившиеся классовые противоречия в буржуазных государствах Запада раскрывали передовой общественности России несовершенство этого строя, показывали необходимость поисков других идеалов для будущего своей страны.

Теории французских социалистов-утопистов, проповедовавших новые социальные отношения, проникли в русскую общественную мысль, привлекли значительное внимание просвещенной интеллигенции 30—40-х годов XIX в. Зарождение в России социалистической мысли, первыми представителями которой стали А. И. Герцен и Н. П. Огарев, отношение к социалистическим идеям деятелей других течений в общественном движении свидетельствовали об углублении идейных расхождений в среде русской интеллигенции, о шедшем процессе вызревания идеологии революционного демократизма, с одной стороны, и либерализма — с другой. Революция 1848 г., и особенно ее исход, в известной степени ускорили формирование этих воззрений, складывание двух направлений в общественном движении России.

Передовые представители общественности России всегда подчеркивали важность укрепления прямых контактов с деятелями освободительного движения других стран, особенно — революционной Франции. Уже декабристы внесли свою значительную лепту в установление личных контактов с прогрессивными деятелями Франции. Эти контакты первых русских революционеров были продолжены и расширены представителями следующих поколений революционеров.

Во время пребывания во Франции в первые годы после окончания Отечественной войны 1812 года многие будущие декабристы и их единомышленники участвовали вместе с французами в обсуждении острых политических тем, а также исторических событий, среди которых большое место занимала Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Анализируя высказываемые в печати и в устной полемике взгляды французских деятелей различной политической ориентации на современный строй Франции, на перспективы развития этой страны, многие будущие декабристы — очевидцы растущего недовольства режимом Реставрации — все больше склонялись к поддержке французских оппозиционных сил. Тогда им во многом импонировали взгляды Б. Константа, Ф. Гизо, с которыми они поддерживали и личные связи.

Но при обсуждении французских дел некоторые представители прогрессивной русской интеллигенции говорили уже о возможности нового революционного взрыва в стране и пытались даже установить контакты с французскими карбонариями. Их внимание привлекли народные выступления во Франции 1816—1817 гг.,

начала 20-х годов XIX в. Н. А. Старынкевич, С. И. Тургенев, М. Д. Лаппа, Д. А. Искрицкий и другие, высоко оценившие гренобльское выступление 1816 г., пытались оказать помощь некоторым руководителям восстания после его поражения. Связи с передовыми французскими деятелями поддерживали в период движения декабристов М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, В. К. Кюхельбекер и другие декабристы.

Во французских событиях 1830 г. принимали активное участие М. А. Кологривов, М. М. Кирьяков, С. Д. Полторацкий и другие выходцы из России. Личные контакты, несколько ослабленные в начале 30-х годов XIX в. из-за реакционных мер Николая I после европейских революционных событий 1830—1831 гг., упрочились в 40-х годах XIX в. Пребывание во Франции В. Г. Белинского, Н. П. Огарева, Н. А. Спешнева, А. И. Тургенева, И. С. Тургенева, С. Д. Полторацкого и ряда других прогрессивно настроенных представителей интеллигенции России способствовало упрочению дружеских связей с передовыми французскими деятелями, распространению во Франции положительных сведений о социально-экономическом положении России, ее передовой общественной мысли, о русской культуре.

Для развития отношений передовой русской интеллигенции с французской много сделали первые представители русской политической эмиграции во Франции, особенно А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Н. И. Тургенев и другие, которые принимали участие в общественно-политической жизни Франции. Некоторые русские эмигранты стали активными участниками революции 1848 г.

Прогрессивно настроенные представители просвещенной французской интеллигенции способствовали, в свою очередь, распространению более разностороннего и объективного представления о жизни России. Они писали о ней во французской периодической печати, их перу принадлежит ряд интересных оригинальных трудов. Это прежде всего работы М. А. Жюльена, Э. Геро, А. де-Сталь, П. Мериме, Ф. Ле Плея, Ж. Г. Рора, Ж. Ш. Кердериуа, Ж. Мишле. Рост внимания к социально-экономическим проблемам России, ее культуре пробуждался и в связи с пребыванием многих просвещенных французов в стране, где они завязывали дружеские отношения с представителями русской интеллигенции. Знакомство с жизнью России рождало размышления по поводу ее дальнейшей судьбы, места этой страны «в Европе и в мире». Уже Сен-Симон, заинтересовавшись Россией, пророчил ей большое будущее. В 20—30-х годах XIX в. в Россию были направлены французские миссионеры-сенсимонисты Пикар де-Авиньон, Ламэ, Клапейрон, Барро, Марешаль, призванные распространять новое учение среди интеллигенции и прежде всего среди молодежи. Все это в значительной мере подготовило почву для проявления внимания к новым прогрессивным силам, поднимавшимся в России.

Приведенные в работе факты говорят об активном участии ряда деятелей русского освободительного движения в общественно-

революционной борьбе во Франции в первой половине XIX в. Контакты прогрессивных представителей России и Франции—одно из свидетельств дружественных связей передовых сил русского и французского народов. Выявление и освещение подлинного отношения французской общественности к передовой России позволяет говорить о возраставшем значении освободительной борьбы в России для общеевропейского революционного движения.

Первая половина XIX в. стала важным этапом на пути формирования русско-французских общественно-революционных связей, которые примерно с середины века начали дополняться связями между социалистическим движением обеих стран. Идеи влияния, революционные контакты составляют одну из важнейших сторон в общей истории дружественных русско-французских отношений, традиции которых были развиты и упрочены в дальнейшем и получили новое звучание после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.